4
С-73

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ в современном русском языке

Издательство «Наука»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ в современном русском языке

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1982

В монографии рассматриваются разнообразные способы номинации, функционирующие в современном русском языке, дается классификация типов наименований. Механизм номинации исследуется в плане лексико-семантической регулярности. Большое место уделяется изучению формальных средств номинации. Исследование проводится на обширном материале различных тематических групп современной русской лексики.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Д. Н. ШМЕЛЕВ

4
С-73

76943

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства В. С. Матюхина. Художник Е. Н. Волков
Художественный редактор Т. П. Поленова
Технические редакторы О. Г. Ульянова, Э. Л. Кунина
Корректоры М. М. Баранова, Р. В. Молоканова

ИБ № 25028. Сдано в набор 12.04.82. Подписано к печати 01.09.82
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная
Печать высокая. Усл. печ. л. 15,54. Усл. кр. отт. 15,7. Уч.-изд. л. 17,4
Тираж 3150 экз. Тип. зак. 1364
Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

С $\frac{4602010000\text{-}319}{042(02)\text{-}82}$ 483.82, кн. 1 © Издательство «Наука», 1982 г.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимым этапом в познании действительности является ее расчленение на отдельные элементы, осуществляемое при помощи единиц языка, которые характеризуются той или иной степенью абстракции. Самый процесс этого расчленения в его исходных моментах, понятно, может быть реконструирован только гипотетически, но его результаты представлены лексикой реальных языков в их истории и современном состоянии. Роль общественной практики в семантическом расчленении объективного мира, т. е. вычленении тех отрезков действительности, которые требуют наименования, не подлежит сомнению, поэтому несомненно также, что отражение мира в различных языках, будучи адекватным, не является однолинейным, поскольку общественная практика носителей различных языков не во всем совпадает (адекватность различных изображений изображаемому необязательно означает их тождественность; так, различные снимки того же предмета далеко не всегда совпадают друг с другом), кроме того, понимание и оценка многих явлений и предметов действительности не остаются исторически неизменными. «Акты прямой (первичной) номинации при помощи слов примечательны тем, что они одновременно сопряжены с опредмечиванием человеком объективного мира, со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельности, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания» [1]. Сама природа языкового знака, характер иерархической организации языковых единиц не позволяют видеть в языке непосредственного отражения объективного мира, однако системность языка, будучи в известном смысле автономной по отношению к внеязыковой действительности, вместе с тем в конечном счете обусловлена именно теми связями и отношениями, ко-

[1] *Уфимцева А. А.* Лексическая номинация (первичная нейтральная). — В кн.: Языковая номинация (Виды наименований). М., «Наука», 1977, с. 8.

торые существуют в самой действительности и отразились в процессе ее познания в человеческом сознании при помощи языка. Наиболее явное и прямое отражение явлений реальной действительности в их познаваемых человеком связях и отношениях осуществляется в области лексики, так как именно называние предметов и явлений действительности всегда непосредственно связано с формированием соответствующих понятий. «В гносеологическом аспекте прямая лексическая номинация есть всегда процесс обращения фактов действительности в знаки и достояние людей путем обращения фактов действительности в факты системы языка, в значения и категории, отражающие общественный опыт носителей языка» [2].

Относительная устойчивость и определенность языковой системы, обеспечивающие возможность сохранения и передачи знаний о мире, обусловливающие самую возможность взаимопонимания между носителями того же языка, не служат в то же время препятствием для языкового отображения безграничного количества ситуаций и постоянного изменения как самого мира, так и человеческих знаний о нем. Это определяется прежде всего двумя факторами, лежащими в основе всякой номинации: абстрагирующим характером лексики и полифункциональностью ее единиц.

Справедливо возражая против отождествления техники номинации с семантическим содержанием слов, Б. А. Серебренников пишет: «Согласно мнению Р. А. Будагова, отрыв слова от его внутренней формы есть результат развития абстрактного мышления. . . С этим трудно согласиться. Новое слово, созданное на основе звуковой оболочки, соотнесенной с каким-либо его признаком, с самого начала становится содержательно богаче по сравнению с содержанием, воплощенным в признаке. . . Г. В. Колшанский прав, когда он заявляет, что характер номинации в слове никак не изменяет того, что признак, на основе которого материализуется абстрактное название вещи и класса, может быть самым различным. . . Именно в силу того, что выбор признака не детерминирует характер слова, этот признак зависит не от способа абстракции, а от практически конкретных условий (трудовой процесс, культура, традиции, географическая среда и т. д.)» [3].

[2] Там же.

[3] *Серебренников Б. А.* Номинация и проблема выбора. — В кн.: Языковая номинация (Общие вопросы). М., «Наука», 1977,

Добавим также, что и от конкретных отношений, сложившихся в самом языке, прежде всего в лексике. Выбор признака, лежащего в основе той или иной номинации, может быть существенным в момент самой номинации, более того, он влияет на «жизнеспособность» созданного на его основе наименования (на это, в частности, указывают факты столкновения в языке в разные периоды его существования семантических дублетов, конкурентоспособность которых во многих случаях определяется именно характером их так называемой внутренней формы) и на складывающиеся в лексике системные связи, так или иначе влияя на возможности и формы дальнейшего словопроизводства. Однако он не может влиять на абстрагирующий и обобщающий характер самого слова, т. е. на то, что присуще слову с самого момента его возникновения как элемента языка. Естественно, что с развитием языка меняются и степень, и характер самой абстракции и обобщения, отличающих слово; более того, этимологическая «изоляция» слова — в результате забвения его внутренней формы — нередко является одной из причин его семантических изменений, однако именно только одной из причин (и далеко не всегда главной).

Вторым фундаментальным для языковой номинации фактором, обусловленным самим устройством языка в целом, является отмечаемая многими исследователями со времен В. Гумбольдта способность языка при помощи ограниченных средств фиксировать и передавать всю безграничность человеческого опыта. В плане номинации эта особенность выражается в том, что членение мира происходит не только на материально отличающиеся друг от друга словесные знаки, но также и на смысловые трансформы одних и тех же знаков; иначе говоря, материальное воплощение наших знаний о мире выражается не просто в словах, но в словах, многие из которых (а потенциально все) обладают способностью передавать не одно, а несколько значений, т. е. попеременно выступать в качестве различных единиц номинации. Таким образом, распределение семантического пространства происходит по неоднородным в плане материального выражения единицам номинации, что не влияет на их способность служить обозначениями предметов, т. е. на их номинативную

с. 169—170; см. также: *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, с. 71 и след.

сущность, но в то же время, естественно, не может не влиять на собственно лингвистическую соотнесенность этих единиц, их роль и место в лексической системе языка. От соотношения данных единиц, удельного веса каждого из различных типов номинации во многом зависит устройство лексической системы языка в каждый момент его существования, этими же особенностями определяются пути и способы образования новых обозначений.

Не приходится сомневаться в том, что, например, и слово *паровоз* с его однонаправленной предметной отнесенностью, и слова вроде *ветка* или *полотно* в их «железнодорожных» значениях, сосуществующих с другими значениями тех же слов, и само обозначение *железная дорога*, являющееся составным наименованием, равным образом представляют определенный лексико-тематический ряд, занимая определенное место в соответствующем семантическом пространстве. Но многозначность слова, так и раздельнооформленность обозначения, конечно, должна учитываться при определении особенностей лексики конкретного языка, при этом одной из основных характеристик лексики нужно считать степень ее регулярности.

Понятно, что определение характера регулярности как лексики в целом, так и определенных ее участков будет зависеть прежде всего от того содержания, которое мы придадим самому понятию «регулярность». Этот термин по традиции применяется к очень различным явлениям, поэтому само противопоставление регулярность—нерегулярность во многих исследованиях имеет различный, иногда чуть ли не противоположный смысл. Довольно распространенным является отождествление регулярности и аналогии, в ряде случаев аналогия квалифицируется как одно из проявлений регулярности. В. Скаличка, например, в работе, специально посвященной вопросу аналогии, приходит к выводу, что последняя является «тенденцией к регулярности», ей противостоит «аномалия», которая, по его мнению, должна рассматриваться как тенденция к нерегулярности [4].

Сближение аналогии с регулярностью безотносительно к различным языковым уровням перекликается с тем по-

[4] *Skalička V.* O analogii a anomalii. — Slovo a slovesnost, 1949, XI, č. 4. c. 146.

ниманием аналогии, которое встречаем и у Ф. де Соссюра, посвятившего данному явлению две отдельные главы в своем Курсе [5]. Когда Соссюр пишет, что аналогия предполагает образец и регулярное подражание ему, то он имеет в виду и словоизменение и словообразование. «Аналогия, — замечает он, — действует в направлении большей регулярности и стремится унифицировать методы словообразования и словоизменения» [6]. Однако возникает вопрос, что, собственно, может быть названо регулярностью как в той, так и в другой области и в одинаковой ли степени аналогия способствует там регулярности. Прежде всего очевидно, что словоизменение в несравненно меньшей степени индивидуально, чем словообразование. Так, если «по аналогии» со словом *приземлиться* в последнее время появилось *прилуниться*, то для образования форм этого слова, например *прилунилась*, *прилунился*, *прилунятся* и т. д., не требуется каждый раз «аналогии» с соответствующими формами *приземлилась*, *приземлился*, *приземлятся* и т. д. Эти формы, коль скоро в языке появляется соответствующее слово (в любой, хотя бы одной его форме), становятся уже как бы потенциально данными, вошедшими в общую систему глагольного изменения.

Во многих случаях явно нерегулярные «реликтовые» формы становятся источником новых образований по аналогии. Так, в древнерусских текстах наряду с формой *чудеса* (и несомненно под ее влиянием) эпизодически появляется форма *дивеса*, например: ꙗко рѣша слышавше ѿ самовидець тѣхъ таковаго *дивеси* бывшаго (Киево-Печерский патерик, рукопись 1406 г., л. 105 об.). Ср. у Лескова: — Извольте-с, послушествую вам и, как сумею, начну излагать бывшие с нами дивные *дивеса* от ангела (Запечатленный ангел); — *Дивеса*, дитя, были непостижные, а дивозрителей никого, кроме меня, не было... (там же). По-видимому, благодаря определенным семантическим ассоциациям с формой *словеса*, а может быть, также звуковой близости с формой *тѣлеса* в памятниках встречается форма *дѣлеса* вместо закономерной и более обычной *дѣла* и т. п.

Именно различного рода аналогией объясняются такие «нерегулярные» формы современного русского языка, как

---

[5] *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Пер. с франц. М., 1933, с. 150—160.

[6] Там же, с. 151.

глубже [7], *создам*, *хозяева* и т. д. Поэтому нельзя согласиться и с тем, что «аналогия действует всегда только в одном направлении», а именно «выравнивает» парадигмы, разрушает грамматические аномалии, которые являются реликтами, остатками прошлых языковых систем [8]. На то, что это не всегда так, указывал, возражая Бонфанте, Наэрт [9].

Чем меньше в языке отклонений от закономерностей образования форм слов, чем меньше самих правил, определяющих образование форм для выражения одного и того же значения, тем регулярнее можно считать словоизменение данного языка. В этом смысле можно сказать, что, например, в русском языке склонение существительных во мн. числе является «более регулярным», чем склонение в ед. числе, так как в первом меньше различий в образовании форм, выражающих одно и то же падежное значение (т. е. форм, выступающих в одинаковых синтаксических ситуациях). Регулярность в этом смысле может быть обнаружена в словообразовании. В таком случае можно говорить о большей или меньшей регулярности отдельных словообразовательных групп или же об относительной регулярности словообразования вообще в различных языках. Так, Ш. Балли, отмечая «общую нерегулярность словопроизводства во французском», сравнивает его с немецким языком и констатирует наблюдаемый здесь «поразительный контраст» [10]. Например, несмотря на кажущуюся продуктивность наречий на -ment во французском, «обычай не оставляет никакой подлинной свободы для образования правильных наречий этого типа: говорят joliment „красиво“, но нельзя сказать bellement; у наречия longuement „долго“ нет соответствующего наречия courtement „кратко“, которое, между тем, ранее употреблялось; говорят ravissament „очаровательно“, но не допускают charmament и т. д.» [11].

---

[7] *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, с. 171.

[8] *Bonfante G.* On reconstruction and linguistic method. — Word, 1945, vol. 1, N 2, с. 133.

[9] *Naert P.* Sur la méthode de la «rekonstruktion interne». — Studia Linguistica, année XI, 1957, N 1, с. 3—4.

[10] *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1955, с. 269—270.

[11] Там же.

Но в понятие регулярности словоизменения может вкладываться и иное, более специальное содержание. Регулярными формами словоизменения признаются такие формы, которые могут быть охарактеризованы на основании чисто формальных признаков (например, в русском языке существительные жен. рода, оканчивающиеся в им. падеже ед. числа на *-а*, *-я*, в род. падеже ед. числа оканчиваются на *-ы*, *-и*). В синхроническом плане регулярность словоизменения — это абсолютное соответствие определенных форм у данного класса слов другим определенным формам безотносительно к индивидуально-лексическому своеобразию самих слов. Необходимость лексических указаний (например, перечисления конкретных слов) предполагает «нерегулярность» их словоизменения, т. е. разного рода «исключения из правил».

Как указывал А. В. де Гроот, «и в морфологии, и в синтаксисе регулярная категория определяется как категория, которая в принципе не подчинена лексическим ограничениям». Регулярная модель обладает свободной продуктивностью, она, как правило, неприменима только к тем словам, которые изменяются в соответствии с нерегулярной моделью [12].

Таким образом, понятие языковой регулярности как таковой может быть осмыслено различно. В одном случае речь идет, так сказать, об относительной регулярности, в другом — об абсолютной регулярности. В первом случае возможно говорить о большей или меньшей регулярности тех или иных образований языка, в другом — только о регулярных или нерегулярных образованиях [13]. Ра-

[12] *Groot A. W.* Classification of the use of a case illustrated on the genitive in Latin. — Lingua, 1956, vol. VI, N 1, p. 22.

[13] Недифференцированное употребление термина «регулярность» в отношении и словообразования и словоизменения распространено, но вряд ли оправданно. Например, в книге Н. М. Шанского «Очерки по русскому словообразованию и лексикологии» (М., 1959) дается такое определение «регулярных морфем»: «Те служебные морфемы, которые постоянно воспроизводятся в составе слов, называются регулярными». В качестве примеров приводятся «суффиксы *-ние* (*-ение*) и *-ба*, приставки *вы-* и *про-*, окончания *-ами* и *-ей* и т. д.» (с. 57). Бросается в глаза неопределенность слова «постоянно». В то время как окончания *-ами*, *-ей* и др. воспроизводятся в соответствующих падежных формах всех слов, получающих ту или иную формальную характеристику (отнесенность к определенному типу склонения), употребление, например, непродуктивного суффикса *-ба* является лексически замкнутым, и непонятно, в каком смысле слова с этим суффиксом относятся к «закономерным рядам образований».

зумеется, отнесение тех или иных образований к «регулярным» или «нерегулярным» определяется не только свойствами самого языкового материала, но и той конструируемой исследователем системой описания, в которой определенным образом фиксируются объективно существующие в языке факты. Именно от этой «конструируемой системы» зависит, например, соответствующая квалификация таких форм, как *имя — имени*, *пламя — пламени* и т. д. в русском языке, поскольку для системы, учитывающей только род существительного, они будут выступать как «нерегулярные» формы; для системы же, учитывающей также его фонетическую характеристику (то, что данные существительные оканчиваются в им. пад. ед. ч. на *-мя*), они окажутся «регулярными» формами (а парадигма существительного *полымя* соответственно — исключением) [14]. Что касается, например, образования форм мн. числа существительных *чудо*, *небо*, то оно, естественно, ни при каком синхронном описании языка не может быть признано регулярным.

В правила образования в русском языке формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа включается указание на то, что безударное конечное *-и* сохраняет производные глаголы с префиксом *вы-*, перетягивающим на себя ударение (*неси — вынеси*). В живой речи распространено прибавление безударного *-и* к глаголам с префиксом *вы-* и в тех случаях, когда глагол без префикса не имеет этого *-и* в императиве: *выгляни*, *выброси*, *выправи* и т. д. Подобные формы проникают и в литературу, ср.: Давай червонцы. *Высыпи* мне сотню. . . (Пушкин, Скупой рыцарь); Плюнь, плюнь сейчас же! Как ты имя такое

---

[14] Берко описывает опыты с детьми дошкольного возраста, призванные определить овладение детьми английской морфологией. Детям предлагались бессмысленные слова (чтобы исключить влияние самой лексики), от которых требовалось образовать различные грамматические формы. Автор, в частности, отмечает, что продуктивность форм на -ang и -ung для глаголов, оканчивающихся на -ing (их всего около 10 в английском), доказывает, что появляющиеся новые формы не непременно уподобляются более обширному продуктивному классу. Когда маленькая группа употребительных слов обладает фонетическим сходством и морфологической однородностью, новое слово, обладающее той же степенью фонетического сходства, может подчиниться специальным правилам изменения, свойственным этой группе (см.: *Berko J.* The child's learning of English morphology. — Word, 1958, vol. 14, N 2—3, p. 176).

сказал, *выплюни*, иначе знать тебя не хочу (А. Толстой, Четыре века). Влияние аналогии здесь очевидно. Но расценивать ее отношение к регулярности можно по-разному, в зависимости от того, будем ли мы включать в правила указание на форму производящего глагола.

Влияние аналогии на регулярность языковых образований, естественно, будет расцениваться различно и в зависимости от того, какое значение мы будем вкладывать в самое понятие регулярности. Так, определенная активизация «нерегулярной» (в плане «абсолютной» регулярности) модели словоизменения, разумеется, повышает количество «нерегулярных» форм, а следовательно, и «нерегулярность» той или иной области словоизменения (или формообразования). Но в то же время самая эта модель становится относительно более «регулярной». Например, возникшие в русском языке в результате фонетических изменений (падения редуцированных) чередования в основе, создавшие дополнительное морфологическое противопоставление им. падежа ед. числа некоторых существительных формам всех других падежей (так называемые беглые *о* и *е*), по аналогии распространились на некоторые другие существительные, у которых не было фонетических предпосылок для этих чередований (*лед — льда*, *пепел — пепла*, *потолок — потолка*, *ров — рва*, *гребень — гребня*, *камень — камня*, *корень — корня*, *перстень — перстня*, *ремень — ремня* и др.).

«Нерегулярные» (с точки зрения лексически неограниченных закономерных типов склонения) формы количественно увеличились, увеличивая тем самым и степень «нерегулярности» в образовании падежных форм русских имен существительных вообще. Вместе с тем сама данная модель образования падежных форм становится относительно более «регулярной», так как охватывает большее число образований. В русском литературном языке можно отметить и обратное данному явление, т. е. закрепление во всех падежных формах полной основы, первоначально (фонетически) связанной только с им. падежом ед. числа, ср. *дождь — дождя*, *честь — чести*, *месть — мести*, *лесть — лести* и под. В говорах данное явление распространено намного шире [15]. Здесь отмечаются не только формы вроде *гребеня*, *каменя*, *леда*, *рова*, *пото-*

[15] *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927, с. 235.

лока [16] и под., т. е. формы с исконными *о*, *е*, но и такие, как *деня*, *лева*, *лоба*, *рота (=рта)*, *рожи (=ржи)* и т. п.[17]

И те и другие образования обычно рассматриваются как формы, возникшие по аналогии. Но бесспорно, что в этих случаях мы встречаемся с различными по существу явлениями. В первом из них (возникновение форм *льда*, *рва* и т. д.) — расширение действия нерегулярной (в плане «абсолютной» регулярности склонения) модели, во втором (закрепление форм *дождя*, *лести* и под.) — проявление унифицирующей роли регулярной (и более обычной) схемы словоизменения.

Для того чтобы объяснить активизацию нерегулярной словоизменительной модели, естественно предположить какие-то специальные языковые условия, способствующие этой активизации. Одним из таких условий является возможность соотнесения говорящими какого-то определенного слова с группой других слов, имеющих особые, только для данной группы характерные формы словоизменения, т. е. у которых отмечается определенное фонетическое или морфологическое сходство.

Что касается противоположных случаев, то, по-видимому, нецелесообразно объяснять аналогией ни «выравнивание» парадигм, ни образование слов при помощи продуктивных суффиксов. Ведь для того чтобы, например, окончания *-ам*, *-ами*, *-ах* распространились в русском языке на существительные муж. и средн. рода, не было нужды в какой-то аналогии с соответствующими формами существительных жен. рода. Естественнее думать, что данные окончания постепенно закреплялись в сознании говорящих как единственные и неограниченные выразители соответствующих падежных значений, вытесняя более старые *-омъ*, *-ы*, *-ѣхъ* и др. То же самое относится и к форме *местов* из «восклицания кондуктора», о котором писал в одной из своих книг Р. А. Будагов [18]. Никакой аналогии

---

[16] Ср. в поговорке *Руки в боки, глаза в потолоки* (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3. М., 1935, с. 368).

[17] См.: *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 235—241.

[18] *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М., 1958, с. 201. «Формула аналогии» типа animus : animī = senatus : x (→ senatī вм. senatūs) (пример Г. Пауля), несмотря на свою «популярность» вплоть до настоящего времени, по существу ничего не объясняет. Как заметил В. М. Жирмунский, «столь же обоснованной была бы по формуле „пропорционального уравнения“ и связь обратного порядка — senatus : senatūs = animus : x (animūs)» (*Жирмун-*

с формами *домов*, *столов*, *отцов* здесь, конечно, нет и не может быть. Форма *местов* появляется не потому, что слово *место* каким-то образом ассоциируется со словами *дом*, *стол*, *отец* и т. д., а потому, что флексия *-ов*, появляющаяся в род. падеже мн. числа у большей части существительных муж. рода как более «сильная» (чем нулевая), воспринимается некоторыми говорящими (ср. в диалектах) как выразитель соответствующего падежного значения, имеющий более широкую сферу применения.

Уточнение соотношения аналогии и регулярности представляется принципиально важным для правильной характеристики многих явлений словообразования. Еще чаще, чем при анализе фактов словоизменения, при описании словообразовательных процессов понятие аналогии применяется к самым различным по своей природе образованиям. Между тем очевидно, что независимо от терминологических разночтений следует разграничивать два принципиально различных типа образований.

Собственно говоря, любое новообразование в языке может быть объяснено аналогией в широком понимании. По аналогии к существовавшим *жеребята*, *ослята* и др. с течением времени возникли *лягушата*, *тигрята* и т. д. В дальнейшем все новые и новые существительные, образованные тем же способом, обозначающие детенышей животных, появляются в языке. Одни из них кажутся вполне обычными (*вороненок*, *слоненок*, *мышонок* и т. п.), другие встречаются реже, но как непосредственное «языковое чутье», так и лексикографическая практика не способны, как кажется, указать здесь сколько-нибудь четких ограничений. Любое из подобных образований может оказаться для говорящего на русском языке «встреченным впервые», но в то же время оно не вызывает, как правило, сомнений в своей правомерности в том, что оно «потенциально дано» в самом языке, несмотря на то что практически почти никогда не употребляется в речи. Действительно, если взять такие слова, как *бельчонок*, *кукушонок*, *сивучонок*, *воробьенок*, *выдренок*, *кенгуренок*,

---

ский В. М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии. — Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1954, т. 4, с. 80). По-видимому, столь же необъяснима в этом плане и аналогия *местов — домов*, *столов*, *отцов* и т. д. вместо столь же вероятной *мест — сел*, *окон* и т. д. При равновероятности аналогии сама «формула аналогии» становится неким подобием «формулы в себе».

соболенок, *соловьенок*, *соменок*, *сычонок*, *тюлененок*, *угренок*, нашедшие себе место в толковых словарях современного русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, академическом), то легко обнаружить, что для определенных носителей языка они менее «привычны», чем другие, не зафиксированные словарями аналогичные образования. Ясно, что это зависит и от специальности, и от круга чтения, и от места жительства, и т. д. Многие из не включенных в словари обозначений детенышей могут быть отмечены в литературе. Таковы, например, *акуленок*, *бекасенок*, *белужонок*, *жавороненок*, *колюшонок*, *куропатчонок*, *моржонок*, *трясогузенок* и соответственно *акулята*, *бекасята* и т. д.

Если отвлечься от некоторых специальных фонетических причин (а также и субъективно-вкусовых критериев), для подобных образований нет ограничений. Каждое название животного, поскольку оно включается в речь, предопределяет возможность появления соответствующего уменьшительного. Например, В. Бианки вводит в свой рассказ название *гугуик*, не отмеченное в словарях. Раз слово появилось, сразу появляется и возможность образовать от него *гугуичата*: гляжу — *гугуик* (нырок) учит своих *гугуичат* уплывать от людей (Лесные происшествия). Чем определеннее в структурно-семантическом плане словообразовательная модель, тем больше простора для «аналогии», если понимать ее широко, тем свободнее ее действие.

Но действием той же в широком понимании аналогии объясняются и такие качественно отличные от данных образования, как *цыганенок*, *пастушонок*, *поваренок* и др. (с формами мн. числа *цыганята*, *пастушата* и т. д.): . . .жили у ручья цыган с цыганкою и *цыганятами* (Лесков, Несмертельный Голован); . . . сидит пастух и плетет обычный лапоть, а *пастушата* собираются купаться (Леонов, Барсуки); Двое *поварят* разжигали печи. . . (А. Толстой, Похождения Невзорова); *Конюшонок* неподалеку дремал в седле. . . (А. Толстой, Хромой барин). Ср. другие образования того же типа, грамматико-семантическая структура которых оказывается еще более неопределенной, т. е. отдаленной от основного ядра соответствующей словообразовательной модели: *постреленок*, *нахаленок*, *несмышленок*, *кукленок* и т. п.; *любята*, *глазята*, *пальчата*, *стишата* и т. п. В случае если мы будем расценивать такие образования, как *гугуичата*, *бекасята* и т. п., наряду с последними как проявление

все той же «аналогии», термин этот потеряет всякое содержание, способствуя лишь смешению разнородных явлений. Между тем очевидно, что *гугуичата*, *бекасята* и т. п. являются результатом не какого-то уподобления отдельным словам или определенной словообразовательной модели, а именно реализацией этой последней, ее непосредственным проявлением, в то время как такие уменьшительные, как *воренок*, *любенок* или *кукленок*, воспринимаются как бы на фоне этой модели как своего рода уподобление ее регулярным образованиям. Поэтому именно по отношению к последним и представляется уместным говорить об образованиях «по аналогии». Но тогда аналогия выступает в языке не как фактор регулярности, а, напротив, как фактор, способствующий введению в речь, а потенциально в язык таких образований, которые нарушают структурно-семантическую целостность и определенность той словообразовательной модели, на которую они опираются и наслаиваются. Они образуются от различных как частей речи, так и семантических групп слов, поэтому не могут составлять какого-то самостоятельного структурно-семантического ядра. В то время как любые образования типа *акуленок*, *бекасенок* лишены какой бы то ни было эмоционально-стилистической окраски, образованные по аналогии к ним производные, как правило, не являются стилистически нейтральными.

Тенденции к регулярности постоянно противостоит тенденция к экспрессивности, одним из способов реализации которой является как раз аналогия. Вот один из показательных примеров. В последнее время, как известно, в печати появлялось немало сетований по поводу того, что в результате экспансии суф. *-чан-* нивелируется своеобразие старых названий жителей городов («Илья Муромец превращается в Илью Муромчанина» и т. п.). Каково бы ни было субъективное отношение к данному суффиксу и вызванной им нивелировке, ясно, что его экспансия обусловлена достаточно объективными причинами: не будучи, в отличие от большей части других суффиксов, участвующих в образовании названий жителей, перегружен другими значениями, он не только способствует унификации в пределах однородной лексической группы, но и устраняет в ряде случаев двусмысленность, возникающую вследствие появления значительного числа наименований населенных пунктов, омонимичных именам собственным. Однако характерно следующее. Как и во

многих случаях, когда в языке происходит активизация тех или иных образований, они становятся как бы притягательным полем для всевозможных уподоблений, вызванных уже стремлением именно к экспрессивности, что, понятно, нарушает регулярность основного ряда. Так появляется окказиональное *заводчане*, естественно выходящее за рамки основного ряда.

Когда речь идет о лексической многозначности, понятие регулярности также не имеет вполне однозначного применения. Наряду с тем представлением, что кардинальным в отношении регулярности является разграничение метафорических и метонимических (в значительной своей части именно регулярных) типов многозначности, причем регулярность — это последовательный охват определенной группы слов общей формулой семантического переноса [19], термин «регулярность» применяется к таким группам слов, в которых обнаруживаются однотипные значения, безотносительно к тому, охватывает ли соответствующая формула полностью данную группу или лишь частично [20]. В таком случае «регулярная многозначность существительных» включает, например, такое соотношение: «действие — субъект действия». «Вместе со значением субъекта действия и н о г д а (разрядка наша. — *Д. Ш.*) синкретично (и вполне естественно) выражается значение причины действия»: *вахта (нести вахту — вахта эсминца)*, *власть (государственная — местные)*, *защита (обвиняемого — свидетели защиты)*, *испарение (воды — ядовитые испарения)* и т. п.[21] Совершенно ясно, что указанный тип многозначности ограничен лексически (здесь нужен список конкретных слов): *ядовитые испарения*, но не какие-л. *кипячения*, *местные власти* при невозможности соответствующего применения слова *подчинение* и т. п.

Разумеется, нет оснований видеть здесь различное понимание регулярности, уместнее говорить о различном применении обозначения «регулярность».

Согласно нашему представлению, регулярной является такая многозначность, при которой вторичное значение

---

[19] См.: *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 64; см. подробнее: *Он же.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973, с. 220 и след.

[20] См.: *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 193 и след.

[21] Там же, с. 193—194.

(или вторичные значения) слова, входящего в определенный лексико-семантический ряд, предопределено общей семантической характеристикой всего данного ряда, т. е. первичными значениями соответствующих лексических единиц: не требуется определения каждого отдельного члена этого ряда, как не требуется и их перечисления, так как достаточно общей семантической характеристики, применимой ко всей группе слов в целом и выделяемой на основе главного семантического компонента (семантической темы). Так, отнесение слова к разряду «населенный пункт» или «учреждение» обусловливает возможность применения слова в значении «жители данного населенного пункта», «сотрудники данного учреждения». Можно заметить, что в толковых словарях современного русского языка соответствующие слова трактуются не вполне одинаково и не вполне последовательно: для некоторых из них возможность такого употребления (ср.: Вся *деревня* вышла в поле) служит основанием выделить отдельное значение (так, например, в семнадцатитомном словаре освещена семантика слов *город*, *деревня*, *село*), для других аналогичное употребление рассматривается как «оттенок значения» (в том же словаре — *хутор*), для третьих возможность такого же употребления вообще не отмечается (в том же словаре — *слобода*, *поселок*); в четырехтомном академическом словаре в статье, посвященной слову *город*, отмечен «оттенок» — «о жителях подобного населенного пункта», для слов *деревня*, *село* и др. о «жителях» ничего не говорится. То же можно сказать о подаче в словарях таких слов, как *улица*, *площадь*, *усадьба*, *поместье*, *область*, *район*, *губерния*, *волость* и т. п.

Между тем однородность в этом плане семантики всех названных слов не подлежит сомнению, ср.: Так бывает каждую весну — к первому пароходу высыпает чуть ли не вся *деревня* (Абрамов, Две зимы); *Улица* провожала его тихим шепотом восхищения (Горький, Кин и Артем); Толпа волновалась. *Площадь* неспокойно шумела (Гайдар, Школа); Внезапный приезд губернатора поднял на ноги и ошеломил всю *усадьбу* (Чехов, Тайный советник) и т. п. Лексическая открытость (нет надобности в списке слов) при тематической определенности данной семантической формулы проявляется в том, что появляющиеся в языке новые обозначения, отвечающие тем же семантическим требованиям, тотчас «включаются в формулу», т. е. приобретают возможность такого же употребления, ср.:

www.ruslang.ru

И весь *райцентр* знал, что Костя Ершов. . . опять загулял (Белов, Братья). Регулярный характер подобного употребления демонстрируется тем, что имена собственные (названия населенных пунктов) следуют той же формуле: Вся бы *Москва* сбежалась (Рыбаков, Кортик); — А Петька? Он, наверно, весь *Ленинград* на ноги поднял. Он же сумасшедший (Каверин, Два капитана) и т. п.

Нет смысла обсуждать здесь сложный вопрос о целесообразности тех или иных способов лексикографической фиксации приведенных и подобных им слов. Можно отметить только, что диффузность комплексных метонимических значений [22] сама по себе является причиной возможных противоречий: слово *город* и др. обозначают «населенный пункт», т. е. элемент «жители» потенциально присутствует в их семантике; в приведенных примерах именно он становится основой значения (что и обусловливает возможность выделения отдельного значения для фраз вроде *Весь город вышел на улицы* и т. п.), но в других контекстах его действительно нельзя считать значимым, ср.: *строить город*; *Это был красивый город*; *Археологи откопали древний город* и т. п.

Аналогичная метонимичность характеризует слова *губерния*, *уезд*, *область*, *район*, ср.: Бывало, вся губерния съезжалась у него, плясала и веселилась на славу (Тургенев, Малиновая вода); — Еще бы, — сказал Миша, — их весь район знает (Рыбаков, Кортик).

Интересно отметить следующее. Слова *губерния*, *уезд*, *волость* употреблялись, кроме того, в значении «центр, а также административное учреждение данной административной единицы»: Они знали, что в восьмидесяти верстах от них была «*губерния*», т. е. губернский город, но редко езжали туда (Гончаров, Обломов); — . . .А между тем всего пятьдесят лет тому назад наши предки, собираясь из деревни в «*губернию*», не спеша служили молебен (Куприн, Молох); — До *волости* четыре версты, метель, снегу намело. . . (Чехов, По делам службы); И прохожего задержали, решив отправить в *волость* (Горький, Товарищи); Иван Степанович Бородулин торопился из *волости* в родное село Назимово (Шишков, Тайга) и т. п. Изменение в районировании страны, произведенное в конце 20-х годов, привело к тому, что действие «метонимиче-

---

[22] См.: *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка, с. 84 и след.

ской формулы» распространилось на новые названия: — Если вам, против вашего желания, навязали его в председатели, чего ж не жалуетесь? Надо писать в *область*, в Москву (Овечкин, В одном колхозе); — . . . Слышу, доярки судачат, что начальство едет из *области* (Белов, Привычное дело); — . . .А я вижу, идут, одежа хорошая, думаю, опять какой-то из *района* аль из *области* (Белов, За тремя волоками); — Что же, у вас никто не бывает из *района*? — спросил я. — Как же, приезжали инструктора с райкома, случалось (Нагибин, В распутицу) и т. п. Таким образом, приобретя значение административных терминов, слова *область*, *район* подпали под действие уже существовавшей «метонимической формулы». Это показывает, что в ряде случаев следует говорить не об индивидуальном развитии семантики отдельного слова (при том, что именно лексика отличается наиболее индивидуальным характером составляющих ее единиц, что приводило некоторых исследователей к мысли об отсутствии каких бы то ни было закономерностей в ее развитии [23]), но о явной закономерности в развитии семантики определенных рядов слов, обладающих общими семантическими элементами.

Слова со значениями «помещение», «средство транспорта», «учреждение» следуют той же метонимической формуле, что и названия населенных пунктов: Еще весь *дом* спал, когда вернулся судья (Каверин, Два капитана); Около полуночи засыпает *квартира* (Конецкий, Повесть о радисте Камушкине); Говорить он пытался шепотом, но голос был хриплый, и *зал*, конечно, пялился на них (Конецкий, Кто смотрит на облака); А весь *вагон* спал под скрежет, визг, под чугунный гул разбежавшихся колес (Бондарев, Горячий снег); Разумеется, мы не очень-то похожи на будущих пилотов, особенно когда поздней ночью возвращаемся домой с аэродрома и весь *трамвай* начинает принюхиваться и смотреть на нас с негодованием (Каверин, Два капитана); Встаю — *вагон* с рассвета в сборе, Теснясь у каждого окна, Уже толпится в коридоре. . . (Твардовский, За далью — даль); — Мне все равно, пускай об этом говорит вся *школа* (Каверин, Два капитана); Тут половина *школы* на фронт убежит, а я себе,

[23] К. Балдингер, например, писал: «Мы решительно утверждаем: каждое лексико-семантическое новшество — это индивидуальный, по большей части анонимный творческий акт, который зависит от очень многих. . . факторов, не будучи закономерно обусловлен ими» (*Baldinger K.* Semasiologie. Berlin, 1957, S. 38).

как идиот, сиди! (Гайдар, Школа); Смирнова хоронил весь *завод* (Панова, Рано утром) и т. п. Ср. также: *Детский сад* «Октябренок» семенит по лесным дорожкам и тропкам возле деревни Рыкачевка (Тельпугов, Почетный караул).

Нужно отметить, что метонимические переносы имеют и иной характер. Так, существительные, в том числе и с собственно предметным значением, могут приобретать в определенных контекстах (с соответствующими предлогами) количественно-временно́е значение: Это был дом, не тронутый войной. Впервые после фронта и госпиталя я был в таком доме (Каверин, Два капитана); — Почему же я тебя раньше не видел? — Я была в деревне. Только вчера приехала. Но вас я давно знаю, еще до деревни (Куприн, Жанета). Но совершенно очевидно, что это контекстное значение не может рассматриваться как какое-либо проявление семантики самих существительных, т. е. как их особое лексическое значение или оттенок значения («время пребывания в соответствующем месте»). Собственно, и существительные, лишенные пространственного значения, а также и имена собственные (в том числе имена лиц) допускают такое же применение с временными предлогами, однако ясно, что в таких случаях значение «пребывание» реализоваться не может, а смысл всего сочетания становится уже полностью контекстно обусловленным, ср.: Скверно действовали на братьев клиновидные, гетманского военного министерства погоны на плечах Тальберга. Впрочем, и *до погон* еще, чуть ли не с самого дня свадьбы Елены, образовалась какая-то трещина в вазе турбинской жизни, и добрая вода уходила через нее незаметно (Булгаков, Белая гвардия); *После Комарихи* они остались дома вдвоем (Распутин, Деньги для Марии) и т. п. То, что *до погон* значит здесь «до получения погон», а *после Комарихи* — «после ухода Комарихи», вытекает уже только из контекста, тогда как *после госпиталя*, *после школы* и т. п. — сами по себе достаточно однозначны и, таким образом, ближе к сочетаниям с временными предлогами таких существительных (например, *завтрак*, *обед* и под.), для которых составители толковых словарей считают нужным временное значение выделить как самостоятельное лексическое значение или как «оттенок значения».

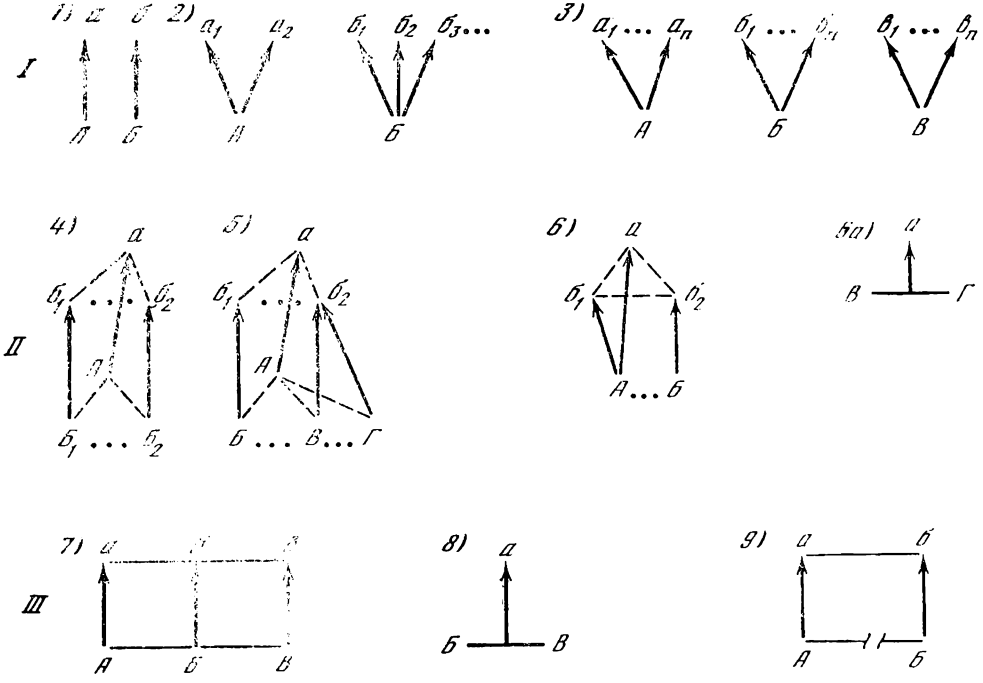
Таким образом, действие метонимической формулы выходит за рамки собственно словарных единиц. Из приведенных примеров видно, что, чем шире становится ее действие, тем меньше оснований говорить о регулярности

в том плане, в каком она была очерчена выше, т. е. метонимическая формула выступает как фактор не только регулярности, но и аналогии — опять-таки в указанном выше понимании.

Мы вправе говорить о лексико-семантической регулярности, пока действие формулы предопределяет употребление слов, в семантике которых присутствует общий для них элемент смысла. Так, «протекание во времени» непосредственно связано с семантикой таких слов, как *обед*, *болезнь* и т. п. (об этом прямо свидетельствуют соотносительные глаголы); существительные вроде *школа*, *госпиталь*, *театр* и т. п., конечно, уже не связаны непосредственно со значением времени, тем не менее это значение потенциально присутствует в их семантике, поскольку они примыкают к обширной и разнородной в семантическом плане группе слов, для которых общим определением может быть лишь такое, как «место, в котором предполагается пребывание людей, обычно ограниченное каким-либо сроком». Сочетания же вроде *до погон* представляют собою по существу эллиптические конструкции, поддерживаемые, однако, все той же формулой метонимических переносов.

Понятно, что сама природа метафорических переносов такова, что не дает оснований ожидать их регулярности в указанном смысле. В то время как отношения «смежности», лежащие в основе метонимии, во многих случаях характеризуются явной однородностью, сходство всегда основано на индивидуальных свойствах сопоставляемых предметов и явлений, поэтому направление метафоризации для тех или иных групп слов поддается только самому общему определению. Так, например, глаголы, обозначающие конкретные физические действия, используются также для обозначения действий, относящихся к другим семантическим сферам, но все это является только самой общей характеристикой их применения, не дающей возможности «предсказать» соответствующее значение, часто основанное к тому же не на существенных элементах исходного значения.

С понятием «регулярность» в лексике связываются разнообразные, более того, противоречивые явления. Самая оценка тех или иных лексических образований с точки зрения их регулярности может быть прямо противоположной в зависимости от того, под каким углом зрения мы будем их рассматривать.

I
1) а б
А Б
2) $а_1$ $а_2$
А
$б_1$ $б_2$ $б_3$...
Б
3) $а_1$... $а_n$
А
$б_1$ ... $б_n$
Б
$в_1$ ... $в_n$
В
II
4) а
$б_1$ $б_2$
$Б_1$ ... $Б_2$
5) а
$б_1$ $б_2$
А
Б ... В... Г
6) а
$б_1$ $б_2$
А... Б
6а) а
В Г
III
7) а
А Б В
8) а
Б В
9) а б
А Б

Чтобы уяснить, в каких направлениях могут действовать указанные тенденции, рассмотрим идеализированную схему некоторых из основных лексико-семантических отношений. В упрощенном виде их можно представить схематически (см. схему).

Заглавные буквы указывают на отдельные цельнооформленные (однозначные или многозначные) слова, строчные буквы — на соответствующие понятия, стрелки выражают отношение «обозначает», пунктирные линии указывают на ассоциативные (парадигматические, логические) связи, сплошные линии — на синтагматические связи. Схемы I. 1—3 касаются семантической структуры слов, II. 4—6 — парадигматических отношений, III. 7—9 — синтагматических отношений.

I. 1) «Идеальное» взаимно-однозначное отношение между словом и понятием. Каждое понятие имеет свое особое цельнооформленное наименование. Употребляя другие лингвистические «метаязыки», эту ситуацию можно обозначить: полное соответствие между формой наименования и обозначаемым предметом мысли, или: симметрическое соотношение между означающим и означаемым и т. д.;

2) полисемия: разным значениям одного и того же слова соответствуют разные понятия (слова *А* и *Б* многозначны: слово *А* обозначает понятия a_1 и a_2, слово *Б* — понятия $б_1$, $б_2$, $б_3$. . .);

3) пример той же полисемии, но основанной на более регулярных отношениях. Существует определенная семантическая (ассоциативная, тематическая) связь между словами *А*, *Б*, *В*, и при этом обнаруживаются однородные семантические отношения между теми их значениями, которые соответствуют понятиям a_1 и a_n, $б_1$ и $б_n$, $в_1$ и $в_n$.

II. 4) Логическое соподчинение, находящее какое-либо отражение в материальном оформлении соответствующих слов $Б_1$ и $Б_2$. Слова *А*, $Б_1$ и $Б_2$ парадигматически связаны друг с другом, причем последние являются членами одной лексико-семантической парадигмы, в то время как первое (*А*) входит (может входить) в парадигму следующей ступени;

5) логическое соподчинение понятий, никак не отраженное в материальном оформлении соответствующих слов. Значения слов *В* и *Г*, соотнесенные с одним и тем же понятием $б_2$, являются синонимическими;

6) случай логической «двусмысленности» языка, когда

для более общего (родового) понятия *а* в языке нет специального обозначения; в соответствующем значении используется одно из слов (*А*), имеющих также «видовое» значение;

6а) значение, соответствующее *а*, (недвусмысленно) может быть выражено описательно, сочетанием слов *В* и *Г*.

III. 7) Логическим связям понятий *а*, *б*, *в* соответствуют свободные синтаксические связи между обозначающими их словами *А*, *Б*, *В*;

8) целостному понятию *а* соответствует расчлененное наименование *БВ*, состоящее из двух полнозначных цельнооформленных слов, ни одно из которых в отдельности не передает соответствующего значения;

9) со значениями слов *А* и *Б* связаны такие фразеологические ограничения, которые не допускают их сочетания, несмотря на логическую сочетаемость соответствующих понятий *а* и *б*.

Организация лексики каждого конкретного языка характеризуется не только соотношением реально существующих в языке лексико-семантических единиц, но и возможностями их различного преобразования с целью называния всего того, что представляется необходимым говорящим в настоящее время. Использование имеющегося в языке слова с новой референтной отнесенностью или создание на его базе при помощи аффиксальных средств нового наименования предопределяются существующими в системе языка связями и ограничениями. Неодинаковый характер полисемии, отмечаемый в различных языках (в том числе и близкородственных, ср. распределение значений, например, между рус. *наследник* и укр. *спадкоємець* и *наступник*, рус. *хлеб* и укр. *хліб* и *збіжжя*, рус. *любить* и укр. *любити* и *кохати* и др.), требует определения тех мотивационных ограничений, которые (чаще всего подспудно) регулируют организацию лексико-семантической системы языка.

Существенно, что семантическая общность в ряде случаев основывается не только на наличии у значений общих семантических «элементов», что обусловливает отнесение соответствующих значений к одному и тому же слову, но также и на таких «ассоциативных признаках», которые сопутствуют слову при его основном употреблении в том или ином языке, не представляя его семантически значимого элемента. Объединение значений, связь между кото-

рыми зиждется именно на ассоциативных признаках, демонстрируется многими примерами многозначных слов, расщепление значений которых на омонимы представлялось бы явно противоречащим непосредственному ощущению обусловленности, «переносности» вторичных значений, например: «Д е р е в я н н ы й. . . 1. Сделанный из дерева. 2. *перен.* Лишенный естественной подвижности, маловыразительный, бесчувственный»; «К и с л ы й. . . 1. Обладающий своеобразным острым вкусом (напр., вкусом лимона, уксуса). . . 2. Закисший вследствие брожения. . . 3. *перен.* Уныло-тоскливый, выражающий неудовольствие»; «Г р о з а. . . 1. Атмосферное явление — бурное ненастье с громом и молнией. . . . 2. *перен.* О ком — чем-н., наводящем ужас, внушающем сильный страх»; «К а ш а. . . 1. Кушанье из сваренной крупы. . . 2. *перен.* Нечто беспорядочное, путаница (разг.)»; «К и п е т ь́. . . 1. Бурлить, клокотать, испаряясь от сильного нагрева (о жидкостях). . . 2. *перен.* Проявляться в сильной степени, с силой»; «Т а я т ь. . . 1. Обращаться в жидкое состояние под влиянием тепла. . . 2. *перен.* Исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь. . . 3. *перен.* Приходить в умиленное, томное состояние (шутл. и ирон.)» и т. д.

То, что во всех этих примерах значения, выделенные как переносные, как-то «связаны» с основными значениями соответствующих слов, кажется несомненным. Более того, помета «переносное» недвусмысленно указывает на известную их несамостоятельность, их зависимость от тех значений, которые представлены первыми в приведенных словарных статьях (толкования даны по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, 9-е изд.). Это, конечно, соответствует и непосредственному восприятию, языковому сознанию носителей языка. Выделение этих значений как значений отдельных слов-омонимов вряд ли показалось бы естественным. В то же время никаких общих семантических признаков, которые связывали бы переносные значения с основными, в приведенных толкованиях не отмечено. В этих толкованиях нет даже каких-либо общих слов, которые указывали бы на возможную связь значений. Эта связь основана на ассоциациях, обусловленных п р е д с т а в л е н и е м о самих предметах, называемых словом.

В зависимости от различных условий одни и те же предметы и явления реальной действительности могут вызы-

вать у говорящих самые разнообразные ассоциации. Когда эти ассоциации оказываются индивидуальными, они влияют только на восприятие и употребление соответствующего наименования данным отдельным индивидуумом, но они могут быть и более общими, в значительной мере устойчивыми, предопределенными социальным опытом коллектива, в таком случае они так или иначе сказываются на семантике, экспрессивной и стилистической значимости, сочетаемости соответствующего слова. Именно такого рода устойчивыми ассоциациями определяются возможности переносного употребления слова. Когда употребление слова в переносном значении оказывается достаточно устойчивым, обычно говорят о выделении особого переносного значения, которое и фиксируется в словарях. Тем самым внеязыковые по существу ассоциации закрепляются в языке, становятся фактом языка. На лингвистическую реальность ассоциативных признаков в семантике слова объективно указывает специфический характер многозначности, присущий словам, подобным приведенным выше.

Существенно отметить, что активность такого рода переносных значений поддерживается аналогичными или близкими, соотносительными переносными значениями других слов, образующих на основе своих основных значений общие тематические ряды. Так, древнее символическое противопоставление света и тьмы пронизывает обширные группы современной русской лексики, предопределяя метафорическое значение многих входящих в эти группы слов: *светлый — темный*, *солнце*, *ночь*, *мрачный*, *утро*, *восход*, *светить*, *блестеть*, *сверкать* и мн. др. Здесь легко обнаружить и перекрещивающиеся ряды, связанные с этим изначальным противопоставлением: *свет — огонь*, *пламя — гореть — тепло*, *жар*, *горячий*, *теплый*, *холодный*, *лед* и т. д. В том же метафорическом плане воспринимается и переносное значение соприкасающихся с этими семантическими линиями слов, в том числе и глагола *таять*. В ряду метафорического применения слов, служащих для обозначения вкусовых ощущений, воспринимается и переносное значение слова *кислый* (ср. метафорическое преобразование семантики прилагательных *пресный*, *горький*, *сладкий* и т. п.).

В русском языке — это относится не только к русскому, но и другим языкам — закрепились целые конгломераты метафорических словоупотреблений, семантический вес которых настолько ощутим, что предопределяет в извест-

ной мере возможности метафорического развития ряда слов. Таковы, например, наименования, служащие для выражения пространственных отношений, для обозначения положения и движения предметов в пространстве, температурных явлений, зрительных, слуховых, осязательных представлений о предметах и т. д. Ср. метафорическое преломление соответствующих слов в современном русском языке: *близкий — далекий*, *высокий — низкий*, *узкий — широкий*, *тесный*, *редкий* и т. д.; *сближаться — удаляться*, *возвысить — унизить*, *сузить — расширить* т. д.; *идти*, *бежать*, *плыть*, *лететь*, *стоять* и т. д.; *колебаться*, *шататься*, *шаткий*, *устойчивый* и т. д.

Существенно также, что к рядам слов с такого рода переносными значениями примыкают слова, которые отчетливо сохраняют словообразовательные связи с членами данных рядов, но основная семантическая функция которых заключается в развитии именно метафорического плана последних. Это производные от основ опорных слов, входящих в данные ряды, — производные, в которых первоначальное, неметафорическое значение или отошло на второй план, или, как можно полагать, никогда и не существовало, поскольку эти слова и были образованы для выражения тех значений, которые были метафорическими у слов, содержащих исходные основы.

Переносное значение прилагательного *деревянный* поддерживается значением глагола *одеревенеть*; переносное значение существительного *гроза* находит развитие в значениях слов *грозить*, *угроза*, *грозный*; глаголу *кипеть* в его переносном значении вторит значение прилагательного *кипучий*; переносное значение существительного *вода* определенным образом отражается в глаголе *наводнить*, не соотносительном с прямым значением данного существительного, но соответствующем отрицательно-оценочной экспрессии переносного значения и т. д.

Поскольку с одними и теми же предметами и явлениями реальной действительности могут быть связаны различные ассоциации, они могут закрепляться за словом в его отдельных значениях. Семантическая структура слова получает тогда более сложный вид. Например, в основное значение глагола *гореть* («поддаваться действию огня, уничтожаться огнем») не входят признаки яркого света, сильного нагрева, красного цвета, интенсивности обозначаемого глаголом процесса (ср. *пылать*). Приписав такие признаки основному значению слова, мы исказили бы его

смысловую характеристику, так как вполне возможны фразы, в которых названное действие явно не допускает подобного осмысления; например: «В углу тускло горела лучина»; «В печке вяло, почти не давая тепла, горели поленья» и т. п. (очевидна неуместность в этих фразах глагола *пылать*, для значения которого признак интенсивности действия существен). Но возможны фразы: Уши горят; Лицо горело, а также: Штыки горят под солнцем юга (Лермонтов, Валерик); Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы! (Пушкин, К Чаадаеву); Писаров давно кончил все свои сборы и горел желанием поскорее вырваться из Москвы (Тургенев, Накануне) и т. д., в которых употребление глагола *гореть* связано с тем, что указанные ассоциативные признаки попеременно выступают на первый план, обусловливая своеобразную многогранность его семантики.

«Ассоциативная мотивированность» значений далеко не всегда соответствует логической оценке соответствующих явлений, но «алогичность» внутренней формы языковых единиц отмечается и в ряде других случаев (ср. *синие чернила*, *цветное белье* и т. п.), что не препятствует их нормальному функционированию. Что касается ассоциативных признаков, то, будучи присущи слову, они также не препятствуют его основной номинативной функции, хотя в каких-то случаях, по-видимому, и могут бросать на них свой отблеск. Например, наименования многих животных употребляются для характеристики человека, ср.: *ворона*, *лиса*, *осел* и т. п. Толковые словари отмечают у этих слов соответствующие значения: «В о р о н а. . . 1. Всеядная птица, серая с черным или черная, родственная ворону. . . 2. *перен.* Зевака, ротозей (разг.)»; «Л и с а. . . 1. То же, что лисица» (в «Словаре русского языка», откуда взяты данные определения, слово *лисица* толкуется так: «Хищное млекопитающее из семейства собачьих с длинным пушистым хвостом, а также мех его»); «2. *перен.* Хитрый, льстивый человек (разг.)»; «О с е л. . . 1. Родственное лошади животное невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами. 2. *перен.* О тупом упрямце (прост. бран.)».

Как видим, в толкованиях основных значений приведенных слов нет и намека на те качества, которые закреплены за ними при их применении к людям. Да и вряд ли нам показалось бы уместным, если бы соответствующие

качества были отмечены как отличительные признаки самих животных, т. е. были представлены как конструктивные элементы основных значений. Между тем эти признаки устойчиво закреплены за соответствующими словами, что и отражено в словарях в выделении переносных значений. Как правило, такого рода признаки связаны не с понятием об определенном явлении, а с вызванным теми или иными обстоятельствами представлением о нем, а с с о ц и а ц и я м и, которые во многих случаях перестают быть непосредственно живыми для говорящих, но которые диктуются им сложившейся семантикой слов. Так, наше актуальное представление о том, что «собака — друг человека», существует наряду с бранным значением слова, а нелестное применение слов *осел* или *ворона* остается фактом языка, невзирая на возможное несоответствие реального и языкового представления о поведении этих животных. Ср. у Куприна: И никогда не верь тому, что тебе говорят дурного о животных. Тебе скажут: осел глуп. Когда человеку хотят намекнуть, что он недалек умом, упрям и ленив — его деликатно называют ослом. Запомни же, что, наоборот, осел — животное не только умное, но и послушное, и приветливое, и трудолюбивое. Но если его перегрузить свыше его сил или вообразить, что он скаковая лошадь, то он просто останавливается и говорит: «Этого я не могу. Делай со мной что хочешь». И можно бить его сколько угодно — он не тронется с места. Желал бы я знать, кто в этом случае глупее и упрямее: осел или человек? (Куприн, Ю-Ю).

Можно заметить, что в ряде случаев ассоциативные признаки поддерживаются словообразовательными связями соответствующих слов, ср.: *лисить* «хитро льстить, подделываться к кому-либо», например: . . .мать. . . ласкала даже товарищей Коли, школьников, и *лисила* перед ними, чтобы не трогали Колю, не насмехались над ним, не прибили его (Достоевский, Братья Карамазовы); *проворонить* «упустить, прозевать», *считать ворон* и т. п.

Закрепление ассоциативных признаков в значении слова, как и формирование других элементов слова, — процесс исторический. Поэтому многие ассоциации, объективно закрепленные в словах, могут казаться не мотивированными с точки зрения современного восприятия соответствующих предметов и явлений. Однако, будучи фактом словаря, они, как и другие факты словаря, например словообразовательная форма слов, уже даны говорящим

и в общем неподвластны субъективному вмешательству. Ср., например, значения глагола *каркать*, которые в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова описаны так: «1. О вороне: кричать, издавать звуки, похожие на «каркар». 2. *перен.* Говорить, предвещая что-нибудь неприятное (прост. неодобр.)».

Это не значит, конечно, что ассоциативные признаки не разрушаются и не видоизменяются. Подобно тому как может быть видоизменена или переосмыслена словообразовательная форма слова, могут преобразовываться и ассоциативные связи, существующие между отдельными значениями слов.

Как складывалась система обозначений, мы не знаем, но то, как действует механизм номинации в современном языке, может быть подвергнуто исследованию. В общих чертах способы номинации одинаковы в различных языках: для того чтобы обозначить что-либо новое, могут быть использованы аффиксальные средства, которыми располагает данный язык, заимствовано иноязычное слово (в языке в этих случаях появляются новые единицы лексики), переосмыслено уже существующее в языке слово (в языке в этих случаях увеличивается многозначность), а также новое может быть обозначено описательно, т. е. создано составное наименование (в языке в таком случае происходит нарушение регулярности в плане: «единое понятие — единое обозначение»). При том, что указанные способы называния нового достаточно всеобщи, не только в различных языках и в различные периоды их развития оказывается различным соотношение этих способов, но, как нетрудно заметить, оно неодинаково в различных частях лексики.

Роль языка в членении окружающей действительности, в выделении из реального континуума при помощи материальных знаков отдельных отрезков действительности в настоящее время не подлежит сомнению. Называя предметы, явления окружающей действительности, их признаки и качества, мы тем самым закрепляем в сознании все то, что существенно для познания реального мира, для общественной практики.

В семантическом плане тенденция к регулярности проявляется в образовании устойчивых наименований (расчлененных или же нерасчлененных по форме) с симметричным распределением дифференциальных семантических признаков, т. е. образующих заполненную и

иерархически организованную лексико-семантическую парадигму. «Термины родства» представляют образец такой парадигмы в сфере бытовой лексики. В большей же части случаев обиходные слова образуют несимметричные и прерывистые парадигмы. Ср., например, соотношение слов, обозначающих верхнюю одежду: *пальто*, *плащ*, *пыльник*, *куртка*, *ватник*, *кожанка* и т. д. Признаки, существенные при различении указанных предметов, по большей части индивидуальны для каждого слова (например, *пальто* определяется в 4-томном «Словаре русского языка» как «род верхней одежды, обычно ниже колен, надеваемой поверх платья, костюма и т. п.»; *куртка* — как «мужская верхняя наглухо застегивающаяся короткая одежда», *кожанка* же — как «кожаная куртка, пальто» и т. д.). Даже при учете непоследовательности многих словарных толкований бросается в глаза несоотносительность (и несимметричность) существенных для отдельных значений признаков. При дальнейшем рассмотрении слов указанной тематической группы мы обнаруживаем то же самое. Значения слов *сапоги*, *башмаки*, *туфли* и т. д. «покрываются» значением слова *обувь*. Для слов же *шапка*, *картуз*, *шляпа*, *кепка* и т. д. такого обобщающего отдельного слова нет. Вместе с тем здесь опять-таки обнаруживается несоотносительность существенных признаков, определяющих эти значения, точно так же как и их неравнозначность с точки зрения возможностей нейтрализации тех или иных элементов значения. Так, слово *шапка* при необходимости принимает на себя роль обобщающего названия (ср. в контекстах вроде *ходить без шапки*, *шапки долой!* и т. п.), хотя в других случаях выступает как «видовое» название, сопоставленное с другими из данного ряда (ср. в примере из романа Л. Леонова «Дорога за океан», приводимом в цитированном словаре: — Я тебе купила *шапку*, принесла. Ты примерь потом! Это глупо, таскать *картуз* в такую стужу!).

В обиходной разговорной речи это не ощущается как какое-либо неудобство. Для многих тематических групп слов вообще характерна такая же ситуация: видовые понятия не объединены каким-либо реально существующим в языке родовым обозначением; его недостаток отчасти восполняется тем, что одно из видовых обозначений имеет одновременно и более общее значение. Ср. с этой точки зрения соотношение внутри таких парадигматических рядов, как *ехать* и *плыть*, *лететь*; *дорога* и *шоссе*,

автострада, *проселок*; *улица* и *проспект*, *переулок* и т. п. Тот дифференциальный признак, по которому слова семантически противопоставлены друг другу внутри соответствующего ряда, у одного из них становится несущественным в определенных позициях, и оно получает возможность выступать как бы представителем всего ряда. Его обобщенное значение наглядно проявляется, в частности, в такого рода контекстах, где обнаруживаются парадигматические противопоставления «следующей ступени», например: *дóма и на улице*, *выйти на улицу*, *уехать из города*, *по дорогам и бездорожью*, *строительство новых дорог*, *ходить без шапки* и т. д. Но в определенных ситуациях подобное словоупотребление вызывает неудобства, и однозначные составные наименования для обозначения родовых понятий, отражая стремление к семантической регулярности, отвечают определенным общественным потребностям (например, организация плановой и планомерной торговли требует дифференцированных «родо-видовых» обозначений).

Другое дело, что целый ряд подобных наименований представляется многим из говорящих «уродливыми», чуждыми духу русского языка. Иногда они действительно неудачны, но, разумеется, по большей части это не просто порождение бюрократического словотворчества (как, например, в случае с «*палочными изделиями*», которые справедливо высмеял К. И. Чуковский), но все-таки результат закономерного семантического развития языка, регулируемого общественными потребностями. Общественные потребности предопределяют стилистические границы применения данных наименований, и, конечно, нарушение этих границ не может быть оправдано с точки зрения культуры речи.

Тенденция к семантико-парадигматической регулярности названий определяется потребностью не только обобщений, но и дифференциации. Общая тенденция к «терминологизации речи» (С. И. Ожегов), тенденция к усилению парадигматической регулярности внутри определенных групп слов в ряде случаев вступает в противоречие с их формально-лексической регулярностью, поскольку приводит к появлению расчлененных наименований, ср. *ливневые дожди* в метеорологических сводках вместо *ливни*, *шоссейная дорога* наряду с *шоссе*, *пищевые продукты* наряду с *пища*, *отделение связи* наряду с *почта* и т. д. Большая же часть составных наименований свя-

зана, естественно, с новыми предметами и явлениями (*стиральная машина*, *шагающий экскаватор*, *товарищеский суд*, *общественное поручение* и т. п.). Как неоднократно указывалось в литературе, особенно характерными для современной эпохи являются различные виды сложных (в том числе с усеченной первой основой) сложносокращенных слов, часть которых обозначает, как отмечалось выше, родовые понятия (*плавсредства*, *стройматериалы* и т. п.), но, по-видимому, основная масса служит названиями именно новых предметов и явлений (*электробритва*, *запчасти*, *гидродобыча*, *земснаряд*, *радиолокатор*, *автопутешествие*, *лесохимия* и т. д.). При большей формальной цельности, чем составные наименования, они сохраняют отчетливо мотивированную семантическую членимость и, по сути дела, стоят на грани слов и словосочетаний (с препозитивным аналитическим прилагательным [24]).

Можно думать, что статистические подсчеты подтвердили бы эмпирические наблюдения над возрастающей по сравнению с суффиксальными образованиями ролью подобных наименований. По-видимому, это находится в общем русле того, что «в словообразовании и в словоизменении действуют единонаправленные тенденции: ослабить некоторые постфиксальные показатели у имен [25]. Непосредственное ощущение говорящих свидетельствует о том же. Характерны, например, сетования писателя А. Югова: «С помощью суффиксов орудийности можно легко, и вполне в духе языка, создавать новые понятия для какой угодно области производства, для любой отрасли науки. А то ведь у нас народное искусство — создавать новые производственные русские термины — уже настолько заброшено, что кажется, что и нету других способов, как только через производство сложных слов. . . Что же, и это неплохой и плодоносный способ, но ведь он отнюдь же не единственный и не главный! А что овладеть нехитрым, но забытым уменьем оснащать корень слова суффиксом орудийности — это совершенно необходимо людям самых разных призваний!» [26]

---

[24] «Именно под воздействием потребностей в массовой номинации новых объектов действительности энергично формируется с 20-х годов нашего века класс аналитических прилагательных» (Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, с. 57).

[25] Там же, с. 59.

[26] *Югов А.* Судьбы родного слова. М., 1962, с. 129—130.

Применение суффиксального способа остается почти безраздельным при образовании названий профессий: *атомщик*, *алмазник*, *прокатчик*, *доменщик*, *арматурщик* и др. Свободно образуются при помощи «традиционных» суффиксов прилагательные, в том числе и от новообразований разных типов: *советский*, *колхозный*, *вузовский*, *шлемофонный*, *бензомоторный* и т. д.; ср. также: *безопорный*, *безразмерный*, *околопланетный* и под. Но присущие значительной части словообразовательных суффиксов многозначность и семантическая «перегруженность» производящих основ действительно в известной степени ограничивают действие суффиксального способа образования новых слов.

Название предмета посредством его описания, т. е. создание составных наименований, основанных на устойчивом употреблении сочетаний слов, — один из исконных способов номинации, поэтому возникновение подобных наименований в наши дни не является само по себе чем-то принципиально новым. Однако именно в наши дни в связи со стремительно возрастающими потребностями номинации роль такого рода наименований определенно возросла. При массовой номинации характерно стремление к введению или обозначений с «предельной» (в соответствии с возможностями языка) мотивированностью, или же, напротив, таких обозначений, которые с точки зрения существующих в языке отношений оказываются полностью немотивированными. В этом одна из причин широкого распространения составных наименований, а также наименований с «усеченными» компонентами (ср. образования с такими компонентами, как *агит-*, *воен-*, *глав-*, *гор-*, *гос-*, *дет-*, *жен-*, *жил-*, *зем-*, *ком-*, *нар-* и т. д.), различных сложных образований, самая этимологическая форма которых как бы раскрывает смысл наименования (*снегоочиститель*, *пылесос*, *вездеход*, *пиломатериалы*, *кукурузовод* и т. п., ср. аббревиатуры, классические представители названий со скрытой, но предполагающей «расшифровку» мотивированностью). Поэтому же активным остается заимствование и распространены образования на основе иноязычных морфем (или по подобию иноязычных, как, например, некоторые научные термины, технические названия и т. д.), форма которых, во всяком случае, свободна от непосредственных «этимологических» ассоциаций.

Увеличение удельного веса подобного рода обозначе-

ний в словарном составе языка не может не влиять на некоторые особенности его семантической структуры. Являясь следствием стремления к дифференциации сходных предметов и явлений, многие из подобных обозначений в то же время отражают одну из общих тенденций развития языка — тенденцию к регулярности. В семантическом плане эта тенденция проявляется в образовании устойчивых наименований (слов или «составных наименований») с симметричным распределением дифференциальных семантических признаков, т. е. образующих, так сказать, заполненную и иерархически организованную лексико-семантическую парадигму.

Таким образом, в сфере номинации происходит постоянное взаимодействие между двумя диалектически противоположными тенденциями. С одной стороны, наблюдается стремление закрепить новые понятия при помощи новых однословных обозначений (формируемых посредством аффиксального словообразования, словосложения, заимствования иноязычных слов). Это увеличивает общее количество лексических единиц в языке, усложняет лексико-семантическую парадигматику, увеличивая ее прерывистость и асимметричность. С другой стороны, постоянно возникают устойчивые описательные обозначения новых понятий — они не увеличивают общего числа лексических единиц, но противоречат принципу: единое понятие — единое обозначение, и соответственно утяжеляют синтагматические отношения в языке, так как нарушают общие закономерности сочетания отдельных понятий при помощи свободного (от собственно языковых ограничений) соединения соответствующих обозначений; ср. соответствия типа *кузен — двоюродный брат*, *сервант — низкий буфет для посуды* и т. п. Всякое сочетание отдельных слов — это в принципе сочетание отдельных «смыслов». Этот принцип всегда действует в языке и определяет основы его функционирования как средства общения, как средства передачи информации. Этот принцип в то же время является правилом, которое «подтверждается исключениями», причем многочисленными и постоянно вновь заявляющими о себе. Но это все же является правилом, и именно подтверждаемым исключениями, потому что последние никогда не переходят определенный предел. Язык как бы устанавливает известное равновесие между воздействием парадигматических и воздействием синтагматических множеств, огра-

ничивая чрезмерную экспансию как тех, так и других.

В очевидном взаимодействии с названными находятся деривационные отношения. Связанные деривационными отношениями обозначения в определенном плане способствуют более четкому отображению в языке соотношения соответствующих понятий, но вместе с тем малейшее семантическое отклонение в соответствующем обозначении (хотя бы незначительная степень его идиоматичности, что вообще свойственно, как правило, словесному обозначению) делает эти соотношения осложненными, менее четкими в чисто семантическом плане, чем если бы они были выражены «немотивированными» знаками, т. е. не вызывающими тех или иных ассоциаций обозначениями. Отсюда опять-таки преобладание в назывании то одних, то других способов образования новых слов — то деривационно связанных (производных), то независимых в этом смысле, не мотивированных в данном языке, как бы в принципе отрешенных от всяких собственно языковых «подтекстов». Так, мы вполне могли бы обозначать то, что мы называем в настоящее время *метро*, словосочетанием *подземная железная дорога*. При этом мы не увеличили бы словарный состав языка введением в него новой единицы (*подземный* и *железная дорога* уже существуют в языке), но осложнили бы синтагматические отношения, так как вместо одного слова использовали бы сочетание слов, причем сочетание, которому заранее задан устойчивый, терминологический характер. Можно было бы ввести и такое обозначение — *подземка* (ср. в английском underground), но конкуренция этого слова с немотивированным (для русского языка) *метро* была бы затруднена как раз отчетливыми деривационными связями этого обозначения, влияющими как на его стилистическую значимость, так и на семантическую определенность.

Если вместо заимствованного *спринт* мы скажем: *бег на короткую дистанцию*, мы опять-таки не увеличим лексический состав языка (поскольку *бег*, *короткий*, *дистанция* — это уже существующие в языке слова), но утяжелим синтагматические отношения, так как вместо одного слова будем использовать сочетание слов, причем сочетание, которому придан устойчивый, терминологический характер.

Подытоживая сказанное о составе русского литературного языка, мы можем определить, какие способы но-

минации (т. е. способы называния, а следовательно, и образования новых названий) действуют в языке, а дальше попытаться выяснить в общих чертах роль этих способов в развитии лексики русского литературного языка в настоящее время.

Основные способы номинации (см. выше) имеют достаточно общий характер. Для обозначения того или иного явления может быть или создано новое слово на базе имеющихся в языке лексических единиц и аффиксальных средств (префиксов и суффиксов), или заимствовано иноязычное слово, или образовано сложное, составное наименование, или же, наконец, приспособлено слово, уже существующее в языке, которое в таком случае определенным образом видоизменяет свою семантику (а часто при этом и стилистическую окраску).

Все эти способы номинации издавна и широко использовались говорящими на русском языке. Они продолжают действовать и в настоящее время, когда в нашей стране возникли новые формы социально-политической, хозяйственной и культурной жизни, потребовавшие своего наименования, когда развитие общества, научно-технический прогресс, обусловливающий появление новых предметов и возникновение новых понятий, активно воздействуют на словарный состав языка.

1. При помощи «традиционных» аффиксальных средств были образованы, например, такие неологизмы, как *плановость*, *укрупнение*, *хозяйственник*, *перевыполнить*, *переподготовка*, *оперативка*, *планерка*, *частотность*, *грузовик*, *зенитка*, *воскресник*, *передовик*, *дошкольник*, *обезличка*, *замонолитить* и т. д.

2. Значительная часть неологизмов возникла в результате основосложения: *красноармеец*, *радиовещание*, *пятилетка*, *хлебозаготовки*, *единоличник*, *бракодел*, *атомоход*, *новостройка*, *снегоочиститель*, *пылесос* и т. д.

3. Для обозначения целого ряда предметов и явлений были использованы составные наименования: *производственные мощности*, *единицы оборудования*, *средства связи*, *пути сообщения*, *режим экономии*, *подъемный кран*, *стиральная машина*, *больничный лист* и др.

Важно отметить, что на основе составных наименований в языке возник новый вид наименований, который получил широкое распространение именно в послереволюционную эпоху. Это: а) аббревиатуры: *СССР*, *нэп*,

МИД, *вуз*, *ОТК*, *дот* и т. п.; б) сложносокращенные наименования разных типов; во-первых, с усеченными основами соединяемых слов: *колхоз*, *нарком*, *местком*, *леспромхоз* и т. п.; во-вторых, с усеченной основой только первого слова: *горсовет*, *профсоюз*, *агитпункт*, *госбанк* и т. п.

Близкими к данному типу обозначений являются образования с компонентами *авиа-*, *авто-*, *гидро-*, *макро-*, *микро-*, *теле-*, *фото-*, *электро-*, обладающими, однако, еще большей степенью «раскрепощенности». Показательна возможность отрыва этих компонентов: *фото- и радиотовары*, *авиа- и автотранспорт* и т. п., а также широкие возможности создания помимо номинативно-устойчивых и окказиональных слов с этими компонентами.

4. Пополнение словаря продолжало идти и путем заимствования иноязычных слов: *комбинат*, *концерн*, *комбайн*, *блюминг*, *бульдозер*, *такси*, *контейнер*, *фильм*, *свитер* и т. д.; спортивных терминов: *раунд*, *спринт*, *стайер*, *прессинг* и т. п.

5. Во многих случаях для обозначения нового служат уже существующие в языке слова, приобретающие новые значения, например: *спайка*, *комиссар*, *палата*, *звено*, *бригада*, *спутник* и т. д.; ср. многие технические обозначения нашего времени: *мост* «часть шасси автомобиля», *стрела* «подвижная часть подъемного крана», *рама*, *наплыв* (в кино) и т. п.

Новые формы общественно-политической жизни обусловили появление новых понятий, что сопровождалось изменением семантики таких слов, как *сознательный*, *идейный*, *подкованный*, *сигнал*, *передовик*, *новатор*, *вахта*, *соревнование*, *перекличка* и т. д.

Естественно, что именно в лексико-семантической сфере языка наиболее заметно отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Появление новых понятий, предметов, учреждений и т. д. обусловливает возникновение новых слов или новых значений у слов.

Разграничение внутренних, языковых и внеязыковых причин семантических изменений чрезвычайно важно для уяснения характера этих изменений. Вместе с тем следует подчеркнуть, что понятие причинности не является здесь однородным. В самом языке как системе нет необходимости инноваций, но для разных его элементов неодинакова возможность замен и изменений. Так, когда речь идет о собственно семантических изменениях, можно отме-

тить следующее. Относительно меньшая закрепленность определенных элементов языка, обусловленная внутриязыковыми отношениями, и рассматривается как «языковая причина» изменения, в то время как социальные условия употребления языка, определяющие конкретный характер этого изменения, выступают как его «внеязыковые причины». Самый тип значения слова в какой-то мере определяет возможность переноса наименования и его общую направленность, в то время как конкретный характер этого переноса зависит от потребности общества в тех или иных обозначениях. Например, имена существительные, лишенные прямой предметной соотнесенности, по-видимому, легче поддаются переносу, свободному от эмоциональных моментов. Ср. развитие новых значений у ряда математических и других терминов, таких, как *единица*, *точка*, *линия*, *круг*, *сфера*, *треугольник*, *плоскость*, *площадь*, *мощность* и т. п., значение которых не связано с направленностью на конкретные предметы; появление же у них новых значений обусловлено в ряде случаев необходимостью использования обобщенно-родовых обозначений: *ввод новых мощностей*, *единицы оборудования*, *штатные единицы*, *строительные точки*, *линия передачи* и т. д.

Сложное соотношение между языковыми и внеязыковыми факторами семантических изменений обнаруживается в случаях, которые рассматриваются как перенесения наименований по сходству признаков, по сходству функций и по смежности. Сходство или смежность являются здесь, конечно, сходством или смежностью самих предметов и явлений действительности, обозначаемых словами. Однако далеко не всякое такое сходство делает возможным перенесение названия на другой предмет (или явление). Для этого должны существовать и определенные собственно языковые условия, включая употребительность слова, особенности его семантической структуры, соотношение с другими словами, стилистическую окраску и т. д. Например, издавна закрепленное в языке уподобление движения по воздуху движению по воде («месяц плывет», «потонул в вышине» и т. п.) обусловило легкость перенесения названий кораблей и т. д. на воздушные средства передвижения: *космический корабль*, *лайнер*, ср.: *штурман*, *военно-воздушный флот* и под.; ср. также специальное обозначение *воздухоплавание* (и *воздухоплаватель*).

Соотношение между значениями многозначного слова также в известной степени определяется внешними по отношению к языку моментами. Так, целый ряд слов выдвинул на первый план именно переносные значения в связи с приобретением словами таких значений, которые, будучи отвлеченными и широкими, обусловили расширение сочетаемости данных слов. Ср. употребление в современной речи таких слов, как *очаг*, *звено*, *сфера*, *шаг*, *узел*, *сеть* и т. д., в словосочетаниях: *очаг агрессии*, *во всех звеньях плановых органов*, *сфера влияния*, *детали и узлы машин*, *свести к минимуму практические шаги* и т. п.

В семантических исследованиях отмечалось, что во многих случаях «перенесение наименований» охватывает в первую очередь те слои лексики, которые в данный исторический момент соотнесены с наиболее актуальными для общества реальными явлениями. *Борьба* на фронтах гражданской войны сменилась в начале 20-х годов *борьбой* по преодолению экономических и культурных трудностей. Многие первоначально «военные» термины прочно закрепились в общелитературном языке в «расширенном» переносном значении [27], ср.: *армия учителей*, *занять позицию*, *фронт строительства*, *командир производства*, *сержанты индустрии*, *технически перевооружить*, *идейно разоружиться*, *взять на вооружение*, *мобилизовать резервы*, *торпедировать переговоры*, *эвакуировать технику* (из котлована перед затоплением) и т. п.

Развитие спорта, его роль в жизни широких масс привели к экспансии спортивной номенклатуры: *тяжеловес*, *взять старт*, *прийти к финишу*, *передать эстафету*, *ничейный счет*, *второе дыхание*, *нокаутировать* и т. п.

Активизация тех пластов лексики, которые связаны с общественно важными явлениями, демонстрируется также рядом фактов, относящихся к совсем недавнему времени. Освоение целины, выведение на орбиту спутников явилось стимулом переносного употребления соответствующих обозначений, ср.: *океанская целина*, *голубая целина*, *выйти на орбиту*, *состояние невесомости* и т. п.

Многие языковеды обращали внимание на то, что одним из характерных процессов, протекающих в лексике, является устранение семантической и формальной расчлененности наименований. Многочисленные в языке случаи «семантической конденсации» действительно объединя-

---

[27] См.: *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. М., 1928.

ются указанной закономерностью, причем последняя вытекает из общей тенденции к регулярности внутриязыковых соотношений, в том числе между формой и содержанием языковых единиц, регулярности, способствующей языковому автоматизму. Но нельзя не заметить в лексике явлений и иного характера. Стремление к экспрессивности, к разрушению языкового стандарта постоянно приводит к созданию двучленных и многочленных обозначений; *белое золото*, *голубая целина*, *люди в белых халатах*, *труженики стальных магистралей*, *сержанты индустрии* и т. д. — все эти описательные обороты, непрерывно возникающие в газетной речи, представляют именно расчленение целостных смысловых единиц и выступают вместо нерасчлененных по форме обозначений. Описательные обороты столь же характерны и для разговорной и для художественной речи, и если во многих случаях, как и первые, они не становятся устойчивыми фактами языка, то тем не менее показательны, так как отражают стремление говорящих к созданию экспрессивных и оценочных обозначений. А в самом языке устойчиво закреплены многочисленные фразеологические словосочетания, также являющиеся экспрессивными синонимами уже существующих нерасчлененных обозначений предметов, действий и т. д.

Таким образом, тенденция к регулярности встречает противодействующую ей тенденцию к экспрессивности, ведущую к нарушению закона конденсации.

Факты, которые могли бы свидетельствовать об известном усилении аналитизма в лексике современного русского языка, неоднородны, а отчасти и противоречивы. Тем не менее они достаточно многочисленны, чтобы их можно было игнорировать.

Можно указать на хорошо известные случаи замены глагольных наименований составными глагольно-именными сочетаниями (типа *оказать помощь*, *дать указание*, *возыметь действие* и т. п.). Многие исследователи отмечали распространение этих сочетаний в русской речи послереволюционной эпохи; если отвлечься от стилистической оценки подобных конструкций, следует признать, что их основная функция — в частичном устранении лексической многозначности глаголов (ср.: *указание — дать указание* и *указывать*, *гудок — дать гудок* и *гудеть*, *операция — произвести операцию* и *оперировать*, *осмотр — подвергнуть осмотру* и *осмотреть* и т. д.; существенна

также возможность расчленения глагольно-именного обозначения при помощи определений в других случаях: ср. *помочь* и *оказать неотложную медицинскую помощь* и т. п.).

В печатных выступлениях по вопросам культуры речи нередко содержится осуждение разного рода составных наименований, возникших в последнее время. Вот один из возможных примеров. В брошюре «О родном нашем языке», опубликованной издательством «Известия» в 1961 г. после проведенного газетой широкого обсуждения вопросов культуры русской речи, разными авторами осуждаются такие наименования, как *торговая точка*, *материальные ценности*, *транспортные средства*, *продукты питания*, *гужевой транспорт*, *отделение связи*, *головные уборы*, *постельные принадлежности* и т. д. «Раньше, — не без иронии пишет автор одной из статей, — строительные материалы, например, грузились в вагоны, на платформы, автомобили, телеги, повозки. Но к чему такое обилие слов? Теперь это все заменили понятием „транспортные средства“. Навоз, когда его вывозят на поля, точно так же грузится в „транспортные средства“» (с. 57). Конечно, в каких ситуациях следует применять *транспортные средства*, решать не лингвистам, но именно последним, каково бы ни было их эмоциональное отношение к подобным речениям, надлежит разобраться в причинах их распространения в наши дни.

Прежде всего следует заметить, что, осуждая подобные описательные обороты, многие рассуждают именно так, как автор приведенной цитаты: в языке есть слова *шапка*, *шляпа*, *кепка*, *берет*, *платок* и т. п., и вместо того, чтобы выбрать нужное слово, небрежные к своей речи люди начинают говорить *головной убор*; не затрудняя себе выбором нужного слова из группы *город*, *село*, *деревня*, *поселок* и т. д., эти же люди, привыкшие к «казенному языку», довольствуются сочетанием *населенный пункт*; они же «обезображивают» язык такими наименованиями, как *пищеблок*, *плавсредства*, *человеко-посещения*, *стройматериалы* и т. д. Однако все эти новообразования, какими бы «неуклюжими» они ни казались, в значительной своей части вовсе не являются «лишними» в языке. В определенных условиях говорящему как раз требуется дать обобщенное, «родовое» обозначение предмета, и тогда ему нельзя ограничиться выбором слова из ряда *вагон*, *платформа*, *автомобиль*, *телега*, *повозка* или *шапка*, *шляпа*, *кепка*

и т. д., точно так же как затруднительно давать перечисление этих «видовых» обозначений. Например, в одной повести есть такой эпизод: пограничник докладывает своему начальнику о замеченном нарушении морской границы и сообщает, что «никаких плавсредств не обнаружено». Трудно найти здесь этому не слишком удачному обозначению адекватную замену.

В отличие от экспрессивных описательных оборотов сочетания типа *головные уборы*, *транспортные средства* и т. д. представляют собой такие составные наименования предметов действительности, которые могут рассматриваться как аналитические формы лексем. Их появление в языке вызвано именно тенденцией к семантической регулярности, но в данном случае эта тенденция вступает в противоречие с другой тенденцией — тенденцией к лексической регулярности, т. е. к цельнооформленности смысловых единиц.

С бурным развитием науки и техники связано появление необозримого количества специальных обозначений, подавляющее количество которых остается известным лишь узкому кругу специалистов. Если учесть, что из сотен тысяч таких обозначений, появившихся только за последние годы в химии, физике, медицине и т. д., а также в различных отраслях промышленности, очень немногие (благодаря прессе, рекламе, всякого рода инструкциям, популярным изданиям и т. д.) входят в речевой обиход неспециалистов, приходится признать, что за пределами общенародного литературного языка остается огромная часть лексики. Вместе с тем постоянное вторжение специальных слов в общелитературный словарь является одним из наиболее существенных факторов «размытости» границ последнего.

Понятно, что для того, чтобы любое новое обозначение получило «права гражданства» в литературном языке, обозначаемый предмет должен быть «актуальным» для достаточно большого круга говорящих; если (или пока) этого не происходит, появляющиеся обозначения остаются в сфере специальных терминов или номенклатурных наименований. Вот пример из газетной заметки: В лексиконе художников и модельеров недавно появилось слово «макраме». Что оно означает? Его объяснения нет в толковых словарях, энциклопедии.

Давным-давно, когда еще не было письменности, перед тем, как заключить долгожданный мир, индейцы враждую-

щих племен вместо верительных грамот обменивались плетенными из кожи и замши поясами. Причем каждый узел в сложном узоре такого пояса нес еще и смысловую нагрузку: заверения в миролюбии, обещание помочь в трудную для соседнего племени минуту. С появлением письменности необходимость в таком общении отпала. Искусство макраме стало забываться. Но проходит какое-то время, и. . . плетенные из замши и сутажа панно, люстры, занавески украшают квартиры. Узоры из макраме появились на женских сумочках, поясах, жилетках (Н. Гусарова, Мастера макраме. — Веч. Москва, 1980, 14 нояб.).

Можно думать, что не столь уж показательным в данном случае был бы массовый опрос для выяснения того, кто знает это слово и кто его не знает. При беглом же опросе оказалось, что из шести опрошенных мужчин никто этого слова не слышал, из шести женщин трое дали положительный ответ (причем это обозначение было для них активным, хотя об его предполагаемом происхождении никто ничего сказать не мог). Вообще же заимствования (как правило, без знания источника) действительно становятся весомым средством пополнения словаря, но при этом, что важно отметить, почти исключительно при обозначении отдельных (часто специальных), конкретных реалий. При необходимости наименования тех реалий, которые являлись бы родовыми по отношению к тем, обозначения которых издавна существовали в языке, на первый план выступают составные наименования, во многих случаях отмеченные стилистически.

ЧАСТЬ I

ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБЛАСТИ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ

Специфика словаря [1] каждого конкретного языка в очень значительной степени определяется чисто техническими возможностями данного языка в области создания или усвоения извне единиц, способных нести номинативную функцию, возможностями, которые в конечном счете вытекают из особенностей его грамматического строя. Однако основные способы номинации (такие, как некоторые виды деривации, словосочетание, семантический перенос, лексическое заимствование из других языков) являются, по-видимому, универсальными (или почти универсальными) и занимают центральное положение в системе номинативных средств в принципе любого языка. И специфика словаря, стало быть, обеспечивается не столько индивидуальным набором тех или иных способов именования, сколько их неодинаковым удельным весом в рамках разных языков. В типологических исследованиях и контрастивных «грамматиках» эта специфика эксплицируется в формулировках типа: «там, где русский язык прибегает к заимствованию извне, чешский (или немецкий) предпочитает обходиться внутренними ресурсами»; «немецким (или финским, венгерским) сложным существительным с атрибутивной связью компонентов в русском языке часто соответствует адъективно-субстантивное словосочетание, т. е. расчлененное наименование»; «то, что в английском (или французском) языке осуществляется при помощи конверсии, в русском языке, как правило, достигается путем аффиксальной деривации»;

[1] Здесь под словарем условно понимается вся система номинативных единиц в целом; таким образом, помимо собственно лексикона, т. е. совокупности однословных наименований — лексем, сюда включаются и сверхсловные величины, прежде всего словосочетания.

«во французском языке метафора и метонимия играют бо́льшую роль, чем в русском» и т. д. Своеобразие конкретно-языковой системы номинативных средств (и соответственно системы номинативных единиц) обусловливается преобладанием одних способов номинации над другими, их большей или меньшей продуктивностью в данном языке вообще; их стилистической отмеченностью, функционированием в границах того или другого функционального стиля или языковой подсистемы; их тяготением к той или другой понятийной зоне, связью определенных типов наименований с различными участками внеязыковой действительности. Оно обнаруживается также в наличии различных способов номинации, занимающих подчиненное, периферийное положение по отношению к основным, но вследствие этого и более индивидуализированных.

В настоящем разделе ставится задача каталогизации технических средств предметной (несобытийной) номинации, которыми располагает современный русский язык.

Следует оговорить некоторую условность употребления в дальнейшем термина «способ номинации». В слове «номинация», так же как и в его русских эквивалентах «называние», «именование», довольно отчетливо ощущается семантический момент активного, сознательного отношения агента (говорящего индивида) к производимому им действию (наречению предмета или явления). Здесь же процесс номинации [2] понимается шире: не только как сознательный акт называния, присвоения имени явлению внеязыковой действительности, но и как появление такого имени вообще, вне зависимости от целевых установок носителя языка, от осознанности им самого факта возникновения новой номинативной единицы. Номинативные единицы формируются в языке не только в результате целеполагающей языкотворческой деятельности человека, некоего однократного волюнтативного созидающего акта, но и как следствие разного рода формальных и семантических трансформаций имеющегося языкового материала, скрытых от глаз непосредственных носителей языка и не осознаваемых ими.

Различение осознанности/неосознанности новизны лингвистической единицы, несущей номинативную функ-

[2] Далее наряду со значением п р о ц е с с а термин «номинация» используется и в метонимическом значении р е з у л ь т а т а этого процесса — конкретной номинативной единицы.

цию, в момент ее появления в данном языке (или, иначе, противопоставление творимости, преднамеренности номинативной единицы и ее «самопроизвольного», автоматического возникновения) может служить одним из параметров наиболее общей классификации номинаций.

Другим таким параметром может быть выбрана стандартность/нестандартность номинации, ее соответствие/несоответствие существующей норме. При этом, разумеется, нужно помнить, что норма — явление историческое, подвижное во времени и то, что было в начале своего существования ненормативным, маргинальным, нерегулярным отклонением от утвержденных негласной конвенцией правил, может впоследствии становиться актуальным, перемещаться ближе к центру системы и приниматься в качестве нормативного. Так, например, до конца XIX в. русский язык не знал явления аббревиации (сокращение как средство экономичной записи слов, титлование не в счет, ибо не имеет непосредственного отношения к сфере номинации), и первые наименования-аббревиатуры, естественно, были нарушением принятых канонов, по которым создавались в языке номинативные единицы. В начале XX в. наблюдается резкое увеличение числа аббревиатур, аббревиация как способ номинации обретает законное право на существование и заметно смещает прежние границы нормативного в словообразовании.

Комбинирование различных значений указанных двух параметров дает возможность выделить четыре класса номинаций:

1) номинации, соответствующие нормам и осознаваемые в момент своего появления в речи как новые. Назовем этот класс нормальными номинациями. Он охватывает, по-видимому, наибольшее количество вновь появляющихся в языке номинативных единиц и особых пояснений не требует;

2) мутации, т. е. номинации, характеризующиеся регулярностью, стандартностью, но возникающие в языке незаметно для его носителей. Сюда включается, например, большинство случаев регулярных метонимических переносов (*вентиляция* ‘проветривание’ → ‘система проветривания’, *обед* ‘дневной прием пищи’ → ‘время обеда’, *прокуратура* ‘орган власти; учреждение’ → ‘здание этого учреждения’ и т. п.); некоторые виды конверсии; устное заимствование при билингвизме в зонах контактирования разных языков и др. По-видимому, к этому классу нужно

отнести и многие производные слова из разряда так называемых потенциальных слов. К явлениям мутации в лексике и фразеологии относятся также случаи семасиологической демотивации, постепенного вытеснения первичных значений ряда слов переносными (ср.: *юдоль*, *поприще*, *дремучий*, *понимать*, *нога*, *беседа*, *час* и т. д.) [3], или случаи постепенного закрепления первоначально свободного сочетания слов, его превращения в устойчивое словосочетание (так называемые крылатые слова: *дачный муж*, *лишние люди*, *самых честных правил*, *луч света в темном царстве*, *именины сердца*, *человек со стороны* и др.);

3) номинации, творимые сознательно, но с осознаваемым же нарушением стандарта. Единицы этого класса условно определим как и с к у с с т в е н н ы е н о м и н а ц и и. К этой группе относятся, например, контаминации путем междусловного наложения (*стрекозел* ← *стрекоза* + *козел*), «скрепы» из усеченных частей отдельных слов (например, *бестер* ← *бе*(*луга*) + *стер*(*лядь*)), многие случаи замены однословных наименований фонетически близкими словами в арготических подсистемах (*шпаргалка* → → *шпора*) и многие другие разновидности номинаций. С сознательным отступлением от правил, при помощи реализации нерегулярных типов словообразования создается большое количество окказиональных образований. Существенным фактором в сознательном нарушении нормы в словопроизводственном процессе является установка на экспрессию [4]. В класс искусственных номинаций следует включить такой способ номинации, как создание произвольного, совершенно немотивированного слова (см. далее);

4) «п а т о л о г и ч е с к и е» н о м и н а ц и и. Этот класс объединяет номинативные единицы, возникающие «по ошибке», как следствие всякого рода помех внеи внутрилингвистического характера. Прежде всего это явления формального преобразования слов под давлением ложной этимологизации, но здесь выделяются и другие, более редкие рубрики.

---

[3] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973, с. 214—218; ср.: *Guiraud P.* La semantique. Paris, 1955, p. 34.

[4] *Журавлев А. Ф.* Производность и экспрессия. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования (Тезисы докл. и краткие сообщения III Респ. науч. конф. 21—23 сент. 1978 г.). Ташкент, 1978.

Соотношение выделенных классов номинаций можно представить в виде таблицы.

Параметры номинации		Освоенность	
		+	−
Стандартность (нормативность)	+	1) нормальные номинации	2) мутации
	−	3) искусственные номинации	4) «патологические» номинации

Совершенно очевидно, что указанными параметрами и выделяемыми путем их комбинирования классами номинативных единиц не может быть исчерпана даже наиболее общая квалификация номинаций. Очень важной представляется, в частности, характеристика номинаций с точки зрения фундаментальной оппозиции «я з ы к — р е ч ь» (система, код, «словарь» — реализация системы, текст) [5]. Исключительно дискурсивную природу имеет, например, повторное обозначение некоего элемента ситуации при помощи местоимения: появление в тексте местоимения невозможно без предыдущего контекста, в котором «вещи названы своими именами», или без адекватного восприятия собеседником конситуативных компонентов коммуникативного акта [6], описываемых в терминах лингвистики текста (случаи абсолютивного функционирования местоимений, например *он* и *она* ‘мужчина и женщина’, явно вторичны), — вследствие таких особенностей семантики местоимения, как принципиальная сменяемость денотата и полное отсутствие сигнификата. К сфере именно речевой реализации устойчивых (языковых) семантических моделей относятся метонимические замены типа ‘населенный пункт’ → ‘жители этого населенного пункта’, ‘учреждение’ → ‘здание этого учреждения’, ‘автор’ → ‘его произведения’, ‘действовать’ →

---

[5] Ср.: Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977, с. 248—253.

[6] *Земская Е. А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов (Загреб—Любляна, сент., 1978 г.). Доклады советской делегации. М., 1978, с. 200—201.

'уметь действовать' и т. п.[7] Существуют и иные технические разновидности специфически речевых номинаций (например, полупредикативные конструкции, см. далее).

Для описания системы номинативных средств языка весьма существенным является также различение п е р в и ч н о й и в т о р и ч н о й номинации. Под первичной номинацией понимается акт присвоения имени предмету, еще не имеющему своего языкового обозначения и только ждущему его. Вторичная же номинация есть называние новым именем предмета, уже названного[8]. Возникновение у предмета второго имени может вызываться разными причинами, из которых наиболее важными представляются, во-первых, моменты экспрессии и, во-вторых, установка на экономию речевых средств. Можно специально отметить способы номинации, употребительные исключительно как средства вторичного именования путем формального преобразования прежних лексических и сверхлексемных единиц. Таковы, например, усечения, аббревиация и др., являющиеся компрессивными способами номинации; немотивированная трансрадиксация, условная дезаббревиация, редеривация лексикализованных деминутивов и др., которые вызваны к жизни потребностями экспрессии.

Создание новой номинативной единицы может происходить двумя путями: либо посредством произвольного изобретения формально совершенно оригинального, ничем не мотивированного языкового знака, либо с исполь-

---

[7] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 220 и след.; *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 190 и след. (в отличие от Ю. Д. Апресяна модель 'действовать' → 'уметь действовать' мы относим к продуктивным, ср.: *сидеть* (*Ребенок уже сидит*), *летать* (*Птенец уже летает*), *считать* (*Он считает до десяти*), *шить*, *вязать* и т. д., т. е. любой глагол, обозначающий действие, требующее определенных навыков, могущий сочетаться с оценочным наречием вроде *хорошо*).

[8] Такая интерпретация понятий первичной и вторичной номинации, имеющая ономасиологическую направленность, отлична от их семасиологической трактовки В. Г. Гаком и В. Н. Телия в монографии «Языковая номинация». В указанной работе вторичной номинацией называется «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения», т. е. понятия первичной и вторичной номинации фактически совпадают здесь с понятиями прямой и косвенной номинации (см.: Языковая номинация (Общие вопросы), с. 243 и след.; Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977, с. 129 и след.).

зованием уже имеющихся материальных языковых элементов. Это самое общее разбиение номинативных средств языка дает нам два типа номинации, несоизмеримых по своей роли в языке и по количеству созданных по этим типам единиц.

Изобретение произвольной фонетической последовательности, ранее не встречавшейся в языке, с дальнейшим переводом ее в ранг фономорфологического комплекса, несущего номинативную функцию, является событием довольно редким. Раритетность такого способа номинации «лишний раз подтверждает устойчивость языка и его словообразовательных элементов»: «язык стремится все расставить в закономерные ряды, образующие систему» [9]. Как примеры такого способа создания новых слов называют термин «od», «выдуманный Рейхенбахом и вновь исчезнувший» [10], термины «gas» (→ рус. *газ*) и «blas», созданные ван Гельмонтом, англ. nylon и др. Л. Успенский [11] называет также слова *кодак* [12], специально для русского языка — введенное И. Панаевым словечко *хлыщ*, изобретенное Н. Вагнером *мурзилка*. Но слово gas, введенное первоначально для обозначения углекислоты и приводимое иногда в качестве образца произвольного словотворчества, не является, по-видимому, совершенно «беспричинным»: ср. греч. χάος 'неупорядоченная первозданная стихия', нем. Geist 'дух' и другие фонетико-смысловые ассоциации. Не является немотивированным и английское обозначение синтетического волокна nylon, победившее в конкурсе на лучшее название для этого искусственного вещества: оно произведено путем соединения инициалей наименования крупнейшего города США и первого слога названия бри-

---

[9] *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967, с. 481.

[10] *Поржезинский В.* Введение в языковедение. М., 1910, с. 158.

[11] *Успенский Л. В.* Слово о словах. М., 1957, с. 247—248.

[12] Ср. у Ж. Вандриеса: *кодак*, *газ*, *рококо*, *félibre*. Характерно, что слова типа *кодак* или *рококо* Вандриес стремится объяснить при помощи ссылок на ономатопею: «Слово *кодак* дает слуховой образ: кажется, что слышишь щелканье механизма, открывающего и закрывающего фотографический аппарат» (*Вандриес Ж.* Язык (Лингвистическое введение в историю). М., 1937, с. 214). О немотивированных словах см. также: *Будагов Р. А.* Слово и его значение. Л., 1947, с. 37 (с опорой на приведенное место из Вандриеса); *Котелова Н. З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. — В кн.: Новые слова и словари новых слов. Л., 1978, с. 18—19.

танской столицы: nylon ← N(ew) Y(ork) + Lon(don). Панаевское *хлыщ*, вероятно, связано с рус. диал. (поволжск.) *хлын* 'бездельник, мошенник' (Даль) и, может быть, является диалектным словом, не отмеченным региональными словарями.

Произвольно выдуманные слова редко становятся достоянием языка, как это случилось с изобретенным Дж. Свифтом и вошедшим во многие языки, в том числе и русский, словом *лилипут*, обобщившимся в значении 'карлик'. Чаще они так и остаются индивидуальными новообразованиями, тем более что их возникновение обычно вызывается преходящими потребностями.

Некоторая активизация этого искусственного способа номинации отмечается для ряда языков, в том числе и русского, в середине нынешнего века в связи с большим ростом научно-фантастической литературы, эксплуатирующей преимущественно сюжеты из далекого будущего и нуждающейся в обозначении не существующих в нашем мире («здесь и сейчас») реалий (техники, флоры, фауны и т. д.) и в инопланетном ономастиконе, ср.: Но уже хищный *ихи* распростер острые крылья. . . и глаза страшного *ча* горят сквозь голубую заросль. . . Когда при свете двух лун — *олло* и *литха* — ночью злой паук, *цитли*, оплетает паутиной твою хижину, — стань тенью, и *цитли* не поймает тебя (А. Толстой, Аэлита); . . .с остервенением, ища забвения, дышит дымом проклятой *хавры* (там же); — Вы знаете, что *тахорги* нападают на людей и иногда серьезно калечат их? — сказал Вадим (А. Стругацкий и Б. Стругацкий, Попытка к бегству); А потом оказалось, что *глеги* все живут и живут. Где? В *сунними*. *Сунними* устроились в пустых домах, одичали, начали плодиться. . . *Глеги* им такого вреда не причиняют, как людям, болезнь у них протекает легко и особых последствий не имеет. Но они поддерживают *глегов*, не дают им погибнуть (А. Громова, Глеги) и т. д. Характерно, однако, что некоторая часть таких произвольных номинаций «из будущего» имеет в своем составе аффиксальные элементы современных языков, выводящие их тем самым из разряда словообразовательно непроизводных (ср.: *мурзил-ка* или даже *мурз-и-лк-а*) [13].

[13] Ср. еще, например, польские суффиксы -ka, -enie, интернациональный суффикс -arium в серии новоизобретенных лексем sepulka, sepulenie, sepulkarium 'явления инопланетной культуры' в иронических «Звездных дневниках Ийона Тихого» Ст. Лема.

Отношение этих придуманных фантастами слов к дихотомии «langue—parole» (в ее конкретизации «узуальность—окказиональность») несколько необычно: они не являются принадлежностью нашего словаря, не претендуют на это и тем самым не включаются в сферу языка (langue), но суть модели именно языковых единиц в рамках данного научно-фантастического сочинения, т. е. при принятии нами условий игры, предложенных его автором. Их статус может быть определен как имитация языковых (в противоположность речевым) единиц, через понятие условно-художественной узуальности.

«Беспочвенное» появление лексических единиц, с самого начала своего существования не имеющих внутренней формы, формальной связи с другими элементами словаря данного или иного языка, не играет, как было сказано, сколько-нибудь заметной роли в обогащении словарного состава. Подавляющее большинство номинативных единиц создается «на твердой почве» — с опорой на уже имеющиеся языковые элементы [14]. Эти элементы могут либо принадлежать собственному языку называющего субъекта, либо быть взятыми им из другого языка (заимствование).

Использование внутренних ресурсов языка при создании номинативной единицы осуществляется в двух достаточно резко различающихся между собою направлениях: либо путем сообщения уже готовой, данной номинативной единице новой семантической функции, либо путем создания формально новой единицы.

Изменение семантики слова происходит с изменением его синтаксической функции или же без такового, что дает основание разграничивать лексико-семантическую и семантико-синтаксическую трансформацию. Под последней понимается создание нового слова при помощи субстантивации и аналогичных средств.

Лексико-семантическая трансформация слова, строго говоря, никогда, по-видимому,

---

[14] Показательна в этом отношении, например, структура обобщающего и довольно полного обзора путей развития русской лексики в кн.: *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik, Bd 3. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.

не бывает вполне свободна от его формального варьирования, если под последним понимать не только перевод слова в иной грамматический класс или его деривационное развитие, но и изменения в его синтаксическом поведении в рамках прежнего грамматического класса, в неявном предпочтении тех или других словоизменительных форм и т. д.

Слова, принадлежащие одной лексико-семантической группе или одной лексико-семантической парадигме [15], характеризуются близкими формальными (синтаксическими) показателями. Для глагола, например, это прежде всего его дистрибутивные свойства (управление) [16], для имени существительного — соотношение частотных характеристик отдельных падежных форм (например, для слов группы nomina personae характерно, что частота именительного падежа значительно, в современном русском языке обычно не менее чем в 4 раза, превосходит частоту винительного; у слов, формирующих тематические группы «части тела» и «орудия», частота творительного падежа заметно выше частоты родительного и т. д.). Из этого следует, что со сменой принадлежности слова, скажем имени существительного, тому или иному семантическому разряду, т. е. с переводом его в другую лексико-семантическую парадигму, который осуществляется при семантической трансформации, могут меняться и формально-лингвистические показатели этого слова (часто имплицитные, устанавливаемые на основании анализа весьма большого по объему текста или суммы различных текстов и имеющие вероятностный характер). Однако такого рода формальные преобразования и сдвиги в дальнейшем изложении сюжета мы принимать во внимание не будем, условно полагая, что с семантической трансформацией коррелируют формальные изменения лишь словообразовательного (в широком понимании) порядка.

Употребление готовой номинативной единицы в новой для нее семантической функции предполагает, как правило, внутреннюю связь этого нового значения с прежним. Однако не так уж редки случаи, когда подобной связи между первичным и вторичным значениями усмотреть никак нельзя. Иными словами, вторичное значение может

---

[15] См.: *Шмелев Д. И.* Указ. соч.

[16] См.: *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

быть производным от первичного и непроизводным, независимым от него. По наличию/отсутствию зависимости вторичного значения от первичного мы будем различать лексико-семантическую трансформацию, внутренне мотивированную и внутренне не мотивированную.

В целях классификации типов внутренне мотивированной лексико-семантической трансформации, или, иначе, семантической деривации[17], удобно, на наш взгляд, воспользоваться понятиями лексической парадигматики и синтагматики[18] и выделять соответственно изменения значений слов, обусловленные парадигматически и синтагматически.

Парадигматически обусловленные изменения значений слов базируются на двоякого рода связях — существующих как, во-первых, между членами одной и той же лексико-семантической парадигмы, так и, во-вторых, между членами разных парадигм. Первый из этих типов изменений включает в себя расширение значения («обеднение», «обобщение», «генерализация значения», «увеличение семантического объема»), сужение значения («обогащение», «специализация», «конкретизация значения», «уменьшение семантического объема») и семантический сдвиг («смещение»), второй — метафору.

Взаимно противоположно направленные расширение и сужение значений опираются на подчинительные, «вертикальные» связи в системе семантических отношений «род—вид»[19], а сдвиг (явление, не наблюдаемое

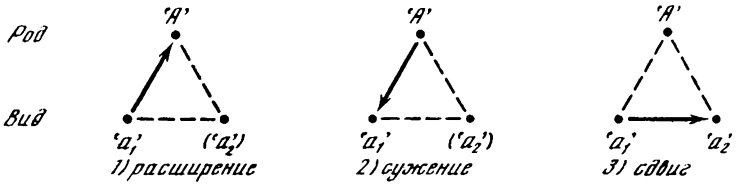
---

[17] *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сб. статей. М., 1962, с. 57, сноска 1.

[18] Здесь мы опираемся на идеи Р. О. Якобсона, изложенные в работе: *Jakobson R., Halle M.* Fundamentals of language. The Hague, 1956, p. 81 et al. Ср. обобщение позиции Якобсона в работе: *Барт Р.* Основы семиологии. — В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975, с. 140 и след. Краткий обзор точек зрения, предполагающих иные основания для типологии семантических изменений, см. в статье: *Гак В. Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — В кн.: Семантическая структура слова (Психолингвистические исследования). М., 1971, с. 81—83; см. также: *Он же.* К диалектике семантических отношений в языке. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 86—90.

[19] Расширение и сужение значений целесообразно обозначать термином «синекдоха», относя иные изменения по линии «часть —

непосредственно как способ номинации и обнаруживаемое обычно лишь при сравнении двух или нескольких языковых подсистем, например диалектов) строится на соподчинительных, «горизонтальных» связях, т. е. на отношениях «вид—вид» в пределах одного родового понятия (см. схему).

Примеры расширения значений: *идти* ‘передвигаться с помощью ног’ → ‘передвигаться вообще’ (*поезд идет*, *лед идет*); *палец* ‘большой палец’ → ‘всякий палец’; *товар* ‘скот’ → ‘имущество, добро; оборотный продукт’; *локомотив* ‘паровоз’ → ‘предназначенная для передвижения железнодорожных поездов машина любого вида тяги — паровоз, электровоз, тепловоз’ и т. п.

К области расширения значения часто [20] относят депроприацию антропонимов типа *меценат* ‘богатый покровитель искусств и проч.’, *цицерон* ‘оратор’, *донжуан* ‘соблазнитель, женолюб’, *нестор* ‘историк, летописец’, *нарцисс* ‘самовлюбленный человек’ и т. д. Если согласиться с этим, то к расширению значения надо относить и депроприацию «хрононимов» (в свою очередь являющихся оттопонимическими образованиями метонимического типа): *Ватерлоо* ‘решающее сражение’ (*У каждого в жизни бывает свое Ватерлоо*); *Мюнхен* ‘сепаратная политическая сделка в ущерб интересам третьих государств’ (*египетско-израильский Мюнхен*); *Даллас* ‘политическое убийство’ (*повторение Далласа*) и др.

Расширение значения может являться средством активного обогащения научной и технической терминологии; ср., например, увеличение семантического объема терминов генетики *генотип*, *доминантный*, *рецессивный*, *фено-*

целое» (например, *рыжие панталоны* ‘человек в рыжих панталонах’) к метонимии (см. ниже).

[20] См.: *Пауль Г.* Принципы истории языка. Пер. с нем. яз. М., 1960, с. 113—114; *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание, ч. 2. М., 1953, с. 72.

тип, медицинских терминов *диагностический*, *этиология* и др. при их переходе в общенаучный словарь [21].

Примеры с у ж е н и я з н а ч е н и й: *сосуд* др.-рус. 'предмет, орудие' → совр. рус. 'вместилище для жидких или сыпучих веществ'; *форма* 'внешний вид, очертание; вид, тип; устройство, структура' → 'особый тип одежды' (*военная форма*, *спортивная форма*, *парадная форма*); *платье* 'одежда' → 'особый тип женской одежды'; *машина* 'любой механизм' → 'автомобиль'; *газ* 'физическое тело; агрегатное состояние вещества' → 'топливный газ' (*автомобиль работает на газе*, *месторождение газа*); *артист* 'деятель искусства' → 'актер'; *художник* 'мастер, умелец (преимущественно в области пластических искусств и ремесел)' → 'живописец'; *продукты* 'результаты человеческой деятельности' → 'съестные припасы' [22]; *коммуникация* 'связь, сообщение' → 'линия энерго-, тепло-, газо- или водоснабжения'; *предки* 'предшественники по роду, представители предыдущих поколений' → 'непосредственные предшественники, родители' и т. п.

Сужение значения представляет собою весьма эффективный способ терминообразования, ср. функционирование в разных значениях и в разных терминологических системах таких, например, слов, как *информация*, *операция*, *линия* (ср. в геометрии и спектрографии), *эпоха* (в геологии, археологии, астрономии), *элемент* (как общенаучный термин и в химии, физике), *масса* (в физике и в истории, социологии — мн. число), *процесс* (как общенаучный термин и в медицине), *частица* (в физике и в лингвистике) и т. д.[23] Ср. еще, например, целую серию терминов, упот-

---

[21] Ср.: *Даниленко В. П.* Русская терминология (Опыт лингвистического описания). М., 1977; *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965.

[22] Это значение, еще недавно специфически бытовое, в последнее время получает официальное признание, и слово *продукты* появляется на вывесках продовольственных магазинов без какого-либо конкретизирующего определения.

[23] Л. А. Капанадзе полагает, впрочем, что «целесообразнее и точнее говорить в данном случае о заимствовании слов литературного языка разными терминологиями, а не о «смещении» (сужении, расширении) значения общелитературного слова» (Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 153). На наш взгляд, это уточнение носит необязательный характер, так как заимствование и «смещение» (например, сужение) не являются контрадикторными понятиями: при заимствовании из другого языка как раз совершенно обычно

ребляющихся параллельно и независимо в лингвистической и музыкальной терминологиях: *аббревиатура*, *акустика*, *акцент*, *вариация*, *диалог*, *звук*, *интонация*, *наклонение*, *период*, *тема*, *транскрипция*, *транспозиция*, *фраза* и др.

Сужение значения, т. е. употребление более общего, родового обозначения вместо узкого, видового, очень часто встречается как чисто речевой прием — хотя бы из стилистических соображений, во избежание текстового однообразия при повторной номинации того же самого предмета [24], например: Теперь Бим разыскивал запах *перепела* (1) (здесь и далее курсив и цифры в скобках наши. — *А. Ж.*) — больше ничего. А Иван Иваныч направлял его туда, куда переместилась *птица* (2) (Г. Троепольский, Белый Бим черное ухо); Человек и *собака* (1) смотрели друг на друга непрерывно. Минуты казались *Биму* (2) долгими. . . Пока человек и *животное* (3), не спуская взора, следили за малейшим движением друг друга. . . (там же); Зазвонил *телефон* (1). Про него как-то забыли все. Бульдог кинулся к *аппарату* (2), схватил трубку. . . (В. Шукшин, Калина красная).

Явление семантического сдвига обычно отмечается как гетеросистемное — диалокальное (например, междиалектное) или диахронное (в истории одного языка) — расхождение, ср.: *бор* 'хвойный лес' — 'лиственный лес', *тын* 'плетеный частокол' — 'неплетеный частокол', *братан* 'двоюродный брат' — 'троюродный брат' — 'сводный брат', *камыш* 'камыш' — 'тростник' — 'рогоз', *емуранка* 'суслик' — 'хомяк' — 'тушканчик'. Однако оно может встречаться и в пределах одной и той же языковой подсистемы, скажем, в современном литературном языке: *одалживать* 'брать взаймы' — 'давать взаймы', *уборная* 'комната в театре, в которой актеры готовятся к выходу на сцену' — 'помещение для отправления естественных надобностей' и т. п. Экстремальным мо-

---

уменьшение семантического объема заимствуемого слова в воспринимающем языке (ср. хотя бы англ. design → рус. *дизайн*, нем. Geschäft → рус. *гешефт*, франц. tirage → рус. *тираж*).

[24] Ср.: *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М., 1977, с. 138—139; Языковая номинация (Общие вопросы), с. 287 и след.; Языковая номинация (Виды наименований), с. 311—314.

ментом семантического варьирования по принципу сдвига является энантиосемия.

Во многих случаях синхронные гетеросистемные и гомосистемные расхождения подобного рода могут трактоваться как результат параллельной аффиксальной деривации с разными семантическими заданиями, приводящей к возникновению словообразовательной омонимии или энантиосемии (*долг* → *одалживать*$_1$ ‘брать взаймы’ и *одалживать*$_2$ ‘давать взаймы’ и т. п.), либо как следствие параллельного сужения, независимой мутационной специализации первоначального родового значения (ср.: *ягода* ‘ягода вообще’ → диал. ‘земляника’, ‘клубника’, ‘ежевика’; *зверь* ‘дикое животное’ → диал. ‘медведь’, ‘лось’, ‘волк’). Однако в целом ряде случаев предположить существование у каждого такого слова более общего значения затруднительно или совсем невозможно, ср.: диал. *козан* ‘запястье’ — ‘сустав пальца’, диал. *жмойда* ‘скупец’ — ‘модница’, диал. *Висожары* ‘созвездие Плеяды’ — ‘созвездие Большая Медведица’. Значение ‘созвездие вообще’ у слова *Висожары* не отмечено и в высшей степени сомнительно, «значение» же ‘какое-то созвездие’ (такие дефиниции нередки в региональных словарях) не является родовым по отношению к ‘Плеядам’ и ‘Большой Медведице’. Примеры, аналогичные последнему, целесообразно считать собственно явлениями семантического сдвига.

Случаи так называемого функционального переноса [25] не следует, как нам кажется, выделять в особую рубрику лексико-семантических изменений, поскольку механизм этого мутационного процесса вполне адекватно описывается в терминах последовательного расширения и сужения значений, ср.: *перо* ‘инструмент для письма, изготовленный из гусиного пера’ → (‘инструмент для письма’) → ‘инструмент для письма, изготовленный из металла и закрепляемый на стержне’.

Метафора, как было сказано, базируется, в отличие от описанных разновидностей парадигматически обусловленной семантической трансформации (расширение, сужение и сдвиг), на межпарадигматических связях слов

---

[25] См.: *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 61—62; *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977, с. 103—105; Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка, с. 104, 109.

и выступает в ономасиологическом аспекте как употребление вместо одного слова другого, принадлежащего иной лексико-семантической парадигме, но обладающего общим с первым словом семантическим элементом — дифференциальной или коннотативной семой. В обратном — семасиологическом — аспекте метафора представляет собою замену архисемы при сохранении дифференциальной семы или с превращением коннотативной семы в дифференциальную, ср.: *ветка* 'боковой побег растения, отделяющийся от ствола' → 'отдельная линия в системе железных дорог, отклоняющаяся в сторону от магистрали'; *волна* 'вал, образуемый колебанием водной поверхности' → 'колебательное движение в иной физической среде' (*звуковая волна*, *радиоволны*); *дебри* 'непроходимые лесные места' → 'сложные, трудные, малоисследованные стороны чего-н.'; *кирпич* 'прямоугольный блок из обожженной глины, применяемый в строительстве' → 'автодорожный знак, запрещающий проезд: прямоугольник желтого цвета на фоне красного круга'; *потолок* 'верхнее внутреннее покрытие помещения' → 'предельная высота летательного аппарата; предельная степень чего-н.' (*потолок МИГа*, *потолок урожайности*); *пробка* 'закупорка для бутылок' → 'автомобильный затор на дороге'; *туз* 'старшая игральная карта' → 'важный, влиятельный человек'; *базар* 'рынок' (коннотативный признак — 'шумное место') → 'шумная сцена, беспорядок'; *лиса* 'хищное животное' (коннотативный семантический элемент — 'хитрый') → 'хитрый, льстивый человек'; *талмуд* 'священная книга иудаизма' (коннотативный элемент — 'пространный, тяжеловесный') → 'объемистое и утомительное, тягостное для чтения сочинение'; *теленок* 'детеныш коровы' (коннотативный элемент — 'глупый, доверчивый') → 'простоватый, доверчивый, малосамостоятельный человек'.

В лексико-семантических изменениях, обусловленных синтагматически, выделяются два типа: семантическая компрессия и метонимия.

Механизм семантической компрессии («стяжение», «конденсация», «универбация» и т. д.) состоит в включении [26] в семантику некоторого слова (на

---

[26] См.: *Янко-Триницкая Н. А.* Процессы включения в лексике и словообразовании. — В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 18—24.

правах дифференциального семантического компонента) значения другого слова, связанного с первым синтагматически, таким образом, что одно из слов, входящих в некоторое словосочетание, «вбирает в себя значение всего словосочетания» [27] в целом при незамещении синтаксической валентности «остающегося» слова, ср.: *уволить с работы → уволить*, *снять с должности → снять*, *выпить водки/вина → выпить*, *служить в армии → служить*, *сидеть в тюрьме → сидеть*, *улавливать суть (мысль) → улавливать*, *высокий уровень → уровень*, *музыкальный слух → слух*, *хороший (тонкий) вкус → вкус*, *высокая температура → температура* и т. п.; *больной желудок → желудок*, *больная печень → печень* и т. п.; *расстройство нервов → расстройство* и т. д.

Семантическая компрессия — явление, весьма обычное для устной (разговорной) речи [28], имеющее дело как с устойчивыми сочетаниями слов (*детский сад → сад*, *медицинская сестра → сестра*, *иностранный язык → язык*, *жилая площадь → площадь*, ср.: *Катя ходит в сад*; *Он знает языки*; *претендовать на площадь*), так и со словосочетаниями скорее легко «восстанавливаемыми», чем реально засвидетельствованными. В последних случаях можно говорить о выработке специфических семантических моделей; например, безатрибутивное употребление названия любого органа человеческого тела в определенного типа контекстах является обозначением больного органа (*Из-за ноги* (=*больной ноги*) *он не пошел на работу*; *У него желудок* (=*больной желудок*) [29].

Семантическая компрессия проявляет определенную и достаточно большую близость сужению значения. И в том и в другом процессе происходит обогащение семантики слова за счет включения в нее дополнительных (по сравнению с исходным значением) смысловых компонентов. Однако существеннейшее различие между ними состоит в том, что сужение развивается на основе семантико-парадигматических отношений слова (родо-видового типа), а компрессия всегда и обязательно ориентирована

---

[27] *Шмелев Д. Н.* О семантических изменениях в современном русском языке. — Там же, с. 14.

[28] Русская разговорная речь. М., 1973, с. 420—427.

[29] Случаи типа *желудок* могут быть объяснены и как явления метонимии по причине конверсности мотивирующих словосочетаний *больной желудок ~ болезнь* (*язва* и т. д.) *желудка* (см. далее).

на словосочетание, на синтагматические связи. В истории языка эти связи в силу их типизированности, трафаретности языковой ситуации могут ослабевать, стираться и исчезать, вследствие чего результат компрессии начинает восприниматься как семантическое сужение или метафора, ср. историю слов *предать* (← др.-рус. *предати врагу*, *мучителю* и т. п.), *преставиться* (← др.-рус. *преставитися богу*), *преступление* ← *преступить* (← др.-рус. *преступити закон*, *заповѣдь* и т. п.) и др. [30] Ср. также историю глагола *семенить*, которою В. В. Виноградов иллюстрировал способ возникновения слова вследствие распада фразеологического оборота (из *семенить ногами*; прямое значение *семенить* — 'покрывать семенами, засевать') [31], или постепенную элиминацию атрибутива *детские* при существительном *ясли* в связи с дезактуализацией у последнего прямого значения 'кормушка для скота'.

На синтагматические отношения слов ориентирован и такой чрезвычайно широко употребительный в языке, и прежде всего в речи, способ лексико-семантической трансформации, как м е т о н и м и я, ср.: *время обеда → обед (от обеда до вечера)*; *здание университета → университет (шпиль университета)*; *система отопления → отопление (неисправности в отоплении)*; *жители поселка → поселок (взбудораженный поселок)*; *произведения живописи → живопись (продать живопись)*; *изделия из мрамора → мрамор (роденовский мрамор)*; *мех горностая → горностай (мантия из горностая)*; *платье из шелка → шелк (одеться в шелк)*; *исполнитель на виолончели → виолончель (виолончели, несколько тише!)*; *партия флейты → флейта (вписать в партитуру флейту-пикколо)* и т. д.

С ономасиологической точки зрения метонимия представляет собою подстановку вместо некоторого слова другого слова, обычно находящегося или могущего находиться в синтагматической, контекстной связи с пер-

---

[30] *Шмелева Н. Н.* О лексико-семантическом стяжении в древнерусском языке. — В кн.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969; *Улуханов И. С.* Изменения в лексической сочетаемости как причина семантических изменений. — В кн.: Проблемы лексикологии. Минск, 1973.

[31] *Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). — Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 217—218.

вым [32]. Синтагматическая природа метонимии несколько затемнена тем обстоятельством, что языку в высшей степени свойственно вырабатывать устойчивые семантические формулы, регулярные модели таких переносов. Существование устойчивой формулы (типа 'действие' → 'время действия', 'материал' → 'изделие из этого материала', 'животное' → 'мясо животного' ,'содержащее'→'содержимое', 'предмет одежды' → 'человек который в данный момент носит этот предмет', 'учебный курс, предмет' → 'экзамен или зачет по этому предмету', ср. *сдать французский язык*, *математику*, 'организация' → 'заседание, собрание членов этой организации' и т. п.) [33] делает необязательной реальную засвидетельствованность в данном или некотором ином тексте «исходного» сочетания слов. Но употребление слова в метонимическом значении как бы предполагает возможность восстановления подобного сло-

---

[32] В целях подчеркивания именно лексикологической стороны проблематики мы избегаем систематических апелляций к понятиям синтаксической схемы высказывания, компонента схемы, его лексического коррелята (репрезентанта), синтаксической функции и др., которые связаны с понятием лексического значения слова и его возможных лексико-семантических трансформаций (в указанном смысле). При этом, разумеется, неизбежны неполнота картины описания и некоторые упрощения, но из соображений большей схематизации они допустимы. Ср. дифференциацию типов семантических изменений, базирующуюся на синтаксических понятиях, у Е. Л. Гинзбурга: «Лексическое значение тесно связано с определяющей для лексической единицы синтаксической функцией. Разумно допустить, что с каждым лексико-семантическим вариантом слова ассоциируется в качестве предпочтительной одна из базисных семантических схем высказываний или некоторый результат композиции таких схем. Суть такой ассоциации заключается в указании схемы и одного или нескольких ее компонентов, которые данная лексическая единица, участвуя в построении синтаксического целого, отвечающего этой схеме, должна реализовывать. При этих допущениях метонимия. . . связывает лексические корреляты (разных. — *А. Ж.*) компонентов одной и той же схемы высказываний, синекдоха (=родо-видовые внутрипарадигматические семантические связи и изменения. — *А. Ж.*). . . лексические корреляты одного и того же компонента некоторой схемы высказываний, а метафора... лексические корреляты таких компонентов из разных синтагматических схем высказываний, которые выполняют в них одинаковые функции. . .» (*Гинзбург Е. Л.* Словообразование и синтаксис. М., 1979, с. 116—117).

[33] См.: *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (гл. III «Словообразование и многозначность»); *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики, с. 220—226; Русский язык и советское общество. Лексика. . ., с. 106—108.

восочетания на основании валентностных (актантных и т. д.) свойств слова. Контекстная история каждого конкретного метонимического переноса как бы подразумевается сама собой, метонимия постоянно несет в себе собственную синтагматическую «память». Поэтому не вызывают ни малейшего затруднения в понимании регулярные метонимии во фразах вроде: *Вся кают-компания* (*палата*, *столовая*, *учительская*, *яранга*, *пещера*. . .) *рассмеялась* или *У нас завтра будет коллегия* (*кафедра*, *сектор*, *группа*, *совет*, *партком*. . .).

В семасиологическом аспекте при метонимическом переносе происходит появление у слова новой архисемы с превращением прежней архисемы в дифференциальный компонент значения. Замена архисемы сближает метонимию с метафорическим переносом (собственно, термин «перенос» и означает мену архисем), что служит причиной для их обычно совместного рассмотрения в семантических описаниях и классификациях, так сказать, в одной упряжке. Однако, на наш взгляд, различия между метонимией и метафорой глубже и важнее, чем их сходство. Метонимия по целому ряду признаков ближе к собственно словообразованию, чем к метафоре.

Метонимический перенос выполняет те же номинативные задания, что и аффиксальная деривация или транспозиция частей речи (субстантивация прилагательных прежде всего), ср.: 'отсутствие вражды, войны' — *мир*~ 'заключение мира, соглашение о мире': 1) метонимический перенос — *мир* (*Туркманчайский мир*, *Тильзитский мир*); 2) аффиксальная деривация — *перемирие*, *примирение*, *замирение* и т. д.; 3) субстантивация имени прилагательного — *мировая* (из *мировая сделка*, ср. *пойти на мировую*). Еще один пример — названия вин, мотивированные названиями местностей, в которых они производятся: 1) метонимия — *мадера*, *херес*, *бордо*, *малага*, *абрау-дюрсо*. . .; 2) аффиксация — *кизлярка*, *монастырка*. . .; 3) субстантивация — *кахетинское*, *шампанское*, *цимлянское*, *алжирское* и т. д. Метонимия, таким образом, может условно толковаться как разновидность нулевой аффиксальной деривации.

Не следует, по нашему мнению, смешивать метонимию, как это часто делается, и с другими, помимо метафоры, типами парадигматически обусловленных изменений значения — расширением и сужением (под именем синекдохи, иногда включаемой в метонимию на правах отдельной ее

разновидности) и семантическим сдвигом (Л. А. Булаховский, например, иллюстрирует метонимическое изменение значения межъязыковыми расхождениями вроде рус. *усы* — чеш. vousy 'борода'). Это смешение существенно различных типов семантической деривации возникает из-за расплывчатости и нечеткости понятия «смежность», кладущегося в основу метонимического переноса и обычно не получающего никакого определения (характерна формулировка, скажем, у того же Булаховского: «На ассоциации по смежности (типы ее очень многообразны). . .» [34]).

Отметим попутно, что такие явления, как *съел тарелку*, *выпил стакан* и т. п., традиционно рассматриваемые под рубрикой «метонимия», на самом деле к таковой никакого отношения не имеют: это чисто речевые, текстовые явления эллипсиса именного дополнения при существительном-квантитативе, ср.: *тысяча п у д о в зерна*, *двести г о л о в скота*, *девять в а г о н о в угля*, *три ч а ш к и кофе*, *т а р е л к а щей* и т. д. Абсолютивное употребление квантитативов типа *тарелка*, *вагон* всегда предполагает их консеквентную позицию, т. е. наличие в предыдущем контексте упоминаний «содержимого» этих *тарелок* и *вагонов*. Такому утверждению не противоречит возможность «безантецедентного» употребления выражений типа *выпил рюмку*, так как оно объясняется не «метонимичностью» квантитатива, а особенностями семантики глагола *выпить* и т. п. (см. выше о семантической компрессии), ср.: *выпил р ю м к у*, *выпил д в е*. Метонимией следует считать лишь семантический переход 'сосуд' → 'количество вещества, вмещаемого сосудом', но переход 'сосуд' → 'содержимое сосуда' в примерах типа *съел тарелку* не имеет места.

Лексико-семантическая трансформация (обычно тропеические переносы — метафора и метонимия) в русском языке часто сопровождается в общем необязательным «добавлением к слову различных аффиксов, которые различают переносное и исходное наименования („частичная метафора"), так что одновременно с переносом значения формируется и новое слово» [35]. Точнее говорить, по-видимому, о л е к с и к а л и з а ц и и отдельных форм слова. Имеются в виду прежде всего случаи лексикализации деминутивов: *ножка* (стола), *ушко* (иглы), *зубец* (пилы),

---

[34] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 64.

[35] *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977, с. 237.

зубчик (чеснока), *стенка* (гимнастическая), *челнок* (ткацкий), *трубка* (курительная), *бородка* (ключа), *котелок* 'голова', 'тип мужской шляпы', *бычок* (рыба; 'окурок'), *лисичка* (гриб), *птичка*, *галочка* 'пометка', *шкурка* 'наждачная бумага', *бардачок* 'ящик «для перчаток» на приборном щитке автомобиля', *пузырек*, *козырек*, *бабочка* и др. Чаще всего с лексикализацией уменьшительных форм существительного сопряжен метафорический перенос.

В устной (несколько жаргонизированной) речи возможна материальная р е д е р и в а ц и я таких лексикализованных деминутивных образований, как чисто экспрессивная (например, *труба* 'курительная трубка', *птица* 'помета-галочка'), так и с добавлением семантического признака «увеличительности» (*пузырек* 'флакон' → *пузырь* 'бутылка', ср.: *Вчера вечером опростали два пузыря «Полесской»*, из записей устной речи).

Несколько реже отмечается л е к с и к а л и з а ц и я ф о р м м н о ж е с т в е н н о г о ч и с л а, связанная преимущественно с метонимическими процессами: *весы* 'прибор для измерения веса', *часы* 'прибор для измерения времени' (ср. др.-рус. *час* 'время'), *пески* 'песчаная пустыня', *куплеты* 'сатирическая песенка', *выборы* 'избрание путем голосования', *кадры* 'личный состав работников или военнослужащих', *курсы* 'учебное заведение определенного типа', *записки* 'дневник', *номера* 'гостиница', *хоры* 'галерея, антресоли (первоначально для хористов)', *права* 'удостоверение водителя автомобиля' и др.[36]

В отличие от мотивированной семантической трансформации во в н у т р е н н е м о т и в и р о в а н н о й л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к о й т р а н с ф о р м а ц и и начальный и конечный этапы семантической эволюции между собою не связаны. Имеется в виду не постепенное (мутационное) возникновение омонимии в результате распада полисемии [37], когда историческая связь значений слов-омонимов все же может быть в принципе реконструирована в виде семантической цепочки, включающей и утраченные смысловые звенья, а мгновенная и осознаваемая омонимизация непосредственно в самом акте номинации. При этом уместнее было бы говорить не о семантической эволюции, а о своего рода «революции». Мотиви-

[36] *Соболева П. А.* Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980 (гл. IV).

[37] См.: *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 111.

рованность имеется и в рассматриваемом способе номинации, но она лежит за пределами значения, в области внешней, звуковой формы (и здесь возникает несколько парадоксальная терминологическая ситуация: семантическая трансформация, мотивированная формальной стороной).

В качестве примера укажем на отмеченные В. В. Виноградовым [38] как особую разновидность наименований старославянские обозначения букв при помощи слов, начинающихся с этих букв: *добро* 'буква Д', *глаголь* 'буква Г', *земля* 'буква З', *слово* 'буква С', *твердо* 'буква Т' и т. д. Современный русский язык в его устной форме существования (например, в радиокоммуникации) прибегает в подобных случаях к использованию имен собственных, почти исключительно антропонимов: *Александр* 'буква А', *Борис* 'буква Б', *Григорий* 'буква Г', *Харитон* 'латинская буква H' (в устной передаче шахматной нотации), смешанный тип — *Иван краткий* 'буква Й' и т. п. (ср., однако: *букашка* 'троллейбус маршрута «Б»') [39].

К явлениям внутренне не мотивированной семантической трансформации следует отнести и случаи искусственного переименования, экспрессивной замены существующего названия какого-либо предмета другим реальным словом, фонетически близким заменяемому, но не имеющим с ним общности в значении. Этот способ вторичной номинации обнаруживает относительную активность в корпоративно-арготических языковых подсистемах (например, в молодежно-студенческом жаргоне, в жаргоне военных и т. д.), где такая замена иногда преследует криптолалические цели, но гораздо чаще — чисто юмористические, словесно-игровые. Можно выделить целый ряд формальных разновидностей подобных замен: а) с «усечением»: *шпаргалка* → *шпора*, *стипендия* → *стёпа*, *степь*, *оперативный отряд* → *опера*, *копейка* → *копье* (ср. выражение *нет ни копья*) [40] и т. д.; б) с «аугментацией»: *спина* → *спиноза*, *морда* → *мордовия*, *глаза* → *глазенапы*

[38] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 219—220; см. также: *Иванова Т. А.* О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите. — ВЯ, 1969, № 6; *Янко-Триницкая Н. А.* Имена букв. — РЯНШ, 1981, № 4.

[39] О применении этого способа номинации в других языках см.: *Маковский М. М.* Текстология и лексико-семантические исследования. — ВЯ, 1978, № 3, с. 96.

[40] Реальная этимологическая связь слов *копье* и *копейка* давно не осознается.

(ср. фамилию *Глазенап*), числительное *пять* → *петух* (ср.: *дай пять* 'дай руку' → *дай петуха*), сокращения *уд* 'удовлетворительно' → *удочка*, *хор* 'хорошо' → *хорек* [41], аббревиатуры *ОВ* 'марка паровоза' → *овечка*, *СУ* 'марка паровоза' → *сушка*; в) с «транссегментацией»: *молодец* → *мэлотэк*, *лампас* → *лампада*, *студебеккер* → *студень*, *студент* и т. п.; г) с вокалическим насыщением консонантных инициальных аббревиатур: *ППШ* 'пистолет-пулемет Шпагина' → *папаша*, *АНТ* 'самолет конструкции А. Н. Туполева' → *анюта* и др. Аналогичные замены созвучными словами широко распространены в неофициальной антропонимии (личные и коллективные прозвища), но здесь они часто отягощены сопровождающей отправную фонетическую мотивированность дополнительной внутренней мотивированностью, состоящей в том, что подбор заменяющего слова производится из круга лексики, связанной с профессиональными занятиями «обзываемого» лица или могущей описывать его наружность, характер и т. п. Столкновение внешней выразительности прозвища и его исходной семантики порождает особый юмористический эффект: *Ксенон* — сотрудник химического института по фамилии *Аксенов*; *Морфема* — женщина-филолог по имени *Мария Фоминична* [42]; *Рейсфедер* — преподавательница черчения по имени *Раиса Федоровна* и т. д.

Описанные типы лексико-семантической трансформации можно представить в виде формул [43] (условные обозначения: N, N_1, N_2 — лексема; 'A', 'B' — архисема или цельное значение; 'a', 'b', 'c' — дифференциальная или коннотативная сема).

Внутренне мотивированные изменения значений:

— парадигматически обусловленные:

сужение значения:	N 'A' → N 'Ab'
расширение значения:	N 'Ab' → N 'A'
семантический сдвиг:	N 'Ab' → N 'Ac'
метафора:	N 'Ac' → N 'Bc'

[41] Приведенные в качестве примера (графические) сокращения *уд* и *хор* сами имеют омонимы среди неусеченных слов, но, вероятно, это случайное совпадение, а не намеренное, ориентированное усечение. Впрочем, существительные *удочка* и *хорек* вполне могут быть включены и в рубрику замен с «транссегментацией».

[42] *Данилина Е. Ф.* Прозвища в современном русском языке. — В кн.: Восточнославянская ономастика (Материалы и исследования). М., 1979, с. 290.

[43] Ср.: *Гак В. Г.* Семантическая структура слова. . ., с. 83—85.

— синтагматически обусловленные:
семантическая компрессия: N_1 'A' + N_2 'B' → N_1 'Ab'
метонимия: N_1 'A' + N_2 'B' → N_1 'Ba'
(в стабилизированной модели N 'A' → N 'Ba').

Внутренне не мотивированные изменения значений:

N 'A' → N 'B'
(при условии 'A' ∩ 'B'=∅).

Помимо типов «чистых» лексико-семантических изменений нужно выделять и тип семантико-синтаксической трансформации, под которой понимаются явления, близкие метонимии и семантической компрессии, но сопряженные с изменением синтаксических свойств слова. Имеется в виду транспозиция частей речи, и в первую очередь (в силу наибольшей ценности имени существительного для целей предметной номинации [44]) субстантивация имен прилагательных и причастий. Первоначальный механизм субстантивации, так же как в случаях с семантической компрессией и метонимией, достаточно внятно описывается при помощи ссылок на синтагматические отношения слова. В сущности, субстантивацию вполне возможно охарактеризовать как метонимию, отягощенную изменением синтаксической функции («прилагательное/причастие» → «существительное»); метонимия — N_1'A' + N_2'B' → N_1'Ba'; субстантивация — N_1 [s_1] 'A' + N_2 [s_2] 'B' → N_1 [s_2] 'Ba', где [s] — синтаксическая функция=часть речи; в конкретных примерах: *касательная* ('A', прил.) + *линия* ('B', сущ.) → *касательная* ('Ba', сущ.), *квартальный* ('A', прил.) + *надзиратель* ('B', сущ.) → *квартальный* ('Ba', сущ.). Ср. еще: *передовая статья* → *передовая*, *имя числительное* → *числительное*; *объяснительная* (записка), *масленая* (неделя), *прихожая* (комната), *борзая* (собака), *купчая* (грамота), *падучая* (болезнь), *тысяцкий* (воевода), *ротный* (командир), *портной* (мастер), *согласный* (звук), *жаропонижающее*, *слабительное* (средство, лекарство), *первое*, *жаркóе* (блюдо), *слагаемое*, *вычитаемое* (число), *служивый* (человек), *леший* (хозяин), *сохатый* (зверь) и т. д.

Субстантивация, подобно метонимии, легко освобождается от пут синтагматики, и в языке вырабатываются

[44] См.: *Kuchař J.* К общей характеристике номинации. — In: Travaux linguistiques de Prague, III. Prague, 1968; *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978.

определенные модели предметных наименований путем сообщения прилагательному синтаксической функции существительного без оглядки на возможные словосочетания, ср. названия предприятий торговли и общепита: *блинная*, *пельменная*, *закусочная*, *кондитерская*, *бульонная* и т. п.— по аналогии со *столовая* (сначала, вероятно, результат расширения значения 'комната в квартире, предназначенная для обедов' → 'вообще место, где питаются' (→ 'предприятие общественного питания')); *дворницкая*, *плотницкая*, *детская*, *профессорская*, *диспетчерская* и т. д.; *ванная*, *душевая*, *бильярдная*, *кубовая*, *кладовая*, *котельная* и т. д.; *млекопитающие*, *непарнокопытные*, *сумчатые*, *двукрылые*, *земноводные* и т. д.; *покрытосеменные*, *цветковые*, *крестоцветные*, *пасленовые*, *валериановые*, *камнеломковые* и т. д.; *леший*, *водяной*, *полевой*, *домовой* и т. д.; *слагаемое*, *делимое*, *частное* и т. д. Подобные случаи можно считать уже собственно суффиксацией, полагая суффиксы и флексии этих существительных омонимичными суффиксам и флексиям прилагательных [45] (ср.: *домовой*, но *овинник*, *баенник*, *лешак*; *кладовая*, но *кладовка*, *котельня*, *слесарня*, *столярня* и т. д.).

Субстантивация — эллиптическая и «модельная» — весьма часта в речи, ср. возможную контекстную субстантивность прилагательных: *лысый*, *горбатый*, *носатый*, *косой*, *безногий* и т. д.; причастий: *говорящий*, *сидящий*, *идущий*, *куривший*, *остановившийся*, *ведомый*, *изгнанный* и т. д.

Важнейшую роль в системе технических средств номинации играет создание формально новой номинативной единицы (на базе уже имеющихся языковых единиц): цельнооформленной (слово) и раздельнооформленной (сочетание слов, «синтагма», «фраза»). Соответственно этому выделяются словообразование и фразообразование (синтагмообразование).

Цельнооформленная номинативная единица (слово) возникает либо путем деривации, под которой понимается некая операция над одним

[45] Так, в частности, считал В. В. Виноградов (см.: *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, с. 189); ср. также: *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 179—180; Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 105.

начальным объектом — словом, либо путем композиции, т. е. операции над д в у м я (и более) равноправными начальными объектами — словами или основами. Конечный объект (результат) деривации и композиции в этом отношении одинаков: одно (цельное) слово.

Различные типы деривации можно разделить на два типа: деривация, основывающаяся на разного рода деформациях производящей основы, и деривация, не предполагающая таких деформаций исходного «строительного» материала. Последний тип делится на собственно деривацию и так называемое заменительное словообразование.

С о б с т в е н н о д е р и в а ц и я включает в себя конверсию (флективное, или безаффиксное, словообразование) и аффиксацию.

К о н в е р с и я представляет собою имеющее словообразовательный характер [46] явление смены парадигмы, т. е. либо изменение синтаксических свойств слова путем перевода его в другую часть речи (материально выраженная транспозиция: *золото* → *золотой*, *быстрый* → *быстро*, *зеленый* → *зелень*, *ужин* → *ужинать*; транспозиция, не выражаемая материально, например субстантивация звукоподражательных комплексов: Взвивается правая рука с камертоном. Тонкий металлический «*зум*» расплывается в духоте коридоров (Л. Кассиль, Кондуит и Швамбрания); сюда же иногда относят явления «нулевой» аффиксации: *синий* → *синь*, *бежать* → *бег*), либо перевод из одной морфологической парадигмы в другую в пределах одной и той же части речи, но с изменением смысла, обычно выражаемого грамматически и кристаллизующегося в грамматической категории.

Для русского языка это прежде всего категория рода: *кум* ~ *кума*, *супруг* ~ *супруга*, *раб* ~ *раба*, *инок* ~ ~ *инока* (устаревшее). *внук* ~ *внука* (устар.). По этому способу образованы просторечные *убивец* (муж. р.) ← ← *убийца* (общ. р.), *кровопивец* ← *кровопийца* (ср. также просторечное *юнош* как результат «родовой» конверсии ложно понятой формы *юноша*), литературные окказионализмы *обезьян* (В. Маяковский, Стихи — детям), *нимф* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев) и др.

В нарицательной лексике современного русского языка конверсия такого типа — явление довольно редкое

---

[46] *Кубрякова Е. С.* Деривация, транспозиция, конверсия. — ВЯ, 1974, № 5, с. 75.

(ср. *такса → такс*, *крокодил → крокодила* в песенке «По улице ходила. . .»; просторечные «обзывные» слова *гада*, *тигра*, *урода* и др.); более того, в русском языке существует тенденция к устранению отношения конверсии по роду, и многие из приведенных пар примеров испытали аффиксальные преобразования в их «женской половине», очевидно, по причинам омонимии большинства их падежных форм (у слов типа *раба* не имеет омонимичных форм в словоизменительных парадигмах муж. рода и мн. числа только форма твор. падежа): *раба → рабыня*, *внука → внучка*, *инока → инокиня* и даже (в просторечии) *супруга → супружница*. Активно функционирует родовая конверсия лишь в антропонимии: *Иванов ~ Иванова*, *Калинин ~ Калинина*, *Петровский ~ Петровская*, *Александр ~ Александра*, *Валерий ~ Валерия*, *Владлен ~ ~ Владлена*, *Ренат ~ Рената*, *Ревмир ~ Ревмира* и т. п.

Аффиксальное словообразование — наиболее распространенный способ создания цельнооформленных номинативных единиц. Оно проявляется в двух основных, «чистых» разновидностях — суффиксации (синтаксическая деривация [47]: *глупый → глупость*, *лимон → лимонный* и т. д.; лексическая деривация: *студент → студенчество*, *пепел → пепельница*, *змея → змееныш*, *спать → спальня*, *талант → талантливый*, *капризный → капризничать* и т. д.) и префиксации (*говорить → наговорить*, *выполнить → недовыполнить*, *большой → наибольший*, *удар → контрудар*, *тип → подтип*, *проводимость → сверхпроводимость*, *обложка → суперобложка* и т. д.). Суффиксация и префиксация совмещаются в суффиксально-префиксальном способе словообразования, или конфиксации (*деньги → безденежье*, *ворота → подворотня*, *размер → соразмерный*, *свистеть → присвистывать* и т. д.). Существуют, кроме конфиксации, и иные смешанные способы словообразования [48].

Продуктивность аффиксального словообразования как способа номинации в целом чрезвычайно высока.

Заменительное (субститутивное) словообразование стало привлекать внимание

---

[47] *Курилович Е.* Указ. соч., с. 62—63.

[48] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 41, 43; *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование, с. 176.

исследователей сравнительно недавно [49]. Этот способ деривации состоит в подстановке одной морфемы на место другой морфемы или произвольного сегмента в готовом слове. Отличие субституативной деривации от аффиксального словообразования заключается в том, что новое слово образуется не по модели, не в соответствии с каким-нибудь словообразовательным типом, хотя «модельные» параллели могут активно функционировать в языке, а появляются, по выражению И. С. Улуханова, «на глазах» носителя языка по образцу какого-либо одного, вполне определенного, конкретного слова. Весьма часто предыдущий контекст такого нового слова, образованного субституативным способом, и особенно при помощи мены префиксов, включает в себя исходный образец, подвергающийся трансформации в новом слове.

Заменительное словообразование выступает в двух разновидностях: субституция «морфема → морфема» и субституция «произвольно вычленяемый сегмент слова, не совпадающий с морфемой → морфема». Первая разновидность делится на мену префикса (транспрефиксация) и мену корневой морфемы (трансрадиксация).

Способ транспрефиксации целиком базируется на антонимии приставок [50], ср.: *приклеить → отклеить, заминировать → разминировать, застегнуть → расстегнуть, ввести → вывести* (узуальные образования; некоторыми дериватологами существование узуальной транспревербации оспаривается [51]), *внедрить → вынедрить, выпуклый → впуклый, переворот → недоворот, предтеча → послетеча, запрет → распрет, прислонить → отслонить* (окказионализмы или диалектные слова [52]) и т. д.

Трансрадиксация, или, точнее, мена основ (трансгематизация) в конкретном слове может быть мотивированной и не мотивированной внутренне. В первом

---

[49] См.: *Улуханов И. С.* Словообразование путем замены морфем. — Рус. речь, 1974, № 5; *Он же.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977, с. 63 и след.

[50] *Михайлов М. А.* К образованию слов путем мены префиксов. — Учен. зап. Горьковского гос. ун-та, 1970, вып. 114; *Улуханов И. С.* О замене приставок. — РЯШ, 1974, № 3.

[51] *Тихонов А. Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка (Курс лекций). Самарканд, 1971, с. 264.

[52] Слово *распрет* известно и в русских говорах, см.: *Миртов А. В.* Донской словарь. Ростов н/Д., 1929, стб. 271. Глагол *отслонить* включен в словарь В. И. Даля.

случае корень (или основа) исходного слова заменяется другим корнем (основой), сохраняющим свое лексическое значение, ср.: *богохульство* → *родителехульство* (в письмах А. П. Чехова), *ротапринт* → *рукопринт*. Семантические отношения между заменяемой и заменяющей основами сложнее и разнообразнее, чем между приставками в субститутивной префиксации. Здесь наблюдаются и синонимия основ (*микроскоп* → *мелкоскоп* в «Левше» Н. Лескова), и антонимия (*телосложение* → *теловычитание*, *белобрысый* → *чернобрысый*, *быстрорастворимый* (сахар) → *медленнорастворимый*), и «энгионимия» (*сиюминутный* → *сиюсекундный*, *собственноручно* → *собственноножно*), и т. д.; ср.: . . .я очутился как бы в чаще, накрытой *трехчетвертьшарием* небесного свода. Неожиданная, совершенно новая сферичность обняла меня. . . (К. Петров-Водкин, Пространство Эвклида); На небе снова было «*полноземие*» (А. Беляев, Звезда КЭЦ); В ходу были «*убольшительные*» слова, вместо «чашка» говорили «чаха» . . . (И. Грекова, Кафедра). Существенную роль в трансрадиксации играет фактор фонетического сходства заменяемой и заменяющей морфем: *людоед* → *людовед*, *душегуб* → *душелюб*, *телевизор* → *елевизор* ‘плохо работающий телевизор’, *броненосец* → *бровеносец*, *плодовоягодное* (вино) → *плодовоябедное* и *плодововыгодное* и т. п., ср.: Сейчас главное — правильно, без *шайбозакидательских* настроений оценить удачную для нас серию соревнований. . . (Изв., 1979, 5 марта).

Внутренне немотивированная трансрадиксация отличается от предыдущего типа тем, что новое слово, будучи образованным путем замены корневой морфемы исходного слова другой корневой морфемой, не синонимичной прежней, остается тем не менее синонимичным исходному. В этих случаях заменяющая корневая морфема не приобретает лексического значения, которым обладает заменяемая морфема, а десемантизуется полностью, в то время как семантика закрепляется за общей словообразовательной конструкцией в целом, а не складывается из значений составных частей конструкции. Образованные таким способом слова носят заметный вульгарно-экспрессивный характер и отмечаются, как правило, в сфере грубого просторечия: *осточертеть* → *остохренеть*, *стереофонический* → *стервофонический* и т. п. Иные, более выразительные, иллюстрации к описываемому способу словообразования при-

www.ruslang.ru

вести здесь невозможно по причине их недостаточной пристойности [53]. Отметим лишь, что и в этой разновидности трансрадиксации фонетическая близость заменяемого и заменяющего корней играет важную роль.

При субституативной деривации в конкретном слове морфемой может заменяться не только морфема, но и вообще любой сегмент, границы которого не совпадают с морфемными швами. Так, подстановкой греческого корня *пента-* 'пять' вместо произвольно вычлененного из слова *домино* сегмента *до-* получено название геометрической игры *пентамино* (блоки, применяемые в этой игре, состоят из пяти квадратов; в русском языке это название является заимствованием). Заменяемый произвольно выбранный сегмент может отождествляться с реальной морфемой (и тогда этимологически не объясняемой оказывается остальная часть слова), ср.: *бикини* 'дамский пляжный ансамбль из особого покроя трусиков и лифчика' (от названия атолла *Бикини*) → *монокини* 'то же, но без лифчика', где сегмент *би-* осмыслен как латинский по происхождению терминоэлемент *би-* 'два, двойной' и заменен элементом *моно-* 'один, единый'. В русском языке подобные субституции нередко встречаются, например, у поэтов, имеющих склонность к словесным экспериментам: Стоял Январь, не то Февраль, / какой-то чортовый *Зимарь*. / Я помню только голосок / над красным ротиком — парок / и песенку: «Летят вдали /красивые *осенебри*, / но если наземь упадут, / их *человолки* загрызут. . .» (А. Вознесенский, Песенка травести из спектакля «Антимиры»), *янв-арь* → *зим-арь*, *чело-век* → *человолк* (ср.: *маловек* у В. Хлебникова), *катамаран* → *тримаран* → *полимаран*, *госпиталь* → простореч. *вошпиталь*, *пиджак* → *спинжак* и др.

Сегментно-морфемная субституция, основанная на фонетической близости заменяемого и заменяющего элементов, — один из основных путей «патологического» ложноэтимологического преобразования слов: *бульвар* → *гульвар*, ср. *гул'(ать)*; *вазелин* → *мазелин*, ср. *мазь*, *маз(ать)*; *пиджак* → *спинжак*, ср. *спин(а)*; *пуловер* → *полувер*; цирковой термин *шамбарьер* 'манежный бич' → → франц. chambrière с отождествлением второй половины слова с *барьер* и др. («корневые» преобразования),

---

[53] См.: *Drummond D. A., Perkins G.* Dictionary of Russian obscenities. Berkeley Slavic specialities. Berkeley, 1979.

шанс → *шанец*, *вальс* → *валец* [54] («суффиксальные» преобразования).

Деривация, как было отмечено, может опираться на искусственную деформацию производящей основы, проявляющуюся прежде всего в элиминировании некоей части означаемого. Здесь выделяются синкопа, с одной стороны, и разного рода граничные (начальные и конечные) усечения — с другой.

Синкопа как особый способ словообразования представляет собой первоначально воспроизведение в устной речи, а затем и закрепление («оязыковление») титлованной записи слов через дефис, с опущением срединной части лексемы. В качестве примеров могут быть приведены возникшие в языке военных слова *тол* из записи *т-ол* 'тринитротолуол', *рация*, вероятно, из письменной титлованной формы *ра-ция* (или, скорее, *рад-ция*) 'радиостанция', в языке учащихся — не вышедшие за пределы школьного жаргона слова *физрá* ← графич. *физ-ра* 'физкультура', *литрá* → графич. *лит-ра* 'литература' и др.; в речи музыкантов-лабухов — *фонó* 'фортепиано', видимо, из записи *ф-но* (с дальнейшим, также жаргонным, производным *фонист* 'пианист') и т. п. Словообразовательное синкопирование возможно, по-видимому, и без непосредственного влияния графического дефисного сокращения, ср., например: *физия* → *физ*[*ионом*]*ия* [55]. Некоторые новейшие искусственные номинации можно трактовать как синкопирование целого словосочетания: *реанимобиль* ← *реаним*[*ационный авто*]*мобиль* (своеобразная разновидность аббревиации: впрочем, *-мобиль* с таким же основанием может уже считаться элементом суффиксального характера), ср. англ. arcology ← ← arch[itectural e]cology 'архитектурная экология', pulsar 'пульсар' ← puls[atory stell]ar 'пульсирующая звезда' наряду с quasar 'квазар' ← quas[istell]ar [56].

---

[54] *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980, с. 73.

[55] Г. О. Винокур справедливо полагает, что слова вроде *полпредство*, *торгпредство*, *военкомат*, *наркомат* сюда не относятся, являясь аффиксальными производными (с суф. *-ство*, *-ат*) от сложносокращенных слов *полпред*, *торгпред*, *военком*, *нарком*, а не синкопами, связанными с титлами лексем *представительство*, *комиссариат* (*Винокур Г. О.* Культура языка (Очерки лингвистической технологии). М., 1925, с. 64—65).

[56] Образцом для синкопирования словосочетания в русском служит, по-видимому, аналогичный прием, используемый в английском

Синкопа является весьма редким способом образования новых лексем. Столь же редко встречается и словообразование путем начального усечения слова (аферезис): *лясы* 'болтовня, сплетни' ← *балясы* 'точеные перила' (ср. *точить лясы*), *шлык* ← *башлык*, *стрюк* 'дрянной, презренный человек' ← *бастрюк*, *байстрюк* 'незаконнорожденный' (откуда далее *стрюцкий*, *стрюцкие люди* (Ф. Достоевский, Дневник писателя) [57]), диал. *ланд(к)а* 'брюква' ←*голандка* (см. у Фасмера) и др.; в антропонимии: *Пнин* ← *Репнин* и др., изредка начальное усечение фамилии используется для создания псевдонима. В говорах русского языка отмечаются случаи «патологического» начального усечения вследствие осмысления приставки (или ее части) как предлога; например, вятское *скресенье* 'воскресенье' [58], ср. обратное явление: *во вторник* → → сущ. *вовторник* в севернорусских говорах [59] (если это не протетическое *в-* чисто фонетического происхождения перед протетическим же *о-*, что распространено во многих диалектах). Обычным и очень активным начальное усечение (совмещенное, как правило, с иными преобразованиями основы) является лишь в сфере гипокористических личных имен: *Ваня* (← *Иван*), *Коля* (← *Николай*), *Митя* (← *Дмитрий*), *Толя* (← *Анатолий*), *Лена* (← *Елена*), *Мила* (← *Людмила*), *Рита* (← *Маргарита*), *Тина* (← *Валентина*) и т. п.

Намного чаще отмечается для апеллятивных имен конечное усечение слова (основы) (апокопа): *бадминтон* → → *бад*, *баскетбол* → *баскет*, *бродвей* 'главная улица' (жарг.) → *брод*, *гомосексуалист* → *гомосек*, *дюралюминий* → *дюраль*, *кибернетический (-ое устройство)*→*кибер*, *пластинки* (граммофонные) → *пласты*, *плексиглас* → → *плекс*, *преферанс* → *преф*, *профессор* → *проф*, *психопат* → *псих*, *саксофон* → *сакс*, *специалист* → *спец*, *суперобложка* → *супер*, *сюрреализм* → *сюр*, *факультет* → *фак* и др. Создание слов путем конечного усечения других слов или основ не является, однако, главной целью этого

терминообразовании, типа bit 'двоичная единица информации' ← ← binary digest (digit).

[57] См.: *Виноградов В. В.* Историко-этимологические заметки. III. — В кн.: Этимология, 1965 (Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам). М., 1967, с. 172—176.

[58] *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

[59] Словарь русских народных говоров, вып. 4. Л., 1969, с. 329

деривационного приема. Он используется преимущественно в целях создания «строительного» материала для аббревиатур и сложносокращенных слов — морфемоподобных единиц, которые Г. О. Винокур назвал темами [60]: *агит-*, *глав-*, *гор-* 'городской', 'горный', *гос-*, *жен-*, *жил-*, *ком-* 'коммунистический', 'командный', 'коммунальный', 'командир', *-ком* 'комитет', 'командующий', 'комиссар', 'комиссия', *кооп-*, *лит-*, *мед-*, *мор-*, *нар-*, *нац-*, *обл-*, *пед-*, *полит-*, *раб-*, *рай-*, *рев-*, *сан-*, *сов-*, *соц-* 'социалистический', 'социальный', *тех-*, *уч-*, *физ-* 'физический', 'физкультурный', *хим-*, *хоз-* и др. Темы-морфемоиды могут вторично вычленяться уже из состава сложносокращенных слов и образовывать новые слова: *оперуполномоченный* → → *опер*, «*Беломорканал*» (название папирос) → «*Беломор*», *госэкзамен* → *гос* и т. д.

Усечение как способ создания производных слов входит в класс искусственных номинаций, но занимает в нем пограничное положение и имеет тенденцию перейти в класс нормальных, стандартных номинаций, что отчасти выражается в низкой степени экспрессивности или даже в отсутствии таковой у многих подобных образований, ср. *зав*, *зам*, *торг*, *членкор (член-корр)* и т. п.

Некоторые из слов, воспринимаемых как результаты конечного усечения, являются заимствованными из других языков уже в таком виде: *авто*, *пило*, *кино*, *метро*, *ультра* [61].

---

[60] *Винокур Г. О.* Указ. соч., с. 36, 63.

[61] Усечения весьма распространены в современных западноевропейских языках: англ. cab (← cabriolet), perm (← permanent wave 'перманентная завивка'), zoo (← zoological garden), нем. Zoo, Unter (← Unteroffizier), Ober (← Oberkellner), Mathe (← Mathematik), франц. anar (← anarchiste), édito 'передовая статья' (← éditorial), lino(← linoléum, linotype), mélo (← mélodrame), prolo (← prolétaire) и т. д. В английских и французских сокращениях заметное место в отличие от русских занимает начальное усечение: англ. omnibus → bus, airplane → plane, telephone → phone, франц. cipal 'полицейский' ← garde municipal, pitaine 'капитан' ← capitaine и др. Процесс развития усечения как способа образования слов в современном русском языке активно поддерживается западноевропейскими параллелями, хотя справедливо мнение (см.: Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 271; *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование, с. 178), что словообразовательное усечение обязано своим появлением морфемообразовательному усечению для нужд аббревиатурного сложения, которое в русском языке имеет более прочные позиции.

К усечению до известной степени примыкает способ, состоящий в лексикализации аффикса—префикса: VIII Всемирный и его «*анти*»; Даже самые злые «*анти*» не показывают кулаки (примеры Е. И. Голановой [62]); Все началось с «*пере*». . . А поскольку спор шел на сплошных «*пере*» в ту и другую сторону, то в конце концов критики ушли от объективной ценности книги (пример И. С. Торопцева [63]); Ведь о чем ни просил бы директор, это неизбежно сведется к «*пере*»: пересмотреть, переутвердить, перепланировать, перезакрепить, переверстать. Словом, переделать (Неделя, 1980, № 37) — или суффиксального элемента: Тем не менее, несмотря на противоречивые показания барометров, термометров и прочих «*метров*», по общему уговору на всей территории страны — от Атлантики до Тихоокеанского побережья — с 23 сентября стоит осень (Изв., 1978, 3 окт.).

Лексикализация префикса — явление, как представляется, чисто речевое, окказиональное; что же касается лексикализации суффиксов или суффиксоидов, то некоторые из этих случаев приобретают узуальный, языковой характер: *измы* (ср. англ. ism, нем. Ismus и т. д.), *надцать (надцатый)* ‘в пределах второго десятка по счету’ и др. [64]

К деформациям рассмотренных типов можно в какой-то мере отнести и о б р а т н о е с л о в о о б р а з о в а н и е — «патологический» путь возникновения лексических единиц вследствие неверного членения слова на морфемы и ложной семантической оценки полученных в его результате сегментов: *зонтик* → *зонт*, *фляжка* → *фляга*, *махорка* → *махра*, *кролик* → *кроль* [65], *рахитик* → *рахит* (‘больной рахитом’, омоним к названию болезни), *шлафрок* → *шлафор*, в особенности примеры из детской речи

---

[62] *Голанова Е. И.* Активные процессы в префиксации современного русского литературного языка (на материале имен существительных). Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 15.

[63] *Торопцев И. С.* Очерк русской ономасиологии (возникновение знаменательных лексических единиц). Автореф. докт. дис. Л., 1970, с. 27.

[64] См. также: *Янко-Триницкая Н. А.* Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, I. Ташкент, 1975, с. 415—416; *Капанадзе Л. А.*, *Красильникова Е. В.* Об актуализации морфемной членимости слова в речи. — В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

[65] Ср. сознательное обыгрывание этой формы у Д. Самойлова: Это не *кролик*, а целый *кроль*! (Кот в сапогах).

(*ложка* → *лога* и т. п.). Обычно рассматриваемые вместе с указанными примерами случаи вроде *доярка* → *дояр*, *машинистка* → *машинист* (омоним к 'водителю локомотива'), *стюардесса* → *стюард* составляют, на наш взгляд, особую разновидность деривации, не сопровождаемой деформациями, поскольку отделяемые суффиксы в них реальны и процедура их устранения преследует семантические цели, существенно отличные от целей «патологического» обратного словообразования (аналогия этому типу десуффиксации — депрефиксация: *неряха* → *ряха*, *невежа* → *вежа*, *ненаглядный* → *наглядный* и т. п. (см.: К. Чуковский, От двух до пяти)). Случаи же вроде *корешок* 'приятель, дружок' → *кореш*, *стишок* → *стиш* должны включаться, по-видимому в «обычное» конечное усечение, а не в рубрику «обратное словообразование» [66].

Кроме усечений и синкопы, т. е. деформаций, направленных на укорачивание слова, в русском языке, особенно в просторечии и диалектах, наблюдается деформация противоположного свойства — материальное расширение основы, э п е н т е з а. В качестве словообразовательного приема эпентеза в русском языке специально не отмечается, и, насколько пока можно судить, достаточно оправданно: примеры типа *здря*, *страм*, *жграть*, исторические эпентезы в словах *встреча* (ср. *сретенье*), *струя*, *остров* (восходящих к и.-е. *sreu̯ 'течь') и т. п. носят чисто фонетический характер и к номинации не имеют ни малейшего отношения, однако ср.: *купол* 'крыша полушарием' → → экспрессивное *кумпол* 'голова, башка' (при отсутствии **купол* 'голова'!), диал. *балясить* 'пустословить' → *балендрясить* 'то же', *цыпленок* 'птенец курицы' → диал. *цыпырленок* (ласкательное слово, обращение) [67] и др. (диалектная лексика дает довольно богатый материал на эту тему). В ряде случаев в литературном языке можно отметить лексикализацию народных форм с фонетической эпентезой: *ндрав* 'буйный или деспотический нрав, самодурство' и др. Сбор и систематизация фактов подобного

---

[66] Ср. различие позиций в работах: *Моисеев А. И.* О так называемом «обратном словообразовании». — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. *Николаев Г. А.* Обратная соотнесенность и обратное словообразование. — Там же; *Янко-Триницкая Н. А.* «Дай мне логу». — В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. . .

[67] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. 4. М., 1973, с. 307 (со ссылкой на В. Н. Добровольского).

рода, возможно, приведут к ревизии мнения об отсутствии в русском языке эпентезы как словообразовательного (и тем самым номинативного) средства. Уже сейчас ясно, что поиск материала должен ориентироваться преимущественно на экспрессивную — пейоративную, гипокористическую и проч. — лексику.

Наряду с элиминированием части означаемого и эпентезой, которые можно объединить в рубрику количественных деформаций, в русском словообразовании мыслима и качественная деформация — м е т а т е з а. Имеются в виду не относимые к области языковой «патологии» фонетические перестановки на ассимилятивной и диссимилятивной основе, а характеризующиеся сознательной направленностью пермутации. Отметим, например, откровенно искусственную ретроскрипцию корня в термине *нофема* (← *фонема*): «Как ввести термин и не вводить его? Как ввести термин, не загружающий память фонетиста? Минимально отличный от термина *фонема*? Это можно сделать так: корень *фон* вывернуть наизнанку. Наша единица будет называться *нофема*. Потом увидим, что такой термин хорош и по самой природе *нофемы*: она — антипод *фонемы*, она — *фонема*, вывернутая наизнанку» [68]. Послереволюционная искусственная антропонимия дает образцы ретроскрипции целого слова (имени собственного): частотное *Нинель* (← *Ленин*), единичное *Нилатс* (← *Сталин*). Впрочем, этот прием использовался в антропонимии и раньше, ср. *Сушард* → *Драшус(ов)* (преподаватель французского языка, готовивший юного Достоевского к поступлению в пансион [69]). На принципе метатезы, в сущности, базируется предлагавшаяся не так давно методика конструирования личных имен с помощью вычислительных машин: *Дарий*, *Радий*, *Адрий*, *Ардий* и т. д. [70] Метатеза может использоваться в текстах пародийного характера как один из приемов аллюзии, ср. *лвок* (← *волк*) в сочинении некоего фантаста «Красный скафандр», являющемся переделкой «Красной шапочки» (И. Варшавский, Секреты жанра).

---

[68] *Панов М. В.* Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка. — В кн.: Теоретическая фонетика и обучение произношению. М., 1975, с. 14.

[69] См.: *Гроссман Л.* Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.—Л., 1935, с. 26.

[70] Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. М., 1970, с. 77—78.

В композитивном словообразовании разграничиваются способы создания новых цельнооформленных номинативных единиц, во-первых, путем соединения в целое некоей синтагматической последовательности слов с сохранением отчетливо просматривающихся синтаксических связей ее компонентов («слияние»), и, во-вторых, путем сложения, т. е. объединения в целое слов (или основ), в синтаксическом отношении непосредственно не связанных. В «слияние» включаются сращение и аббревиация.

Слова, образованные по способу сращения, «во всех своих формах по морфемному составу полностью тождественны синонимичному словосочетанию, и, таким образом, синтаксическая связь этого сочетания сохраняется как живая связь в структуре мотивированного им слова» [71]. Сращение в чистом виде, которое можно определить как лексикализацию словосочетания, характерно только для образования имен прилагательных: *умалишенный*, *сумасшедший*, *азотсодержащий*, *серусодержащий*, *вышестоящий*, *долгоиграющий*, *вечнозеленый* и т. п. [72] Реже отмечается оно в глаголообразовании: *благотворить*, *заблагорассудится*, — и в образовании наречий: *сегодня*. В образовании имен существительных сращение выступает в сочетании с суффиксацией: *ничегонеделание*, *отсебятина* и др. (ср. также: *христарадничать*, *потусторонний*, *сногсшибательный*, *сиюминутный* и др.).

Аббревиация — слияние в одно слово усеченных слов, образующих словосочетание: *народный комиссар* → *нарком*, *ликвидация безграмотности* → *ликбез*, *школьный работник* → *шкраб*, *областной комитет* → *обком*, *филологический факультет* → *филфак*, *заведующий лабораторией* → *завлаб*, *капитан первого ранга* → *каперанг*, *общественное питание* → *общепит*, *молекулярное сито* → *молекс* и т. д. Последнее слово исходного словосочетания может не сокращаться: *капитальный ремонт* → *капремонт*, *начальствующий состав* → *начсостав*,

---

[71] Грамматика современного русского литературного языка, с. 42.

[72] Слово *впередсмотрящий* 'матрос на судне с определенного рода обязанностями' является результатом одновременного сращения и субстантивации причастия, в связи с чем не обнаруживает «синонимичности» с исходным словосочетанием (ср. *смотрящий вперед*). Эта фразеологичность менее заметна у слов *умалишенный* и *сумасшедший*, которые могут быть и прилагательными и существительными.

физическая культура → *физкультура*, *социалистический реализм* → *соцреализм*, *сберегательная касса* → *сберкасса*, *заведующий сектором* → *завсектором*, *командир полка* → *комполка* и т. п.

В качестве особой разновидности аббревиации рассматривают а к р о н и м и ю, или образование слова соединением начальных букв (звуков) слов, входящих в исходное словосочетание: *высшее техническое учебное заведение* → *втуз*, *долговременная огневая точка* → *дот*, *искусственный спутник Земли* → *ИСЗ*, *Союз советских писателей* → *ССП*, *Центральный спортивный клуб армии* → → *ЦСКА*, *электронная вычислительная машина* → *ЭВМ* и т. д.

В ряде случаев аббревиатура сознательно ориентирована на реально существующее в языке слово. Немногочисленные официальные аббревиатуры такого рода преследуют определенные образно-символические цели: *Государственный институт музыкальной науки* (1921—1931) → *ГИМН*, (*Всероссийское*) *объединение кинематографических обществ* → *ОКО* и нек. др.; более частые неофициальные аббревиатуры носят шутливо-игровой характер: «*Вопросы литературы*» → «*Вопли*» [73], *гражданская оборона* (как учебный предмет) → *гроб*, *главное управление* → *глуп* (например, окказиональное *Глупвуз* вместо *Гувуз*), *Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства* → *НИИЧАВО* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Понедельник начинается в субботу) [74] и т. д.

Синтаксическая связь компонентов в словах, возникающих при помощи с л о ж е н и я, в отличие от слов — результатов слияния, как было отмечено, непосредственно (морфемно) не выражается. Хотя многие из таких слов мотивируются словосочетаниями (ср.: *женолюб* ← *любить женщин*), морфологические показатели синтаксической связи их компонентов — флексии и в ряде случаев предлоги (*ходить по канату* → *канатоходец*) — выводятся за пределы морфемного состава вновь образуемых единиц.

---

[73] В этом примере обращает на себя внимание усечение слова на гласном, не свойственное обычно русским слоговым аббревиатурам (в отличие, скажем, от немецких). Ср. еще приводимый ниже пример из Стругацких.

[74] Ср. неоднократно обыгранные в газетных фельетонах аббревиатурные названия несуществующих научно-исследовательских учреждений *НИИРыба* и *НИИМясо*, ориентированные не на слово, а на целое фразеологическое сочетание.

В рассматриваемой разновидности композитивного словообразования различаются собственно сложение и контаминация. Собственно сложение характеризуется тем, что лексические единицы, полученные таким путем, обладают хорошей членимостью, их компонентам свойственна однозначная выделимость, сохранение четкой «опознаваемости» (за исключением довольно редких случаев с гаплологическим морфемным наложением типа *лермонтовед*). В контаминациях же структура образований затемняется, «морфемные» границы утрачивают свой статус, и предельным результатом контаминации является формирование новой корневой морфемы.

В собственно сложении прежде всего выделяется основосложение: *лесотундра*, *железобетон*, *асбестофанера*, *цветомузыка*, *русско-украинский*, *грузопассажирский*, *плодоягодный*; *хлебозавод*, *бомбоубежище*, *виноторговля*, *теплотехника*, *месторождение*, *обоюдоострый*, *жаропрочный*, *младописьменный* и т. п.; *сорвиголова*, *держидерево*, *держиморда* и т. п. Основосложение в сочетании с суффиксацией (в том числе и нулевой) составляет смешанный тип, занимающий промежуточное положение между деривацией и композитивным словообразованием: *минноносец*, *лесопилка*, *второкурсник*, *свободомыслие*, *низкопоклонство*, *водосброс*, *листопад*, *скотовод*, *длинноногий*, *зеленоглазый*, *островерхий* и т. п.

Иной тип собственно сложения — словосложение, отличающийся от предыдущего сохранением флексии у первого компонента. Здесь возможно выделение тавтологического словосложения, с одной стороны, и разнословного — с другой.

Тавтологическое словосложение, или редупликация слова [75], — способ словообразования с очень ограниченной сферой семантической и морфологической («частеречной») применимости: он используется в современном русском языке только для образования

[75] Редупликации основы или корня (если не считать звукоподражательных междометий) в современном русском языке, по-видимому, нет, хотя существуют следы древнего удвоения корня в праславянском: *bolbol > *балабол(ка)*, *golgol > *глагол*, *kolkol > *колокол*, *pelpel или *perper *перепел*, *torlor > *тараторить*). Весьма архаическую словообразовательную структуру имеют многие слова детской речи: *мама*, *папа*, *тетя*, *бобо*, *пипи*, *ням-ням* и др. Не ясно, как нужно квалифицировать примеры вроде названия игрушки *уйди-уйди* (лексикализация редуплицированного императива?).

качественных имен прилагательных и соотносительных с ними наречий с общим значением интенсивности проявления признака: *маленький-маленький* 'очень маленький', *синий-синий* 'ярко-синий', *тихо-тихо* 'очень тихо', *быстро-быстро* 'очень быстро'. Впрочем, критерии отнесения редупликации прилагательных и наречий к способам номинации не вполне ясны: этим формам свойственна особая интонация (с повышением тона на первом слове и понижением на втором), что заставляет думать о том, что в этом случае мы сталкиваемся с особым синтаксическим, а не собственно номинативным явлением. Разновидностью тавтологического словосложения являются случаи с усилительной префиксацией повторяемого компонента: *зеленый-презеленый*, *большой-пребольшой*, *строго-настрого*, *рано-прерано*.

В разнословном словосложении целесообразно разграничивать аппозитивное сложение и так называемый гендиадис. Примеры аппозитивного сложения: *академик-секретарь*, *бал-маскарад*, *Бог-отец*, *дом-музей*, *изба-читальня*, *ковер-самолет*, *мать-героиня*, *режиссер-постановщик*, *роман-эпопея*, *рыба-молот*, *самолет-разведчик*, *сестра-хозяйка*, *человек-невидимка* и т. д. Второй компонент таких сложений является уточняющим атрибутом к препозитивному «родовому» имени. Возможна, однако, и препозиция атрибута: *рубаха-парень* и т. п. К аппозитивному сложению в какой-то мере примыкают образования с сочинительными отношениями компонентов: *купля-продажа*, *имя-отчество*, *мать-отец* 'родители', *братья-сестры*; наречия *взад-вперед*, *туда-сюда*, *туда-обратно* и т. п. В ряде случаев сложения с сочинительными связями компонентов могут подвергаться метонимическому переносу: *ухо-горло-нос* 'врач-отоларинголог'.

Гендиадис, т. е. рифмованное сложение слов, второе из которых может быть асемантичным [76], в русском языке распространен незначительно, ср. словарные (языковые) единицы: *винтик-шпунтик*, *каша-малаша*, *страсти-мордасти*, *шайка-лейка*, *танцы-(ш)манцы*, *штучки-дрючки* и др. Многие из такого рода созвучных парных слов являются заимствованиями: *шуры-муры*, *хурда-*

[76] В подобном значении термин «гендиадис» употребителен, в частности, в алтаистике, см.: *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, с. 222.

мурда, *фигли-мигли*, *шурум-бурум*, *шахер-махер*, *цирлих-манирлих*, *фокус-мокус*, *гоголь-моголь* и т. д. Прибавление к слову рифмующегося словоподобного сегмента преследует либо орнаментальные, колористические цели, либо добавляет к прагматике слова оттенок пренебрежительности, ср.: *намек-наскок*, *роман-шарман*, *бумажки-шмажки*, *тортики-шмортики* (Д. Гранин, Иду на грозу, в речи одного персонажа) [77].

Контаминация как разновидность словообразования принадлежит к явно искусственным, если она намеренна, или к «патологическим», если она бессознательна, способам номинации. В контаминациях различаются междусловное наложение и «агглютинация» усеченных слов.

«Агглютинация» начальных сегментов слов (по формуле: $A\ (=ab) + B\ (=cd) \rightarrow C\ (=ac)$) может быть проиллюстрирована примерами: *бестер* 'гибрид белуги и стерляди' ← *бе(луга)* + *стер(лядь)*; *кермет* 'искусственный материал, совмещающий свойства металла и керамики' ← ← *кер(амика)* + *мет(алл)*; *модем* 'аппарат для модулирования дискретных сигналов при передаче их в канал связи и демодулирования сигналов, поступающих из канала связи' ← *мо(д)(уляция)* + *дем(одуляция)*. Контаминации этой разновидности встречаются в искусственной антропонимии: *Марлен* ← *Мар(кс)* + *Лен(ин)*; *Стален* ← *Ста(лин)* + *Лен(ин)*; *Тиан* ← *Ти(мофей)* + *Ан(на)* (имена родителей) [78]; среди коллективных псевдонимов: *Гинряры* ← *Гин(дин)* + *Ря(бкин)* + *Ры(жов)*; с добавлением флексии мн. числа: *Кукрыниксы* ← *Ку(приянов)* + *Кры(лов)* + *Ник(олай)* *С(околов)* + *-ы*. Отличие «агглютинации» начальных сегментов слов от аббревиации заключается в том, что последняя опирается на словосочетание, в то время как «агглютинация» имеет дело с «разрозненными», не составляющими синтагматической слитности энгионимами. Отношения компонентов подобных образований всегда сочинительные.

«Склеиваться» таким образом могут и начальный сегмент одного слова с конечным сегментом другого, что рассматривается как особый, так называемый телескопический способ словообразования.

---

[77] См.: *Кримський А. Ю.* Калач-малач, кішміш-мішміш. — Збірник історично-філологічного відділу Української АН, Київ, 1928, № 57; *Янко-Триницкая Н. А.* «Штучки-дрючки» устной речи (Повторы-отзвучия). — Рус. речь, 1968, № 4.

[78] *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974, с. 69.

Соединение слов телескопическим способом протекает по формуле: *A* (=*ab*) + *B* (=*cd*) → *C* (=*ad*): *пирамеин* ← *пирам*(*идон*) + (*коф*)*еин*; *мопед* ← *мо*(*тоцикл*) + (*велоси*)*пед*; *ситалл* 'высокопрочное кристаллическое стекло' ← *си*(*ликат*) + (*ме*)*талл*; в каламбурной антропонимии: *Лукомашко* ← *Лу*(*начарский*) + *Ко*(*ган*) + (*Се*)*машко* (В. Маяковский, Сердечная просьба). Отношение телескопического словообразования к словообразовательному синкопированию словосочетания вполне пропорционально отношению «агглютинации» начальных сегментов слов к аббревиации.

Можно предположить, что в русском языке телескопическое словообразование возникло благодаря влиянию английского языка, где оно занимает хотя также периферийное, но более заметное, чем в русском, место; ср.: to dunch 'рано обедать' ← dine + lunch, to blurt 'сболтнуть, выпалить' ← blow + spurt, to galumph 'радостно прыгать' ← gallop + triumph и т. п. [79]

Контаминация путем м е ж д у с л о в н о г о н а л о ж е н и я «состоит в том, что на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова. И в результате возникает сложное слово особого типа, включающее в свое значение семантику обоих объединившихся слов, а в свою основу — основу обоих объединившихся слов» [80]. Формула междусловного наложения: *A* (=*ab*) + *B* (=*bc*) → *C* (=*abc*); при этом конец первого слагаемого и начало второго могут усекаться, так что их полная формульная запись должна выглядеть как *ab*(*d*) и (*e*)*bc* соответственно. Подавляющее большинство примеров сознательных контаминаций путем междусловного наложения отмечается в текстах, имеющих юмористический, сатирический или публицистический характер, и представляет собою эфемериды-окказионализмы, не претендующие на вхождение в словарь. Иллюстрациями могут служить хорошо известные слова *стрекозел* ← *стрекоза* +

---

[79] *Амосова Н. Н.* Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956, с. 89. Ср. анализ «чемоданных» новообразований Л. Кэрролла в статье: *Панов М. В.* О переводах на русский язык баллады «Джаббервокки» Л. Кэрролла. — В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. . .

[80] *Янко-Триницкая Н. А.* Междусловное наложение. — В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. . ., с. 254. В статье приводится обильный материал, почерпнутый преимущественно из поэзии (Кирсанов и др.) и газетной публицистики.

+ *козел* (приписывается Маяковскому), *ломастер* ← *ломать* + *мастер* (С. Маршак); фамилия *Толстоевский* ← ← *Толстой* + *Достоевский*; ср. многочисленные контаминации у Н. Лескова в «Левше»: *бюстры* ← *бюсты* + *люстры*, *симфон* ← *симфония* + *сифон*, *студинг* ← *студень* + + *пудинг*, *безрассудок* ← *безрассудный* + *предрассудок*; ср. еще (о переводах Бальмонтом Шелли): Получилось новое лицо, полу-*Шелли*, полу-*Бальмонт* — некий, я сказал бы, *Шельмонт* (К. Чуковский, Высокое искусство). Последний пример явно ориентирован на третье, реальное слово *шельма*.

Слова, полученные междусловным наложением, редко входят в словарный фонд языка, немногие из них создаются с расчетом введения в лексикон (например, *метон* 'сплав металла и минерального сырья' ← *металл* + *бетон*) [81].

Некоторые окказионализмы, однако, преодолевают пределы «разовости» и проникают в словарь. В отличие от русского языка английский кодифицированный язык проявляет гораздо большую терпимость к подобным образованиям: smog 'смог' ← smoke 'дым, копоть' + fog 'туман', motel 'мотель' ← motor(-car) 'автомобиль' + hotel 'гостиница'.

Основным типом раздельнооформленных (неоднословных, расчлененных, составных, «аналитических» и т. д.) номинаций является словосочетание. Распространен взгляд, согласно которому словосочетание «выступает как „запасной“ способ наименования, компенсирующий недостаточность словообразовательных средств» [82]. Но это лишь одна сторона дела. Активное функционирование словосочетания в качестве особого способа номинации обусловлено не только и, как представляется, даже не главным образом действительной или мнимой «ущербностью» собственно словообразования. Важнейшим фактором, способствующим большой активности этого способа, является, по-видимому, «тенденция

---

[81] «Метон» — такого слова еще нет в словарях (Знание — сила, 1979, № 8, с. 21).

[82] *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков, с. 238; ср.: *Никитевич В. М.* Субстантив в составе номинативных рядов (К проблеме деривационной грамматики). Автореф. докт. дис. М., 1973, с. 10.

к регулярности» [83] и «стремление к «предельной» (в соответствии с возможностями языка) мотивированности обозначения» [84]; ср.: *керосиновая лампа*, *скрипичный мастер*, *бракоразводный процесс* и т. д., с одной стороны, и *керосинка*, *скрипач*, *развод* — с другой; *единственное число*, *двойственное число*, *множественное число* и *сингуляр*, *дуалис*, *плюраль* и т. п. Явно никак не связано с недостаточностью словообразовательных средств применение как единых наименований словосочетаний иного характера — идиом, фразеологизмов, составляющих значительный пласт раздельнооформленных номинаций (*больное место*, *снимать стружку*, *подложить свинью*, *ни рыба ни мясо*, *ерунда на постном масле* и т. д.).

Словосочетание как номинативное средство служит расчлененным означающим единого означаемого и, таким образом, изофункционально цельнооформленной номинативной единице — слову. Диагностическим признаком словосочетания — эквивалента слова является, во-первых, его устойчивость, клишированность, высокая — бóльшая, чем случайно, — повторяемость в тексте. Ср. характерное высказывание: «*Широкий-круг-читателей*» — это, разумеется, просто редакционный термин, одно слово, по ошибке разбитое на три (К. Левитин, 2[6] страниц про математику. — Знание — сила, 1978, № 9; разрядка наша. — *А. Ж.*).

Во-вторых, таким признаком следует считать наличие однословного, нерасчлененного соответствия (синонима, квазисинонима, энгионима) в том же языке или возможность стяжения путем семантической конденсации, аббревиирования, создания сложносокращенного слова и др. в однословное наименование, ср.: *быть учителем — учительствовать*, *самый крупный — крупнейший*, *высокого роста — рослый*, *о трех головах — трехголовый*, *лужицкие сербы — лужичане*, *сыграть в ящик — помереть*, *сматывать удочки — смываться* и т. д.; *служить в армии → служить*, *посадить в тюрьму → посадить*, *выпить спиртного → выпить*; *взрывчатое вещество → взрывчатка*, *недвижимое имущество → недвижимость*; *социалистический реализм → соцреализм*, *летный состав → летсостав*; *ко-*

---

[83] *Шмелев Д. Н.* Основные процессы в лексике современных восточнославянских языков. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968, с. 397.

[84] Там же, с. 403.

эффициент полезного действия → *кпд*, *область допустимых значений* → *ОДЗ*, *подвижная милицейская группа* → *ПМГ* и т. д.

Указанием на эквивалентность словосочетания слову может, в-третьих, являться наличие однословного соответствия ему в другом языке, по-видимому, достаточно близкого грамматического строя [85], для русского языка — прежде всего в других индоевропейских, и в первую очередь в славянских; ср.: *ставить диагноз* — англ. (to) diagnose, *сидеть на корточках* — англ. (to) squat, *записная книжка* — нем. Notizbuch, *присяжный заседатель* — нем. Jurat, *божья коровка* — лит. borùžė, *служить в армии* — лит. karėiviáuti, *пятая часть* — лит. penktadalis (ср. *треть*, *четверть*), *выхлопные газы* — польск. spaliny, *зрительный зал* — польск. widownia, *путевой обходчик* — польск. dróżnik, *скрипичный мастер* — польск. lutnik, *червеобразный отросток* — серб.-хорв. *цревуљак*, *головная боль* — серб.-хорв. *главобоља*, *керосиновая лампа* — серб.-хорв. *петролејка* (ср. обратное соотношение между русским и сербскохорватским: рус. *керосинка* — серб.-хорв. *примус на петролеј)* [86], *двенадцатиперстная кишка* — венг. nyombél, *мягкий знак* — венг. lágyítójel (ср. *ерь*), *каждые два часа* — венг. kétnaponként (ср. *ежедневно*) и т. п.

Устойчивые словосочетания, эквивалентные слову, в частности существительные с определяющим прилагательным, глагол с именным дополнением, легче, чем свободные сочетания слов, поддаются трансформации в сложное слово (цельнооформленную единицу): *внешняя политика* → *внешнеполитический*, *низкие частоты* → *низкочастотный*, *короткие волны* → *коротковолновый*, *азотная кислота* → *азотнокислый*, *железная дорога* →

[85] Ср.: *Будагов Р. А.* Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М., 1963, с. 201; *Kučerová E. Z.* problematiky slovných spojení (lexikalizované spojenie ako pomenovacia jednotka). — In: Študie z porovnavacej gramatiky a lexikológie. Bratislava, 1974, с. 33—34.

[86] Большое число расхождений между славянскими языками по линии «неоднословность — однословность» идет за счет идиоматичности, «конвенциональности» суффиксальных образований (вообще, мотивированных; см.: *Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке. . ., с. 97—101) типа *керосинка — петролејка*, dróżnik, lutnik, spaliny, widownia и др., где выражен только различительный компонент значения и не выражен идентифицирующий ('мастер', 'обходчик', 'зал', 'лампа' и т. п.).

железнодорожник, *белая гвардия* → *белогвардеец*, *черная сотня* → *черносотенец*, *скалить зубы* → *зубоскал*, *дрыгать ногами* → *дрыгоножество* и т. д. (ср. нарочитость окказиональных сложных производных от свободных сочетаний: *потноживотый* (Маяковский) ← *потный живот*, *сетконосительница* ← *носить сетку*, *пуделевладелец* ← *владеть пуделем* и т. п.).

Господствующим способом фразообразования является, естественно, элементарная когеренция: *убор* и *головной* → *головной убор*, *поганка* и *бледный* → *бледная поганка*, *кратное* и *общий* и *наименьший* → *наименьшее общее кратное*, *техника* (+ род. п.) и *безопасность* → *техника безопасности*, *принять* (+ вин. п.) и *закон* → *принять закон*, *поставить* (*на* + вин. п.) и *голосование* → *поставить на голосование*, *кофе* и *по-турецки* → *кофе по-турецки*.

Когеренция может быть простой (ее результат — словосочетание, каждый компонент которого выступает в своем прямом номинативном значении, своего рода cognata vocabula rebus: *танцевальная площадка*, *пятилетний план развития народного хозяйства*, *симфонический оркестр*, *сероокись аммония*, *теорема Гаусса—Остроградского*, *идти пешком*, *рубить дрова*) или осложненной семантическими преобразованиями метафорического, метонимического типа и проч., которым может подвергаться как один из компонентов словосочетания (*венок сонетов*, *воздушная артерия*, *белый стих*, *информационный взрыв*, *лошадиная доза*, *глушить водку*, *испепелять взглядом*), так и все словосочетание в целом (*черный ящик* ‘система с неизвестным принципом действия’, *анютины глазки* ‘травянистое растение рода фиалок’, *гусь лапчатый* ‘пройдоха’, *сапоги всмятку* ‘полная бессмыслица’, *нарубить дров* ‘наделать глупостей’, *почить на лаврах* ‘успокоиться на достигнутом’, *перемывать кости* ‘сплетничать’, *плакать в жилетку* ‘жаловаться на судьбу, ища сочувствия’, *не солоно хлебавши* ‘безрезультатно’, *с грехом пополам* ‘еле-еле, кое-как’).

Кроме словосочетаний, базирующихся на простой или осложненной семантическими преобразованиями когеренции слов, в рубрику раздельнооформленных номинаций входит тип предикативной предметной [87] номинации.

---

[87] Пропозитивная событийная номинация (см.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, разд. «Синтаксис»;

Предикативные номинативные единицы делятся на полупредикативные образования и предложения, выступающие в назывной функции (как будет ясно из последующего, эти предложения, цель которых — предметная номинация, не имеют ничего общего с номинативными предложениями типа *Ночь, улица, фонарь, аптека. . .*; необходимую терминологию еще предстоит выработать). И те и другие предикативные номинативные единицы включаются (или могут включаться) в предложение в качестве эквивалента слова (т. е. цельнооформленной номинации).

К полупредикативным номинативным единицам относятся, как ясно из их названия, определительные придаточные предложения вместе с опорным компонентом (если таковой имеется) в главном предложении: *тот, кто получает пощечины*; *человек, который смеется*; *дама, с которой я знаком* и т. п. Специфика этих конструкций состоит в принципиальной возможности их стяжения в одно слово или словосочетание, выполняющее номинативную функцию, с утратой предикативности (что и вызвало к жизни термин «полупредикативность»): *человек, который смеется* → *смеющийся человек* (→ *смеющийся*); *тот, кто получает пощечины* → *получатель пощечин*; *дама, с которой я знаком* → *моя знакомая* → *знакомая*.

Опорного компонента в главном предложении может и не быть. Такие конструкции свойственны разговорной речи [88]: Я специально взяла посоветоваться *кто понимает*//; Хороший *с кем* она сейчас *познакомилась*//. В разговорной речи возможны подобные предикативные номинации и без относительного местоимения в их составе в виде неноминализованного предложения: *Мусор собирает* не приходила? *Над нами живут*/ в Киев переезжают// [89]. Среди разговорных номинаций имеются и разновидности конструкций, состоящих из глагола в форме инфинитива и подчиненного ему относительного местоимения, теряющие посредством перевода verbum finitum в инфинитив свою предикативность: Есть у кого *чем бутылку открыть*?; Поставь *из чего пить*// [90]. Их предика-

---

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). М., 1976) здесь не рассматривается.

[88] См.: Русская разговорная речь, с. 439.

[89] Там же, с. 238—239, 439.

[90] Там же, с. 439—440.

тивность («полупредикативность») «восстанавливается» путем трансформации инфинитивной конструкции в финитную или введением в конструкцию слов «категории состояния» типа *можно*: Есть у кого *чем бутылку открывают*?; Поставь *из чего можно пить*// (существует точка зрения, согласно которой инфинитивные конструкции возникают из эллипсиса [91]).

Полупредикативные номинации являются речевыми образованиями и в конкретном виде (с реальным лексическим наполнением) не могут быть включены в «словарь» номинативных единиц. Можно предположить, что «словарю», т. е. языку, принадлежат лишь нереализованные схемы конструкций. Продуктивность этого способа номинации (относящегося к классу нормальных номинаций) в речи в высшей степени велика ввиду практически неограниченных возможностей лексической конкретизации описываемых схем.

П р е д л о ж е н и е может выступать не только в качестве номинации события [92], но и как средство номинации предмета. Н. Д. Арутюнова полагает, что «денотатом предложения. . . в отличие от денотата слова, в принципе не может быть «вещь». Если под денотатом понимать только конкретный предмет (как это иногда делается в логической семантике), то предложение, рассматриваемое с ономатологической точки зрения, вообще лишено денотативной отнесенности, обладая, как и абстрактные имена, «нулевой сферой применимости». В этом смысле номинация события может быть с наибольшей резкостью противопоставлена номинации предмета, представляющей собой первичную семантическую функцию существительных» [93]. Превращение предложения в номинативную единицу может, по Арутюновой, осуществляться лишь путем трансформаций (номинализаций) типа: *Ямщик едет быстро → быстрая езда ямщика*, в которых сказуемое, центральный элемент предложения как коммуникативной единицы, преобразуется в центр номинативного словосочетания.

---

[91] *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974, с. 106.

[92] *Арутюнова Н. Д.* О номинативном аспекте предложения. — ВЯ, 1971, № 6, с. 65.

[93] Там же; ср.: *Сигалов П. С.* О соотношении деривата, словосочетания и предложения. — В кн.: Семантика номинации и семиотика устной речи (Лингвистическая семантика и семиотика), I. Тарту, 1978.

Подобные суждения в целом справедливы, но слишком жестки. В пограничных зонах системы функциональных характеристик предложения возможны «прорывы»: предложение может становиться именем и не претерпевая внутри себя синтаксических трансформаций (или номинализации в указанном «технологическом» смысле). Прежде всего эта возможность проявляется в особых речевых цитациях, эквиформальных ссылках на предшествующий текст типа *толстовское «не могу молчать»*, *раскольниковское «право имею»*.

Далее сюда же могут быть включены имеющие уже языковой характер фразеологизованные конструкции вроде *работать за спасибо*, *за здорово живешь* и т. п., в которых происходит деинтеръективация междометий и междометных словосочетаний, т. е. утрата ими «предложенческой» природы.

Функционирование предложения как средства собственно предметной номинации наиболее обычно в ономастике, а именно в названиях произведений литературы, искусства и проч.: «*На всякого мудреца довольно простоты*», «*Дело было в Пенькове*», «*В чем моя вера?*», «*Знание — сила*», «*Говорит и показывает ГЦТК*», «*Спокойной ночи, малыши*» и т. д. Встречаются они, правда очень редко, в современной русской топонимии: мыс *Берегись*, скала *Пронеси господи*, тульская деревня *Кинь грусть*, поселок *Стучи машина* [94], а также в антропонимии: прозвище учительницы *Меньше-думай*.

Для нас, однако, наибольший интерес представляют примеры функционирования предложений в качестве нарицательных имен: . . . волос они на голове не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манер «*черт меня побери*», как говорят французы. . . (Н. В. Гоголь, Мертвые души) (ср. названия популярных в начале 60-х годов девичьих причесок *я у мамы дурочка*, *приходи ко мне в пещеру* и др.).

В отличие от полупредикативных номинативных единиц, имена-предложения, т. е. предложения, выступающие в качестве эквивалента слова, характеризуются не-

---

[94] *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965, с. 95. Для тюркской топонимии, например, названия-предложения «составляют даже определенный стандарт» (Там же, с. 66; см. также: *Донидзе Г. И.* Глагольные топонимы в тюркских языках. — В кн.: Топонимика Востока (Новые исследования). М., 1964, с. 39—46; *Мурзаев Э. М.* Очерки топонимии. М., 1974, с. 26).

возможностью их стяжения в однословную номинацию [95] или номинативное словосочетание. При функционировании в тексте (предложении) они, вступая в синтаксические связи с другими членами включающего их более общего предложения, сохраняют морфологическую инертность, ведут себя подобно не полностью освоенным в русском языке иноязычным заимствованиям, ср.: *из «Анны Карениной»*, но *из «Не все коту масленица»*. Чаще же они предпочитают оставаться в «именительном падеже», выступая приложением при опорном родовом имени, которое в этом случае служит их, так сказать, «чрезвычайным и полномочным послом» в предложении, ср.: . . . сделала *прическу «я у мамы дурочка»*; . . . поставили *оперу «Так поступают все женщины»*. В силу этих своих синтаксических свойств (уместнее, наверное, было бы говорить не о силе, а о бессилии, о синтаксической неполноценности) названия-предложения в русском языке, кроме некоторых сфер ономастики, являются способом номинации весьма небольшой продуктивности и занимают в системе ономасиологических средств явно периферийное положение [96].

Наряду с рассмотренными типами когерентного фразообразования, которые можно обозначить как первичное фразообразование, существуют различные виды в т о р и ч н о г о ф р а з о о б р а з о в а н и я, проявляющегося в двух разновидностях — фразопреобразовании и дезаббревиации.

К о л и ч е с т в е н н о е ф р а з о п р е о б р а з о в а н и е выражается прежде всего в э л л и п т и з а ц и и с л о в о с о ч е т а н и я: *грош цена в базарный день* → *грош цена*, *как дважды два четыре* → *как дважды два*, *держаться в рамках приличия* → *держаться в рамках*, *зарыть талант в землю* → *зарыть талант*, *винтиков не хватать в голове* (у кого-л.) → *не хватать* (ср.: *у него не хватает*), *пройти огонь, воду и медные трубы* → *пройти огонь и воду* и аналогичные.

Обратный процесс — р а с п р о с т р а н е н и е с л о в о с о ч е т а н и я: *вешать нос* → *вешать нос на квинту* и т. п.

---

[95] Если не считать редких случаев аббревиации, ср.: (*информационное агентство*) *ОБС* 'сплетни, слухи' ← *«Одна Баба Сказала»*.

[96] Ср. примеры перехода «предложение → имя» во французском и других языках, в том числе в языках с развитой именной флексией, у Ж. Вандриеса (*Вандриес Ж.* Указ. соч., с. 129—130, а также с. 357, в примечаниях П. С. Кузнецова).

Качественное фразопреобразование обнаруживается либо в замене одного из компонентов устойчивого словосочетания другим словом, либо в контаминации двух разных устойчивых словосочетаний.

Субститутивное фразопреобразование состоит: в суффиксальном варьировании одного из компонентов устойчивого словосочетания без изменения его семантики: *валять дурака → валять дурочку*, *благим матом → благим матюгом*; в замене одного из компонентов синонимом или энгионимом, также без изменения общего смысла словосочетания: *налить глаза → налить зенки (буркалы)*, *до лампочки → до фонаря*, *крик моды → писк (вопль, визг, всхлип) моды*, *к чертовой матери → к чертовой бабушке*, *высшее образование → верхнее образование*, *принимать за чистую монету → принимать за чистые деньги* и т. п., ср.: . . .для того, чтобы пробраться к свинчиваемым частям, рабочие должны сгибаться *в несколько погибелей* (← *в три погибели. — А. Ж.*) таким образом, что колени их оказываются у них под мышками (Б. Пильняк, О'кэй) [97]; то же с изменением семантики: *наш брат → наша сестра* 'мы и нам подобные (о женщинах)', *козел отпущения → коза отпущения* (из записей устной речи, о женщине), *медицинская сестра → медицинский брат* (чаще все же однословно: *медбрат*) 'санитар', *навострить лыжи → навострить лапти* (А. Толстой, Петр I), *теория вероятности → «Теория невероятности»* (название пьесы М. Анчарова); *ахиллесова пята → «Ахиллесово сердце»* (название сборника А. Вознесенского), *не покладая рук → «Не прикладая рук»* (рубрика на с. 16 Лит. газеты), *тайны мадридского двора → тайны пекинского двора* (Ф. Бурлацкий, Наследники Мао. — Нов. мир, 1978, № 9) и др.

Контаминация устойчивых словосочетаний (фразеологизмов) наиболее обычна как «патологический» путь возникновения новых фразеологических единиц. Чаще всего она отмечается в просторечии и близких к нему функциональных сферах: *играть роль* и *иметь значение → играть значение*, *показывать пример* и *являть образец → показывать образец*, *попасть под машину* и *попасть в аварию → попасть под аварию* [98],

---

[97] Подобные синонимические подмены можно определить как внутриязыковое калькирование («полукалькирование», см. ниже).

[98] Словарь брянских говоров, вып. 1. Л., 1976, с. 14.

напиться вдрызг / *вдребодан*. . . и *разбить(ся) вдребезги* → *напиться вдребезги*, *по гроб жизни* и *до гробовой доски* → *по гроб доски*, *до черта* и *к чертовой матери* → *до чертовой матери* 'очень много', *до фени* 'безразлично, наплевать' и *к чертовой матери* → *до фениной матери* 'безразлично, наплевать'; в более респектабельном «стиле»: *путеводная звезда* и *ариаднина нить* → *путеводная нить* и т. п.[99]

Таким образом, способы фразопреобразования и их группировка (эллипсис, распространение, субституция, контаминация) вполне изоморфны аналогичным способам, действующим в сфере словообразования (усечение, аугментация или эпентеза, субститутивное словообразование и словообразовательная контаминация).

Одним из приемов вторичного фразообразования является дезаббревиация. Относительно редки примеры дезаббревиации в стилистических целях. Сюда, по-видимому, следует относить лишь случаи, когда аббревиатура и словосочетание, послужившее базой для нее, уже почти не соотносятся в сознании носителя языка, т. е. когда «буквальное» значение словосочетания намного беднее, чем семантика формально соотносительного с ним аббревиатурного названия; ср. журналистский штамп *коллективное хозяйство* вместо *колхоз* (*В коллективных хозяйствах Белгородчины началась косовица озимых*; при этом могут иметься в виду не только колхозы, но и совхозы): *колхоз* 'сельскохозяйственное производственное объединение социалистического типа на добровольной основе, с высоким уровнем механизированности' ≠ 'коллективное хозяйство' (ср. *совхоз* ≠ **советское хозяйство*).

Представляют определенный интерес сознательные ложные расшифровки аббревиатур. Часто они носят шутливый или иронический характер: лекторский термин *целевая установка* → *ЦУ* → *ценные указания* и т. п.[100] В условиях подполья или войны ложные расшифровки могут являться средством криптолалии, ср.: — . . .В Калище не слазьте; скажите, я приказал до самого *Бориса Петровича*. Да они будут знать. . .

Я привык, что воинские подразделения тут именовались по фамилиям командиров. Но чтобы какую-нибудь

---

[99] Ср.: *Ицкович В. А.*, *Шварцкопф Б. С.* О контаминации и смежных с нею явлениях. — В кн.: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Сб. статей. М., 1971, с. 90—96.

[100] Ср. в английском: United States → US → Uncle Sam и т. п.

часть называли так почтительно — по имени-отчеству, показалось мне неожиданным.

— А фамилию не укажете, товарищ полковой комиссар?

— Это — чью же фамилию-то? — не понял Медведков.

— А вот. . . *Бориса Петровича*. . . — в свою очередь удивился я.

— Туварышш писатель! — развеселился начальник политотдела. — У него фамилии нет! Это для секретности мы так говорим. «*Борис Петрович*» значит «*бронепоезд*»! (Л. Успенский, Записки старого петербуржца).

Как особую разновидность дезаббревиации нужно, вероятно, выделять условную «дезаббревиацию» слов, не являющихся аббревиатурами. Например, надпись «*Экстра*» на бутылке водки «расшифровывается» в шутку следующим образом: *Эх, Как Стало Трудно Русскому Алкоголику* или, в обратном направлении, *Алкоголик Русский, Терпи, Скоро Конец Этому*. Сюда же можно отнести примеры разложения слова, шутливо трактуемого как сложносокращенное, но на деле таковым не являющегося, ср. в армейском жаргоне *гауптическая вахта* ← *гауптвахта*. Ср. еще: *осводовец* → *особый водитель овец* (кинофильм «Новый Гулливер»).

Использование единиц другого языка, т. е. заимствование[101], относится к нормальным способам номинации, характеризующимся очень высокой степенью продуктивности. Некоторые лингвисты, например М. В. Панов[102], полагают, что заимствование является основным источником пополнения словаря современного русского языка. Однако ведущая роль все же, по-видимому, принадлежит словопроизводству на собственно русской почве (хотя бы и с использованием интернациональных корневых и аффиксальных морфем), в чем убеждают показания словаря лексических и семантических

---

[101] Заимствования из подъязыков (например, территориальных или социальных диалектов) того же языка являются частным случаем заимствований вообще, требующим, однако, специального рассмотрения, необходимость которого диктуется принципиальным совпадением грамматического строя общенародного языка и его территориальных, социальных, профессиональных и прочих вариантов.

[102] *Панов М. В.* Русский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966, с. 110.

неологизмов 60-х годов [103]. Не следует, как нам кажется, и преуменьшать роль заимствований в обогащении словаря, что проявляется, например, в суждениях В. Г. Гака, считающего заимствование второстепенным по отношению к словообразованию и переосмыслению слов и выступающим лишь при их недостаточности [104]. Ю. С. Сорокин в книге, посвященной расширению русского словаря в XIX в.[105], подчеркивает, что решающими факторами в заимствовании часто являются усвоение связанных с заимствованными терминами понятий (*кредит*, *монополия*, *романтизм*, *культура*, *пролетариат*, ср. заимствования нового времени: *хиппи*, *генеративизм*, *дизайн*, *аннигиляция*, *стресс* и др.), необходимость в простой предметной номенклатуре для новых или ранее неизвестных реалий, которые уже обозначены в других языках (*прокламация*, *айсберг*, *прерия*, *марля*, *вагон*, *рантье*, ср. новые заимствования: *карт*, *дисплей*, *джинсы*, *батник*, *напалм* и т. д.), и др. Немаловажным, по-видимому, является и требование интернационализации современной научной и технической терминологии [106].

Заимствования подразделяются на лексические (заимствования внешней формы) и семантические (заимствования «внутренней формы», или кальки).

Номинации при помощи заимствования внешней формы можно разделить на цельнооформленные (однословные) и раздельнооформленные (неоднословные номинации, или заимствованные словосочетания).

---

[103] Новые слова и значения. Словарь-справочник. . . М., 1971; см. также: Русский язык и советское общество. Лексика. . ., с. 79.

[104] *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков, с. 237.

[105] *Сорокин Ю. С.* Указ. соч., с. 64—65.

[106] Л. П. Крысин касается таких причин и предпосылок лексического заимствования, как «наличие более или менее тесных политических, экономико-промышленных и культурных связей между народами» (внешние причины), «тенденция к устранению полисемии исконного слова, упрощение его смысловой структуры», «потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам», «действие в заимствующем языке тенденции к образованию структурно аналогичных слов или наличие класса слов, структурно однотипных с воспринимаемой лексической единицей», тенденция «к соответствию нерасчлененности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего» и др. (внутренние причины) (*Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 21—30).

Однословные заимствования являются преобладающим типом заимствования вообще и поэтому сравнительно хорошо изучены. Они возникают при перенесении на почву другого языка как а) однословных номинативных единиц (*проблема*, *галантерея*, *рояль*, *хронология*, *экстерьер*, *канцерогенез*, *параграф*, *пилигрим* и т. д.), так и б) словосочетаний (ср.: *падеде* или *па-де-де* < франц. pas de deux букв. 'шаг вдвоем'; *буриме* < франц. bouts rimés 'рифмованные концы'; *одеколон* < франц. eau de Cologne букв. 'кёльнская вода'; *помидор* < итал. pomi d'oro, мн. ч., букв. 'золотые яблоки') и даже в) предложений (ср.: шахматный термин *кипергань* 'задача на обратный мат' < франц. qui perd — gagne букв. 'кто проигрывает — выигрывает'; *вадемекум* 'путеводитель' < латин. vade mecum 'иди со мной'; *балбес* ← тюрк. bilbes, bilmäs и т. д. 'он не знает'; *шахматы* < перс. šāh māt 'царь умер'; вопрос о посредничестве третьих языков здесь не существен). Характерно, что оригинальные словосочетания, получающие статус цельнооформленных номинативных единиц в заимствующем языке, являются идиоматичными. Вероятно, это — необходимое условие для универбации при заимствовании.

Раздельнооформленные единицы составляют сравнительно малое количество заимствований: *перпетуум мобиле*, *латерна магика*, *альма матер* (или иногда *альма-матер*, что, однако, не устраняет неоднословности, см. ниже), *терра инкогнита*, *камера-обскура* и др. Показательно, что неоднословных заимствований относительно много в терминологиях, которые складывались под преобладающим иностранным влиянием, например в музыкальной терминологии, ср.: *кантус фирмус* 'тема полифонического произведения, проводимая в неизменном виде' < латин. cantus firmus букв. 'прочная песнь'; *кончерто гроссо* < итал. concerto grosso букв. 'большой концерт'; *бассо континуо* 'генерал-бас' < итал. basso continuo букв. 'непрерывный бас'; *бассо остинато* 'постоянная мелодическая фигура в нижнем голосе' < итал. basso ostinato букв. 'упорный бас'; *сопрано остинато* 'постоянная мелодическая фигура в верхнем голосе' < итал. soprano ostinato; *опера-буффа* 'комическая опера', *опера-сериа* 'серьезная опера', *опера-семисериа* 'полусерьезная опера, опера-сериа со вставными комическими сценами' и т. д. Помимо раздельного написания на их неоднословность, расчлененность уже на русской почве

указывает (что гораздо важнее) сохраняющаяся двуударность: *перпе́туум мо́биле*, *кончёрто гро́ссо* (ср. в противоположность им недвуударные формы или формы с неравными по силе ударениями, что свидетельствует об их превращении в одно слово: *падека́тр*, *комильфо́*, *видль-д'аму́р* и др.). Раздельнооформленные заимствования, как правило, не приспосабливаются к морфологической системе заимствующего языка (ср. заимствование даже из близкородственного — церковнославянского — языка: *ничтоже сумняшеся*). Исключение составляют случаи, когда один из компонентов неоднословного заимствования фигурирует в заимствующем языке и как самостоятельная, однословная номинативная единица (ср. склонение по русскому образцу первого слова в словосочетаниях типа *опера-буффа*, *персона нон грата* и т. п.: . . .установление устойчивого *модуса вивенди* между арабской реакцией и Тель-Авивом. — Изв., 1978, 5 сент.; второй компонент подобных сочетаний должен трактоваться как аналитическое прилагательное [107]).

Среди результатов к а л ь к и р о в а н и я, так же как и среди лексических заимствований, различаются цельнооформленные (однословные) и раздельнооформленные (неоднословные) единицы.

О д н о с л о в н ы е к а л ь к и подразделяются на: а) с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е [108] (*международный* ← франц. international, *здравоохранение* ← нем. Gesundheitschutz, *сверхчеловек* ← нем. Übermensch, *насекомое* ← латин. insectum, *кислород* ← латин. oxygenium, индивидуальное *межесвет* у Н. Г. Комлева [109] как перевод вейсгерберовского Zwischenwelt 'промежуточный мир' и т. п.); б) с е м а н т и ч е с к и е, образованные путем семантического переноса по иностранному образцу (*крыло* 'фланг' ← нем. Flügel, являющееся в свою очередь, как и англ. wing, семантической калькой латин. ala; *гвоздь* 'наиболее эффектный номер программы и проч.' ← франц. clou; грамматический термин *род* ← латин. genus;

---

[107] *Панов М. В.* Об аналитических прилагательных. — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика (К семидесятилетию А. А. Реформатского). М., 1971.

[108] Или, по Б. Унбегауну, л е к с и ч е с к и е (*Unbegaun B.* Le calque dans les langues slaves litteraires. — Revue des ètudes slaves, Paris, 1932, t. 12, p. 21), что менее удачно.

[109] *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969, с. 125.

политические термины *левый*, *правый* ← франц. gauche, droit; *коричневые* 'фашисты'; *сердитые* 'критически настроенная молодежь в послевоенной Англии' и т. д.).

Неоднословные кальки возникают на базе: а) неоднословных же номинативных единиц (словосочетаний) языка-источника (*железная дорога* ← франц. chemin de fer; *сестра милосердия* ← франц. sœur de charite; *общие места* ← латин. loci communes; пушкинское (*пора*) *меж волка и собаки* ← франц. entre chien et loup 'в сумерки'; в ономастике: *Млечный Путь* ← латин. via lacta; *мыс Доброй Надежды* ← португ. Capo da buona espero и т. д.); б) сложного слова (*воздушный замок* ← нем. Luftschloß; *книжный червь* ← нем. Bücherwurm; *северное сияние* ← нем. Nordlicht и т. д.).

Ю. С. Сорокин к калькам относит только те образования, которые соответствуют формальной структуре иноязычного образца (типа *мировоззрение*, *медовый месяц*), выделяя случаи семантических переносов по иностранному образцу типа *гвоздь* или *утка* (газетная) в особую группу и объединяя их под названием «семантической индукции» [110].

Кроме того, в массе заимствованных номинативных единиц принято выделять и тип, промежуточный между материальными заимствованиями и кальками, совмещающий в себе особенности тех и других, — полукальки: *телевидение* ← television; *полутон* ← итал. semitono; *мини-юбка* ←англ. miniskirt; *чернотал*, *белотал* 'породы ивы' ← тюрк. *кара тал*, *ак тал* и др.[111] Иногда выделяют раздельнооформленные (фразеологические) полукальки: *артезианский колодец* ← франц. puits artésien, *трен жизни* ← франц. train de vie, *строить куры* ← франц. faire la cour и т. п.

Калькирование можно в какой-то мере уподобить конструированию лексических единиц с использованием иноязычных морфем (которое занимает одно из самых замет-

---

[110] *Сорокин Ю. С.* Указ. соч., с. 165—166.

[111] Предлагаются и иные, более дробные, классификации калек, оперирующие понятиями полного и частичного соответствия, заимствованного синтаксиса, контаминации перевода с калькированием и др. (см.: *Schuhmann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958; *Хютль-Ворт Г.* Проблемы межславянских и славяно-неславянских лексических отношений. — In: American contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963).

ных мест в современном русском терминообразовании). Эти единицы представляют собою выражение при помощи иноязычных материальных средств идеальной (семантической) схемы, возникшей в мышлении носителя данного (нашего) языка, в то время как кальки, напротив, являются выражением материальными средствами нашего языка семантической схемы, взятой из другого языка. Так как характеристики «свое—чужое» и «материальное—идеальное» (означающее—означаемое) в кальках и словах, созданных из морфем, принадлежащих чужому языку, комбинируются перекрестно, взаимно противоположным образом, то процесс конструирования слов из чужеязычного материала может быть назван «о б р а т н ы м к а л ь к и р о в а н и е м». Разница между «прямым» и обратным калькированием состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с уже фиксированной семантической схемой, с семантической конструкцией, уже отложившейся в реально существующей в другом языке номинативной единице, тогда как во втором случае эта идеальная схема еще только требует своего материального воплощения. Впрочем, это различие между калькированием и обратным калькированием отсутствует в том случае, если до появления лексемы, созданной при помощи чужеязычных морфем, существовало в данном языке перифрастическое обозначение, неоднословная номинативная единица (степень ее устойчивости может быть разной), ср.: *название реки* → *потамоним* (греч. ποταμός 'река, поток', ὄνομα 'имя, название'). Здесь нужно говорить об универбации при обратном калькировании, которая (вместе с дезуниверсацией) довольно обычна при копировании одним языком слов другого и объясняется грамматическими и словообразовательными «склонностями» языка (ср. франц. compagnon de bouteille → рус. *собутыльник*, латин. nomen proprium → нем. Eigenname 'имя собственное').

Аналогия между калькированием и созданием слов из морфем другого языка в особенности уместна, на наш взгляд, в том случае, когда для создания нового слова используются иноязычные элементы, еще не освоенные нашим языком (чаще всего это встречается при создании научных терминов), т. е. при первичном заимствовании морфемы, ср. изобретенные физиком Д. Габором термины англ. holography, hologram 'голография', 'голограмма' (греч. ὅλος 'весь, целый'), русские (еще не укрепившиеся в литературе) ономастические термины: *гелоним* 'собствен-

ное название болота' (греч. ἕλος 'болото'), *дримоним* 'собственное название леса или его части' (греч. δρυμός 'роща, лес'), *астионим* 'собственное имя города' (греч. ἀστεῖος 'городской'), *хрематоним* 'собственное имя предмета материальной культуры' (греч. χρῆμα, -τος 'вещь, дело, предмет', 'имущество'), *порейоним* 'собственное название данного экземпляра любого вида транспорта' (греч. πορεῖον 'средство передвижения') [112], русские топонимы («астионимы»), родившиеся в годы правления Екатерины II: *Симферополь* (='«пользоград»' или 'город-собиратель': греч. συμφέρω 'собираю, способствую, есмь полезным'), *Севастополь* (='величественный, почитаемый город': греч. σεβαστος 'почитаемый'), *Мелитополь* (='«медоград»': греч μέλιτ(τ)α, μέλισσα 'мед', 'пчела') и т. д. Это наиболее чистые примеры обратного калькирования: морфемы, из которых состоят слова типа *эгофутуризм*, *электротрал* или *аквамобиль*, уже освоены русским языком и входят в его морфемный «словарь» (и здесь, скорее, следует говорить о собственно русском словообразовании), а корни *асти-*, *хремат-*, *симфер-* при создании термина или топонима только вводятся в морфемный фонд языка.

Если различать впервые вводимые и уже освоенные иноязычные морфемы, то почти все (если не все) слова, созданные путем обратного калькирования, следует считать «обратными полукальками», так как они имеют в своем составе морфемы обоих этих типов (в приведенных примерах освоенные морфемы — терминоэлементы греческого происхождения *-graphy*, *-gram*, *-оним*, *-поль*).

Обратные полукальки, как правило, включаются в серию (лексико-семантическую парадигму) однотипных образований, общий элемент значения которых, семантическая тема [113], четко соотносится с одним и тем же элементом внешней структуры слова, благодаря чему они имеют довольно хорошую членимость: ср. название созданного советскими фармацевтами препарата *анет-ин* (по его важнейшему компоненту: латин. anaethum 'укроп') в связи с названиями *аспир-ин*, *акрих-ин*, *сульфадиметоксин* и т. д. или введенное в 1931 г. акад. Я. Н. Френкелем

[112] Примеры взяты из книг: *Белецкий А. А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972; *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973; *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

[113] См.: *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики, с. 107.

название новой квантовой частицы *экситон* (от англ. excite 'возбуждать') в связи с терминами *электр-он*, *фот-он* и др.; термин *изодокса* 'линия на карте, ограничивающая географическое распространение какого-либо явления традиционной народной духовной культуры' в связи с другими терминами того же семантического ряда — *изоглосса*, *изолекса*, *изофона*, *изопрагма* 'географическая проекция явления материальной культуры' [114], и с плохо членимыми, хотя и включающими тот же по происхождению корень, словами *парадокс*, *ортодокс* и др., заимствованными в «готовом» виде.

Механизм обратного калькирования, сводящийся к поиску подходящих греко-латинских морфем (реже — из современных западноевропейских языков) и необходимым морфонологическим операциям, эксплицитно формулируется в правилах, описанных Н. В. Юшмановым [115].

Любопытным образцом обратного калькирования являются слова, созданные из иноязычных (не греко-латинских) корневых и аффиксальных морфем и имитирующие в художественном произведении цельнословные заимствования, например: *сталкер* 'профессиональный похититель вещественных свидетельств контактов с внеземными цивилизациями' (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Пикник на обочине), ср. англ. stalk 'идти крадучись, подкрадываться', -er — агентивный суффикс.

Систему способов номинации, употребительных в современном русском языке, можно представить в виде следующего упорядоченного списка, являющегося преобразованием классификационной схемы древовидного типа:

0	Номинация
1	Изобретение произвольного немотивированного знака
2	Использование имеющихся языковых элементов
2.1	— своего языка
2.1.1	Использование готовой номинативной единицы в новой семантической функции

[114] Термины *изопрагма* и *изодокса* изобретены Н. И. Толстым. Этот ряд легко продолжить, обратившись к терминологии естественных наук: *изобара*, *изотерма*, *изохимена*, *изоклина* и т. д.

[115] *Юшманов Н. В.* Грамматика иностранных слов. — В кн.: Словарь иностранных слов. М., 1937, с. 699—711.

2.1.1.1	Лексико-семантическая трансформация слова
2.1.1.1.1	— внутренне мотивированная
2.1.1.1.1.1	— парадигматически обусловленная
2.1.1.1.1.1.1	— обусловленная внутрипарадигматическими связями
2.1.1.1.1.1.1.1	— родо-видовыми («синекдоха»)
2.1.1.1.1.1.1.1.1	Расширение значения
2.1.1.1.1.1.1.1.2	Сужение значения
2.1.1.1.1.1.1.2	— видо-видовыми (семантический сдвиг)
2.1.1.1.1.1.2	— межпарадигматическими связями (метафора)
2.1.1.1.1.2	— синтагматически обусловленная
2.1.1.1.1.2.1	Семантическая компрессия
2.1.1.1.1.2.2	Метонимия
2.1.1.1.2	— внутренне не мотивированная
2.1.1.2	Семантико-синтаксическая трансформация
2.1.2	Создание формально новой номинативной единицы
2.1.2.1	— цельнооформленной (словообразование)
2.1.2.1.1	Деривация
2.1.2.1.1.1	— без деформации производящей основы
2.1.2.1.1.1.1	Собственно деривация
2.1.2.1.1.1.1.1	— флективная (конверсия)
2.1.2.1.1.1.1.2	— аффиксальная
2.1.2.1.1.1.1.2.1	Материальная аффиксация (суффиксация, префиксация, конфиксация)
2.1.2.1.1.1.1.2.2	Дезаффиксация (десуффиксация, депрефиксация)
2.1.2.1.1.1.2	Субститутивное словообразование
2.1.2.1.1.1.2.1	Морфемно-морфемная субституция
2.1.2.1.1.1.2.1.1	Транспрефиксация
2.1.2.1.1.1.2.1.2	Трансрадиксация
2.1.2.1.1.1.2.1.2.1	— внутренне мотивированная
2.1.2.1.1.1.2.1.2.2	— внутренне не мотивированная
2.1.2.1.1.1.2.2	Сегментно-морфемная субституция

2.1.2.1.1.2	— с деформацией производящей основы
2.1.2.1.1.2.1	Количественная деформация
2.1.2.1.1.2.1.1	(Эпентеза)
2.1.2.1.1.2.1.2	Элиминирование
2.1.2.1.1.2.1.2.1	— срединной части означаемого (синкопа)
2.1.2.1.1.2.1.2.2	— граничных частей означаемого (усечение)
2.1.2.1.1.2.1.2.2.1	Начальное усечение
2.1.2.1.1.2.1.2.2.1.1	Аферезис
2.1.2.1.1.2.1.2.2.1.2	Лексикализация суффикса (форманта)
2.1.2.1.1.2.1.2.2.2	Конечное усечение
2.1.2.1.1.2.1.2.2.2.1.1	Апокопа
2.1.2.1.1.2.1.2.2.2.1.2	Обратное словообразование
2.1.2.1.1.2.1.2.2.2.2	Лексикализация префикса
2.1.2.1.1.2.2	Качественная деформация
2.1.2.1.1.2.2.1	Метатеза
2.1.2.1.1.2.2.2	Ретроскрипция
2.1.2.1.2	Композитивное словообразование
2.1.2.1.2.1	Композиция синтагматически связанных единиц (слияние)
2.1.2.1.2.1.1	Сращение (лексикализация слсвосочетания)
2.1.2.1.2.1.2	Аббревиация (инициальная, сегментная, сегментно-словная — сложносокращенные слова)
2.1.2.1.2.2	Композиция синтагматически не связанных единиц (сложение)
2.1.2.1.2.2.1	Собственно сложение
2.1.2.1.2.2.1.1	Основосложение
2.1.2.1.2.2.1.2	Словосложение
2.1.2.1.2.2.1.2.1	Тавтологическое словосложение (редупликация слова)
2.1.2.1.2.2.1.2.2	Разнословное сложение
2.1.2.1.2.2.1.2.2.1.1	— аппозитивное (с атрибутивными отношениями компонентов)
2.1.2.1.2.2.1.2.2.1.2	— с сочинительными отношениями компонентов
2.1.2.1.2.2.1.2.2.2	Гендиадис
2.1.2.1.2.2.2	Словообразовательная контаминация

2.1.2.1.2.2.2.1	«Агглютинация»
2.1.2.1.2.2.2.1.1	— начальных сегментов слов
2.1.2.1.2.2.2.1.2	— начального и конечного сегментов слов (телескопическое словообразование)
2.1.2.1.2.2.2.2	Междусловное наложение
2.1.2.1.1—2	Смешанное словообразование
2.1.2.2	— раздельнооформленной (фразообразование)
2.1.2.2.1	Когерентное (первичное) фразообразование
2.1.2.2.1.1	— непредикативное (словосочетание)
2.1.2.2.1.1.1	Простая когеренция
2.1.2.2.1.1.2	Когеренция, осложненная семантическими преобразованиями
2.1.2.2.1.1.2.1	— одного из компонентов словосочетания
2.1.2.2.1.1.2.2	— словосочетания в целом
2.1.2.2.1.2	— предикативное
2.1.2.2.1.2.1	— полупредикативное
2.1.2.2.1.2.2	— название-предложение
2.1.2.2.2	Вторичное фразообразование
2.1.2.2.2.1	Фразопреобразование
2.1.2.2.2.1.1	— количественное
2.1.2.2.2.1.1.1	Эллиптизация
2.1.2.2.2.1.1.2	Распространение словосочетания
2.1.2.2.2.1.2	— качественное
2.1.2.2.2.1.2.1	Субститутивное фразообразование
2.1.2.2.2.1.2.2	Контаминация словосочетаний
2.1.2.2.2.2	Дезаббревиация
2.1.2.2.2.2.1.1	— «стилистическая»
2.1.2.2.2.2.1.2	— ложная
2.1.2.2.2.2.2	— условная
2.2	— чужого языка (заимствование)
2.2.1	Заимствование внешней формы
2.2.1.1	Цельнооформленные заимствования
2.2.1.2	Раздельнооформленные заимствования
2.2.2	Заимствование внутренней формы (калькирование)
2.2.2.1	Цельнооформленные кальки

2.2.2.1.1	— словообразовательные
2.2.2.1.2	— семантические
2.2.2.2	Раздельнооформленные (фразеологические) кальки
2.2.1—2	Полукальки
2.2.1—2.1	— цельнооформленные (словные)
2.2.1—2.2	— раздельнооформленные (фразеологические)
2.1—2	Обратное калькирование

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Вторичные номинации в семантической структуре многозначного производного слова могут быть следствием метонимических и метафорических переносов. Природа таких номинаций у производного слова может принципиально не отличаться от наименований, возникших на основе переносов, в семантической структуре непроизводного слова. Наряду с этим вторичные номинации в семантической структуре производного слова могут быть следствием неоднократного действия словообразовательной модели [1]. Многозначность этого типа отмечалась лингвистами в русском и других славянских языках. Как результат неоднократной деривации от основы biał- объясняет В. Дорошевский многозначность слова białka в польском языке: «Слово białka демонстрирует в истории польского языка характерную многозначность. Кроме старопольского значения „женщина“, объясняемого белым чепцом, который носили на голове замужние женщины, в различных текстах и словарях засвидетельствованы употребления слова białka в значениях „пшеничной булки“ (в Библии Зофьи, у Рея), „совы“, „самки лосося“, „сетчатокрылого насекомого“, „белки“, „сорта сливы“, „вида почвы“. Это разнообразие значений объясняется главным образом происхо-

[1] Таким образом, вторичная номинация понимается нами как всякая неединичная знаковая функция слова. Явление вторичной номинации (с использованием этого термина или без него) рассматривается во многих семасиологических исследованиях. Из работ, специально посвященных этому вопросу, см.: *Телия В. Н.* Вторичная номинация и ее виды. — В кн.: Языковая номинация (Виды наименований). М., «Наука», 1977.

дившими независимо друг от друга деривациями от основы biał- при помощи форманта -ка» [2]. Многозначность такого типа свойственна только тем производным словам, семантика которых идиоматична [3].

По наличию идиоматичности семантики производные слова не одинаковы. Значения одних производных полностью складываются из значений составляющих (и раскладываются на эти значения без остатка). Такова лексическая семантика производных типа *домик*, *волчица*, *комнатный*, *глупость*, *мучитель*, *синеть*, *подлец* и др. Значения производных другого типа не являются суммой значений составляющих, а содержат в себе нечто большее. Таковы лексические значения производных типа *синяк*, *газетчик*, *дождевик* и др.[4]

Идиоматичные по семантике производные представляют собой открытые семантические структуры: они вмещают в себя неограниченное количество прямых номинативных значений как результат неоднократного образования наименований по данной модели [5]. Ср. разные значения слов *белок*, *медовик*, *медянка*, *песчанка*, *рыбник*, *газетчик* и др.[6] Так, слово *песчанка* имеет, по данным

---

[2] *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973, с. 235; см. также: *Соболева П. А.* Омонимия лексическая, словообразовательная и грамматическая. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, I. Ташкент, 1975; *Она же.* О смысловой структуре производного. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978; *Ермакова О. П.* Противопоставленность разных типов производных слов по признаку открытости—закрытости семантической структуры. — В кн.: Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка. Тула, 1976.

[3] Мысль о фразеологичности семантики как признаке слова была высказана в советском языкознании М. В. Пановым (*Панов М. В.* О слове как единице языка. — Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, 1956, т. 51, вып. 5). О разграничении словообразовательных типов по этому признаку см.: *Ермакова О. П.* Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, I.

[4] Оговоримся, что мы исследуем только фразеологичность (идиоматичность) уже данного лексического значения. Предсказуемость выбора значения многозначного производящего или многозначного аффикса нами не рассматривается.

[5] Говоря о неоднократном действии словообразовательного образца, мы временно отвлекаемся от возможной многозначности производящей основы и исходим из ее однозначности.

[6] Некоторыми исследователями по признаку открытости—закрытости противопоставляются так называемые словообразователь-

БАС, пять значений: 1. Грызун, похожий на мышь, водящийся в песчаных или глинистых равнинах и степях; 2. Морская рыба семейства окунеобразных с удлиненным сжатым с боков телом, обитающая у берега на песчаном грунте; 3. Промышленная глина со значительной примесью песка; 4. Травянистое растение семейства гвоздичных; 5. Небольшой кулик семейства ржанок.

Значений этого типа может быть три, пять или десять, но дело не в том, что их в слове много, а в том, что их может быть неограниченное количество; по мере необходимости они могут добавляться, и запас порождающей энергии производящего при этом не истощается [7].

Повторная реализация словообразовательной модели возможна в пределах той же понятийной группы: лицо, животное (птица и т. д.), конкретный неодушевленный предмет, или в сфере иных обозначений, ср.: *газетчик* 'продавец', 'издатель'; *папиросник* 'изготовитель', 'продавец'; *паровик* 'паровой котел', 'паровоз', 'паровой поезд', 'паровое судно' (устар.); *телятник* 'помещение для телят', 'работник, ухаживающий за телятами', 'торговец телятами' (в дореволюционной России); *ночник* 'лампа со слабым светом, зажигаемая на ночь', 'человек, работающий ночью', 'самолеты, летающие ночью', 'птицы, животные, насекомые, ведущие ночной образ жизни' и т. д.[8]

Отметим, что каждая повторная реализация словообразовательного значения у таких структур порождает идио-

---

ные поля. О. Г. Ревзина, различая словообразовательные поля деятеля, вещи, действия и состояния, считает открытым поле вещи, поскольку «от одной основы здесь может быть сколько угодно образований», в то время как в других полях не так, и поскольку в других полях число производных «не превышает (или лишь ненамного превышает) число производящих основ, от которых эти производные образуются» (*Ревзина О. Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969, с. 25—26).

[7] Интересные наблюдения о различном семантическом наполнении структур типа *гражданка*, *горячка*, *промокашка* и др. содержатся в статье: *Винокур Т. Г.* Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи. — В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М., «Наука», 1965.

[8] И. Г. Милославский слова типа *ночник* рассматривает как образованные «семантическим способом»: «Перед нами перенос значения особенности предмета на сам предмет. Суффикс в этом случае играет второстепенную, оформительную роль в процессе словопроизводства» (*Милославский И. Г.* Морфологический способ словообразования и семантические изменения. — РЯШ, 1976, № 1, с. 85).

матичные лексические значения. Каждое лексическое значение приведенных выше слов идиоматично. Ср. также разные значения слов *белок*, *синяк*, *косяк*, *беляк*, *медовик*, *булочник*, *сахарница*, *серебрянка*, *рябинник*, *торфяник*, *капустница* и т. д.

Открытость структуры присуща не только суффиксальным существительным с идиоматичной семантикой, но и суффиксально-префиксальным образованиям этого типа, ср.: *Подорожник* — 1. Многолетняя дикорастущая трава. 2. Небольшая птичка семейства воробьиных; 3. Разг. Пирожок, лепешка и т. п., взятые в дорогу; *Нагрудник* — 1. Передник или часть передника, фартука, служащие для предохранения груди от чего-нибудь; 2. Часть сбруи, накладываемая на грудь лошади; 3. В древности и средние века — часть ратных доспехов в виде щитка или панциря для предохранения груди. Ср. также *налокотник*, *намордник*, *наушник*, *накожник*, *налобник*, *нарукавник*, *подземка*, *подножка*, *подзатыльник* и др.

Существуют закономерности: 1) в пределах одной словообразовательной структуры на основе одного значения производящего может возникнуть несколько идиоматичных значений производного, но никогда не может быть несколько значений, лишенных идиоматичности; 2) если одна из реализаций словообразовательной модели имеет фразеологический характер, то все повторные реализации на основе того же значения производящего будут также фразеологичны.

Наибольшими возможностями повторных реализаций словообразовательных моделей располагают названия предметов (в широком понимании этого слова «все, что не лицо»). Например, наименования разных предметов по одному внешнему признаку (белый, зеленый, пестрый и т. д.) практически заключают в себе неисчерпаемые возможности, особенно с учетом взаимодействия разных сфер литературного языка — специальной речи, разговорной и др. То же самое можно сказать о названиях предмета на основе его отношения к другому предмету. Если слово *песчанка*, по толкованию БАС, сейчас имеет пять лексических значений, которые мы приводили выше, то ничто не мешает этому слову получить и другие значения, поскольку разного рода отношения к песку имеют многие предметы и живые существа, напоминающие песок по цвету или связанные с ним местом жительства и т. д.

Разумеется, не каждое существительное с идиоматич-

ной семантикой такого типа имеет практически несколько номинативных значений, но каждое из них заключает в себе возможности повторной номинации на основе одного значения производящего. Ограничение этих возможностей бывает, видимо, обусловлено самыми разными причинами. В некоторых случаях действует фактор распространенности слова, длительное время имеющего одно номинативное значение. Так, слово *черника* вряд ли будет использовано в русском языке для наименования другого предмета черного цвета, поскольку это слово давно является носителем одного значения. Важно и то, что суф. *-ик(а)* имеет узкую сферу применения и вычленяется в небольшом количестве слов с предметным значением: *ежевика*, *черника*, *голубика*, *костяника*, *земляника*, *пьяника*, *княженика*, *поздника*, *повилика* — в основном названий ягодных растений. Ср. в польском: czernica — «1) бот. черника; 2) бот. голубика; 3) бот. брусника; 4) зоол. каракатица; 5) зоол. нырок» [9].

Названия лиц располагают в этом отношении несколько меньшими возможностями. Так, отсубстантивные наименования лиц [10] строятся по нескольким семантическим образцам, в которых отражаются возможные (в пределах слова) отношения лица к предмету. Этих образцов не так уж много. Если взять основные отношения к предмету, выражаемые существительными с суф. *-ник*, то их можно

[9] Интересен в этом отношении диалектный материал. По данным «Словаря русских народных говоров» под ред. Ф. П. Филина, в разных диалектах отсубстантивные существительные (к которым мы относим и слова, формально мотивированные относительными прилагательными), по нашим наблюдениям всегда идиоматичные, представляют множество разнообразных номинаций, не свойственных литературному языку в пределах определенных лексем, ср.: *глазунья* — 1. Женщина, обладающая острым зрением или наблюдательностью. 2. Овца. 3. Рыба. Abramis sapa. 4. Каша из крупы с протертым горохом. 5. Похлебка. . .; *глазник* — 1. Яичница. . . 2. Лужа. . . 3. Окно с чистой водою на поверхности прорастающего озера. . . 4. Полынья. . .; ср. также: *грузовки*, *грудница*, *гусятник*, отадъективные названия предметов — *желтуха*, *беляк*, *горчица* и др. (Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина, вып. 2. М.—Л., 1966; вып. 6. Л., 1970; вып. 7, 1972). Поясним, что мы не используем диалектный материал для иллюстрации открытости семантической структуры слов в литературном языке. Этот материал показывает лишь неограниченные возможности использования идиоматичных по значению слов в качестве номинаций для различных обозначаемых без посредства переносов названий по сходству или по смежности.

[10] Отадъективные названия лиц, как правило, лишены идиоматичности семантики.

представить так: 1. Тот, кто производит то, что названо мотивирующим словом (*колбасник*, *булочник*); 2. Тот, кто исследует. . . (*нефтяник*, *торфяник*); 3. Тот, кто продает. . . (*газетчик*, *мясник*); 4. Тот, кто очень любит. . . (*лошадник*, *сластник*); 5. Тот, кто ухаживает за . . . (*телятник*, *коровник*); 6. Тот, кто охотится на. . . (*медвежатник*, *соболятник*)[11]. Если же ограничить состав мотивирующих существительных названиями животных, то виды отношений к тому, что названо производящей основой, сократятся. Но так как отсубстантивные существительные могут совмещать предметные значения со значениями лица, то это различие (в названиях лица и предмета) не влияет на открытость семантической структуры данного типа слов. Можно только отметить, что чаще у многозначных отсубстантивных существительных преобладают номинативные предметные значения [12].

Несколько номинативных значений идиоматичного производного обычно бывают независимы друг от друга. Между ними нет иерархии, выводимости. Их связывает только общность отношений к одному и тому же производящему. Этот тип многозначности производных очень близок к омонимии. Не случайно разные лингвисты поразному решают вопрос о том, рассматривать ли подобные наименования в пределах одной лексемы. Н. А. Янко-Триницкая отмечает, что такие значения, в частности значения лица и помещения (ср.: *птичник*, *телятник*, *лисятник* и т. д.), могут совмещаться в одном слове [13]. А. Н. Тихонов считает значения типа *телятник* омонимами [14]. П. А. Соболева видит в них лексическую многозначность [15]. Неодинаково решается этот вопрос и в рус-

---

[11] *Кустанова М. А.* Метод синтаксических подстановок при анализе семантической структуры словообразования. — В кн.: Вопросы грамматики и словообразования. М., 1968; *Милославский И. Г.* О регулярном приращении значения при словообразовании. — ВЯ, 1975, № 6.

[12] Интересно, однако, что лексические окказионализмы на материале слов идиоматичных производных наблюдаются почти исключительно в сфере названий лиц.

[13] *Янко-Триницкая Н. А.* Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах. — В кн.: Развитие современного русского языка. М., 1963, с. 96—97.

[14] *Тихонов А. Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка (Курс лекций). Самарканд, 1971, с. 297.

[15] *Соболева П. А.* Омонимия лексическая, словообразовательная и грамматическая.

ской лексикографической традиции. Так, составители толковых словарей чаще рассматривают случаи этого типа (хотя и не всегда последовательно) как лексическую многозначность, в то время как составитель словаря омонимов О. С. Ахманова считает их омонимами [16]. Приведем один пример.

БАС считает самостоятельным отдельным словом звуковой комплекс *белок* в соотнесении со значением «выпуклая белая непрозрачная оболочка глаза, окружающая прозрачную роговую со зрачком», в то время как словарь Ушакова объединяет этот *белок* с «прозрачной частью яйца» в одну лексему, помещая в качестве омонима к ней *белок* — важнейшая составная часть организма животных. Если учесть, что при толковании этого значения ни тот, ни другой словарь не используют слово *белый*, то второй подход представляется нам более оправданным. Составители словаря Ушакова могли руководствоваться, и, скорее всего, руководствовались, иными соображениями; мы говорим лишь о том, как это представляется нам. В самом деле, почему должно быть такое деление, как в БАС, если значение «белая оболочка глаза» содержит в себе часть «нечто белое»? С другой стороны, в словаре Ушакова в качестве самостоятельного слова выделено: «(обл.) Покрытая вечным снегом горная вершина на Алтае». С точки зрения отмеченного выше подхода (включение производящего в толкование значения) и такое выделение тоже не мотивировано. В данном случае существенно не то, что это областное значение. Если значения такого типа стоит включать в словарь литературного языка, то значений у слова *белок* и им подобных окажется еще больше [17].

Мы не ставим своей задачей рассматривать вопрос о разграничении полисемии и омонимии прежде всего потому, что он не специфичен для производных слов. Различные критерии разграничения омонимии и полисемии не только не раз предлагались, но и не раз анализировались. Мы не считаем целесообразным снова касаться этого вопроса.

---

[16] *Ахманова О. С.* Словарь омонимов русского языка. М., 1974, с. 139 (*молочник*), 316 (*телятник*), 319 (*торфяник*) и др.

[17] В разных говорах *белком*, например, называют еще белену, мел, мышьяк, белый край в дубовой доске и другие предметы (см.: Словарь русских народных говоров, вып. 2).

Открытость семантической структуры — один из характерных признаков производных с идиоматичным лексическим значением. Напротив, производные, совсем или почти лишенные идиоматичности семантики, представляют собой закрытые семантические структуры. На основе одного значения производящего они могут быть результатом лишь однократного действия словообразовательной модели. Повторное действие модели привело бы к повторению того же самого лексического значения, «выдало бы его дубликат». Этим характеризуются модификационные существительные типа *учительница*, *тигрица*, *зайчиха*, *утенок*, *негритенок*, предикатные существительные типа *мучитель* и т. п. и другие типы производных слов с неидиоматичной семантикой, ср.: *комнатный*, *автомобильный*, *лесной*, *стиральный*, *предгорный*, *безоружный*, *архиконсервативный*, *белеть*, *голубеть* и т. п. Так, у слова *утенок* значение суффикса ограничивает виды возможных отношений к данной производящей основе только одним: *утенок* может иметь лишь одно прямое значение «птенец утки». В сочетании с другими суффиксами эта производящая основа в том же значении может дать и другой смысловой результат, ср.: *утятница* — работница, ухаживающая за утками; посуда для приготовления жаркого из утки; большая щука, нападающая на утят; *утятник* — большой ястреб, охотящийся на уток [18]; *утятина* — мясо утки как пища. Слово *утятник* допускает и другие значения — человек, ухаживающий за утками (ср. *телятник*); помещение, загон для уток (ср. *птичник*, *курятник*) [19]; любитель уток (ср. *собачник*, *лошадник*) и др. Но слово *утенок* других прямых значений не предполагает.

У слов типа *хулитель*, *мучитель*, *обидчик*, *хитрец*, *наглец* и т. п. аффиксы допускают использование их не только в значении лица, но и в собственно предметном значении, ср.: *закрепитель*, *передатчик*, *холодец*, *синец* (разновидность леща) и т. д. Однако сочетание тех значений производящих, которые вошли в состав слов *мучитель*, *хитрец* и др. этого типа, с суф. *-тель*, *-чик*, *-ец* может дать лишь один семантический результат — оценочное значение лица. Но в таких случаях невозможно

---

[18] БАС отмечает слово *утятник* только с этим значением (в других словарях этого слова нет).

[19] Ср.: Утятник у нас там старый, заброшенный. Утятник и надумали приспособить (для разведения рыбы. — *О. Е.*). Тяжелей всего было воду подогревать (Лит. газ., 1976, 21 янв.).

повторное действие словообразовательной модели и для наименований другого лица, поскольку эти оценочные наименования относятся к любому лицу.

Возможности повторной номинации на основе одного значения лишены отадъективные глагольные образования — *белеть*, *чернеть* (*белить*, *чернить*), *краснеть*, *свежеть*, *добреть*, *глупеть* и т. д.[20]

Итак, открытость—закрытость семантической структуры — один из признаков, по которым могут быть противопоставлены производные с идиоматичной и неидиоматичной семантикой. Даже если стать на точку зрения, что несколько значений слов *песчанка*, *медовик*, *медянка* и т. п. являются омонимами, противопоставленность семантических структур двух рассматриваемых типов производных останется в силе, хотя и не по признаку открытости—закрытости: одни могут иметь неограниченное число омонимов, возникающих словообразовательным путем, другие таких омонимов иметь не могут.

Косвенным свидетельством открытости структуры идиоматичных по семантике существительных является полное или частичное несовпадение семантической структуры русских и соответствующих им (по формальному составу) польских, чешских и других славянских производных [21]. Приведем некоторые сопоставления [22]:

СИНЯК — 1. Посиневший кровоподтек; 2. Медоносное растение с красно-синими цветками; 3. Вид съедобного гриба; *польск.* siniak — 1) синяк; 2) клинтус (лесной голубь); 3) поддубовик (гриб). КАМЕНКА — 1. Печь, сложенная из камней в бане, овине или в черной, курной избе; 2. *Устар. Обл.* Дорога, вымощенная камнем; шоссе; *польск.* kamionka — 1) каменка (печь); 2) фляга — каменка; кувшин — каменка; 3) груда камней (в поле); 4) *зоол.* каменная куница, белодушка; 5) *зоол.* каменная, горная куропатка; 6) *бот.* брусника; 7) *бот.* род дикой груши; *укр.* kaminka — «орн. каменка». ПОДНОЖКА —

---

[20] Аналогичная картина наблюдается и в говорах: ср. глаголы *бодриться*, *босеть* (от *босый*), *беднять* (от *бедный*), *буреть* (от *бурый*) и т. д., которые в соответствии с одним значением производящего во всех говорах получают лишь одно значение.

[21] В не меньшей степени это, очевидно, говорит об универсальности отмеченного явления.

[22] Толкования приводятся по словарям: Українсько-російський словник. Київ, 1953; Podręczny słownik polsko-rosyjski. Warszawa, 1974; Чешско-русский словарь, М., 1959.

1. Ступенька для входа в вагон, экипаж, автомашину; 2. *Разг.* Удар ногой по чьей-либо ноге внизу; *чеш.* podnožka — 1) педаль; подножка (трамвая и т. п.); 2) скамеечка под ноги; *польск.* podnóżek — 1) скамеечка (под ноги); 2) подножка. ВОДЯНКА — 1. Скопление жидкости в тканях вследствие пропитывания их жидкой частью крови или лимфой (*мед.*); 2) *Устар.* Напиток из ягодного сока, содержащий небольшое количество алкоголя; *укр. водянка* — 1) *мед.* водянка; 2) кадка (для воды); 3) *бот.* Empetrum Hidrum водяника, водяница. МЕСЯЧНИК — месячный промежуток времени, назначенный для проведения какой-либо работы или общественной кампании; *укр. місячник* — 1) месячник; 2) периодическое издание, ежемесячник; 3) *бот.* (Lunaria L.) лунник. ПЕСТРЯК — жук с пестрыми надкрыльями; *укр. пістряк* — прыгун. Ср. также *польск.* Stojak — стойка, станина, штатив; chodnik — 1) тротуар; 2) половик; 3) *горн.* штрек; 4) *воен.* галерея — и другие слова этого типа.

Разумеется, это не исключает возможности частичного или полного совпадения семантической структуры слов такого типа в разных славянских языках (частичное совпадение можно было наблюдать уже в приведенных примерах); нас интересует в данном случае возможность несовпадения.

Характерно, что неидиоматичные названия лиц, совпадающие по словообразовательной структуре в разных славянских языках, имеют, как правило, и тождественную семантическую структуру — они чаще всего однозначны, ср.: чеш. hlupak, chytrak, lenivec, odvazlivec; польск. głupiec, leniviec (как и соответствующее русское, имеет вторичное — название животного), sprytciarz 'ловкач', śmiałek и др.; укр. *глупак*, *гордівик*, *добряга*, *мучитель*, *скромник*, *ревнивець*, *смиренник*, *сміливець*, *товстяк*, *утішник*, *хитрун* и др.

Открытость семантической структуры идиоматичных производных обусловливает ее нестабильность на протяжении более или менее длительного периода развития языка, в то время как закрытость структуры неидиоматичных производных, напротив, обеспечивает ее постоянность, устойчивость. Сравнивая объем значений некоторых идиоматичных по семантике существительных по данным словаря 1847 г. и БАС, обнаруживаем:

1) увеличение объема лексем на основе повторного действия словообразовательного образца. Так, в слове

медянка словарь 1847 г. фиксирует два значения, в то время как БАС — три; в слове *серебрянка* — словарь 1847 г. отмечает одно значение, БАС — два. Судя по сведениям, почерпнутым из словарей, увеличился в наше время объем значений и у таких слов, как *капустник*, *песчанка*, *рыбник*, *синяк*, *чернушка*, *подножка* и др. Приведем примеры: слово *медвежатник* приводится в словаре 1847 г. с одним значением — 'водящий медведей, выученных пляске'. В современных толковых словарях это слово отмечено с четырьмя значениями: 1. Охотник на медведей; 2. Собака, употребляемая при охоте на медведя; 3. Вожак прирученного дрессированного медведя; 4. Помещение для медведей в зверинце. Во всех современных толковых словарях слово *водник* приводится со значением 'работник водного транспорта' (в более ранних — словаре Даля, Слов. Акад. 1789 г. — отмечено слово *водник* со значением 'водовместилище'). Ср. употребление этого слова со значением 'моряк, матрос', видимо встречавшееся в 20-х годах нашего века: . . .Я тебя не ждала сегодня И старалась забыть любя. Но пришел бородатый водник И сказал, что знает тебя. Он такой же, как ты, лохматый, И такие же брюки—клеш! (И. Уткин, Письмо). В настоящее время это слово в разговорной речи иногда применяется для обозначения туриста, путешествующего по воде: Самыми массовыми стали водные путешествия. Плавают везде. Именно среди 'водников' участились несчастные случаи (Комс. правда, 1976, 10 сент.). Утвердится ли такое употребление в качестве нового значения, неизвестно, но вполне возможно (ср. аналогичное значение у слова *моряк*);

2) уменьшение объема слов за счет архаизации некоторых номинативных значений. Так, у слова *каменщик* БАС отмечает два значения, а словарь 1847 г. — три; у слова *крестовка* БАС — одно, словарь 1847 г. — четыре; у слова *теплица* БАС — одно, словарь 1847 г. — три; у слова *нагрудник* БАС — три, словарь 1847 г. — четыре и т. д. Но это чисто внешнее сопоставление количества отмеченных в словарях значений, разумеется, не показывает в полной мере изменения во времени семантической структуры тех или иных слов. Всегда остается возможность объяснить расхождение в количестве значений, устанавливаемых словарями, разным подходом к выделению тех или иных значений к разграничению омонимов и многозначности и т. д.

Гораздо убедительнее выглядит сопоставление содержания семантической структуры слов по данным разных словарей, например [23]:

ТЕПЛИЦА* — 1. Здание с печами, устроенное для сохранения растений; 2. *Церк.* Сосуд для нагревания воды; 3. На купоросных заводах: место, где находятся печи для выварки купоросного щелока. КАМЕНЩИК — 1. Рабочий, специалист по кирпичной каменной кладке. 2. *Устар.* Член масонской ложи. КАМЕНЩИК * — 1. Содержатель заведения, в котором приготовляют грубые камни для разного употребления; 2. Работник, производящий разные работы из кирпича или из камня; 3. В Сибири: горный житель.

Ср. также семантическую структуру слов *белок*, *капустник*, *песчанка*, *подорожник*, *нагрудник*, *наколенник*, *наконечник*, *медянка*, *водянка*, *рыбник*, *травник*, *крестовик* и многих других по данным словарей 1847 г. и любого из словарей современного русского языка.

Это сравнение показывает, что в разное время существования языка семантическая структура рассматриваемого типа слов может быть совершенно различной или частично не совпадающей как по количеству номинативных значений, так и по содержанию. Несмотря на то что производящее используется в одном и том же значении и значение дериватора остается стабильным, их сочетание в процессе развития языка может быть источником неограниченного числа номинаций. Напротив, слова типа *гордец*, *мучитель* и т. д. сохраняют устойчивость семантической структуры на протяжении почти всего своего существования. По данным словаря 1847 г., названия лиц этого типа имеют ту же семантическую структуру, что и в современном русском языке, ср.: *гордец*, *глупец*, *подлец*, *счастливец*, *ревнивец*, *наглец*, *добряк*, *бесстыдник*, *скромник*, *смельчак*, *весельчак*, *страдалец*, *мучитель*, *разоритель*, *избавитель*, *утешитель*, *мститель* и др. Все они, как правило, отмечены в словаре 1847 г., как и в современных словарях, с одним значением (*глупецъ* 'глупый человѣкъ' и т. п.). Наличие двух значений в некоторых случаях объясняется или отражением в словообразовательной структуре иного значения производящего (ср.: ХИТРЕЦЪ — 1. *Церк.* Художникъ, искусникъ. . .; 2. Проныра, лукавецъ), или редкими случаями переносного

[23] Под звездочкой приводятся толкования по словарю 1847 г.

употребления, в целом не характерного для слов этого типа (ср. *ленивец* как название животного, что характерно для этого слова и в современном русском языке).

Открытость семантической структуры идиоматичных названий лица и предмета обусловливает возможность создания на базе этих структур семантических окказионализмов [24]. Семантические окказионализмы могут быть разного типа. У производных слов окказиональное значение часто является результатом переосмысления производящей основы. При этом подлинная производящая основа намеренно понимается не в том значении, в каком она входит в данное производное. Примером окказионального значения такого типа может быть известное употребление Гоголем слова *исторический* в приложении к Ноздреву, поскольку с ним вечно случались всякие истории [25].

Кроме того, окказиональное значение может быть приписано производному слову без изменения его словообразовательной структуры — с сохранением производящей и того ее значения, которое действительно мотивирует данное производное. Лексическое значение, которое в таких случаях приписывается производному, вполне соответствует его словообразовательному значению, но такая лексическая реализация словообразовательного значения у этого слова не принята, необычна. Такие семантические окказионализмы могут быть созданы только на основе производных с идиоматичной семантикой. Окказионализмом такого типа является, например, шутливое употребление слова *пианист* в значении 'рабочий по сборке пианино': Я тут рояли делаю на музыкальной

---

[24] Понятие окказионального значения связано прежде всего с работой: *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960, с. 94. Об окказиональном значении см.: *Ханпира Э.* Окказиональные элементы в современной речи. — В кн.: Стилистические исследования. М., 1972 (см. также библиографию к этой работе).

[25] Особое явление представляют собой случаи, когда вместе с не свойственным производному значением говорящий приписывает ему совсем другое производящее. Ср. многочисленные случаи этого типа, приводимые на с. 16 «Лит. газеты» в Толковом этимологическом словаре: *ельник* 'рот', *ряженка* 'модница', *курятник* 'вагон для курящих', *гривенник* 'юноша с модной головой' и т. д. Поскольку у двух разных по смыслу курятников разные производящие, их и подобные случаи следовало бы считать омонимами, но в отличие от обычных омонимов (ср.: *пилка* от *пила* и *пилка* от *пилить*) они находятся в отношениях смыслового отталкивания; второе нужно только для сопоставления с первым и без него не может жить.

фабрике. Пианистом, так сказать, работаю (Лит. газ., 1974, 3 июля). Так же окказионально у слов *рыбник*, *чайник*, *салатник* значение 'любитель рыбы, чая, салата', у слова *яичница* — значение 'продавщица яиц' и т. д. Приведем примеры такого употребления в разговорной речи: Я страстный рыбник, а ты чайник. А я кто? А ты салатник. К нам что-то яичница давно не приходила (женщина, которая приносит яйца на продажу) [26].

Нам приходилось также встречать в шутливой разговорной речи слово *капустник* в значении 'продавец капусты'. Ср. окказиональное употребление слова *капустник* со значением 'уборка (погрузка и т. п.) капусты': Уважаемый научный сотрудник! Приглашаем вас с супругой на капустник, который состоится на овощной базе с 9 до 18 часов (Лит. газ., 1976, 1 сент.). Ср. также пример из детской речи: *кустарник* — сторож, который караулит кусты (К. Чуковский, От двух до пяти).

Подобного окказионального употребления нельзя представить себе у слов типа *мучитель*, *подлец*, *утенок*, *зайчиха* и других существительных с неидиоматичной семантикой: без переосмысления производящей основы употребить эти слова с иными значениями невозможно. Таким образом, в семантической структуре многозначных производных с идиоматичной семантикой может быть несколько прямых номинативных значений, являющихся результатом неоднократного действия словообразовательной модели. Напомним, что все эти значения одинаково мотивированы одним значением производящего слова, они не находятся в отношении иерархии. Производным словам, лишенным идиоматичности семантики, такая организация многозначности не свойственна. На основе одного значения производящего они могут получить лишь одно лексическое значение.

---

[26] Очевидно, не все исследователи признают приведенные нами употребления семантическими окказионализмами. Е. А. Земская приводит слова *картошник*, *геркулесник* (со значениями 'любитель картошки', 'любитель геркулеса'), *арбузник* ('продавец арбузов') как номинации, обычные для разговорной речи (*Земская Е. А.* Русская разговорная речь (Проспект). М., 1968, с. 70). Думается, что между словом типа *арбузник* и приведенными выше словами *чайник* и *яичница* есть одно различие: первое не создается с целью столкновения значений, которое, несомненно, есть в употреблении второго и третьего.

Вопрос о вторичных номинациях на основе переносных значений производных разных типов требует специального рассмотрения.

УДАРЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В НОМИНАЦИИ

Настоящий раздел не имеет своей целью представить «акцентологический комментарий» к различным видам номинации. Задача его — показать возможности использования ударения как средства отграничения номинаций определенных языковых сфер, прежде всего профессиональной.

Существует установившееся мнение, что роль ударения в этом плане весьма ограниченна. В литературе приводятся единичные примеры, давно уже ставшие хрестоматийными: *компáс* и *рапóрт* у моряков; *атóмный* в терминологическом сочетании *атóмный вес*; *агóния*, *мáния* в медицинской терминологии и некоторые другие. К. С. Горбачевич пишет: «Социальные и профессиональные различия общества не являются, как правило, исходной причиной акцентологических изменений и лишь поддерживают (закрепляют) варьирование ударения. Маркированные в этом плане акцентные варианты представляют собой или пережиточные для общелитературного языка факты (*дóбыча*, *агóния*, *атмóсфера* — зафиксированы в поэзии XIX в.), или новые, входящие явления (*фрезá*; род. ед. *шрифтá* и т. п.)» [1]. При этом подчеркивается, что в XIX в. социальная противопоставленность акцентных вариантов была четче, отражая в некоторых случаях сословную идеологию [2].

Самый факт существования весьма небольшого числа профессионально закрепленных акцентных вариантов Горбачевич справедливо объясняет социальной мобильностью и взаимопроникновением профессиональных наречий в современном обществе. Это исключает «жесткую закрепленность акцентных вариантов» [3]. В подтверждение этого

---

[1] *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978, с. 58.

[2] Автор ссылается здесь на ряд примеров, известных в литературе: особенности ударения студентов-разночинцев, отмеченные В. В. Виноградовым, «борьба» дворянского и семинарского ударения, о которой пишет А. В. Суперанская и др.

[3] Автор специально подчеркивает, что за социально-профессиональную закрепленность варианта не следует принимать преиму-

положения автор приводит и данные социолингвистического обследования [4], которое обнаружило весьма небольшую разницу в средних показателях, характеризующих употребление акцентных вариантов у рабочих, с одной стороны, и писателей, журналистов — с другой (различие это составляет 9%). Еще меньше это различие между рабочими и служащими — 3% [5].

Не преувеличивая роли ударения как средства отграничения различных сфер номинаций в современном русском языке, позволим себе высказать предположение (с этой точки зрения русская акцентуация не исследовалась), что она все же более значительна, чем принято считать.

Известно, что литературный язык в принципе стремится избежать колебаний. При наличии их один из вариантов санкционируется как соответствующий норме, другой изгоняется как неправильный: диалектный, жаргонный или просторечный. Если же почему-либо сохраняются оба варианта, то они стремятся дифференцироваться в лексическом, грамматическом или стилистическом отношении [6]. Какое же место занимают в этом процессе дифференциации акцентные профессионализмы и чем обусловлено их появление?

Сравнительно незначительно, как показывают материалы, число акцентных профессионализмов, связанных с усвоением и закреплением традиционных общелитературных ударений: *компáс*, *рапóрт* (нормативное ударение в XIX в.), также *маяк*, род ед. *мая́ка*, используемые в морской терминологии (и *авиамая́ка*, *аэромая́ка*, *аэрорадиомая́ка*) и др. Общеязыковые тенденции, как правило, распространяются на все сферы речи, вытесняя устаревшие ударения.

Большинство отступлений от общелитературных ударений, отмечаемых в той или иной профессиональной об-

---

щественную сферу употребления самого слова (*Горбачевич К. С.* Указ. соч., с. 59).

[4] Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.

[5] Названное исследование действительно обнаружило такое незначительное расхождение между указанными социально-профессиональными группами. Однако следует учитывать, что рассматривались общеупотребительные (и старые) слова, а они не слишком показательны для таких сопоставлений.

[6] *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974 (гл. «Ударение в современном русском литературном языке»).

ласти, связано с общеязыковыми закономерностями, действующими в данное время. Они появляются в результате более последовательного развития определенных акцентных тенденций в менее нормированных (с точки зрения произношения) сферах речи. Покажем это на примере ряда слов, объединенных общими процессами акцентного развития.

Имена существительные, представляющие собой префиксальные образования с глагольным корнем (*отсвет*, *прикуп* и т. д.), могут иметь ударение как на префиксе, так и на корне [7]. Слова одного корня идут при этом обычно с единообразным ударением, и, таким образом, в современном литературном языке есть ряд корней, выступающих в данного типа образованиях всегда в подударном виде (таковы, например, корни *-бой*: *забо́й*, *отбо́й*; *-бор*: *забо́р*, *отбо́р*; *-вал*: *зава́л*, *обва́л* и др.), и ряд корней, выступающих всегда в безударном виде (таковы корни *-блеск*: *про́блеск*, *о́тблеск*; *-иск*: *о́быск*, *по́иск*; *-мысел*: *за́мысел*, *до́мысел*; *-пуск*: *за́пуск*, *о́тпуск*; *-черк*: *о́черк*, *по́черк*, *про́черк* и др.) [8].

Образования же от некоторых корней выступают в современном языке и с тем и с другим ударением. Таковы образования с корнями *-вар* (*нава́р*, *разва́р*, но *по́вар*), *-вес* (*наве́с*, *отве́с*, но *за́навес*), *-вод* (*заво́д*, *отво́д*, но *до́вод*, *про́вод*), *-езд* (*объе́зд*, *прое́зд*, но *по́езд*), *-лог* (*нало́г*, *зало́г*, но *по́лог*), *-рок* (*заро́к*, *обро́к*, но *о́трок*), *-сек* (*отсе́к*, но *про́сек*), *-ступ* (*усту́п*, но *по́дступ*, *за́ступ*, *при́ступ*), *-став* (*соста́в*, *уста́в*, но *при́став*) и некоторые другие. В ряде слов, относящихся к этой группе, ударение колеблется, при этом степень распространенности ударения на префиксе в современном литературном языке в разных образованиях разная.

Способ безаффиксного словопроизводства имен муж. рода от соответствующих приставочных глаголов одинаково присущ как литературной книжной, так и живой

---

[7] Мы намеренно не касаемся здесь исторических причин, обусловивших это различие.

[8] Известно, что данный способ словопроизводства очень продуктивен в живом народном языке. В словаре Даля, например, подобные образования представлены гораздо шире. Это касается как корней, образования от которых имеются и в литературном языке, так и корней, образования от которых в литературном языке отсутствуют, ср.: *-верт* (*подверт*), *-кид* (*запрокид*, *покид*), *-клев* (*заклев*, *поклев*), *-ков* (*заков*, *оков*) и т. д.

разговорной речи (здесь он, как уже отмечалось, особенно продуктивен). Ударение префиксальных образований в литературном русском языке отражает в определенной степени влияние этих двух разных в акцентном отношении языковых сфер. Сопоставление ударения префиксальных имен существительных в литературном языке и языке диалектном, хотя бы по тем материалам, которые дает словарь Даля, указывает на гораздо большее распространение в диалектном языке ударения на префиксе. Ср., например, известные в литературном языке только с ударением на корне образования с корнем *-молот*: *намоло́т*, *обмоло́т* и диал. *на́молот*, *и́змолот*, *за́молот*, с корнем *-плыв*: *заплы́в*, *наплы́в*, у Даля — *на́плыв*; *-пуг*: *испу́г*, *перепу́г*, у Даля — *по́дпуг*; *-кур*: *перекýр*, у Даля — *по́дкур*; *-ворот*: *поворо́т*, у Даля — *за́ворот*, *прúворот*, *по́ворот*; *-гиб*: *загúб*, у Даля — *про́гиб*, *о́гиб*, *о́бгиб* и т. д.[9]

В литературном языке живой разговорной тенденции — постановке ударения на префиксе — противостоит в ряде случаев книжная традиция, сложившаяся под определенным влиянием церковно-книжного языка с характерной для него постановкой ударения на корневой части. В этом плане показательно сопоставление по ударению таких явных заимствований из церковно-книжного, как *возраст* (старое ударение *возра́ст*, отраженное и в прежнем ударении прилагательного — *возра́стный*), *воздух* (старое ударение *возду́х*, ср. современное ударение в прилагательном *возду́шный*); *возглас* (старое ударение *возгла́с*, употребительное еще в литературном языке первой половины XIX в.), и русских образований от тех же корней: *по́рост*, *на́рост*, *про́рост*; *про́дух*; *о́тголос* (словарь Даля); ср. и такие книжные по происхождению слова, как *возвра́т*, *развра́т* и диал. *по́ворот* ‘ловкий человек’; *облако* (заимствованное первоначально в виде *облак* с ударением на корневом гласном) и диал. *по́дволок* ‘чердак’, *на́волок* ‘пойма, луг’, *и́зволок* ‘гора’; книжное *испы́т* и парал-

[9] Показательно, что соотношение общего числа префиксальных образований, употребительных с ударением на корне и ударением на префиксе, в современном литературном языке составляет примерно 6,4 : 1 (если же учесть все случаи колеблющегося ударения, где литературной нормой является все-таки ударение на корне, то — 7 : 1). Соотношение числа слов с ударением на корне и префиксе, по материалам словаря Даля, составляет примерно 3,3 : 1, если принимать во внимание только случаи устойчивого ударения, и 1,5 : 1, если учитывать все случаи колеблющегося ударения.

лельное ему собственно русское *о́пыт*; *иску́с* и употребляемое прежде с тем же значением *о́кус*; *иску́п* и *о́куп* и др.

Различие в ударении однокорневых образований и в целом ряде других случаев также, очевидно, следует связывать с тем, что сами образования идут из разных сфер: книжной и живой разговорной. Надо полагать, что книжная акцентная традиция была в данном случае в литературном языке довольно сильной и живая разговорная лишь постепенно «пробивает себе дорогу»: многие традиционные книжные ударения на корневой части в процессе развития литературного языка постепенно исчезают, заменяясь — в духе живых тенденций — ударениями на префиксе. Борьба ударений на корне и на префиксе составляет основное содержание протекающих в этой группе слов акцентных процессов, в результате которых изменяется ударение у значительного числа слов: *признак*, *пристав*, *довод*, *искус*, *насморк*, *отзыв*, *отсвет*, *заговор* и т. д. Те же образования, которые идут из живой речи, имеют ударение на префиксе. Среди них и ряд слов специального употребления: *о́бжиг* (к *обжечь* 'подвергнуть действию огня со всех сторон'); *о́тжиг* 'термическая обработка металла, стекла для придания им нужных качеств'; *ро́зжиг* (к *разжечь* 'заставить гореть'). Ср. также *ро́злив*, отмечаемое словарями как профессиональное (в значении 'переливание из больших сосудов в меньшие').

Столкновение профессионального и общелитературного произношения (с сильной тенденцией последнего к корневому ударению префиксальных отглагольных образований) становится причиной колебаний, иногда длительно существующих. Наиболее ярким примером может служить ударение в слове *привод* 'устройство для приведения в движение какого-либо механизма': в профессиональных сферах речи говорят *при́вод* (и это зафиксировано в технических справочниках), в литературном языке — *приво́д* [10]. Подобного рода колебания наблюдаются в ударении слова *прогиб* 'прогнувшееся место' (у специалистов известно произношение *про́гиб*: *про́гиб стержня*, *балки*, *консоли* и т. д. при литературной норме *проги́б*), *раструб* 'расширение в виде воронки' (у специалистов произно-

[10] Некоторые нормативные словари допускают это ударение на правах профессионализма или как вариант литературного произношения (см. об этом далее).

сится *ра́струб* при литературной норме *растру́б*), *прикус* 'положение зубов при сомкнутых челюстях' (специалисты произносят *при́кус* при литературной норме *прику́с*).

Подобные примеры, когда профессиональная речь (профессиональное просторечие) закрепляет акцентные варианты, возникающие в результате действия общеязыковых тенденций, но не принимаемые литературной нормой, имеют место и во многих других группах слов, объединенных тем или иным словообразовательным элементом. Ср. известное у специалистов *торфя́ник* при литературной норме *торфяни́к*, *ру́дник* при литературной норме *рудни́к*, такие терминологические сочетания, как *система жизнеобеспече́ния*, *средства обнаруже́ния* (при литературной норме *обеспе́чение*, *обнару́жение*), сложения со второй частью *-провод*, типа *газопро́вод*, *нефтепро́вод* (при литературной норме *газопрово́д*, *нефтепрово́д*) и др.

Существует некоторое количество пар, образуемых словом специального употребления и общелитературного, различающихся значением и ударением: *це́лик* 'прицельное приспособление' и *цели́к* 'цельный массив', *опро́щение* 'грамматический термин' и *опроще́ние* 'действие по глаголу *опростить*, *опроститься*', *ло́скут* 'остатки' (в текстильной и швейной промышленности) и *лоску́т* 'кусок материи', *тельца́* 'образования в составе живой ткани' и *те́льца* — мн. ч. от *тело* и др.

Гораздо более многочисленны примеры вариативности, обусловленной различием общелитературного и профессионального произношения, относятся не к самой исходной форме слова, а к его словоизменительной парадигме. Принадлежность слова к той или иной акцентуационной парадигме определяется, как показывают исследования, целым рядом причин, в числе которых выступают и внеязыковые — степень усвоенности слова [11]. Например, в имеющем место противопоставлении акцентной парадигмы *a* (ударение на основе во всех формах слова: *знак*, *зна́ка*, мн. ч. *зна́ки*, *зна́ков*) парадигмам *b* (ударение на флексии во всех формах слова: *стол*, *стола́*, мн. ч. *столы́*,

---

[11] Об этом писал в свое время Я. К. Грот (Труды, т. 2. СПб., 1899, с. 328): «. . .не зависит ли степень гибкости слова от степени его употребительности и народности?. . Наблюдения над словами всех разрядов показывают нам, что чем более в них жизненности, чем более они усвоены народом, тем легче они подвергаются переходу ударения, если только такому переходу не противятся другие, более сильные и постоянные законы языка».

столо́в) и *c* (ударение на основе в формах ед. ч. и на флексии в формах мн. ч.: *дар*, *да́ра*, мн. ч. *дары́*, *дары́в*) в кругу существительных муж. рода отчетливо видна роль этого внеязыкового фактора. К парадигме *b* и *c* (при равных языковых условиях) относятся слова, лучше усвоенные, более известные. Степень усвоенности слова характеризует при этом определенные группы лиц, объединенных по какому-либо признаку, в том числе профессиональному [12]. Это обстоятельство является основой тех конфликтов между общелитературным и профессиональным (или иным) употреблением, которые неоднократно отмечались в литературе. Чаще всего речь идет о противопоставленности акцентных парадигм *a* и *c*, поскольку у имен существительных муж. рода флективное ударение во мн. числе является основным и наиболее универсальным способом выражения привычности слова [13].

Как известно, имена существительные муж. рода переводятся в акцентную парадигму *c* при наличии двух ударяемых флексий: *-ы́* (*-и́*) и *-а́* (*-я́*), ср.: *дар*, *да́ра* — мн. ч. *дары́*, *дары́в* и *дом*, *до́ма* — мн. ч. *дома́*, *домо́в*. Флексия *-ы* (*-и*) присоединима к сравнительно узкому кругу слов (односложных), флексия *-а* (*-я*) не имеет подобного ограничения (хотя имеет ограничения другого рода); она может способствовать переходу в подвижную акцентную парадигму *c* практически неограниченного круга лексики (в этом, следует полагать, причина продуктивности этой флексии) [14]. Соответственно меньшей продуктивности уда-

---

[12] Весь этот комплекс вопросов, связанных с действием внеязыкового, так называемого прагматического фактора, рассмотрен А. А. Зализняком (см.: *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977).

[13] «Дело в том, что. . . флексионное ударение, — считает А. А. Зализняк, — появляется во мн. числе некоторого слова легче и быстрее, чем в единственном (по всей вероятности, потому, что в словоформах мн. числа оно вообще встречается вдвое чаще, будучи общей приметой слов нетривиального склонения, тогда как флексионное ударение в ед. числе есть примета только половины таких слов)» (*Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 109).

[14] Таким образом, «тенденция к переводу привычного слова в нетривиальное склонение, — пишет Зализняк, — представляет собой, образно выражаясь, «мощную, морфонологическую пружину» в языковом механизме, общую для всех носителей языка и давящую на все привычные слова определенной морфонологической структуры» (*Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 93).

ряемой флексии *-ы* (*-и*) находим и меньшее число отступлений от литературной нормы, обусловленных усвоением акцентной парадигмы *c* при флексии *-ы* (*-и*) в сферах ненормированной речи, в том числе и в профессиональном просторечии: *шурф* — мн. ч. *шурфы́*, *шурфо́в*; *шприц* — мн. ч. *шприцы́*, *шприцо́в*; *шум* — мн. ч. *шумы́*, *шумо́в* и др.

Отступления, связанные с усвоением флексии *-а* (*-я*), очень многочисленны в различных профессиональных сферах. Поскольку «морфонологическая пружина», по выражению Зализняка, давит на привычные слова (определенной морфонологической структуры), каждая профессиональная область имеет «свои» категории слов с формами на *-а* (*-я*). Ср., например, *боцмана́*, *лоцмана́*, *шкипера́* и др. в профессиональной речи моряков; *компрессора́*, *коллектора́*, *тендера́*, *дизеля́*, *ниппеля́* и т. д. у специалистов; *супа́*, *торта́*, *шницеля́* у работников пищевой промышленности; *роста́* у работников торговли; *выхода́* (*на выхода́х*) в профессиональной речи актеров и т. д.[15]

В несколько меньшей степени, как отмечалось, перевод слова в нетривиальное склонение, показателем чего является нетривиальное ударение, осуществляется посредством усвоения акцентной парадигмы *b* (ударение на флексии во всех формах) [16]. Однако этот тип отступлений от нормативной акцентовки тоже является достаточно распространенным. Принадлежность ряда слов к акцентной парадигме *b* характеризуется как черта профессио-

---

[15] Интересные данные на этот счет содержит упомянутое социолингвистическое обследование (Русский язык по данным массового обследования, с. 185—186). Например, группа рабочих, занимающая первое место по частоте употребительности форм на *-а* (*-я*) в ряде слов, уступает служащим по частоте использования формы *бухгалтера*; издательские работники чаще всех других используют форму *редактора* и т. д. Ср. замечание по этому поводу Чуковского: «Наблюдая за пышным расцветом этой ухарской формы, я не раз утешал себя тем, что эта форма завладевает главным образом такими словами, которые в данном профессиональном (иногда очень узком) кругу упоминаются чаще всего; форма *плана́* существует только среди чертежников; *торта́* — в кондитерских; *супа́* — в ресторанных кухнях; *площадя́* — в домах управления; *скоростя́* — у трактористов. Пожарные говорят: *факела́*» (*Чуковский К.* Живой как жизнь. М., 1962, с. 10—11).

[16] Ударение *шарфы́*, *банты́*, *шприцы́* и т. п. появляется раньше, распространяется быстрее и воспринимается как менее однозначное с точки зрения литературной нормы, чем *шарфа́*, *банта́*, *шприца́* и т. п. в ед. числе (*Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 109).

нальная: *пульт* — род. ед. *пульта́*, *шприц* — род. ед. *шприца́*, *шрифт* — *шрифта́*, *тоннаж* — *тоннажа́*, *такелаж* — *такелажа́* и др.[17]

В такой же степени рассмотренные явления отмечаются и у других морфологических групп слов. Переход определенных слов в продуктивные в данной группе акцентные парадигмы также совершается гораздо свободнее и последовательнее в ненормированных речевых сферах, одной из которых является профессиональное просторечие. Например, многие имена жен. рода на *-а*, принадлежавшие традиционно к акцентной парадигме *b* (*сестра́*, *сестры́* — мн. ч. *сестры́*, *сестра́м*), обнаруживают тенденцию к переходу в акцентную парадигму *d* (флективное ударение в ед. числе и на основе во мн. числе: *река́*, *реки́* — мн. ч. *ре́ки*, *ре́кам*). Процесс формирования парадигмы *d* очень живой и активный, но в разной степени касающийся слов с разной стилистической окраской. Книжные слова, как правило, дольше удерживают традиционное ударение (*струя́* — *струя́ми*, *судьба́* — *судьба́ми* — варианты, известные еще в литературной традиции начала XX в.); нейтральные и разговорные слова быстрее усваивают новый тип ударения. Некоторые из форм с подобным ударением связаны в своем употреблении с теми или иными специальными сферами, ср.: *стре́льбы* ‘учебные занятия по стрельбе’, *широта́* — *широ́ты* ‘расстояние от экватора по меридиану, выражаемое в градусах’, *длинно́ты* ‘излишне растянутые части произведения’ и т. д.

Встает вопрос об оценке всех этих и многих других не упомянутых здесь акцентных вариантов, связанных так или иначе со специальными сферами употребления. К. С. Горбачевич справедливо различает среди акцентных профессионализмов те факты, которые представляют собой «пережиточные» для литературного языка явления, бывшие некогда нормой (*компа́с*, *рапо́рт*), и те, которые только входят в литературный язык. Первые оцениваются обычно положительно, вторые, даже в качестве «узаконенных» профессионализмов, должны «пробивать» себе дорогу: признаются далеко не все. Например, упомянутый вариант произношения слова *привод* ‘механизм’ как

---

[17] Ср. в речи космонавта А. Леонова: . . .Космонавт легко работает с этпм *пульто́м* (телепередача 20 дек. 1977 г.); . . .два *киля́* (телепередача 9 апр. 1979 г.).

при́вод, известный у специалистов, в словаре Рус. лит. произнош. и удар. снабжен запретительной пометой: не *при́вод*; Словарь трудностей отмечает его как профессионализм; словарь Трудности словоупотребления — как допустимый вариант литературного произношения. Вариант *про́гиб* в Рус. лит. произнош. и удар. и Словаре трудностей имеет запретительную помету «не»; *при́кус* в первом словаре имеет помету «не», во втором — «реже», а в Трудностях словоупотребления отмечен как норма; *ра́струб* в Рус. лит. произнош. и удар. и в Трудностях словоупотребления имеет помету «не», в Словаре трудностей — «разг.» Число подобных примеров разной характеристики рассматриваемых акцентных вариантов в словарях можно значительно увеличить, но дело не в этих частностях. Не ясны сами общие позиции, с которых следует их оценивать. Например, имеют ли право на существование специализированные акцентные варианты и все ли они в этом плане однозначны?

Интересно, что даже сами профессионалы не всегда склонны защищать «свои» варианты. Ср., например, заметку «О культуре речи» врача И. Троицкого (Мед. газ, 1968, 16 янв.) [18], содержащую критику некоторых профессиональных употреблений. Троицкий выступает против ряда нелитературных оборотов, известных в обиходе медработников, и таких ударений, как *ко́клюш*, *эпилепси́я*, *и́нсульт*. Мнение о закономерности некоторых профессиональных употреблений высказывается языковедом. «Почему, — пишет Скворцов, — разрешая другим профессиям отступления от общелитературных норм (ср. *рапо́рт*, *компа́с* в речи моряков, *астро́ном* — у астрофизиков, *ато́мный* и т. п.), мы должны делать исключение для врачей? Профессионально-речевой обиход и профессиональное просторечие (отнюдь не «жаргон»!) — нормальное явление любого языка, и не считаться с ним нельзя» [19].

Проблематична также оценка профессиональных акцентных вариантов с позиций литературной нормы. По отношению к формам на *-а* (*-я*) в им. п. мн. ч. существительных м. р. вопрос этот поднимался А. А. Зализняком [20]. В частности, как следует оценивать в нормативном плане

---

[18] Ее анализирует Л. И. Скворцов (*Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980).

[19] Там же, с. 147.

[20] *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 226.

формы им. мн. на *-а* (*-я*) у слов, которые употребительны только в профессиональной речи (главным образом это названия механизмов, их частей, конкретных предметов: *анкер*, *клинкер*, *клипер*, *коллектор*, *компрессор*, *леер*, *редуктор*, *скрепер*, *скруббер* и др.)? «Вопрос о том, — пишет Зализняк, — существует ли вообще для склонения таких слов литературная норма и если да, то должна ли она совпадать с практикой профессиональной речи, не вполне ясен». Рекомендации словарей (в частности, словаря Рус. лит. произнош. и удар. и Орфограф. словаря), как показывает он, в этом отношении непоследовательны [21].

«По-видимому, для решения этих вопросов, — справедливо отмечает Зализняк, — необходимы более широкие наблюдения над современной профессиональной речью (устной и письменной)» [22]. Но это пожелание должно быть отнесено и ко всем другим подобного рода фактам. Очевидно, что изучение профессиональной речи и профессионального просторечия с точки зрения бытующих там норм произношения является актуальной задачей. Здесь же некоторые факты рассмотрены лишь в плане постановки вопроса.

ИНВЕНТАРЬ МОРФЕМ

Слова и морфемы — это основной строительный материал номинации. Соединение морфем по словообразовательным моделям, действующим в языке, дает новые слова; соединение слов по определенным синтаксическим моделям дает новые номинативные словосочетания. Ни один

---

[21] Там же. Обсуждение вопросов оценки вариантных средств выражения одного и того же понятия или реалии (словообразовательных, морфологических, орфоэпических, орфографических), принятых в профессиональных сферах и общелитературном языке, а также новых, нетипичных средств выражения понятий или реалий, т. е. таких, которым нет аналогов в общелитературном языке, ведется и в работах по терминологии. Вносится предложение ввести понятие профессионального варианта нормы. Подробнее об этом см.: *Даниленко В. П.*, *Скворцов Л. И.* Проблемы упорядочения научно-технической терминологии. — ВЯ, 1981, № 1; *Они же.* Нормативные основы унификации терминологии. — В кн.: Культура речи в технической документации (на материале ГОСТов и специальной литературы). М., «Наука», 1982. Отдельные аспекты этой проблемы на материале акцентологии рассмотрены в статье: *Воронцова В. Л.* О специфике акцентуации терминов. — Там же.

[22] *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение.

язык не исчерпал всех возможностей сочетания фонем (учитывая все ограничения на их сочетание) [1]. Таким образом, в каждом языке существует возможность увеличения инвентаря элементарных средств номинации: морфем и непроизводных слов. Относительная стабильность состава элементарных единиц сохраняется именно благодаря таким механизмам номинации, как комбинаторика элементарных единиц (с возможностью фразеологизации целого) и многозначность. Можно сказать, что полисемия — это один из регулярных способов, обеспечивающих экономию в формальном плане.

Полисемия и омонимия могут разрешаться, как известно, на других уровнях. Видимо, наличие запасных дифференциаторов позволяет увеличить номинативную нагрузку формы. Например, морфологическая категория одушевленности—неодушевленности помогает разрешению регулярной полисемии лицо (производитель действия) — автомат. Словообразовательные связи слов (набор производных, формальный тип производных) также способствуют дифференциации значений многозначного слова и омоимов. Так, например, различаются производные, соотносительные с разными значениями слова *земля* [2]. Омонимия имени собственного и нарицательного снимается в форме производных от них, ср.: *таежный — Тайгинский*, *шахтный — Шахтинский* [3]. Специальное исследование того, как ведут себя в словообразовании синонимичные, полисемичные, омонимичные слова и паронимы, выполнено О. М. Соколовым [4]. Он указывает различные типы дивергенции — вторичной дифференциации их словообразовательными средствами.

С номинативной точки зрения заслуживают особого внимания различия лексических значений производных, включающих синонимичные аффиксы. Как отмечалось в литературе, с формальными различиями синонимичных

---

[1] Ср. подсчеты в работе: *Мартине А.* Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963, с. 543; см. также: *Оливериус Зд.* Морфемы русского языка. Praha, 1976, с. 13—14; *Oliverius Z. F.* K distribuci alomorfů současné ruštiny. — Československá rusistika, 1966, XI, N 4.

[2] *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., «Просвещение», 1964, с. 83.

[3] *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., «Просвещение», 1973, с. 122.

[4] *Соколов О. М.* Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Автореф. докт. дис. Томск, 1971.

аффиксов нередко связываются эксплицитно не выраженные элементы семантики: *конник — конюх* [5], *зачинщик* (дурного) — *зачинатель* (хорошего) [6], *буровик — бурильщик*, *кожный — кожевенный — кожаный* [7]; во всех подобных примерах различию лексических значений соответствует различие аффиксов, при этом из сложения семантики аффикса и корня никак не вытекает соответствующее лексическое различие. То же разграничение прослеживается в парах и рядах слов созданных разными способами словообразования. Примеры отношений типа *смертный — смертник*, *крепостной — крепостник* между субстантиватами и суффиксальными существительными можно найти в работах И. М. Подгаецкой и В. В. Носковой [8].

Обнаруживается тенденция к специализированному выбору синонимичных словообразовательных средств в узких лексико-семантических группах (например, В. В. Носкова заметила, что среди названий лиц по признаку «больной орган» субстантиваты обозначают только больных, суффиксальные образования — врачей-специалистов (иногда и больных, ср. в разговорной речи, далее — РР). Этот тип внешней дифференциации лексических значений наиболее широко применяется в конкретной лексике, в названиях вещей (но можно сравнить и известные ряды производных от наименований чисел, где лексические значения слов достаточно дифференцированы, например: *трешка*, *трояк*, *трешница*, *тройка*, *троица*).

Дополнительную возможность увеличить номинативную отдачу языковых средств дает функциональная дифференциация языка. Перегородки между подъязыками позволяют как бы заново сочетать означающее и означаемое. Максимально реализуют эту возможность терминологические подсистемы.

---

[5] *Моисеев А. И.* Мотивированность слов. — Учен. зап. ЛГУ, 1963, № 322, сер. филолог. науки, вып. 68.

[6] *Гинзбург Е. Л.* О словообразовательном значении. — Československá rusistika, 1972, XVII, N 4.

[7] *Головин В. Г.* Очерк деривации имен прилагательных в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Самарканд, 1971.

[8] *Подгаецкая И. М.* Переход причастий в прилагательные. — Учен. зап. Южно-Сахалинского гос. пед. ин-та, 1957, т. 1; *Носкова В. В.* К вопросу о субстантивации относительных прилагательных и их соотношении с суффиксальными существительными. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1971, № 423а; *Она же.* Субстантиваты лица и их соотношение с суффиксальными существительными. Автореф. канд. дис. М., 1971.

Углубление дифференциации научно-технических отраслей можно рассматривать как условие, создающее возможность многократного терминирования одних и тех же элементов. Подчеркнем: не только как причину, но и как условие. Чем больше перегородок в языке, тем больше возможностей за каждой из этих перегородок использовать означающее заново. Структура означаемого внутри каждой функциональной сферы определяется тем, что единицы вступают в новые системные отношения, получают новую синтагматическую и парадигматическую определенность. Например, обозначение по цвету — красок художника, тканей в текстильной промышленности, мастей домашних животных, окраски цветов — дает каждый раз иное значение одним и тем же словам (ср. *голубой дог* и *голубая незабудка*, *черная роза* и *черный бархат*).

Особенно подвижны распределения обобщенно-релятивных слов [9]. В одном из проектов терминологии вводилось, например, такое соотношение слов *тип*, *класс*, *система*:

Тип антенны — разновидность антенны по исполнению — антенна зеркальная, рупорная, вибраторная решетка, щелевая. . .

Система антенны — разновидность антенны по оптической схеме — параболическая, сферическая. . . многозеркальная, перископическая.

Класс антенны — разновидность антенны по. . . размерам — большая, средняя, малая и т. д.

Функциональное членение русского литературного языка требует дальнейших уточнений. Достижениями последних лет можно считать выделение книжной и разговорной подсистемы, осознание самостоятельного положения языка художественной литературы, выделение теории стилей. Отношения между книжным литературным языком (КЛЯ) и РР, между ними и языком художественной литературы, между стилями внутри КЛЯ качественно различны. Это необходимо учитывать, сравнивая инвентарь средств разных функциональных областей.

[9] Ср. пример семантической специализации элементов *-образные*, *-видные*, *-цветные*, *-овые* в ботанической терминологии, приведенный в кн.: *Даниленко В. П.* Русская терминология (Опыт лингвистического описания). М., 1977, с. 92.

В составе средств различных функциональных областей можно выделять общий фонд (для всех или нескольких функциональных областей: общерусская лексика, общенаучная лексика и т. д.); специфический фонд (для одной области или группы) и образования, деривационно связанные с единицами других подсистем. Понятие общности приобретает при этом разное содержание; оно не может быть тождественно в применении к отношениям РР и КЛЯ, которые имеют разную системную организацию, и к отношениям между стилями, которые и между собой различаются характеристикой «замкнутость—незамкнутость» (к замкнутым стилям относят научный, официально-деловой, газетно-информационный [10]).

Как кажется, еще недостаточно изучены направления и способы межсистемной деривации, каналы, по которым происходит номинативное взаимодействие. Интересно сопоставить деривационные связи (семантические, словообразовательные) между единицами разных функциональных сфер и внутри них. Приведем два примера.

Семантические отношения между соотносительными единицами разных терминологий, между терминами и словами общего языка не носят регулярного характера. Обычно это связи метафорического типа, т. е. формы нерегулярной полисемии, в отличие от метонимических связей — регулярных [11], возможных внутри всех подсистем. Метонимический тип полисемии присутствует и в терминологии, которой в целом свойственно стремление избежать многозначности [12].

Внутри системы РР действует способ универбации, но, возможно, еще более активно он применяется для деривации разговорных образований на базе кодифицированных. Структура кодифицированных наименований должна быть трансформирована в РР, так как противоречит характерным для РР типам номинативных единиц. Например, на основе официальной номенклатуры товаров, официальных названий улиц и районов создаются разговорные переименования. Такую же номинативную зависимость от терминоло-

---

[10] См.: *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М., 1977, с. 117.

[11] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973; *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

[12] *Даниленко В. П.* Указ. соч., с. 65—69.

гии обнаруживает профессиональная разговорная речь [13].

Разные функциональные сферы проявляют разную склонность к обособлению инвентаря строительных элементов номинации, имеют разные потребности в расширении и изменении инвентаря морфем. Наиболее ярко тенденция к созданию специального словаря проявляется в терминологии. Как известно, она использует специальный фонд греко-латинских морфем. По Н. В. Юшманову [14], он включает 1134 терминоэлемента, по В. Флуду [15] — 1150. По подсчетам С. А. Алиева, в русских подъязыках науки и техники встречается 75 префиксальных элементов в сравнении с 18, отмеченными в Грамматике 1970 [16].

В настоящем разделе ставится проблема изменений инвентаря морфем — основных строительных элементов номинации в связи со спецификой способов номинации в разных функциональных сферах языка. Для анализа избраны способы номинации в терминологии и разговорной речи, так как различия в них принимают нередко контрастную форму.

Парадигматическая определенность терминов, связанная, в частности, и с тем, что число выделенных и дефинированных объектов конечно, часто находит прямое отражение в формальной структуре термина. Термин нередко отражает в своей поверхностной структуре основные парадигматические связи. Поэтому все типы сложных наименований: составных словосочетаний, сложных (многоморфемных) слов и вторично связанных с ними аббревиатур, — активны в терминологии. А потому терминоло-

---

[13] Ср. наблюдения и работах: *Полякова И. М.* Процессы включения в лексике и словообразовании (Наблюдения над профессиональной разговорной речью металлургов). Куйбышев, 1972; *Натанзон Э. А.* Термины профессионально-просторечного образования и их классификация (Проблемы лингвистического анализа). М., 1966; *Кожин А. Н.* Лексико-семантические средства составных наименований (на материале военной лексики русского языка). Автореф. докт. дис. М., 1967.

[14] *Юшманов Н. В.* Элементы международной терминологии. М., 1968.

[15] *Flood W. E.* Scientific words. Their structure and meaning. Olbourne—London, 1960.

[16] *Алиев С. А.* Интернациональные именные префиксы в русских подъязыках науки и техники. Автореф. канд. дис. М., 1973.

гия испытывает постоянный материальный голод, постоянную потребность в новых терминоэлементах. Вместе с тем сложная семантическая структура дефиниций вступает в противоречие с принципом компактности термина как номинативной единицы [17]. Это противоречие может разрешаться в пользу создания немотивированного простого слова. К терминологии примыкает номенклатура, в которой мотивированность формы проявляется значительно слабее. Поэтому расширяющиеся номенклатуры нуждаются в элементарных единицах номинации; в них используются особенно интенсивно непроизводные слова и символы. «. . .Если научная речь в каждой узкой специальной области (именно за счет ее узости) может позволить себе. . . значительное расширение лексических форм, расширяя число денотатов, то разговорная речь идет при этом в основном по пути обогащения уже имеющихся форм новым содержанием» [18]. Это утверждение требует только одной поправки: тенденции к количественной ограниченности форм, определенной степени стабильности ядра общеразговорной лексики противостоят богатство и подвижность лексики индивидуальных и групповых идиолектов.

Когда статистика показывает относительную лексическую бедность разговорной речи [19], ее показания справед-

---

[17] Приведем рассуждение терминолога о трудностях сжатия термина до компактной формы. Стандартная длина терминологического словосочетания — три слова. «Термин *буровой инструмент* — это уже два слова. Добавьте к ним слово *алмазный*, и вы исчерпаете ваш допустимый лимит. Но *алмазный буровой инструмент* может быть *импрегнированным*, может быть одновременно *многоступенчатым*. Итак, *многоступенчатый импрегнированный алмазный буровой инструмент*. Пять слов — криминал! Можно, правда, придать термину форму *многоступенчатый импрегнированно-алмазный буринструмент*. Три слова. Но хорошо ли это? *Буровое долото — бурдолото*. Сегодня никто, кроме терминологов, не готов отказаться от правильного по форме и содержанию термина *буровое долото*, заменив его на в высшей степени неблагозвучное *бурдолото*» (Из проекта стандарта терминологии) Ср. также наблюдения М. М. Ланглебен о чертах полисинтетизма в структуре химической номенклатуры (*Ланглебен М. М.* Структура номинативных сочетаний в специальном фрагменте русского химического языка. Автореф. канд. дис. М., 1970).

[18] *Васильева А. Н.* Курс лекций по стилистике русского языка (Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль). М., 1976, с. 140.

[19] См., например: *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974, с. 74—75.

ливы, поскольку касаются частотной общеупотребительной лексики. Но мир явлений, подлежащих номинации в разговорной речи, бесконечен. Бесконечно разнообразен предметный мир, меняющийся, например, в территориальных границах. Самые потребности номинирования объектов, номинативного структурирования мира в различных районах, в различных языковых коллективах, в разных ситуациях могут быть неодинаковы. Поэтому разговорная речь, с одной стороны, использует приемы, позволяющие дать наименование актуальное, ситуативное (не предназначенное для «словарного» закрепления), с другой стороны, она, видимо, использует и особый корневой фонд (проблема специализации аффиксов в РР требует специальных наблюдений). Итак, в РР можно ожидать лексического разнообразия, богатства инвентаря корневых морфем, закрепленного за определенными территориальными и другими группировками носителей языка. Обособление лексиконов и за счет этого расширение общего состава лексики — существеннейшая черта функционирования этой языковой подсистемы. Формой более широкого социального обособления являются профессиональные и возрастные арго, жаргоны; в них вырабатывается, как известно, особый, часто потайной, словарь. Кружковое, семейное слово, неизвестное посторонним, одно из слагаемых интимного мира каждого человека, это знак самых глубоких личностных связей [20].

Причиной, стимулирующей энергию формотворчества в разговорной речи, является потребность в обновлении экспрессивных средств. Обычно экспрессивные образования имеют короткий жизненный срок, стираются и исчезают. Итак, индивидуальная замкнутость употребления, кратковременность существования некоторых форм — это

---

[20] Интересный ряд семейных слов приводит И. Грекова в повести «Кафедра»: «Разговаривали мы на каком-то сумасшедшем жаргоне (гажечка, вонтик, борзятина)» (Новый мир, 1978, № 9, с. 119). Обособлению номинативных единиц в РР способствует один регулярный по типу, но нерегулярный, непредсказуемый по содержанию путь семантических переносов. Речь идет о ситуативном переносе. Например, в одной семье выражение *с уздечкой* означает «неточно, с лукавой натяжкой». Когда-то при разгадывании кроссворда в него вставили слово *уздечко* (клеточка для *а* в нем была уже занята *о*). Только единичная ситуация создает мотивацию для этой фразеологической единицы; если она будет забыта, а выражение останется, связь с общелитературной формой будет немотивированной, возникнет межсистемная омонимия.

существеннейшие черты бытования разговорных номинаций, но именно эти черты облегчают и стимулируют формотворчество. В соотношении «индивидуальное — общее» фактор «индивидуальности» способствует легкости новообразований в разговорной речи. В научно-технической терминологии в роли способствующего фактора выступает специализированность, функциональная ограниченность той или иной группы лексики. В соотношении «специализированное — общее» первое свойство, имеющееся у терминов, также является благоприятным условием для введения новых единиц. Таким образом, центробежные силы, существующие и в разговорной номинации и в терминологии, хотя и действующие в них по-разному, в целом и в той и в другой сфере являются положительным фактором для обогащения этих сфер новыми формами. Центростремительные силы, силы взаимодействия разных сфер литературного языка приводят к тому, что часть своих приобретений эти сферы передают в общелитературный язык.

Это относится, в частности, и к инвентарю морфем. Терминология и разговорная лексика могут служить источником для обогащения инвентаря морфем общего языка. Обе эти сферы отличает более высокая интенсивность процессов морфемообразования, хотя в путях изменения состава морфем разговорная и научная речь обнаруживают глубокое различие. Специфична и роль каждой из этих сфер в их влиянии на формирование общелитературного инвентаря морфем.

В языке существует несколько путей и источников пополнения инвентаря морфем [21]. Это, во-первых, заим-

---

[21] В целом эта проблема не изучена. С точки зрения общей постановки ее интересна работа: *Васильев А. И.* Источники обогащения русского языка новыми словообразовательными аффиксами. — В кн.: Тезисы докладов на X научной конференции профессорско-преподавательского состава. Секция филолог. наук. Фрунзе, 1961. По частным темам см.: *Костомаров В. Г.* К вопросу об интернациональных суффиксах в русском языке. — РЯШ, 1956, № 6; *Адливанкин С. Ю.* К вопросу о явлении заимствования в области словообразования. — Учен. зап. Пермского гос. ун-та, 1965, т. 137, вып. 1; *Гимпелевич В. С.* Личные имена существительные с иноязычными интернациональными суффиксами в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. Баку, 1966; *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; *Бахман К. И.* О соотношении стихийных и целенаправленных процессов. — ВЯ, 1965, № 3; *Аракин В. Д.* О превращении лексических единиц в словообразовательные

ствование из других языков или диалектов того же языка, восстановление в языке архаических элементов. Во-вторых, морфемизация звукоподражательных и междометных элементов, вариантов морфов с экспрессивными модификациями фонемного состава (о возможностях чисто речевого функционирования этих элементов в слове в разговорной речи см. ниже). В-третьих, морфемизация аббревиатур и различных типов образований (или их частей), созданных одновременным усечением и склеиванием единиц (не на морфемном шве). В-четвертых, искусственное создание морфем. В-пятых, переходы основ имен собственных в корни нарицательных слов, взаимопереходы морфем в классах: аффиксы — корни (суффиксы из корней, корни из аффиксов, суффиксы из флексий, аффиксы, чаще постфиксы, из самостоятельных слов, преимущественно местоименного характера). В-шестых, диахронические изменения в членимости слова, передвижки морфемного шва, в частности возникновение новых морфем на базе сочетания морф + интерфикс. В-седьмых, формирование отдельных морфем из морфов, принадлежавших прежде одной морфеме, омонимизация морфем.

Реализуются ли все указанные возможности в современном русском языке? Используются ли все пути? Интенсивны ли процессы морфемообразования? Наблюдаемы ли эти процессы в рамках ограниченного временного среза (например, в русском языке XX в.) и можно ли увидеть не микродвижения, а качественные скачки? Прослеживание всех названных процессов — задачи фундаментального исследования.

В настоящем разделе основной акцент делается на своеобразии путей морфемообразования в отдельных подсистемах языка, в частности в терминологии и разговорной речи. При этом вне описания мы оставляем все явления семантического «переразложения» слова и связанного

морфемы. — НДВШ, Филолог. науки, 1959, № 4; *Он же.* О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы. — В кн.: Уровни языка и их взаимодействие (Тезисы науч. конф.). М., 1967; *Зенков Г. С.* Процесс переразложения основ и его роль в практике суффиксального словообразования русского языка. — Учен. зап. филолог. ф-та Киргизского гос. ун-та, 1956, вып. 2; *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968 (гл. III «Изменения в морфологической структуре слова»); *Марков В. М.* Проблема формирования самостоятельных морфем на основе противопоставленных фонетических вариантов. — В кн.: Вопросы грамматического строя русского языка. Казань, 1970.

с ним распадения одной морфемы на две — во всех алломорфах или с разделением алломорфов (типа *коса — чесать*). Эти явления подробно рассматривались в работах Н. М. Шанского [22]; непреходящую ценность сохраняет статья Л. А. Булаховского [23]. В последние годы к теории диахронических изменений в семантике производного слова обратился Н. А. Крылов [24]. Что касается переходов морфем из одного класса в другой (ср. образование суффиксов наречий из падежных флексий существительных, аффиксов и постфиксов *-то*, *-ка*, *-нибудь*, *-ся*, *-ин* (*ин-а*), *-ждЫ* из слов), то эти процессы протекают действительно очень медленно. В современном языке отмечалось лишь формирование аффиксов имен лица на базе аффиксов прилагательных (ср. *горн — горновой* при отсутствии соотносительного прилагательного) [25].

Одним из основных путей расширения инвентаря морфем в терминологии является иноязычное заимствование. Оно начинается с заимствования ряда слов определенной структуры (ср. образования с элементами *-дром*, *-трон*, *-бус*,*-рама* и т. п.). С появлением русских терминов, имеющих в своем составе иноязычные терминоэлементы, с включением их в парадигматическую сетку терминологического гнезда эти элементы становятся словообразовательным средством русской терминологии, отличающим ее от других подсистем русского словообразования [26]. Лишь позднее отдельные термины новой структуры могут осваиваться общелитературным языком. Но членимость термина в общелитературном языке остается более

---

[22] *Шанский Н. М.* Указ. соч.

[23] *Булаховский Л. А.* Деэтимологизация в русском языке. — В кн.: Труды Ин-та рус. языка АН СССР, т. 1. М.—Л., 1949.

[24] *Крылов Н. А.* О семантической пересекаемости морфем и их информационно-синтагматическом отображении. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1969, № 330. Вопр. языкозн. и рус. языка, ч. 2.

[25] Наблюдение В. В. Лопатина (см.: *Лопатин В. В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967).

[26] *Даниленко В. П.* О терминологическом словообразовании. — ВЯ, 1973, № 4; *Шкатова Л. А.* К вопросу о двух системах словообразования в терминологии. — В кн.: Вопросы современного русского литературного языка, вып. 5. Челябинск, 1971; *Она же.* Членимость и производность иноязычных терминов. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Матер. респ. науч. конф. (12—15 сент. 1972 г.), т. 1. Самарканд, 1972.

слабой, чем в пределах терминологии. И лишь при определенных благоприятных обстоятельствах общелитературный язык может перенять часть иноязычных морфем, активно функционирующих в специальных сферах [27]. За счет иноязычных заимствований в разных языках расширяется фонд интернациональных терминоэлементов, основу которого составляют греко-латинские морфемы. Вместе с тем постоянно создаются новые терминоэлементы на базе интернационального греко-латинского инвентаря морфем. В каждой из отраслевых терминологий эти элементы могут приобрести свою собственную нагрузку [28].

Как производящие основы для номенклатурных названий активно используются имена собственные. В некоторых областях, в частности в названиях физических единиц, минералов и химических элементов, сортов растений и их плодов [29], в спортивной терминологии, например в гимнастике, фигурном катании на льду, распространены наименования, указывающие на имя лица — создателя, открывателя, изобретателя. Степень их вторичной морфемизации различна; она тем больше, чем слабее память о мотивированности названия; мотивированное для специалистов часто остается не мотивированным для непосвященных. Как показывает история языка, легко теряют

---

[27] См. об этом: *Капанадзе Л. А.* Взаимодействие терминологической лексики с общеупотребительной. Автореф. канд. дис. М., 1966; Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 216—231; *Красильникова Е. В.* Об освоении иноязычных морфем системой русского словообразования (на примере морфемы *-дром*). — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, т. 1; *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* О словах на *-рама* в русском языке. — Вопросы культуры речи, 1963, № 4; *Гимпелевич В. С.* Существительные на *-ер* (*-ёр*) в русском языке. — Там же, 1965, № 6; *Лапкина М. С.* Из истории БУСов. — Рус. речь, 1968, № 5.

[28] Поэтому кроме инвентарных словарей терминоэлементов Н. В. Юшманова, В. Флуда (см. сноски 14, 15) нужны специальные словари, указывающие все возможные дефиниции терминоэлементов в каждом языке (см.: *Канделаки Т. Л.* Об одном типе словаря международных терминоэлементов. — НДВШ, Филолог. науки, 1967, № 2).

[29] *Даниленко В. П.* Указ. соч., с. 108—109; см. также: *Реформатский И. А., Суперанская А. В.* Как назвать новый химический элемент. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966; *Бондалетов В. Д., Иванова Р. Я.* Названия сортов винограда топонимического и антропонимического происхождения. — В кн.: Ономастика Поволжья, ч. 2. Горький, 1971; *Петрушина В. М.* Термины текстильного производства, образованные от топонимов и антропонимов. — Там же.

мотивацию образования от топонимов. История названий вин, тканей обычно малоизвестна (ср.: *бостон*, *сатин*, *мадаполам*, *маренго*, *кашемир*, *поплин*, *затрапез*); основы подобных образований быстро пополняют список «нарицательных» корневых морфем языка.

В терминологии встречаются и искусственные образования. Один из способов возникновения новых корневых морфем, по наблюдениям исследователей, в современных европейских языках — это создание телескопических слов, «слов-чемоданов» [30]. Происхождение «склеенных» таким образом слов может быть легко забыто, а это — основное условие для возникновения нового корня.

другой стороны, подобные образования могут выделять из себя и аффиксальные элементы (ср. positive electron → positron) [31]. В русском языке этот способ также постепенно приобретает активность. Наряду с аббревиатурным способом он оказывается удобным средством создания новых фонемных последовательностей для новых корней. Искусственные корни могут создаваться аббревиатурным способом, однако без сознательной установки на сохранение аббревиатурной формы (ср. слово *лавсан*). Следует заметить, что аббревиация, возникшая первоначально как способ сокращения, в будущем начала развиваться также и в способ искусственного образования морфем. Во всяком случае, этот способ теперь открыт, осознан и начал использоваться.

Процессы, наблюдаемые в русском языке, имеют много общего с процессами, идущими в других мировых языках. Ср., например, следующий вывод относительно развития номинативных средств в современном английском языке: «В результате описанной тенденции происходит перераспределение долевого участия морфемообразования и словообразования в пользу первого, а это означает, что

---

[30] Ср.: *Берман И. М.* О «вставочном» типе словообразования. — ВЯ, 1959, № 2; *Чаадаевская Е. И.* О «вставочном» словообразовании. — ВЯ, 1961, № 4; *Лейчик В. М.* Об одном малоизученном способе словообразования (Телескопические слова современного французского языка). — НДВШ, Филолог. науки, 1966, № 3; *Полякова Л. И.* Контаминация как одна из особенностей словообразования современного разговорного немецкого языка. — Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1966, т. 35.

[31] О вычленении аффиксов типа *-он*, *-ан* в терминологическом ряду см.: Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 219.

часть лексики, ранее создававшейся путем комбинации морфем, сейчас образуется путем создания морфем» [32].

Контраст корень—аффикс стремится к ослаблению в терминологии; корень не всегда четко отличим от префикса и суффикса. В терминологии распространены радиксоиды, префиксоиды и суффиксоиды.

Отнесение морфемы к корневым или аффиксальным в терминологии определяется по системе парадигматических связей. Воспроизведем один пример такой системы — термины генетики и цитологии [33]:

асиндез	синдез	десиндез
алло-		гипо-
ауто-		эу-
гетеро-		
гомо-		
пара-		

«Передвижки морфем», по-видимому, облегчены именно из-за высокой степени лексической наполненности элементов, выступающих в аффиксальной позиции (ср. прилагательные *эмический*, *эматический* (уровень), созданные на базе аффикса *-эма*). Отмечалось, что в научной речи легко транспонируются в корневую позицию различные элементы: *л-овые (эловые) причастия*, *эн-мерное пространство*; в этой же функции могут выступать символы [34].

С другой стороны, корни, извлеченные из русских сложных слов (например, *-ход*, *-лет*, *-воз*, *-вод* и др.), в терминологических системах включаются в единый категориальный ряд с иноязычными терминоэлементами, при этом их лексическая семантика меняется; семантически они определяются противопоставлениями внутри терминологического ряда. Возникновение аффиксоидов на базе корней — специфический терминологический

---

[32] *Иванов А. Н.* Морфемообразование и лексическая динамика языка. — В кн.: Словообразование и фразообразование (Тезисы докл. науч. конф. МГПИИЯ им. М. Тореза). М., 1979. Ср. также интересные выводы, касающиеся обособления способа аббревиации от словосложения и словосочетания в работе: *Волошин Е. П.* Аббревиатуры в лексической системе английского языка. Автореф. канд. дис. М., 1967.

[33] *Алиев С. А.* Указ. соч.

[34] В истории древнерусской музыки существует термин *хомовое пение*. В качестве корня в нем использован конечный отрезок древнерусских глагольных форм, которые в пении огласовывались не *-хомъ*, а *-хомо* с дополнительным слогом на конце.

процесс [35]. Парадигматичность терминов, т. е. устойчивость и определенность их связей в терминологическом гнезде, тенденция к согласованию внешней формы термина с его семантической структурой, видимо, должны препятствовать затушевыванию в термине его внутренней формы. Можно думать, что внутри терминологии процессы структурного переразложения не активны. Изменение членимости, скорее всего, имеет одно направление — в сторону усиления членимости при выстраивании протяженного ряда на базе единичных образований.

Соответствие формы термина его месту в парадигматике вызывает, однако, чересступенчатое словообразование. При пропуске шага формальный механизм сохраняется, что приводит к образованию вторичных суффиксов. Примером такого рода может быть отыменное образование «имен действия» с помощью суф. *-ирование*, *-изование*, *-изация*, *-фикация*, минуя глагольную ступень [36].

Итак, в терминологии существует сильная тенденция к созданию собственного фонда номинативных средств. Этой цели служит определенный языковой способ.

Однако следует еще раз отметить различия в структуре и в тенденциях использования номинативных средств в терминах и номенклатуре. «Морфемообразование» наиболее широко представлено именно в номенклатуре [37]. Разнообразие способов морфемообразования описывают исследователи, изучающие наименования фармацевтических средств, растений, минералов, сортов винограда. Здесь представлены образования от имен собственных в названиях лекарств: *сергозин*, произведенное от имени Серго Орджоникидзе; минералов: *кировит*, *седовит*, *веберит*; растений: *крыловия*. О. И. Стрижевская указывает

---

[35] См. об этом: *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961, с. 86; *Адливанкин С. Ю.* К вопросу о системности словообразования. — В кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.

[36] *Канделаки Т. Л.* Семантика и мотивированность терминов. М., 1977, с. 150—152.

[37] *Березникова Р. Е.* Лингвистический анализ наименований лекарственных средств. Автореф. канд. дис. М., 1975; *Казановский М. Г.* Лексико-словообразовательная структура официальных названий химико-фармацевтических препаратов. Автореф. канд. дис. Львов, 1966; *Стрижевская О. И.* Структура и семантика названий минералов. Автореф. канд. дис. М., 1975; *Шарашова М. К.* Парицательные образования от имен собственных (на материале русских названий растений). Автореф. канд. дис. М., 1968.

250 названий минералов, образованных от топонимов, около 500 — от фамилий. В новых номенклатурах широко представлено «аббревиатурное образование морфем» типа *моурит* (*мо*-либден, *ур*-ан).

Для вторичной номенклатуры (например, торговой) естественным источником являются научная и производственная терминология и номенклатура. Однако, как отметила Р. Е. Березникова, торговая номенклатура требует компактности формы. Если международная фармакопея включает большей частью слова из 7 слогов (встречаются слова до 11 слогов) и наименования, состоящие из нескольких слов (50% — из двух, 25% — из трех), то коммерческая номенклатура состоит на 90% из однословных единиц объемом в 3—4 слога. При этом требование однословности превалирует над правилами логической соотносительности с полным термином.

Соединение компонентов сложных слов в коммерческой номенклатуре лекарственных средств (ЛС) крайне искусственно; порядок их не идентичен порядку компонентов в научных терминах и номенах, обычно зависит от фонетического и графического облика слов и морфем, из которых составляется коммерческий номен, от характера их инициалей и финалей, а также от соотношения создаваемого наименования с существующими номенами — научными и коммерческими и нередко определяется необходимостью создания слова, аналогичного другим номенам ЛС, но не совпадающего с ними по смысловой структуре.

Применяется инкорпорация элементов, перестановка их, все типы сокращений и способ «обратного чтения» — перевертывания слова. Иными словами, нужно совершить лишь операцию свертывания. Однако сжатие по правилам с сохранением, хотя бы в символизированной форме, всех составляющих полной номинации приходит в столкновение с требованием формальной «цельнооформленности» нового слова и с возможностью немотивированного, лишь дифференциально отличающегося от других обозначения в конкретной предметной сфере. Это внутренний стимул морфемообразования в номенклатуре [38].

Обобщая, видимо, можно сказать, что языковые подсистемы, в которых представлена конкретная референтная

[38] Ср.: *Канделаки Т. Л.* К вопросу о номенклатурных наименованиях. — В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973.

лексика и наложены ограничения на «глубину номинативной единицы», и будут иметь тенденции к расширению инвентаря морфем. Очевидно, что это относится в наибольшей степени к номенклатуре и лексике разговорной речи.

Отношение разговорной речи к заимствованию иноязычных слов и морфем, вне территорий непосредственных контактов разных языков, по-видимому скорее консервативно, чем активно. В целом разговорная речь — средоточие национальной стихии языка, именно в ней на русской основе создаются переводы иноязычных обозначений. Можно думать, что чаще она вторично усваивает то, что уже усвоено другими языковыми сферами. Через торговую номенклатуру переходят в РР иноязычные наименования предметов быта.

Газетно-публицистические жанры и научно-популярная литература бывают проводниками в РР заимствованных терминов общественно-политического, научного и другого содержания [39]. Пик заимствований (преходящих во времени) дают названия предметов и явлений моды.

Вторично усваивает РР и набор собственных (неличных) наименований, которые различные объекты получают именно в официальной номинации. Причем собственные номенклатурные наименования серийных предметов в РР могут превращаться в нарицательные, тем самым пополняя фонд морфем (ср.: *волги*, *москвичёнок*, *жигуленок*) [40].

Существующая в устной непринужденной форме, разговорная речь прямо, очень тесно соприкасается с тем, что называют неканоничной фонетикой [41], и поэтому является той ассимиляционной средой, через которую доязыковые элементы обретают сначала фонологическую, а затем и морфологическую языковую форму. Для междометных и звукоподражательных слов первый шаг к их словообразовательному освоению — включение в перво-

---

[39] См.: *Крысин Л. П.* Указ. соч.; *Аристова В. М.* К истории английских слов в русском языке. Автореф. канд. дис. Самарканд, 1968; *Логинова З. С.* Англизмы в спортивной терминологии русского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1978; *Елизова Т. К.* Заимствование английской лексики в русском языке в 60—70-е годы. Автореф. канд. дис. Ростов н/Д., 1978.

[40] *Брагина А. А.* От номенклатурного знака к названию предмета. — РЯШ, 1970, № 6.

[41] *Реформатский А. А.* Неканоничная фонетика. — В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., «Наука», 1966.

производный глагол: Ты что раскашлялся, Славик? *Раскехекался*? (из устной речи); У него были закисшие китайские глазки, и он издавал ротиком жалобные звуки — *кувакал*, — вследствие чего и получил название наш *кувака* (В. Катаев, Алмазный мой венец. — Новый мир, 1971, № 6).

Следующий шаг к «воязыковлению» — расширение словообразовательных связей, ср. *чирикать* и: Чудесные рассветы. Чудесные, первые *чирики* просыпающихся птиц (В. Конецкий, Путевые портреты с морским пейзажем. — Звезда, 1976, № 3); Мама называет его (воробья) наш храбрый *чирик* (из устной речи).

Звукоподражательным путем возникают корни слов индивидуального или семейного употребления. Так, в одной семье фрагмент Первого концерта для фортепиано с оркестром П. И. Чайковского получил домашнее обозначение: «мармосик-мармосик-мармосик». В форме его запечатлена ритмическая структура музыкального отрывка.

К ономатопоэтическим и междометным элементам разговорная речь обращается в случаях, когда испытывает потребность в заполнении «корневой дыры». В глаголах они замещают корни, семантика которых задана конситуативно, следовательно, выражение ее избыточно [42]. Роль междометного корня в этом случае приближается к роли анафорического местоимения. Формальная позиция занята, лексическая семантика снята, за счет этого усиливается экспрессивная сторона. Связь с местоимением появляется и в другом своеобразном типе замещения слов и корней [43]. Речь идет об условном назывании объекта, нужном лишь для того, чтобы отличить его от другого или просто фиксировать, ср.: Назовите это не язык и речь, а первое *труляля* и второе (в разговорно-профессиональной речи); некое свойство пространства—времени, которого мы не понимаем, которое они называют, скажем, *тирьям-пампацией* (из научно-фантастического романа).

Интересен прием условно-фантастической имитации корней для обозначения экзотических явлений, ср.: в ка-

---

[42] *Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В.* Об актуализации морфемной членимости слова в речи. — В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., «Наука», 1975.

[43] Ср.: *Янко-Триницкая Н. А.* О прилагательных *эский* и *энный*. РЯШ, 1979, № 1.

ком-нибудь языке *масачусутса*; в каком-нибудь племени *памбу-вамбу* (в устной речи); Тот же нарушитель приходит в восторг, слушая байки о том, как где-нибудь в *Абабуании* перед пешеходом, вышедшим на дорогу, замирает почетный караул машин (Моск. комсомолец, 1980, 5 марта).

Разговорная речь, осуществляющаяся в устной форме, может порождать новые знаковые единицы на основе процессов на незнаковом уровне. Как отмечалось в литературе, новые морфемы могут возникать на основе аллегровой фонетики [44] (например, частицы *вишь*, *бишь*, как известно, возникли из стяженных глагольных форм). Можно думать, что разговорная речь, которой не свойствен аббревиатурный способ номинации, играет активную роль в превращении аббревиатур в корни [45]. То, что в кодифицированной системе мыслится как мотивированное, расчлененное, в РР воспринимается слитно. Не случайно в обиходе мы позволяем себе забывать, что значит то или иное сокращение (ср. *вуз*, *колхоз*).

Части сложносокращенных слов дают новые морфемы, образуют новые слова: *зам*, *зав*, *спец*, *гэк*, *госы* [46]. Появляются непосредственные производные от них: *замша*, *завлитша*, *завство* (Ему надоело его *завство*). Ср. еще: Я буду завтра *гэком* (членом комиссии).

Только как средство создания экспрессии работает в РР способ создания «слов-чемоданов», ср.: *плотилия* (из плот + флотилия), *трифонат* (Трифонов + деканат); *фальсификаты*, *сердцефикаты* (фальсифицировать, сердце + сертификат), *лоязнь* (лояльность + боязнь), *в босогах* (босиком + сапогах).

---

[44] См., например: Русская разговорная речь. М., 1973 («Фонетика»).

[45] В современном книжном языке идет активный процесс вовлечения аббревиатур в словообразование. Однако в большинстве случаев аббревиатура, выступая в роли корня, тем не менее не становится единой морфемой. Следовательно, нужно отличать производящие аббревиатурные основы от действительной морфемизации аббревиатур, превращающей их в нечленимые немотивированные корни (типа *колхоз*). Эти явления недостаточно дифференцированы, на наш взгляд, в статье: *Ильенко В. В.* Процесс коренизации в области русского и украинского аббревиатурного фонда. — В кн.: Исследования по русскому языку. Днепропетровск, 1970; см. также: *Шешенин Б. Н.* Аббревиатуры как производящие основы современного русского словообразования. — Там же.

[46] Об этих типах сокращений см.: Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 269—276.

Создаются ли искусственно морфемы (корневые слова) в разговорной речи? Языковые артефакты помимо терминологии кажется естественным искать в поэтическом языке, в научной фантастике. В общий язык подобные немотивированные образования входят редко [47]. Как известно, особенно склонны к образованию искусственных слов дети [48]. Детские слова могут долго храниться в памяти родителей и иногда становятся общеупотребительными семейными словами. Нам известны разные пути становления новых узкоупотребительных лексем [49]. В домашнем обиходе могут закрепиться детские искажения фонетической формы слова. Игра «тише едешь, дальше будешь» с бросанием косточки и передвижением фишек по полю в одной семье называлась *сепс*: «Давайте играть в *сепс*», — говорили и дети, и взрослые, отчасти уже забыв, как возникло это слово. Самая большая удача в игре — выпадение грани косточки с шестеркой. «Шесть!» — хотела радостно выкрикнуть маленькая девочка, но вышло у нее что-то вроде «сепс», это слово и осталось в качестве названия игры. С экспрессивной нагрузкой в той же семье ходило словечко *гаюсты* (так произнес когда-то уже давно выросший ребенок слово «эгоисты»); «До переезда в новую квартиру, — рассказали мне, — у нас в семье говорили: — Где мама? — В *тукóмате*». В основе этого семейного слова также лежит детское искажение:

---

[47] Почти уникальный характер носит факт вживления в эстонский язык около 30 искусственных слов, созданных лингвистами. Речь идет об особом периоде национального языкового строительства (в конце XIX — в первые десятилетия XX в.), когда были созданы десятки искусственных корней не только с конкретно-предметным, но и с абстрактным значениями (см.: *Бахман К. И.* Указ. соч.; *Хенн С.* К вопросу об искусственных корнях и созданных на их базе производных словах. — В кн.: День Артура Озола. Проблемы словообразования в современном языкознании. Рига, 1969).

[48] В харьковской школе № 17 поэт В. А. Левин предложил ученикам 2-го класса придумать названия для фантастических животных. Дети легко это сделали. Кроме мотивированных названий *симпатяй*, *резуки* («умеет зубами резать, как пила») были созданы и искусственные слова: *трынди-брынди-прока* («издает музыкальные звуки»), *шика*, *хихитон* («разноцветный, у него четыре уха, умеет бегать, плавать и летать»). Дети, фантазируя, нередко сами сочиняют слова. Например, ребенок четырех лет придумал слово *штуша-кутуша*.

[49] Автор благодарен всем, кто помог собрать материал для этого раздела.

«—Куда ты идешь? — Ребенок: В *тукóмату*». Слово возникло на основе предложного винительного падежа.

Обратившись ко многим людям, мы обнаружили, что во многих семьях есть слова с незафиксированным словарями корнем. Как они возникли, проследить обычно не удается, но нельзя исключить и то, что они были созданы самими говорящими. Чаще всего это оценочные, эмоционально окрашенные лексемы: *шлёма* — ласково о маленькой девочке; *мóка* — ласковое обращение женщины старшего поколения к младшим членам семьи; *ся́вка*, *ля́вка* — смягченно-ругательные, сердитые слова; *вáва* — о неприятной вещи, событии. Здесь же можно упомянуть тот рой ласковых словечек, которые называют сюсюканьем (*кукунчик*, *масюпа*, *масюня*, *манюня*, *капося*, *ляпиш-маляпиш* (к младенцу) и т. д.). Нередко подобные слова в зависимости от интонации могут нести и порицательное и одобрительное значения; например, в одной семье — *кукугри́ня*, во многих семьях — *тёпа*.

Возможно, легендарный характер носит история возникновения специфически харьковского старого слова *раклó*, также имеющего яркую эмоционально-оценочную окраску. Его значение — ‘вор, босяк’. Рассказывают, что в городе была «бурса Ираклия», бурсаки, заглядывая на базар, нередко прихватывали то, что плохо лежало. Из части имени Ираклий будто бы и возник корень слова *ракло*.

В роли коммуникативов, т. е. слов, выражающих приветствие или эмоциональную реакцию, также нередко используются слова индивидуальные, разного происхождения. Вместо «здравствуй, привет» произносят, например, *гарарáр* (это словечко заимствовано из стихотворения Хармса «Бегал Петька по панели. . .»), образуя далее глагол *гарарáрнуть*.

В разговорной речи помимо постоянной потребности обновления экспрессивных средств существует также связанная с ней потребность группового обособления. Именно поэтому возникают слова узкосемейного и кружкового хождения. Особенно ярко эта тенденция обнаруживает себя в речи молодежи. Источником современных молодежных жаргонов, как известно, часто служат иноязычные элементы, но возможны и их искусственные имитации. Группа студентов-филологов пользовалась следующими выдуманными словами: *эпистéт* — литературное произведение собственного сочинения, не претендую-

щее на серьезность (например, сочинение, состоящее только из односложных слов). Один из видов этого рода сочинений носил название *кик* (по названию одного из произведений М. Шагинян), *бэмс* — веселое собрание посвященных, где читают эти сочинения.

Не зная, как называется удлиненный жакет из костюма, одна молодая женщина сказала: «Как мне хочется юбку с *руленгаптером*!» Позднее это словечко стало употребляться в кругу ее друзей широко. На улице, например, говорили: «Вон идет твой *руленгаптер*», имея в виду автобус. Той же тенденции к обособлению групповых форм языка отвечают и индивидуально-семейные заимствования диалектизмов. В филологических семьях мы услышали: *забобы́ха* — о заплате на асфальте; *захо́хлик* — худой, истощенный человек; Куда это вы *запе́хтерились* (делись)?; Собака *петруха́ет* (лает); Что ты как *снафи́да* оделась? (нескладно, неудобно).

Явление перехода аффикса в корень вообще редко в языке. В мемуарной повести «Мальчик» С. Боброва мы нашли любопытный пример, видимо взятый из жизни: Он утверждал, что я до того мал, что меня нельзя назвать «мальчик», а надо говорить только «*чик*»; ср. в устной речи: Мой *пра-пра-пра* (о предках). Есть одно регулярное явление разговорной речи, которое заслуживает упоминания в этой связи. Многие личные обращения, не только имена собственные, но и нарицательные, возникают на основе уменьшительно-ласкательных форм с усечением их начальной части. Обычно остается только эмоционально-оценочный аффикс, прикрытый одним согласным основы. *Буленька*, *бусенька* — обычные обращения к бабушке (ср.: *бабуленька*, *бабусенька*); нами отмечены формы *пася*, *пусенька*, *поча* (ср.: *папочка*). Ср. также: Звали мы его не папа, а *Пулин*, странное имя, возникшее, вероятно, из «папуля», «папулин», но когда-то очень давно (И. Грекова, Кафедра). Приведенные слова включают особые корневые морфемы, происходит как бы семантическое наложение, слияние корня и аффикса: эмоция ласкательности становится основной.

Интересный пример начального усечения слова встретился в книге С. С. Прокофьева и Н. Я. Мясковского «Переписка» (М., 1970): Кончаю *фоньетту*; Я кончил три части *ньешки*. Так Прокофьев называет свою симфонию.

Экспрессивное корнетворчество характерно для разговорного глагольного словообразования. Основы имен

собственных, ономатопоэтические элементы, искусственные и семантически неуместные, а потому опустошенные в данном контексте корни, омонимичные полнозначным корням, включают экспрессивные префиксальные глаголы. Примечательной чертой их является нестабильность фонетического состава (*ухайдокаться*, *ухандокаться*, *ухайдакаться*, *ухайдукаться*, *разэтовать — разэтакать* и т. п.) [50].

Есть ли особенности в протекании в РР диахронических процессов, приводящих к изменению членимости слова? Высокая частотность разных типов линейных трансформаций цепочки мофем (усечения, наращения), вызванных формальными причинами, создает потенциальные возможности для семантизации новых усеченных или надставленных морфем (если морф + интерфикс сливаются в одну морфему). Таким образом, активность морфонологических преобразований может служить фактором морфемообразования [51].

В разговорной речи активно образуются слова по конкретному образцу, т. е. по форме и на фоне другого слова: По-моему они хороши как просто *акварели* или *темперели*//; Это не *масленка* / это *грибенка* // (на крышке масленки выпукло изображены грибы); Мы найдем *информанта-жестикулянта* //; Зачем такую *дряхлядь-рухлядь* показывать?; Какой он *опоязовец* / *распоясовец* он //; Есть некоторые *привирансы* // (ср. *диссонансы*); Будете праздновать *стоднетие*? (столетие); Ешьте это *сыренье* // (варенье).

Распространено и рифмованное словообразование, ср.: Лидуха-поздно-домой-*приходуха* //; — Соня! — Я не соня // — Ты не соня / ты просто *отдыхоня* //; Нужно написать на птичьем *фонетичьем* языке //; Какая ты чудная! Волосастенькая! *Загорястенькая*!

Один из ярких способов экспрессии — завершение слова необычным сочетанием фонем, не совпадающим ни с одним словообразовательным аффиксом: В семье И. Андроникова «жила еще нянька, обычно называемая „*нянюньтя*“» (Н. Степанов, Воспоминания о Заболоц-

---

[50] *Капанадзе Л. А.*, *Красильникова Е. В.* Указ. соч.

[51] Наблюдения над формированием аффикса *-ш(а)* в разговорной речи см. в статье: *Земская Е. А.* Чередование или аффиксация? — В кн.: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Сб. статей. М., 1971.

ком); Что это там *ребентуш* карабкается? (ласково о ребенке с санками); Ну и *холодрыга*! (из записей устной речи).

Представленный материал экспрессивного словообразования в РР должен, как кажется, дать читателю непосредственное ощущение огромной энергии формотворчества в буквальном значении этого слова, формотворчества как процесса создания, творения новых фонемных последовательностей, не заданных списком морфем и правилами их сочетаемости. В РР экспрессия является силой, творящей новую языковую материю. Окказионально создаются корнеобразные или аффиксообразные последовательности, которые замещают соответствующие позиции в слове. Слово откликается на соседство с другим словом, уподобляется ему на каком-то отрезке. Чисто речевой, синтагматически обусловленный способ образования слов в речи — рифмование. Многие приемы экспрессивной номинации игнорируют, сдвигают морфемные границы. Морфема может быть вариативной в своем составе (но вариативность никак не урегулирована, считать же варианты отдельными морфемами кажется неэкономным).

Все сказанное означает повышение в системе РР способов словообразования, не ориентированных на словообразовательный тип, а значит, и на морфему как словообразовательное средство. Это означает повышение роли синтагматически обусловленного словообразования, снижение силы словарного закрепления новообразований. Таким образом, расширение «пространства языковой формы» в РР не всегда является лишь подготовительной базой для изменения инвентаря морфем.

Язык охраняет стабильность морфемного состава, в нем поставлены препоны для творимости морфемы, которая должна быть единицей устойчивой, словарно заданной, не производимой. Вариативности морфемы также поставлены точные языковые границы. И вместе с тем при необходимости формальные заготовки могут быть использованы, приняты в язык и в форме новых морфем. Будет ли новая форма «утилизована» языком, выйдет ли она за рамки индивидуальной сиюминутной речи — это вопрос, решающийся во времени, и многие причины могут оказать влияние на результаты соответствующего процесса. Она может стать морфемой индивидуального или группового употребления.

Итак, даже самые предварительные наблюдения над

процессами изменения инвентаря морфем в разговорной речи и терминологии свидетельствуют о глубоких качественных различиях. И та и другая область испытывает постоянную потребность в расширении номинативных средств, но источники их различны. В терминологии это прежде всего интернациональный фонд греко-латинских элементов, «склеивание» отрезков слов, полученных в результате рассечения их не на морфемном шве (аббревиатурные «склеивания» и т. п.), омонимизация морфем общелитературного инвентаря. Можно думать, что РР вбирает в себя номинативные единицы из всех сфер русского языка: из терминологии, профессиональной, деловой, газетной речи, из диалектов. Но, заимствуя (речь идет не о цитации, а об усвоении системой РР), она обычно преобразует форму наименования, если та не соответствует типичной структуре наименований в РР (чаще всего универбирует ее). Источники новых морфем РР должны быть изучены со всей тщательностью.

Мы отметили, что именно разговорная речь черпает языковую материю из областей, которые относят к языковой периферии, — из звукоподражаний и звуковых жестов (неканоничной фонетики), из детской речи [52]. По-разному протекают диахронические процессы изменения инвентаря морфем, не контролируемые сознанием носителей языка (в отношении к сознательному языковому строительству терминология и разговорная речь, очевидно, кардинально различны). В терминологии наиболее специфичным, по-видимому, является процесс образования аффиксоидов (в связи с особым характером отношений между корнем и аффиксом в этой подсистеме). Устная реализация РР обусловливает особые связи словообразования и фонетики. Устность накладывает некоторые ограничения на фонетическую структуру производного слова. Она должна быть компактной и удобной для произношения. Но всякое приведение последовательности морфем к некоему целостному результату (с помощью усечений слов, морфем, межморфемных наложений, наращений) таит в себе возможность перекраивания морфемных границ, т. е. может вести к изменениям в инвентаре морфем.

---

[52] О содержании периферии языка см.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий. — ВЯ, 1973, № 5.

Одним из самых сильных факторов преобразования структуры слова и морфемообразования является, по-видимому, универбация наименований. Цели универбации преследует и терминология (в большей мере номенклатура) и разговорная речь. Исследования в этом направлении кажутся наиболее перспективными.

Изучение инвентаря морфем не может вестись без внимания к структуре данной подсистемы и к ее связям внутри русского языка. Для понимания ситуации в РР важно учитывать диалектическое отношение: стабильный, количественно ограниченный, компактный центр системы и богатая пограничная область с дифференциацией ее по территориальным, социальным, возрастным и другим объединениям. В терминологии существуют отраслевое расчленение и существенные различия между терминами и номенклатурными обозначениями.

Развиваясь по разным путям, терминологическая и разговорная подсистемы вносят разный вклад в формирование общелитературного инвентаря морфем. Общелитературный инвентарь морфем формируется и в результате усвоения единиц, притекающих в него из самостоятельных подсистем. Однако внутри них процессы, воздействующие на морфемообразование, идут интенсивнее, общелитературный язык производит отбор попадающих в него новообразований. Степень членимости усвоенных общелитературным языком терминов обычно ниже, чем внутри терминологии. Лишь в ограниченной мере принимаются им разговорные новообразования. В изучении процессов морфемообразования, таким образом, необходимо учитывать функциональную дифференциацию языка. Становление общелитературного инвентаря есть процесс сложного взаимодействия разных языковых сфер. Важно отметить, что, обогащаясь за счет новообразований подсистем, общелитературный язык проявляет и свойство консервативности, оберегая определенную стабильность состава элементарных строительных единиц номинации.

ЧАСТЬ II

НОМИНАЦИЯ В СФЕРЕ АВТОЛЕКСИКИ

Многомерность понятия «номинация» отражается в сложном комплексе проблем и в возможности разных планов их изучения. В языке существует определенная сложившаяся техника номинации, определенные способы и средства обозначения предметов и явлений окружающей действительности. Каждый язык, как писали пражские исследователи, имеет свою особую систему номинации: он употребляет различные номинативные формы, притом с различной интенсивностью, например, словообразование, словосложение, застывшие словосочетания. . . Каждый язык имеет свою собственную классификацию способов номинации.

Объектом нашего исследования являются способы номинации в современном русском языке. Известно, что для русского языка характерны пять основных способов создания наименований: аффиксальное словообразование, словосложение (основосложение), заимствование, образование составных наименований, семантические переносы. Важно проследить соотношение этих способов номинации и соответственно соотношение и взаимодействие разных видов номинативных единиц на современном этапе развития языка. Конкретным материалом для анализа послужила одна из наиболее обширных и непрестанно пополняющихся тематических групп современного словаря — автолексика, отражающая современное состояние и историю возникновения и развития автомобилизации. Здесь фиксируются все новые явления, предметы, процессы, понятия одной из актуальнейших сфер современной жизни и производства и представляется богатый и живой материал для изучения разных аспектов номинации. Этот материал дает возможность: 1) выявить активные, продуктивные (и непродуктивные) способы наименований, динамику их развития, их соотношение; 2) установить модели, образцы, по которым возникают новые образования; 3) проследить соотношение разных типов вариантных

номинативных единиц (а также рассмотреть ряд проблем, связанных с вариантностью; 4) исследовать специфику мотивации наименований и др.

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Данная тематическая «группа» (назовем условно, так как в действительности это значительная лексическая сфера, объединяющая несколько тематических групп) появилась сравнительно недавно. Изобретение автомобиля обычно связывают с именем французского инженера Жозефа Кюнье, который в 1769 г. построил «паровую телегу» для перевозки военных грузов. Это был первый грузовой автомобиль. Однако он оказался малопригодным для дела, потерпел аварию и вскоре попал в музей. Но техническая мысль в разных странах стремилась к созданию такого вида транспорта. Оригинальным путем шли русские изобретатели. В 1752 г. замечательный русский мастер Л. Л. Шамшуренков создал первый в России самоходный экипаж — «самобеглую коляску» [1]. Позднее, в 80-х годах, над созданием своего самоходного экипажа — «самокатки» — работал И. П. Кулибин. Деятельность Кулибина в этом плане имела очень большое значение, так как в его «самокатке» впервые были введены детали и механизмы, которые теперь составляют сущность каждого автомобиля — перемена передач, тормозное устройство, рулевое управление.

В конце XVIII—нач. XIX в. создание разных типов «самоходных», механических экипажей шло рядом с развитием парового железнодорожного транспорта, что находило отражение и в соответствующих параллельных наименованиях, ср.: *паровые самоходы*, *пароход для дорог* и т. п.

Интенсивное развитие нерельсовых видов транспорта начинается с конца XIX в., когда появляются автомобили, использующие бензин и электричество. Само слово *автомобиль* в русский язык пришло из французского в конце XIX в., ср.: «Автомобиль — греческо-латинское — новейшего изобретения экипаж, приводимый в движение газовым или электрическим мотором — двигателем и способный развивать большую быстроту» (Словарь научных

---

[1] См. об истории создания автомобиля, например: *Исаев А.* От «самобеглой коляски» до ЗИЛ-110. М., 1961.

терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык. Под ред. В. В. Битнера. СПб, 1905).

Характерно, что первое время (в нач. XX в.) параллельно со словом *автомобиль* (и его кратким вариантом *авто* [2]) как равнозначные использовались и такие старые, привычные названия средств передвижения, как *экипаж*, *карета*, *коляска* и др., ср.: В скором времени откроется первый в России громадный автомобильный парк на 50 *колясок* (Автомобиль, 1902, № 2); Задачи, которые предлагаются автомобилю в этом военном деле, весьма разнообразны, и соответственно варьируются типы *экипажей*, их размеры, вес и скорость движения. . . Начиная от легких *колясок*, предназначенных для службы штаба . . . и кончая тяжелыми, грузовыми автомобилями, перетаскивающими провиант, обоз и даже орудия (там же, № 3).

Некоторое время эти наименования еще сосуществуют, несмотря на доминирующее положение номинации *автомобиль*, но обрастают уточняющими определениями типа *моторная телега*, *четырехместный мотор*, *четырехсильный мотор*, *коляска с мотором*, *моторная коляска*, *восьмисильный экипаж*, *самодвижующийся экипаж* и т. п. [3]; ср., например: С журналом «Автомобиль» в руках каждый убежденный сторонник автомобилизма сделается нашим. . . союзником и сотрудником в деле распространения по России *моторных колясок*, *омнибусов*. . . (там же, № 1).

Начало XX в. характеризуется использованием разных обозначений новой реалии, разными вариантными названиями. Легко возникают однословные варианты словосочетаний, образованные путем суффиксальной деривации (на основе мотивирующего прилагательного, преимущественно с суф. *-ка*), ср. например: *четырехколесный мотор* — *четырехколеска* (здесь же и *трехколеска*, *двухколеска* для обозначения разных типов велосипедов и мотоциклов, мотоциклеток), *многоместный экипаж* — *многоместка* и т. п. Вместо аналитических наименований используются комплексные синтетические единицы типа *электромобиль*, *бензомобиль*, *паромобиль* и т. п. [4]

---

[2] Ср. у Маяковского: «Дул, как всегда, октябрь ветрами, как дуют при капитализме, за Троицкой дули авто и трамы, обычные рельсы выменив».

[3] См. материалы первых номеров журн. «Автомобиль» (1902).

[4] Ср. в одном тексте такие примеры: Электрической энергией пользуются и в *бензиновых автомобилях*. . . Вопрос об экономичности автомобилей вновь дает возможность *бензомобилям* стать впереди

Все это разнообразие наименований свидетельствовало о том, что «автомобильная номинация» еще только складывалась в те годы, за этими новыми реалиями не успели окончательно закрепиться определенные номинативные единицы. Однако время вносило свои коррективы, набор эквивалентных названий редел, естественно ушли из живого словоупотребления слова *экипаж*, *карета*, *коляска* и т. п., связанные с исчезнувшими «несамоходными транспортными средствами». В современном языке используются другие названия, но наиболее нейтральным и употребительным остается *автомобиль*, что поддерживается его лексическими и словообразовательными связями (ср. многочисленные производные образования).

Материал автолексики, относящийся к наиболее живым пластам современного словаря, особенно интересен для исследования, так как широкий круг наименований, связанных с этой тематикой, находится на границе литературного языка и специальных сфер. Эта лексика вбирает в себя новообразования разговорной речи, профессионализмы, терминологические слова и словосочетания. Здесь много окказионального, неустоявшегося, неузуального, но заметно прослеживаются и общие тенденции, характерные, по-видимому, для всей системы современной номинации [5]. Рассмотрим систему способов номинации в автолексике, начиная с наиболее характерных типов.

СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ

Составные наименования (СН) представляют собой разные типы устойчивых словосочетаний. Современная теория словосочетаний во многом исходит из концепции акад. В. В. Виноградова, в которой словосочетания понимаются как грамматические единства, образуемые двумя или несколькими полнозначными словами и выражающие единые, хотя и расчлененные, значения. Сущность словосочетания заключается в его номинативной функции, в принадлежности к номинативным средствам языка,

---

пара и электричества. . . *паромобили* поднимаются на уклон, только слегка сбавив скорость. . . в смысле красоты внешности *электромобили* — на первый план (Автомобиль, 1902, № 4).

[5] *Филин Ф. П.* Некоторые вопросы функционирования и развития русского языка. — ВЯ, 1975, № 3; *Костомаров В. Г.* Новые слова и значения, связанные с автомобилизацией. — Сб. докл. и сообщ. лингв. об-ва, вып. 5. Калинин, 1975.

ср.: «Словосочетание — это сложное именование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово» [6].

Понимание словосочетания как номинативного средства разделяется не всеми современными учеными. Так, чешские исследователи развивают свою теорию словосочетания, считая «номинативное» определение слишком широким, при котором «характер самих номинативных средств языка выступает в очень неопределенной форме» и отсутствует «ясная дифференциация между синтаксической структурой словосочетаний и их собственной номинативной значимостью» [7].

Понятие словосочетания претерпело с развитием науки о языке определенные преобразования и переосмысления. Известно, что особенности и типы сочетаний слов так или иначе описывались, отмечались уже в первых русских грамматиках. Одним из первых русских ученых XIX в. к этим проблемам обратился акад. Ф. Ф. Фортунатов, который указал на особый тип словосочетаний, «однородных по значению со слитными словами», и назвал их «слитными речениями». Он писал: «Например, в русском языке такое сочетание слов, как *железная дорога*, однородно по значению с слитным словом, так как по значению это сочетание слов не разлагается на слова *железная* и *дорога* в их сочетании без изменения значения. . .» [8] Эта мысль нашла отражение в более развернутом виде у его учеников, в частности в синтаксической теории акад. А. А. Шахматова. В. В. Виноградов называет «в высшей степени плодотворной идею А. А. Шахматова о необходимости выделения неразложимых словосочетаний», т. е. «таких словосочетаний, которые состоят из двух или нескольких слов» и представляют «одно грамматическое целое» [9].

---

[6] См.: *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, с. 8; *Он же.* Вопросы изучения словосочетаний. — ВЯ, 1954, № 3. Наиболее полное изложение этой концепции см. в теоретическом Введении к академической «Грамматике русского языка» (т. 2, ч. 1. М., 1954). На основе этой теории созданы соответствующие разделы в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1970) и в «Русской грамматике» (М., «Наука», 1980).

[7] Kuchař J. К общей характеристике номинации. — In: Travaux linguistiques de Prague, 3. Praha, 1968.

[8] *Фортунатов Ф. Ф.* Избр. труды, т. 1. М., 1956, с. 174 и др.

[9] *Виноградов В. В.* «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 118—119.

В. В. Виноградов в ряде своих работ подчеркивал необходимость и актуальность изучения словосочетаний как «номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т. п.» [10], т. е. изучения в плане общей характеристики и соотношения номинативных единиц (как синтетических, так и аналитических). Особое внимание было уделено Виноградовым типам «устойчивых словосочетаний» (которые располагаются рядом со словом как семантические единицы более сложного порядка, эквивалентные слову) [11]. В его классификации выделяются, как известно, три типа устойчивых, фразеологических единиц (сращения, единства, сочетания), хотя отмечаются возможность и наличие переходных, промежуточных случаев. В этой классификационной схеме не получили отражения такие устойчивые единицы, как «составные наименования». Характерно лишь короткое замечание о составных терминах — «целостных словесных группах», которые относятся к разряду «фразеологических единств», т. е. «семантически неделимых, являющихся выражением единого целостного значения».

Лингвистическая традиция (со времен Ш. Балли) термин «устойчивость» использует параллельно с термином «фразеологичность», т. е. объем, границы, состав фразеологии и в настоящее время не определены достаточно четко, и такие понятия, как «фразеологическая единица», «устойчивое словосочетание», «связанное», «свободное», «несвободное словосочетание», не имеют единой дефиниции и понимания [12]. Особых возражений, по-видимому, не

---

[10] *Виноградов В. В.* Вопросы изучения словосочетаний, с. 3. Ср. также: «. . .Словосочетания (как и слова) могут и должны быть изучаемы не только в составе предложения, как его структурные элементы, но и как разные виды сложных названий, как присущие языку лексико-семантические единства, построенные и вновь образуемые по законам данного языка» (*Виноградов В. В.* «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова, с. 117). Здесь же Виноградов делает упрек А. А. Шахматову в том, что «из рамок его синтаксиса» выходит «все многообразие» форм и типов возможных словосочетаний как средств общественного обозначения разных предметов и явлений (!).

[11] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 21.

[12] Ср. наиболее общее понимание фразеологии как «раздела языкознания, изучающего лексико-семантическую сочетаемость слов языка» (*Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966). См. также обзор разных толкований этих понятий в ст.: *Ожегов С. И.* О структуре фразеологии. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 1. М., 1957; и в кн.: *Шмелев Д. Н.* Проблемы

может вызвать утверждение, что «устойчивость» и «фразеологичность» — перекрещивающиеся и самостоятельные явления; исследование их специфики представляет большой интерес [13]. Мы касаемся проблемы устойчивости в связи с составными наименованиями. Можно считать устойчивыми словосочетания, характеризующиеся: 1) семантической целостностью; 2) постоянством структуры (определенным порядком компонентов); 3) воспроизводимостью в речи.

Исследователи неоднократно обращали внимание на факт большей/меньшей структурно-семантической спаянности, слитности, на различную степень разложимости, устойчивости словосочетаний (В. В. Виноградов — 1947 г., В. П. Сухотин — 1950 г., С. И. Ожегов — 1957 г., Д. Н. Шмелев — 1964 г., В. П. Даниленко — 1977 г. и др.). Эти особенности прослеживаются и на материале составных наименований, которые обладают всеми указанными признаками устойчивых словосочетаний. При характеристике СН следует подчеркнуть, что в их структуре отражены живые синтаксические связи, живые языковые закономерности и «правила интеграции» [14]. Существенным признаком СН является также количественный показатель — частота встречаемости, связанная с закрепленностью тех или иных аналитических единиц (и их воспроизводимостью), обусловленная действием внеязыкового, социального фактора.

Продуктивность СН в разных сферах современного языка можно объяснить рядом причин, и прежде всего

семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. Развитию теории словосочетаний способствовали в последние десятилетия исследования разных типов словосочетаний на конкретном материале современного языка; см., например: *Прокопович П. Н.* Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966; *Кожин А. Н.* Лексико-семантические средства составных наименований. Автореф. докт. дис. М., 1966; см. также материалы межвузовских конференций по фразеологии (Череповец, 1965 г.; Тула, 1968 г. и др.).

[13] Ср. толкование понятия «устойчивость» в работах: *Ожегов С. И.* Указ. соч.; *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М., 1977.

[14] В этом их основное отличие от фразеологических единиц. Можно согласиться с Н. А. Янко-Триницкой, которая в качестве основного отличительного признака фразеологических единиц принимает «отступление от правил интеграции», несоответствие таким правилам, откуда вытекает и их «единичность, немоделируемость» (*Янко-Триницкая Н. А.* Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. — Изв. АН СССР. СЛЯ, 1969, т. 28, вып. 5).

экстралингвистическими: потребностью общества в номинации массы новых неизвестных явлений (процессов, новых объектов реального мира) единицами с предельно ясной мотивированностью, чему удовлетворяют именно словосочетания, в которых, как правило, значение «целого» складывается из значения составляющих его компонентов [15]. Выбор компонентов в СН существен и осознан, так как каждый составляющий имеет свое значение и функцию, от которых зависят устойчивость, узуальность, общая номинативная функция самого СН.

Материал автолексики дает разнообразные типы составных наименований. Возможна разная их группировка в зависимости от признака, положенного в основу классификации. Существенным представляется первоначально выделить структурные типы СН и на этой основе уже отметить некоторые различия (степень семантической слитности, степень мотивированности, степень терминологизованности, соотносительность со словом, разные возможности синонимических замен и трансформаций и др.).

Структура СН автолексики отражает живые синтаксические связи, живые тенденции, проявляющиеся в современном русском языке [16]. Наиболее частотными, употребительными являются сочетания типа: 1) «имя прилагательное + имя существительное»; 2) «имя существительное + имя существительное» (с предлогом и без предлога), т. е. преобладают сочетания существительных «с определительными словами в широком смысле этого термина» [17]. Рассмотрим конкретный материал СН.

1. Общий тип: «прилагательное + существительное» (П + С) — имеет несколько подтипов. В качестве «стержневого», главного слова выступает существительное; определительными словами наряду с прилагательными могут быть и причастия [18].

---

[15] Речь идет о словосочетаниях — СН с прямым номинативным значением. Сюда не относятся разные виды составных единиц, созданных путем семантического переосмысления. Исследователи подчеркивают «полную» мотивированность, считая это основной чертой, сущностью словосочетаний (*Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 269).

[16] *Ахманова О. С., Бельчиков Ю. А., Веселитский В. В.* К вопросу о «правильности» речи. — ВЯ, 1960, № 2.

[17] *Виноградов В. В.* Вопросы изучения словосочетаний, с. 23. Ср. аналогичные взгляды на атрибутивную конструкцию как номинативную единицу (*Kuchař J.* Op. cit.).

[18] Под «стержневым», «опорным» компонентом обычно подразумевают грамматически господствующее, главное слово, в зависи-

Двусловные наименования: капитальный ремонт, тормозной путь, дорожное покрытие, автозаправочная станция, путевой лист, технический паспорт, разделительный газон, аварийная обстановка, дорожные знаки, лобовое стекло, ветровое стекло, местный проезд, левый поворот, пешеходные потоки, кольцевая магистраль, проезжая часть, малолитражный автомобиль, большегрузный автомобиль, осветительные приборы, автоматический регулировщик, дорожная разметка, седельный тягач, информационный указатель, общественный инспектор, левый ряд, транспортная развязка, указательные знаки, бордюрный камень, линейная милиция, скоростная магистраль, подземный переход, патрульная машина, номерные знаки, дорожная обстановка, регулируемый перекресток, технический осмотр, смотровая канава, таксомоторный парк, транспортная дисциплина, водительские права, энергопоглощающий руль, внутреннее освещение, рулевая колонка, дорожно-транспортное происшествие, пешеходные дорожки, привязные ремни, тормозная система, остановочный путь, разделительная полоса и др. [19]

Легко заметить, что приведенные СН не представляют единства, они различаются и по степени семантической спаянности, по степени терминологизованности, и по характеру семантики определяемого и определяющего, и по степени мотивированности. Ср., например, «неполную» мотивированность значения в словосочетаниях *местный проезд*, *путевой лист*, *технический паспорт* [20]. В этом материале можно выделить «семантически нерасчлененные» СН, приближающиеся по функции к термину, ср.: *проезжая часть*, *ветровое стекло*, *бордюрный камень*, *выхлопные газы*, *ближний свет*, *смотровая канава*, *привяз-*

мости от которого находятся другие слова в составе того или иного словосочетания. В наших примерах грамматическим центром является существительное («определяемое»), но основной семантический акцент несет «определяющее» (прилагательное или причастие), ср.: *проезжая* → часть, *ветровое* → стекло, *разделительный* → газон, *привязные* → ремни, *малолитражный* → автомобиль, *энергопоглощающий* → руль, *остановочный* → путь и др.

[19] Мы рассматриваем здесь только «прямую номинацию», т. е. СН с прямым номинативным значением. СН типа *зеленая волна*, *транспортная пробка*, *островок безопасности* и т. п. в данном разделе не рассматриваются.

[20] Такие словосочетания возникают вследствие «неполно отраженной ситуации» (*Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 269).

ные ремни, *маршрутное такси*, *дорожное полотно*, *рулевое колесо* и т. д. Крайнюю степень «свободы» представляют СН типа *водительские кадры*, *опасная ситуация*, *междугородные такси* (ср. *маршрутное такси*) и нек. др., например: Есть правило, о котором нужно помнить и водителям и пешеходам: *тормозной путь* автомобиля увеличивается вдвое быстрее, чем растет скорость машины. Поэтому быстро идущий автомобиль трудно остановить при неожиданном появлении пешехода на *проезжей части* (Веч. Москва, 1978, 10 янв.); Автобус выехал на *разделительный газон* (За безопасность движения, 1967, № 9); Широкое сферическое *ветровое стекло* создает хороший обзор (Правда, 1976, 12 дек.); Световая сигнализация: при въезде в туннель должен быть включен *ближний свет* (Телепередача, 1978, 16 дек.); Хлебин незаметно для себя потерял контроль над машиной, «Москвич» вильнул в сторону, стремительно переехал *разделительную полосу*. . . Колесо задержал *бордюрный камень* тротуара (Веч. Москва, 1978, 2 дек.); Приходится вести постоянную борьбу с такими шоферами. Отбираем *путевые* листы, сообщаем на предприятия (За безопасность движения, 1977, № 6); Приняты меры к улучшению организации таксомоторных перевозок. На автостанциях курортных городов Алушты, Евпатории, Ялты открыты диспетчерские пункты по приему заказов на *междугородные такси*. Восстановлено движение *маршрутных такси* от Симферопольского аэропорта до Ялты и до Евпатории (Веч. Москва, 1978, 4 окт.).

Существенным для определения степени семантической слитности, степени терминологичности является наличие парадигматической соотнесенности, принадлежность СН к определенному парадигматическому ряду (который может быть двучленным), отражающему родо-видовые отношения. Так, семантическая самостоятельность, четкость значения каждого компонента не мешает быть СН терминологизированным сочетанием, ср: *кольцевая магистраль*, *хордовая магистраль*, *радиальная*, *лучевая* [21]; *транспортные потоки — пешеходные потоки*; *подземный переход — наземный переход*; *левый поворот — правый поворот*; *однорядное движение — двухрядное движение* и т. п., например:

---

[21] Характерный пример вхождения слов в разные парадигмы: магистраль — кольцевая, хордовая и т. п.; магистраль — городская, загородная; магистраль — скоростная, обычная и т. п.

Наличие значительных как *пешеходных*, так и *транспортных потоков* потребовало для организации безопасного движения запрещения *левых поворотов* непосредственно на пересечении. Разрешены *правые повороты* на местные проезды Ломоносовского пр-та (За безопасность движения, 1977, № 6); В большинстве своем *радиальные магистрали* являются завершающими участками автодорог общегосударственного значения. . . Остальные городские *магистрали*, *хордовые* и *радиальные*. . . (там же, 1975, № 11).

При образовании СН важную роль играет характер семантики определительного компонента сочетания. Так, однозначность, узость семантики прилагательного создает большую смысловую слитность и высокую степень устойчивости словосочетания, ср.: *проезжая часть*, *привязные ремни*, *остановочный путь*, *ветровое стекло* и т. п. [22] Материал двучленных СН дает примеры широкого использования и другого типа определений — отсубстантивных прилагательных, обозначающих «лишь общую идею атрибутивно выраженного отношения к предмету. . . Характер отношения. . . получает конкретизацию лишь в контексте (в сочетании с существительным или более широком контексте)» [23], ср.: *транспортный* — поток, единица, дисциплина, происшествие; *маршрутный* — указатель, лист, такси; *дорожный* — знак, обстановка, «азбука»; *скоростной* — режим, магистраль; *тормозной* — средства, устройство, система, путь; *информационный* — указатель, табло, бюллетень и др., например: Отсутствие света в *габаритных фонарях* лишает возможности других участников движения оценить *габаритные размеры* транспортного средства и избрать безопасную дистанцию (За безопасность движения, 1977, № 1); *Водительские права* Зоя Ивановна получила давно. Когда я спросил, за что она любит свою профессию, смущенно улыбнулась: с того момента, когда она впервые села в *водительское кресло*, для нее другого пути не было (там же, 1977, № 6).

Трехсловные наименования. К двусловным («простым» — по терминологии В. В. Виноградова) примыкают трехсловные сочетания типа «прилагательное (прич.) + прилагательное (прич.) + существитель-

[22] Ср. данные словаря Ож$_9$: «Ветровой, -ая, -ое (спец.). Ветровое стекло (в автомашине)»; «Проезжий, -ая, -ее». 2. О пути: годный, предназначенный для езды. П. дорога. П. часть улицы».

[23] *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 187—188.

ное» (П + П + С). В группе таких СН прежде всего выделяются словосочетания, близкие по общему значению к двусловным наименованиям, представляющие уточнение, распространение значения двусловных, ср.: *переносная прилипающая лампа*, *тунельные транспортные развязки*, *гибкое буксирное звено*, *детский транспортный травматизм*, *запрещающий дорожный знак*, *крайний левый ряд*, *автоматические моечные пункты*, *сферическое ветровое стекло*, *переносной портативный борторасширитель* и др. Такие наименования детализируют, уточняют, сообщают определенные видовые признаки. Это довольно обширная и разнообразная по содержанию группа. Приведем примеры: 6 м — наибольшая допускаемая длина *гибкого буксирного звена* (За безопасность движения, 1975, № 11); Новая внутригородская *скоростная кольцевая магистраль* станет дублером Садового кольца (Веч. Москва, 1973, 15 марта); Нужно напомнить ребенку, как вести себя у светофора, на *нерегулируемом пешеходном переходе* (там же, 1978, 3 янв.); Станции комплексного обслуживания с *автоматическими моечными пунктами* (там же, 1973, 5 марта); Умелец сделал прекрасный подарок — *переносной портативный борторасширитель* (Моделист-конструктор, 1976, № 12).

В этом структурном типе СН (П + П + С) выделяется подтип, представляющий большую семантическую слитность всех трех компонентов (типа *Государственная автомобильная инспекция*). Такие аналитические единицы обнаруживают тенденцию к сокращению, ср.: *Госавтоинспекция* и более распространенное — *ГАИ*; *автозаправочная станция* — *АЗС*; *Московская кольцевая автомобильная дорога* — *МКАД* и т. д.

Многословные СН этой структуры наименее характерны для автолексики. По-видимому, это можно объяснить разными причинами, и прежде всего тем, что она находится в активном живом употреблении у огромной массы людей в связи с ее актуальностью и непосредственной связью с жизнью и производством; она звучит в специальных (и неспециальных) передачах по радио и телевидению, с нею знакомятся на специальных занятиях школьники и т. д. Все это требует немногословных четких, ясных по смыслу наименований.

2. Второй распространенный структурный тип СН: «существительное + существительное» (С + С). Основную массу СН этого типа составляют генитивные сочетания

(второе существительное в род. падеже без предлога): панель приборов, система охлаждения, инспектор дорнадзора, ремни безопасности, полоса движения, пункты обучения, пункты обслуживания, интенсивность движения, километраж пробега, уголок автохозяйства, правила обгона, поток транспорта, станция диагностики, линия диагностики, бокс диагностики, приборы освещения, парк автомашин и т. п., например: *Линия диагностики* отечественного производства успешно проходит испытания на автобазе (За безопасность движения, 1977, № 10); Для повышения уровня контроля за техническим состоянием автомототранспорта в Москве строится *станция диагностики*. . . Ежегодно она будет пропускать более 50 тысяч автомобилей (там же, № 1); В *боксе диагностики* на СТО в г. Калуге легко установят диагноз болезни (там же, 1975, № 12); Проверка *узлов автомобиля* любой марки. . . занимает 5—7 минут (там же, 1980, № 8); После 20 часов *интенсивность движения* резко падает, однако *уровень аварийности* в этот период выше, чем, например, в утренние часы «пик» (там же, 1974, № 10); Вещи погружены в багажник, пассажиры устроились на заднем сиденье, назвали *маршрут следования* (там же, 1974, № 11); Мы прекрасно понимаем, что главный виновник трагедий на дорогах сам человек — водитель или пешеход. Поэтому в воспитании *участников движения* — основной резерв обеспечения безопасности на дорогах (там же, 1977, № 9).

Эта структурная группа объединяет СН разной степени терминологизированности, ср.: Опытные водители обычно оценивают продольный *профиль дороги* в зоне будущего маневра не только по видимой части дороги, но и по косвенным признакам придорожной обстановки (там же, 1980, № 8); Как известно, завод-изготовитель устанавливает определенный срок эксплуатации или *километраж пробега*, в течение которого гарантируется исправность автомобиля (там же, 1974, № 11); Чтобы обезопасить этот участок, следует снести одноэтажный ветхий дом, за счет чего увеличится *радиус поворота* (там же, № 3); Особое внимание хотелось обратить на *систему зажигания*. Например, если не работает одна свеча, то за смену расход топлива возрастает на 20 процентов (там же, 1972, № 4); Промывка *картера коробки передач* и *картера заднего моста* методически не отличается от промывки двигателя (там же, 1975, № 11); *Педаль сцепления* имеет облегчитель (там же).

К этой же группе примыкают СН, в которых второй член является аббревиатурой; работники (сотрудники, инспектора) ГАИ, отделение ГАИ, служба БД, кабинет БД, инженер БД («безопасность движения)» и т. д.

Атрибутивные конструкции рассмотренного типа определенным образом соотносятся со словосочетаниями типа «прилагательное + существительное». Они могут заменять друг друга, создавая своеобразные синонимические параллели, ср.: *поток транспорта — транспортный поток*, *станция диагностики — диагностическая станция* и т. п. Такая синонимическая соотносительность не всегда нейтральна. Как правило, в языке задерживаются только те варианты, которые приобретают какие-либо стилистические или семантические оттенки. Например, в паре *права водителя* и *водительские права* второе сочетание имеет более узкое, специальное значение. Другой любопытный пример: *машина ГАИ — гаишная машина*, *гараж ГАИ — гаишный гараж*. Таким трансформациям, однако, могут подвергаться только определенные типы словосочетаний, что зависит от ряда причин, в том числе от характера семантики определяющего существительного.

В материалах автолексики широко представлен и более сложный тип субстантивных словосочетаний — трехчленные структуры «существительное + прилагательное (причастие) + существительное» (С + П + С): магистраль непрерывного движения, полоса встречного движения, служба линейного контроля, машины повышенной проходимости, право преимущественного проезда, источник повышенной опасности, износ дорожного покрытия, инструктор практического вождения, талон общественного предупреждения, средства световой сигнализации, зоны текущего ремонта и т. д., например: *Службе линейного контроля* следует активнее включаться в работу по выявлению нарушителей (За безопасность движения, 1972, № 2); Не преувеличу, если скажу, что больше половины *участников дорожных происшествий* — водители, чей стаж исчисляется лишь месяцами (там же, № 11); Определение при помощи математики точного расстояния сокращало в год. . . путь на 10—12 миллионов километров, что составляет экономию 1 миллион рублей. И это без учета загрязнения окружающей среды, *износа дорожного покрытия* (там же, № 9); Действительно с 1 апреля 1975 года Госавтоинспекция требует наличия в автомобилях ремней безопасности, *знаков аварийной остановки*, аптечек и огнетушителей

(там же, 1975, № 7); Допустим, нельзя усадить наставника рядом с водителем такси, но приблизить-то мастера к ученику все же можно. Для этого нужно более целенаправленно использовать *машину линейного контроля* (там же, 1974, № 10); Это необходимо прежде всего для безопасности самих водителей: остановка нужна, чтобы осмотреться, пропустить транспорт, имеющий *право преимущественного проезда* (Веч. Москва, 1978, 4 мая); *Плотность транспортного потока* на Дмитровском шоссе в часы «пик» составляет свыше трех тысяч единиц в час (За безопасность движения, 1974, № 11); Юристы неспроста именуют автомобиль *источником повышенной опасности* (там же, № 10); Автолюбитель. . . через разделительный газон выскочил на *полосу встречного движения* (там же, 1975, № 12).

В приведенном типе СН определительный компонент представляет собой двучленное семантическое целое. При опущении прилагательного создается неполное, неточное, неадекватное обозначение определенного предмета (явления), ср.: *служба* [*линейного*] *контроля*, *участники* [*дорожно-транспортного*] *происшествия*, *источник* [*повышенной*] *опасности* и т. д.

СН, выражаемые генитивными сочетаниями, весьма распространены в разных сферах современного языка. Об их продуктивности свидетельствует и рассмотренный материал. Широкая употребительность таких СН объясняется семантической емкостью родительного определительного, возможностью при его помощи выразить разнообразные видовые признаки, точнее назвать, охарактеризовать многочисленные детали или свойства сложных новых явлений. Исследователи неоднократно отмечали «исключительную жизнеспособность и продуктивность» применного родительного [24]; ср. также: «. . .генитив при существительных в русском языке (как и в ряде других индоевропейских языков) является такой всеобъемлющей категорией, которая способна выражать самые разнообразные отношения между существительными» [25]. Многочисленные СН («генитивного» происхождения), функционирующие в сфере автолексики, наглядно подтверждают

---

[24] См., например: *Сухотин В. П.* Проблема словосочетания в современном русском языке. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка, с. 170 и след.

[25] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 178.

большие потенциальные возможности этой конструкции в современном языке.

Составные наименования рассмотренных типов (двух- и трехсловные) под влиянием ряда причин, в частности частотности их употребления, подвергаются семантическому сжатию. Эта «языковая экономия» [26], вызванная потребностями коммуникации, проявляется в разных видах: 1) образование аббревиатур и различного рода сложных слов; 2) стяжения на основе суффиксальной деривации; 3) создание синтетических номинативных единиц посредством субстантивации прилагательного, входящего в словосочетание; 4) «метафорические переосмысления и др. Приведем здесь лишь несколько примеров: Изделие *ФПТ-1*. . . имеющее малый световой поток, не отвечает этим требованиям и «*противотуманной фарой*» именоваться не может. . . Наш институт рекомендовал. . . выпускать изделия *ФПТ* в качестве *противотуманного фонаря*; . . .были опубликованы адреса и телефоны *автозаправочных станций* Москвы. . . этот справочный материал помогает нам, водителям. . . быстро найти ближайшую *АЗС* (За безопасность движения, 1977, № 10); Для владельцев автомашин в Калужской области действуют две *станции технического обслуживания*. . . на северной окраине города предполагается строительство еще одной *СТО* (За безопасность движения, 1975, № 12); В прошлом году из 2000 *талонов общественного предупреждения (ТОП)* с теми или иными записями о нарушениях Правил было возвращено 800 (там же); Десять лет назад по *Московской кольцевой автомобильной дороге* прошли первые колонны транзитных грузовиков. . . стало ясно, что *МКАД* дает огромный выигрыш во времени. . . (там же, № 9).

Материал автолексики дает многочисленные примеры семантического сжатия — от окказиональных, разовых употреблений до узаконенных, принятых языком (см. об этом ниже).

Тип составных наименований использовался уже на заре формирования этой сферы лексики, ср.: на прокат желаю взять *двухместный четырехколесный мотор*;

[26] Ср.: «Принцип языковой экономии. . . препятствует тому, чтобы на единое самоцельное понятие, которому приходится часто фигурировать в коллективном мышлении, тратилось более чем одно единое слово (т. е. комплекс из нескольких слов или словосочетаний)» (*Поливанов Е. Д.* Задачи социальной диалектологии русского языка. — Рус. язык и лит-ра в трудовой школе, 1928, № 4—5).

Каждый убежденный сторонник автомобилизма сделается нашим союзником и сотрудником в деле распространения в России *моторных колясок*, омнибусов; Поршень, получающий давление от взрыва и движущийся в цилиндре, соединен с помощью шатуна с *коленчатым валом*; Продается по случаю шестиместный автомобиль. Масса *запасных частей*; В скором времени откроется первый в России громадный *автомобильный парк* на 50 колясок; Несмотря на большое количество различных систем карбюраторов. . . их можно разделить на две главные группы по месту образования *взрывчатой смеси*. . . [27]

Характерно, что эти аналитические названия легко превращались в однословные варианты: *многоместка*, *четырехколеска*, *коленвал*, *бензомобиль* и т. п. Замена словосочетания словом происходила и таким путем: Фирма *пневматических шин* «Континенталь» организовала состязание в скорости надевания автомобильных *пневматиков* на обода. . . (Автомобиль, 1902) [28].

Как видно, уже в эти годы проявляется столкновение «аналитических и синтетических» тенденций [29], намечаются пути формальных и семантических «стяжений», которые в наше время получили полное развитие [30].

Заканчивая обзор составных наименований в автолексике, следует сказать, что мы выделили наиболее типичные структурные группы СН, чтобы представить общую картину функционирования этого типа номинативных единиц. Материал показал, что этот вид наименований в автолексике использовался и ранее, однако в наши дни (особенно в последние десятилетия) он укрепился и расширил свои возможности в связи с обогащением лексического состава этой сферы, обусловленным внеязыковыми факторами, возникновением сотен новых предметов, процессов, понятий, отражением новых родо-видовых отношений.

---

[27] Примеры взяты из ж. «Автомобиль» за 1902 г. Ср. аналогичные примеры из современных источников: При работе на *богатой* смеси ухудшаются условия сгорания. . . На *бедной смеси* двигатель не развивает полной мощности. . . (За безопасность движения, 1972, № 4).

[28] По-видимому, это наименование заимствовано, но для синхронного среза это несущественно, так как существование слова свидетельствует о проявлении все той же тенденции к «экономии».

[29] *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц. — Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 160.

[30] Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Новые наименования могут создаваться в результате различных семантических сдвигов, путем «семантического развития» слова. На многообразие примеров семантического словообразования и важность детального исследования этого способа номинации указывал в свое время В. В. Виноградов [31].

К явлению «семантической деривации» [32] мы относим широкий круг семантических преобразований, в первую очередь разные виды переносов (метафорических, метонимических, функциональных), изменение семантического объема слов (расширение и сужение, специализация значений), семантические кальки. Семантическая деривация относится к так называемой вторичной номинации, т. е. к «использованию уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [33]. Ср. также: «В силу языковой асимметрии одна и та же форма может приспосабливаться для обозначения иных объектов или выполнения иных функций, в то время как, с другой стороны, данный объект может получать иное наименование. Так образуются в семасиологическом аспекте — вторичные функции, в ономасиологическом — вторичные или косвенные номинации» [34]. Существование первичной (прямой) и вторичной (непрямой) номинации является фактом языка и не может вызывать сомнений, разногласия здесь существуют лишь в плане наименования этих понятий и особенностей их конкретизации (структуры, объема содержания и т. н.) [35].

Семантическая деривация как способ номинации в автолексике занимает заметные позиции, причем наряду с именами достаточно активно проявляют себя и глаголы. В этом тематическом поле представлены разные типы наименований, возникших в результате семантических пере-

---

[31] *Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. — Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. Одним из первых в русском языкознании обратился к этим проблемам Л. В. Щерба.

[32] Термин Д. Н. Шмелева (см.: Русский язык и советское общество. Лексика. . ., с. 54).

[33] Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977, с. 129.

[34] Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977, с. 243.

[35] Ср. хотя бы характеристику этих явлений в разных разделах указанных выше монографий: Языковая номинация (Общие вопросы); Языковая номинация (Виды наименований).

осмыслений. Мы имеем здесь и примеры индивидуальных, окказиональных словообразований, использующих образные возможности слова, и примеры номинаций на основе типовых, закрепленных языком моделей, отражающих сложившиеся, закономерные изменения значений или употреблений определенных слов.

В основе семантической деривации, таким образом, лежат разнообразные семантические сдвиги, возникновение новых, переносных значений, основанных на соотнесенности одного предмета (явления) с другим через какой-либо общий признак. В явлении «перенесения наименований», т. е. обозначении новых реалий уже имеющимися словами (одном из традиционных видов номинации в русском языке), следует различать два аспекта — диахронический и синхронический. Мы рассматриваем этот феномен в плане синхронии, т. е. как результат определенных процессов.

Основными, наиболее распространенными видами семантической деривации являются метафорические, метонимические и функциональные переносы. Однако в «чистом виде» эти семантические преобразования выступают не так уж часто, что объясняется как сложностью соотношений и переплетенностью значений в пределах отдельного конкретного слова, так и общей сложностью смысловой структуры лексики [36]. В некоторых случаях трудно бывает однозначно охарактеризовать семантическое новообразование в силу неясности его языкового статуса на данном этапе: представлено новое значение в пределах слова или уже имеет место явление омонимии [37]? В других случаях трудности в описании явления могут быть вызваны тем, что в одном слове обнаруживается «совмещение» разных видов переноса, причем приобретение вторичных значений (метафорических, метонимических) может происходить и последовательно и одновременно (см. ниже). Известные сложности в квалификации того

---

[36] Ср.: «Смысловые границы слова могут быть очень широки, а иногда и не вполне определенны. Смысловая область слов (даже многих научных терминов) имеет пограничные зоны и многочисленные переходные оттенки» (*Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5, с. 6); см. также: *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 91.

[37] Это явление охватывает большую категорию слов, поэтому естественны поиски критериев для различения многозначности и омонимии (см. об этом, например, в кн.: *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974).

или иного образования в целом не препятствуют рассмотрению материала в русле указанных традиционных семантических переносов.

Метафорическая номинация представляет собой создание наименования на основе какого-либо сходства обозначаемой новой реалии с уже существующими (по форме, величине, внешнему подобию и т. д.) [38]. Исследователями неоднократно отмечалось, что в основе метафоры лежит образность, какая-либо особо очевидная черта сходства, ср., например: *козырек* светофора, транспортная *пробка*, *баранка* — руль автомашины, *елочка* — способ организации стоянки автомашин и т. п. Подобные переосмысления могут быть более сложными, опосредованными, вызваны различными ассоциациями как внеязыкового, так и собственно языкового характера, что подтверждает и анализ конкретного материала.

Для номинаций посредством метафорических трансформаций в рассмотренной тематической области используются разные категории общелитературной лексики. В частности, одним из наиболее традиционных источников названий частей, деталей механизма, машины являются названия частей тела человека и животных: *крыло*, *плечо*, *шейка*, *щеки*, *палец*, *заусенцы* и др., ср.: Обычно с таким явлением сталкиваются. . . после замены вкладышей и шаровых *пальцев*. Дело в том, что рабочие поверхности сопрягающихся деталей могут иметь забоины или *заусенцы*. . . Зная длину *плеча*, несложно подсчитать величину момента (За рулем, 1979, № 3); Виной тому может быть значительный износ *шеек* рычагов подвеска (там же).

«Образы», лежащие в основе этих наименований, используются в разных областях специальной лексики [39]. Мы обратились к этой группе специальных наименований ввиду типичности и распространенности подобных названий — метафор, тем более что, оставаясь принадлеж-

---

[38] Мы рассматриваем здесь метафору как способ наименования. О языковом статусе метафоры и ее функциях см.: *Арутюнова Н. Д.* Синтаксические функции метафоры. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1978, т. 37, № 3; *Она же.* Функциональные типы языковой метафоры. — Там же, № 4.

[39] См.: *Даниленко В. П.* Русская терминология (Опыт лингвистического описания). М., 1977. См. также о специфической тенденции русского языка использовать уменьшительные суффиксы при метафоризации наименований технических понятий, например, в кн.: *Гак В. Г.* Указ. соч., с. 93 и др.

ностью профессиональной сферы, такие обозначения становятся употребительными благодаря общеизвестности и широкому практическому использованию самих обозначаемых реалий (автомобиль, его детали, запасные части и пр.).

В живой разговорной стихии современного языка постоянно возникают многочисленные образные, метафорические наименования. Однако закрепляются в языке «счастливые» единицы. Вот некоторые примеры из сферы автолексики: *кирпич* — запретительный дорожный знак, *зебра* — вид разметки перехода (и сам переход), *елочка* — способ организации стоянки автотранспорта, *козлик* — легковая машина повышенной проходимости, *маяк* — приспособление для подачи сигналов (на крыше спецмашины) и др., ср.: Я недаром транспортную схему назвал лабиринтом: есть улицы с движением односторонним, есть проезды, над которыми висят «*кирпичи*», есть многорядные дороги, двух- и трехэтажные. . . (Ю. Крутогоров, Рассказы о нашей Москве. М., 1974, с. 61); Ликвидация транспортных «*пробок*» — одно из главных направлений ведущихся в районе работ по организации движения (За безопасность движения, 1974, № 11); На регулируемых перекрестках и переходах в глубине квартала дорожка размечена по типу «*зебра*» (там же, 1977, № 10); Единственное, на что хочу обратить внимание водителей и Госавтоинспекции, — это проблемы «*зебр*». Очевидно, надо останавливаться перед «*зеброй*» (там же, 1975, № 10); Садясь за руль машины и проверив показания приборов, мы мало обращаем внимания на привычный и неотъемлемый атрибут любого автомобиля — рулевое колесо, а попросту *баранку* (Техника молодежи, 1981, № 10, с. 63).

Проблема мотивации, выбора признака при наименовании элементов действительности занимает центральное место в теории номинации. Исследователями обычно отмечается ее сложность и многоплановость [40]. Вот один конкретный пример.

Сравнительно недавно (в 50-е годы) в автолексике появилось слово *маяк*: Сигнальный, обычно вращающийся или мигающий фонарь на крыше специального (милицей-

[40] Этим вопросам посвящена большая литература, например: *Гак В. Г.* Указ. соч.; Языковая номинация (Общие вопросы); *Лопатин В. В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ташкент. 1975.

ского, пожарного и проч.) автомобиля. . . По улицам города идет милицейская машина, идет эффектно — все ее должны видеть, — в синем блеске мерцающего *маяка*, что установлен у нее на макушке. . . (Лит. газета, авг. 1973) [41]. Давно замечено, что один и тот же предмет может быть назван по-разному, в зависимости от того, какой «стороной он повернется», какой признак положен в основу наименования, какие ассоциации вызывает этот предмет и т. д. Иллюстрацией к сказанному может служить приведенное слово *маяк* (в новом, переносном значении) и соотносительные с ним другие названия, употребляющиеся параллельно в тождественных контекстах: *вертушка*, *фонарь*, *мигалка*. В этих названиях фиксируются такие свойства обозначаемого денотата, как способность «вертеться», «светить», «мигать», ср.: Сирена выла громким, густым голосом, и фиолетовые отблески вертевшейся «*мигалки*» сверкали на стенах домов. . . Комбайн его казался каким-то необычным. То есть все было нормально, но странно смотрелась на нем милицейская «*мигалка*» с сиреной (Комс. правда, 1977, 26 апр.). По-видимому, семантический неологизм *маяк* имеет больше оснований закрепиться в языке, так как включает два компонента значения — «светоносность» и «прерывистость светового потока» (мигание), в то время как три других названия содержат по одному признаку и, следовательно, имея более общую семантику, могут шире использоваться в «поверхностной», речевой номинации [42]. *Мигалка*, кроме того, используется для обозначения другой реалии — небольшого вспомогательного фонаря (подфарника), сигнализирующего о повороте автомобиля [43].

Примером метафорических переосмыслений, возникших на основе нескольких признаков, дополняющих

---

[41] См.: *Костомаров В. Г.* Указ. соч., с. 226. Примеры, взятые из этой статьи, имеют помету ВК.

[42] Ср.: «Чем уже сфера употребления, тем богаче содержание (смысл) понятия; чем шире употребление, тем беднее содержание понятия» (*Курилович Е.* Очерки по лингвистике. Сб. статей. М., 1962, с. 19).

[43] Ср.: «Сигнализаторы разного тона и продолжительности звука дадут знать, что включена „мигалка“ — указатель поворота» (*Демидов В. Е.* Электроника четырех колес. М., 1978, с. 56). Следует заметить, что, несмотря на широкую распространенность, это название еще окончательно не закрепилось в языке в данном значении. О новизне и «неофициальности» свидетельствуют и сопровождающие его кавычки.

друг друга и создающих единый «образ», могут служить и такие номинации: Мы возвращались в тесном вертком газике, который на сельских дорогах с ироническим почтением именуется «*козлом*» за упрямство, с каким он пробивается через колдобины (Изв., 1966, 14 июня — НСЗ-71); Речь идет об автомобилях «ГАЗ-69», которых в нашем народе любовно прозвали «*козликами*» за их удивительную неприхотливость и проходимость (Изв., 1966, 5 окт. — НСЗ-71).

Характерно, что словари, фиксируя подобные названия, сопровождают их пометами «проф.», «разг.», «прост.», ср.: *кирпич* — «в разг., проф. речи» (НСЗ-71), *козел, козлик* — «в разг. речи» (НСЗ-71), *пробка* — «разг.» ($ОЖ_9$), *баранка* — «прост.» ($ОЖ_9$).

Показательно, что такие названия, возникая в профессиональной сфере и сохраняя свое специальное значение, очень быстро становятся общеизвестными. Вольными и невольными «распространителями» их в общелитературном языке выступают средства массовой коммуникации (радио, телевидение, кино и т. д.), тем более что падают они на благодатную почву: пешеход — водитель (так как в «автомобильный век» все мы без исключения являемся «участниками движения»).

Однако закреплению нового (метафорического) значения и образованию самостоятельной номинативной единицы должна способствовать совокупность факторов: точно выбранный «опорный» номинативный признак, степень его образности, «необычности» [44], частотность, употребительность самого обозначаемого предмета (явления).

Частотность и устойчивость употребления некоторых переносных наименований поддерживаются и собственно языковыми связями слов. Так, появление удачного метафорического обозначения может повлечь за собой возникновение на основе близких ассоциаций целой цепочки «образов»: *семья — семейство — собратья*; *обувь — обуть — обутый*; *полоса — ряд — нить — канал*; *течение — поток — река — волна (зеленая волна) — островок* и др. [45],

---

[44] Ср.: «Метафора — это принцип необычайного словоупотребления, называние „предмета“, „смысла“, имеющего уже „имя“, новым словом, которое может утвердиться за ним навсегда» (*Виноградов В. В.* О поэзии Анны Ахматовой. — Избр. труды. Поэтика русской литературы. М., 1976, с. 410).

[45] Расположение примеров не отражает «направленности» развития переносов.

например: После завершения испытаний и доводки всех образцов, составивших *семью* камских автомобилей, несколько контейнеров с чертежами будет переправлено в Набережные Челны (Новый мир, 1977, № 7, с. 182); Выгодно отличается от своих *собратьев* МАЗ, а также модернизированные автомобили *семейства* МАЗа (Радио, 1977, 22 марта) [46]; Первоочередной задачей является обследование плотности *транспортных*, *пассажирских* и *пешеходных потоков* (там же); Чем больше автомобилей вливается в *транспортный поток*, тем запутаннее становится дорожная обстановка. . . Сегодня повсюду мы видим автоматические светофоры, и только в немногих местах человек «вручную» властвует над автомобильными *реками* (В. Е. Демидов, Электроника четырех колес, с. 10); Программисты зададут правила, по которым ЭВМ примется регулировать автомобильные *реки*. . . Вариантов может быть множество. Главное, что все они не нарушают плавности движения основной «*автореки*» (там же, с. 19); Наибольшее распространение в городах получили различные варианты крестообразного пересечения в двух уровнях без съездов. . . Существуют следующие варианты таких пересечений: с площадкой для левых поворотов; с *островками*; с объездом вокруг кварталов. . . (Пересечения в разных уровнях на городских магистралях. М., 1977, с. 19); Непрерывность движения транспорта может быть достигнута путем создания на перекрестках саморегулируемого движения с односторонним проездом вокруг *кольцевых островков* различного очертания. . . Самыми распространенными и доступными мероприятиями являются регулирование движения и контроль за ним при помощи светофоров, дорожных знаков, маркировки проезжей части улицы и устройства *островков безопасности* (там же, с. 8); Будет ли «зеленая волна» столь же гостеприимна для *потока*, как и для единственной машины?. . Следующим шагом в организации городского движения становится требование придать оперативность неплохой в общем «*волне*» (В. Е. Демидов, Электроника четырех колес, с. 15); Мы ехали по «*зеленой волне*». Поток автомобилей включился в нее еще в начале проспекта (Ю. Крутогоров, Рассказы о нашей Москве, с. 57); Огромные колеса трубовоза «*обуты*» в такие же огромные покрышки (Веч.

[46] Эти примеры показательны с точки зрения того, как в языке отражается история создания и освоения новых машин (1971 г. — «войдут», 1977 г. — «обкатываются»).

Москва, 1973, 3 апр., ВК); Шинники разработали для легковых автомобилей новую *обувь* — автопокрышки с металлокордом (радиопередача 15 дек. 1978 г.). Разнообразие приведенных примеров свидетельствует о широкой сети лексико-семантических связей, создающих возможность различных смысловых трансформаций.

Метафорическая номинация широко используется в пределах автолексики и дает как примеры уже закрепленных языковой системой номинативных единиц (возникших на основе переносных значений, см. выше), так и различные переносные употребления (от индивидуальных, окказиональных до «типовых», устойчивых). Очень часто это «индивидуальное» и «общественное» переплетается, создавая образную многоплановость текста, например: Нахлынул *поток* автомобилей. . . Светофор *мигнул красным зрачком*. . . он безучастен к тому, что творится вокруг него. . . Устарел такой *регулировщик*. На смену ему *приходит светофор*, который. . . прошел обучение по нескольким программам. . . Одна такая программа требует от водителей, чтобы они отдали бег своих машин «*на волю волн*». В милицейской «Волге» с красным *проском* я поехал по многокилометровому проспекту Мира . . . Мы ни разу не остановились. Мы ехали по «*зеленой волне*». . . Серпуховская застава. В площадь «*впадает*» семь улиц. . . Больше всех «*волновалась*» Большая Тульская — к ее *устью* подкатила целая колонна автомобилей (Ю. Крутогоров, Рассказы о нашей Москве, с. 56—58). Приведенный отрывок насыщен переносами. Подобное употребление лексических единиц является не только «контекстуально обусловленным», но и в значительной мере основано на известных общелитературному языку связях и ассоциациях и может использоваться для создания образности, экспрессии многократно.

Таким «типовым» метафорам противопоставлены индивидуальные, «разовые» новообразования, тесно связанные с контекстом и проявляющие свою образность, как правило, только в нем [47]. Ср.: Шофер «МАЗа» выбежал на

---

[47] Ср.: «Речевая метафора „исходит" из конкретного контекста и всегда с ним связана. Она рождается и существует в нем, распадаясь вместе с ним, поскольку коннотативные признаки, служащие мотивом для переосмысления словесного значения, фокусируются только в рамках данного лексического набора (в пределах предложения или целого текста)» (Языковая номинация (Виды наименований), с. 194).

дорогу. — Трогай быстрей своего «*зубра*»! — прикрикнули на него (Правда, 1974, 3 июля); Характерный признак — мощность машины — передается через образ мощного животного. Связь эта поддерживается и символически: в виде эмблемы — фигуры зубра, установленной на капоте машины.

Проблема соотношения «значения» и «употребления» приводит к оппозиции «язык — речь» и требует специального исследования.

Сложность семантических преобразований и переосмыслений отчетливо выступает в разного рода *метонимических переносах* — обширной и разноликой категории обозначений, основанных на отношениях «по смежности». «Предмет метонимически может быть назван по своей части, по материалу, происхождению, локальным связям и другим признакам. Действие метонимически может быть обозначено через любой свой актант и сирконстант (субъект, объект, адресат, орудие, место, время, способ действия)» [48].

Основной характерной чертой метонимических переносов сравнительно с метафорическими переосмыслениями является их регулярность. Такого типа наименования создаются в большинстве случаев под действием определенных семантических закономерностей на основе известных метонимических моделей [49] и не представляют новые значения слов, а лишь их типовое употребление [50]. Так, по образцу «материал → изделие из этого материала» возникло соотношение «материал для покрытия дороги → дорога, покрытая этим материалом»: *асфальт*, *грейдер*, *булыжник* и т. д., например: *Грейдер* покрывается щебнем, щебень прикатывается и утрамбовывается, а потом дважды в год производится нефтевание. . . Мы убедились, что обработанная таким способом дорога позволяет уверенно держать скорость около 80 км в час. . . За всю дорогу до Аральска *грейдер* прерывался только дважды. . . Мы едем по очень приличному *грейдеру*. . . Ближе к Араль-

---

[48] Языковая номинация (Общие вопросы), с. 283.

[49] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 221 и др.

[50] Исследования последних лет показали большую распространенность разных видов метонимий в разговорной речи (Русская разговорная речь. М., 1973) и в языке художественной литературы. Справедливо отмечается различие метонимических переносов как собственно языкового явления и метонимий в художественном (поэтическом) тексте (*Некрасова Е. А.* Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики. — В кн.: Слово в русской советской поэзии. М., 1975).

ску дорога становится все лучше. И вскоре переходит в настоящий *асфальт* (Юность, 1977, № 10).

Конкретный материал дает примеры использования и других метонимических моделей: Лучший результат по итогам социалистического соревнования — у *автоколонны* № 5 (начальник *колонны* А. Рудковский). . . В конце каждой десятидневки они отчитываются о состоянии и мерах безопасного движения перед «треугольником» *колонны* (За безопасность движения, 1974, № 11); Если стажировку закончили сразу несколько ребят, их дебют отмечается торжественно, в присутствии всей *колонны* или бригады (там же, № 10); Сообщение Госавтоинспекции обсуждено на собраниях в *колоннах* (Веч. Москва, 1978, 11 февр.). Подобные примеры свидетельствуют о том, что в сфере автолексики слово *колонна* используется в двух значениях: 1) средства транспорта (автомашины), расположенные или движущиеся вытянутой линией; 2) коллектив, производственная группа. Название производственного коллектива возникло путем метонимического переноса по типу, уже известному в языке: «учреждение → люди, работающие или находящиеся там» (институт, завод и т. д.).

Аналогичный семантический сдвиг происходит и в слове *маршрут*, ср.: Согласно разработанной методике работа проводилась на учебном автобусе при движении по специальному *маршруту* (За безопасность движения, 1975, № 7—8); Цель и задачи конкурса: вовлечение московских водителей, начальников *колонн* и *маршрутов* в активную борьбу за безопасность движения (там же, 1972, № 4); Одна из заметок рассказывает о присвоении коллективу 6-го *маршрута* звания «Коллектив высокой культуры». . . Партгруппорг *маршрута* награждена орденом Трудового Красного Знамени. . . По вине передового *маршрута* не было допущено ни одного ДТП (там же, 1977, № 10).

Автолексика дает и некоторые другие известные современному языку типы метонимических переносов: «параметр → высокая степень свойства по этому параметру» (надежность, скорость, классность и т. п.), «действие → → результат действия» (маркировка, разметка), «действие → место действия» (остановка, стоянка, развязка, пересечение, мойка) [51], например: В виде иллюстрации

[51] О типах метонимических переносов см.: *Шмелев Д. Н.* Указ. соч.; ср. также: *Апресян Ю. Д.* Указ. соч.

приводятся снимки разных видов дорожной *разметки* (За безопасность движения, 1976, № 2); На двух первых этажах автобазы оборудована *стоянка*, на которой смогут разместиться около 300 автомобилей (Веч. Москва, 1978, 15 марта); На мой вопрос, сколько *моек* из трех сейчас функционирует, ни директор, ни главный инженер не смогли сразу ответить (Моск. правда, 1979, 8 февр.); *Пересечения* в разных уровнях в дорожном строительстве применяются давно. До 1928 г. они сооружались в основном при пересечении автомобильных дорог с ж/д путями. . . *Пересечения* по типу «труба», «двойная петля» . . . «клеверный лист», «сплющенный клеверный лист», «полуклеверный тип». . . (Е. М. Лобанов и др., Проектирование и изыскания пересечений автомобильных дорог. М., 1972); *Пересечения* в разных уровнях в соответствии с принятой в технической литературе терминологией названы *транспортными развязками* (там, же, с. 6) [52]; ср. также: Градостроителям приходилось в первую очередь «*развязывать*» наиболее перегруженные узлы, расположенные в центральной части крупнейших городов (Неделя, 1966, № 2 — ЛК [53]).

Можно отнести к сфере типовых метонимических переносов и употребление существительного в ед. числе в значении мн. числа; ср., например: *Автомобиль* широко используется во всех без исключения отраслях народного хозяйства СССР (Н. М. Стеблев, Современный автомобиль — ЛК); Замена *гужа автомобилем* дает значительный выигрыш в скорости (ЛК); *Автофургон* с маркой ЕРАЗ вышел на дороги нашей страны (Изв., 1972, 2 марта, ВК); *Автокар* — вполне совершенное средство для внутрицеховой транспортировки (Изв., 1970, 21 янв., ВК).

Язык отражает разнообразные «ассоциации по смежности», причем они могут быть и случайными, временными, и закрепившимися, постоянными.

Метонимические переносы значений наиболее характерны для имен существительных, однако они в той или иной степени свойственны и другим номинативным частям речи. Совершенно справедливо исследователи отмечают

---

[52] Ср. данные НСЗ-71; «Развязка. . . Сооружение на автомобильных дорогах, позволяющее потокам транспорта безостановочно двигаться в различных направлениях. Развязывать. . . Разгружать от скопления транспорта путем сооружения развязки».

[53] Здесь и далее примеры, взятые из Ленинградской картотеки, обозначены пометой ЛК.

разную меру способности частей речи быть наименованиями в полном смысле слова. «Разную номинативную значимость отдельных частей речи, — подчеркивает Кухарж — доказывает также распределение категорий так называемых семантических наименований (т. е. семантических сдвигов) в отдельных частях речи. . . У существительных. . . проявляются все три традиционных типа (метафора, метонимия, синекдоха), между тем как у глаголов. . . можно обнаружить, по-видимому, только наименования метафорические» [54].

Вряд ли можно согласиться полностью с этим утверждением. Действительно, глаголы дают яркие примеры метафорических образований: Кто тщетно искал гостиницу на протяжении нескольких сотен километров, кто «*загорал*» на обочине, устав копаться в моторе, тот знает, как необходима в дороге автогостиница (Изв., 1962, 14 мая); Въезды в котлован глубоко развезло, самосвалы с бетоном *садятся* так прочно, что и мощным трактором не выдернешь (Новый мир, 1972, № 3). Однако этим не исчерпываются возможности семантических сдвигов в глаголе. Материал свидетельствует о разнообразии глагольной м е т о н и м и и. Встречаются такие, например, типы метонимических замещений, как перенос действия с субъекта на объект и с объекта на субъект: Таксомотор *шел* по переулку в сторону улицы Димитрова (За безопасность движения, 1972, № 1); Гиви, как говорят шоферы, *сломался* — где-нибудь по дороге отказал, например, двигатель (Юность, 1977, № 9).

Глаголы обладают большими возможностями семантических переосмыслений. Наименование глаголами, однако, является «специфическим видом лексической номинации, при котором в названии фиксируются и закрепляются разные понятийные признаки, многообразные ракурсы связей глагольного действия с предметами и лицами, производящими эти действия или подверженные им» [55].

Разные лексические сферы современного языка дают примеры многочисленных переносов. Семантическое словообразование, используя богатые экспрессивные возможности языка, активно участвует наряду с другими способами номинации в создании номинативных единиц.

---

[54] *Kuchař J.* Op. cit.
[55] Языковая номинация (Виды наименований), с. 69.

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО КАК НОМИНАТИВНАЯ ЕДИНИЦА

Особой подсистемой, одной из существенных составных частей системы номинации можно назвать словообразование. Основным для словообразования является понятие производности. Производное слово — наименьшая комплексная единица словообразовательной системы, наименьшее «синтагматическое целое», комбинация единиц низшего порядка [56] — один из исконных и основных видов номинативных единиц. Производное слово — центр, точка пересечения формальных и смысловых связей. Семантическая и словообразовательная структура производных слов (ПС) имеет двойственную природу, зависимость: от части речи производящей основы и части речи самой производной основы. Структурные типы таких номинативных единиц (НЕд.) как производные слова формируются на базе четырех основных частей речи — существительного, прилагательного, глагола, наречия.

Мы рассмотрим ПС, представляющие имя существительное — часть речи, которой присуща «абсолютная номинативная значимость» [57]. Субстантивные НЕд. дают наиболее полный набор структурных типов: суффиксальные, префиксальные, сложные слова, аббревиатуры.

ПС как номинативные единицы имеют ряд специфических особенностей: 1) многообразие деривационных структур и формальных средств; 2) синтетическая форма, т. е. «однословность», по сравнению, например, с аналитическими единицами — словосочетаниями, ср.: *грузовик*, *малолитражка*, *легковушка*, *пассажиропоток*, *автодорога*, *Госавтоинспекция*, *ГАИ*, *КамАз*, *ДТП*; 3) структуре ПС свойственна определенная «повторяемость знаков» [58]. Это наиболее очевидно в аффиксальных (однокоренных) производных; не представляют исключения сложные слова и аббревиатуры, хотя связь с производящими основами у последних выражается специфически, более опосредованно; 4) многомерность, многоаспектность мотивации (мотивированности).

---

[56] *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 124.

[57] Ср.: «Основной особенностью существительных является их первичная синтаксическая независимость, их способность выйти из синтаксических отношений. . . способность транспонировать содержание всех остальных номинативных частей речи» (*Kuchař J.* Op. cit.); см. также: Языковая номинация (Общие вопросы).

[58] Языковая номинация (Общие вопросы), с. 71.

Мотивированность — основное, важнейшее слагаемое в акте номинации. Исследователи справедливо отмечают двусторонний характер понятия мотивированности ПС, т. е. выражение семантических связей через формальную структуру, через «отсылку к образованию с тем же корнем». Однако нельзя безоговорочно согласиться, что «внутренней формой производного является его морфологическая структура» [59], так как прозрачность мотивации, очевидность «внутренней формы» встречаются далеко не всегда. Под мотивированностью в нашем тексте понимаются в первую очередь смысловые связи, семантическая зависимость производной основы от производящей, что естественно проявляется на базе формальных корреляций [60]. Представляется существенным рассмотреть проблему мотивированности прежде всего в двух аспектах: 1) с точки зрения «степени» мотивации и 2) «ступенчатости» мотивации [61].

Известно, что «только часть знаков является абсолютно произвольной; у других же обнаруживаются признаки, позволяющие отнести их к различным степеням произвольности: знак может быть относительно мотивированным» [62]. Мотивированность ПС может быть «полная» (абсолютная) и «частичная» (относительная), ср.: «Она всегда тем полнее, чем легче синтагматический анализ и очевиднее смысл единиц низшего порядка» [63]. Факторы, обусловливающие степень мотивированности в каждом конкретном случае, еще мало изучены, однако можно говорить об указанных двух типах мотивации, основываясь на двух группах ПС, различающихся характером значения.

1-я г р у п п а — НЕд., значение которых «полностью складывается из значений их составляющих частей» [64].

---

[59] Языковая номинация (Виды наименований), с. 243, 267 и др.

[60] Относительно соотношения формального и семантического аспектов мотивированности ПС существуют различные точки зрения (см. работы Е. А. Земской, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, О. П. Ермаковой и др.).

[61] В литературе уже отмечалась необходимость введения понятия «степень мотивированности». Ср. один из возможных подходов к изучению этого явления в ст.: *Кубрякова Е. С.* Теория мотивации и определение степеней мотивированности производного слова. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, II. Ташкент, 1976.

[62] *Соссюр Ф. де.* Указ. соч., с. 127.

[63] Там же.

[64] *Земская Е. А.* Указ. соч., с. 9. Ср. также: «. . .во многих случаях ономасиологическая структура производного представляет

К этой группе относятся НЕд., образованные, например, при помощи суффиксов, выражающих субъективно-оценочные (*-ик*, *-чик*, *-ок*) или модификационные значения (невзрослости, женскости); префиксов типа *со-* (значение совместности), *сверх-*, *супер-* (значение очень высокой степени качества, состояния) и т. д.; устойчивых (вторых) компонентов типа *-дром*, *-вод*, *-строение* и др., например: Здесь уместно сказать, что признанной школой вождения автомобилей являются *автодромы* (За рулем, 1977, № 9); Скоростные кордовые класса 2,5 см^3 — самые распространенные автомодели у нас в стране. Сегодня мы публикуем чертежи и краткие технические данные модели ветерана *кордодрома* мастера спорта Владимира Карапетяна (Моделист-конструктор, 1976, № 12); ср.: Министерство путей сообщения имеет право сооружать только *вертодромы* для непосредственных целей стройки (Комс. правда, 1977, 14 февр.); Автомобильная и тракторная промышленность — одна из важнейших отраслей советского *машиностроения* — идет по пути непрерывного роста и совершенствования производства. У нас осуществляется постоянный прогресс техники как в *автомобилестроении*, так и в *тракторостроении* (Правда, 1953, 30 июня — ЛК); ср. также: Три месяца спустя «багги» из разных городов собрались в Запорожье. Это был второй всесоюзный смотр-конкурс, призванный способствовать развитию «*баггистроения*» в центральных и южных районах страны (Техника — молодежи, 1976, № 10).

2-я группа — НЕд., значение которых не равняется простой сумме значений составляющих их единиц, т. е. мотивированность их относительная, неполная, частичная [65]. Значение конкретного слова этой обширной группы ПС, основываясь на значениях соединяющихся единиц, имеет еще некоторое немотивированное «приращение» смысла, из-за которого точная предсказуемость значения таких ПС затруднена, например: кто (что) такой (такое) *транспортник*, *дорожник*, *зимник*, *колясочник*? Почему *поли-*

собой результат простого сложения нескольких смыслов, каждый из которых одно-однозначно выражен соответствующей морфемой или сочетанием морфем» (Языковая номинация (Виды наименований), с. 263).

[65] На это явление указывалось в отечественном языкознании (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, М. В. Панов, Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская и др.).

валка — это поливальная машина, *дежурка* — дежурная комната в милиции, *попутка* — попутная машина, *мигалка* — светофор и т. д.? Ср.: На завалинке бревенчатого аэровокзала сидел молодой человек, прилетевший часа полтора назад в эту глухомань. Автобуса или *попутки* не было (Лит. газета, 1977, 28 дек.); Вера Петровна, пришлите к главному подъезду *дежурку*, пойдет в Красновидово и обратно (Знамя, 1978, № 1, с. 26) [66].

От чего зависит возникновение у данного слова именно этого значения? Чем обусловлен «добавочный» смысл, никак формально не выраженный? Возможна ли «предсказуемость» конкретного лексического значения ПС и в какой степени? Как отражается специфика значения словообразовательного типа на семантике конкретного слова? На эти и другие вопросы пока еще нет определенных и однозначных ответов [67]. Постараемся на конкретном материале из сферы автолексики выявить и проанализировать некоторые закономерности.

Полисемантичность некоторых словообразовательных структур, обусловленная тем, что они могут быть мотивированы, соотнесены со словосочетаниями разной семантической наполненности, создает слабую степень предсказуемости их значения вне контекста. Например, *зимник* может обозначать «зимнее помещение для скота», «любителя зимней рыбной ловли», «человека, зиму и лето живущего на даче» ($Ож_9$), «зимний путь» (т. е. путь по бездорожью, возможный только в зимних условиях); *техничка* может обозначать «женщину, занимающуюся уборкой, технической работой в учреждении, общежитии и т. п.» [68], «помещение, комнату для рабочих-техников»; «вместилище (коробку) для технических инструментов»; «специальную автомашину, оказывающую автотранспорту техническую помощь» и т. д., например: Школьный звонок тоже принесли в катакомбы. Наступил день, когда *тех-*

---

[66] Специфика семантики производных слов привлекает сейчас внимание многих исследователей (см. работы Е. С. Кубряковой, О. П. Ермаковой, И. Г. Милославского и др.).

[67] Ср.: появление нового значения — «сверх ожидаемого» или «не вполне ожидаемого» — ставит перед исследователем достаточно сложные проблемы (Языковая номинация (Виды наименований), с. 264). Следует отметить различные в некоторых случаях решения встающих вопросов в работах Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, О. П. Ермаковой, А. Н. Тихонова, И. Г. Милославского и др.

[68] Характерно, что в словаре $Ож_9$ при слове *техничка* дается только одно это значение с пометой «разг.».

ничка Мария Степановна Белявская, взяв в руки звонок, пошла по штреку. . . Учебный год начали все классы (Комс. правда, 1979, 10 апр.); Зиловцы выделили мне старенький *автобус-техничку* (Новый мир, 1977, № 7); Круглые сутки разъезжают по трассе «*техники*» — оказывают помощь попавшим в беду автомашинам (Изв., 1977, 13 июля — ВК); В прошлом году я сам участвовал в тяжелейшем переходе по тысячекилометровому *зимнику* от Улан-Удэ до бамовского поселка Новый Уоян. Везли на «Магирусах» щитовые дома. . . Кстати, Гиви привез сюда, в Северобайкальск, первые жилые вагончики по ледовой дороге (Юность, 1977, № 9). Характерно в таких случаях использование «семантического уточнителя», ср.: Нужны. . . сочетания сезонного водного транспорта с механизированными *автозимниками*, с вездеходным круглогодичным транспортом (Лит. газета, 1968, № 23 — ЛК) [69].

Среди таких образований представлены имена, закрепившиеся в языке с каким-либо определенным значением, например: *маршрутка* — маршрутное такси, *бетонка* — бетонная дорога, шоссе, *капиталка* — капитальный ремонт, *малолитражка* — малолитражный автомобиль и т. п.: И в этом году советская *малолитражка* пересечет границы более чем сорока государств (За безопасность движения, 1972, № 10); ср.: В многочисленных письмах в редакцию. . . проявляется большой интерес советских людей к вопросам развития отечественного автомобилестроения и, в частности, к производству *малолитражных автомобилей* (Промыш.-экон. газ., 1956, 12 дек. — ЛК); *Малолитражка — малолитражный автомобиль. Малолитражка* не требует теплого гаража (Изв., 1932 г. — ЛК); А вот там и *маршрутка* как раз стоит. Садитесь и через десять минут будете дома (Изв., 1965, 28 янв. — ЛК); *Бетонка* пробегает по путепроводу над лентой шоссе (Новый мир, 1977, № 7).

Этот тип однословных НЕд., возникших из расчлененных комплексных (составных) наименований при помощи некоторых продуктивных суффиксов (*-ка*, *-ик* и др.) и широко представленных в наши дни, является одним из традиционных способов создания номинаций в русском языке (ср. образования начала XX в.: *конка*, *многоместка*, *двухколеска*, *трехколеска*, *четырехколеска*, *грузовик* и др.). Поэтому вряд ли можно согласиться с мне-

[69] *Автозимник* приводится в НСЗ-71.

нием, что этот тип номинаций «действует исключительно в сфере разговорной речи» [70]. Несколько «сниженная» стилистическая окраска отмечается и современными словарями [71], однако их широкая употребительность и представленность не только в устной РР, но и в различных текстах (художественной литературе, периодической печати и т. д., ср. примеры из журн. «Юность», «Новый мир», «За рулем», газет «Правда», «Известия» и др.) свидетельствуют о том, что этот тип образований отражает продуктивные процессы в такой существенной подсистеме номинации, как современное словообразование. Исследователи этих словообразовательных явлений справедливо выделяют разные типы «универбатов» [72]. Наряду с наиболее распространенными НЕд. с суф. *-ка* легко возникают имена с суф. *-ик*, *-ушка* и др., а также с усеченной основой мотивирующего прилагательного, например: *легковушка*, *полуторка* и т. п.

Дериваты, возникшие на основе универбации атрибутивных словосочетаний, могут иметь разную степень «прозрачности мотивации». Выделяются имена, соотносимые с СН, имеющими узкое, конкретное значение: *багажное отделение* → *багажник*, *маршрутное такси* → → *маршрутка*, *малолитражный автомобиль* → *малолитражка*, ср. также: *малогабаритная квартира* → *малогабаритка* и т. п. Естественна сравнительно высокая степень мотивированности лексического значения таких ПС. Другую группу составляют имена типа *дежурка*, *полуторка* или *транспортник*, *дорожник*, конкретное значение которых предсказать труднее. В основе различия семантики этих двух групп НЕд. лежат различия в характере семантики мотивирующего прилагательного, в степени обобщенности или конкретности его значения [73].

---

[70] Русская разговорная речь, с. 411.

[71] Ср. Ож$_0$: «Малолитражка» (разг.), «бетонка» (разг.); НСЗ-71: «Маршрутка» (в разг. речи).

[72] Многоликость этого словообразовательного феномена отражается в отсутствии в лингвистической литературе единого общепринятого термина (ср.: «стяжение», «семантическая конденсация», «включение», «универбация» и др.). См., например: *Лопатин В. В.* Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов. — В кн.: Новые слова и словари новых слов. Л., 1978, с. 72 и след.

[73] В этой связи интересны исследования в области «синтаксической деривации» (см. работы Е. А. Земской, О. П. Ермаковой и др.).

«Приращение смысла» у отдельного конкретного слова может быть связано и со спецификой деривационного значения — общего значения словообразовательного типа, которое может выражать разную степень конкретности. Так, словообразовательным типам, оформленным суф. *-тель* и *-щик*, в современном языке свойственно общее агентивное значение «производитель действия», т. е. имя с этими формантами может обозначать и лицо и неодушевленный предмет (орудие, инструмент, приспособление) без формальных уточнителей. Характерно, что у этих суффиксов все более развивается, укрепляется именно предметное значение, что отражает определенные тенденции в современной жизни [74]. В век НТР в результате непрерывного развития и совершенствования промышленного производства, техники все большую роль приобретают механизмы, заменяющие человека, облегчающие его труд. Способность словообразовательных формантов типа *-тель*, *-щик* выражать инструментальное, орудийное значение активно используется при номинации новых машин, различных приспособлений, устройств, механизмов.

Следует заметить, что такие названия (обозначения инструментов, орудий, механизмов) могут возникать двумя путями: 1) в результате семантического сдвига, функционального переноса, т. е. слово, называющее «лицо», начинает использоваться для обозначения «предмета» (например, *выключатель*, *указатель*, *опрыскиватель*, *опылитель*, *смеситель*, *погрузчик*, *чистильщик*, *регулировщик* и т. д.) [75]; 2) непосредственно словообразовательным путем — присоединением суффикса к глагольным (*-тель*) и глагольно-именным (*-щик*) основам: Водитель по-снайперски точно выехал на бетонную дорогу. Вечерело. Резко похолодало. Виктор включил *обогреватель* (Наука и жизнь, 1975, № 11); В автомобиле будет установлен безламповый пусковой *подогреватель* для запуска двигателя зимой (Изв.

---

[74] См. об этом подробнее, например: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 131, 176 и др.; Социально-лингвистические исследования. М., 1976, с. 176.

[75] Многие из подобных наименований вышли из употребления и совершенно забылись, однако существование таких имен — названий рабочих по роду их деятельности — документально подтверждается, они приводятся в «Словаре занятий» 20-х годов (см.: Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 123).

1972, 16 авг. — ВК); Мягкой накладкой закрыт *отопитель*, что предотвращает травмы ног (За безопасность движения, 1972, № 10). Ср. также другие названия действующих деталей автомобиля и т. п.: *облегчитель*, *рассеиватель*, *разъединитель*, *расширитель* (для шин), *ограничитель*, *автомобиль-опылитель*, *распределитель*, *прерыватель* и т. д.: В инструкции по эксплуатации автомобиля «Жигули» написано, что углы установки зажигания (момент замыкания и размыкания контактов *прерывателя*) должны быть установлены с точностью + 30 (В. Е. Демидов, Электроника четырех колес, с. 60); Все участники движения обязаны. . . выполнять предписание дорожных знаков, *указателей* (Правила движения. М., 1965 — ВК).

Можно думать, что названия «предметов» (приспособлений, деталей, частей автомобиля и проч.), имеющие параллель в именах лиц (ср. *выключатель*, *смеситель*, *указатель* и под.), возникли по существующей продуктивной словообразовательной модели, независимо от имен лиц (см. выше), ср.: Пройдя через *очиститель* и холодильник, газ поступает в *смеситель*, где смешивается с воздухом. Полученная рабочая смесь используется далее (БСЭ$_2$, т. 1, Автомобиль); При сбрасывании газа выхлопы через *глушитель* могут быть по многим причинам (За безопасность движения, 1977, № 6) [76].

При помощи суф. *-тель* и *-щик*, таким образом, могут создаваться имена с «личным» и «предметным» значением. Насколько возможна «предсказуемость» — лицо — предмет (исключая контекстную) в подобных типах? Это может зависеть от разных факторов, например от грамматических и семантических ограничений. Так, НЕд. с суф. *-тель*, обозначающие «предмет» (особенно термины орудий действия), образуются, как правило, только от переходных глаголов [77], в то время как НЕд. со значением «лицо»

---

[76] Ср. данные Слов. Уш., отражающие языковые тенденции 20—30-х годов: «Смеситель, -я, м. (тех.) 1. Машина для приготовления каких-н. смесей. 2. Часть механизма, прибор, в котором происходит смешение каких-н. веществ»; «Глушитель, -я, м. 1. Особое приспособление для ослабления силы звука резко стучащего или шумящего мотора, двигателя (тех.). 2. Тот, кто глушит, подавляет какие-н. стремления; реакционер (публиц., ритор.)»; «Указатель, -я, м. 1. Приспособление, служащее для указания чего-н.: надпись, веха, стрелка и т. п.»; «Выключатель, -я, м. (тех.) Приспособление для выключения и включения электрического тока». Как видно, имена лиц — наименований по роду занятий словарем не отмечены.

[77] См. об этом подробно: *Виноградов В. В.* Русский язык. . .

могут мотивироваться и переходными и непереходными глаголами, ср. такие слова, как *мечтатель*, *соглашатель*, которые не могут обозначать орудие, механизм и проч.

Таким ограничителем может быть и семантика производящей основы. Например, от глаголов, обозначающих чувства, состояние, некоторые действия человека, также нельзя ожидать производных со значением «механизм», ср.: *любитель*, *нарушитель*, *испытатель*, *водитель*, *строитель* и т. п., например: Инспектор ГАИ В. Коршунов принимает сигнал с соседнего поста по рации. Сейчас *нарушитель* будет остановлен (За безопасность движения, 1972, № 11); Володя Ипатов, штатный *испытатель* Волжского автозавода. . . вел нашу «Ниву» (Юность, 1977, № 10); О том, как встречают калужане *любителей автопутешествий*, наш корреспондент попросил рассказать начальника ГАИ УВД Калужского Облисполкома (За безопасность движения, 1975, № 12).

В рассматриваемой сфере лексики используется омоним — наименование *любитель* в значении «шофер-непрофессионал» (сокращение сложных образований *автомотолюбитель — автолюбитель*) как отражение известного противопоставления «профессионал — любитель», свойственного разным сферам современной жизни (деятельности) — в спорте, музыке и т. д., например: Увеличение числа ДТП. . . возникло из-за недисциплинированности автолюбителей. Среди водителей-профессионалов роста числа ДТП не наблюдается. Поэтому управление ГАИ придает особое значение пропаганде безопасности движения среди *автолюбителей* (За безопасность движения, 1979, № 2); *Автолюбитель*. Водитель автомобиля, не являющийся профессионалом и имеющий удостоверение *шофера-любителя* на право управления автомобилем (НСЗ-71); Какие автомобили и мотоциклы, сконструированные и построенные *любителями*, заняли почетные места в нашем автосалоне 1966 года? (там же).

Сравнительно недавно утвердившееся слово *водитель*, ставшее теперь наряду с *шофером* официальным названием [78], также, по-видимому (пока!), не может иметь «предметного» значения, хотя *автошофер* уже «почти» появился [79]. Видимо, в последнем случае затемненность

[78] Об истории вхождения этого наименования см.: Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 126.

[79] Ср.: Все специалисты единодушны в своих прогнозах: если мы хотим, чтобы автомобили быстро ездили, а не ползли, нужно

мотивировки (что обычно свойственно заимствованиям) разрешает такое сочетание (ср.: «автоматический шофер»), тогда как у слова *водитель* ограничителем выступает формально-семантическая структура. В современном языке встречается образование *автоводитель* со значением лица, где *авто* (автомобильный) выступает семантическим уточнителем, а не «транспозитором» значения, ср.: Они, комсомольцы, имея права *автоводителей*, добросовестно работали в дружном коллективе автохозяйства (Правда, 1965, 12 окт. — ЛК).

К этой же группе имен с общим значением «лицо, названное по к.-либо действиям, деятельности» можно отнести и сложные имена с суф. *-тель* типа *автомобилестроитель*, *автобусостроитель* и под. Такие НЕд. характеризуются типовой семантикой и обозначают только лицо: «тот, кто строит, создает автомобили, автобусы. . . работает в области автомобилестроения. . .» Это значение связано непосредственно с основой: *строи-тель*, так как строить (пока!) может только человек.

Другие примеры сложных слов с суф. *-тель* в нашем материале свидетельствуют только о предмете (орудие, механизм, машина), что, видимо, подтверждает выводы некоторых исследователей о специализации сложных слов этой структуры именно на предметном значении [80], ср.: *снегоочиститель*, *борторасширитель*, *трассоискатель*, *пескоразбрасыватель*, *стеклоочиститель* и т. п., например: Японские изобретатели считают, что ни к чему кнопки, включающие *стеклоочиститель*. Достаточно поставить датчик влаги, и капли даже мелкого дождика приведут в действие резиновые щетки (В. Е. Демидов, Электроника четырех колес, с. 56).

В НЕд. с суф. *-щик* (*-чик*) степень «предсказуемости» значения «лицо — предмет» зависит от сходных причин. Так, в этой структурной группе тоже могут проявляться семантические ограничения, накладываемые семантикой производящей основы. Например, глаголы со значением активного действия дают преимущественно ПС — имена

передать руль в руки «*автошофера*» — аналога хорошо знакомых авиации автопилотов. . . Ученые утверждают, что с чисто технической точки зрения нет никаких препятствий к тому, чтобы в самые ближайшие годы *автошоферы* появились на борту автомашин (В. Е. Демидов, Электроника четырех колес, с. 32 и след.).

[80] Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 178.

лиц, ср.: *гонщик*, *угонщик*, *перегонщик*, *сменщик*, *обходчик* и т. п., например: Говорят, что профессия *гонщика* — рисковать (За безопасность движения, 1977, № 6); . . .традиционный автокросс на грузовых автомобилях. . . участвуют сильнейшие *автогонщики* Москвы, Рязани, Смоленска, Куйбышева, Горького и других городов (Веч. Москва, 1975, 18 февр.); Развернув свою машину, сотрудники милиции стали преследовать *угонщика* (там же, 1978, 29 нояб.).

Как правило, предметное значение не характерно для отыменных образований: *автомобильщик*, *автокарщик*, *аварийщик*, *авторезинщик* и др.

В материалах представлены отглагольные имена, семантика которых двупланова, ср.: *загрузчик*, *заправщик*, *погрузчик*, *счетчик*, *утрамбовщик*, *сцепщик* и т. п. Такие НЕд., выражающие предметное значение, стали, как правило, использоваться с разными «уточнителями», конкретизирующими значение. Наиболее распространены аналитические прилагательные типа *электро-*, *авто-*, например: *автозаправщик*, *автозагрузчик*, *электропогрузчик*; могут использоваться и полные прилагательные — *передвижной разгрузчик*, *универсальный загрузчик* и т. п., например: Ему, совхозному агроному, надо оперативно решать многие вопросы: где сосредоточить посевные агрегаты, на какую глубину заделывать семена, сколько выделить на их подвозку *автозаправщиков*? (Сельская жизнь, 1967, 26 мая — ЛК); Бюро по трудоустройству приглашает на работу на автомобильном заводе. . . водителей *электропогрузчиков*. . . (Веч. Москва, 1978, 6 янв.); Сотрудники Рижского ГСКБ по машинам для ферм крупного рогатого скота разработали новый *универсальный загрузчик* (Сельская жизнь, 1967, 10 февр.— НСЗ-71).

Показательно параллельное использование слова *регулировщик* для обозначения постового милиционера и для названия светофора: Пешеходам разрешается переходить проезжую часть за спиной *регулировщика*. . . Положение *регулировщика* с вытянутой вперед правой рукой на перекрестке имеет для водителей следующее значение. . . (За безопасность движения, 1974, № 3, с. 11); Блестяще работает *авторегулировщик* (телепередача о новых видах светофоров 28 сент. 1976 г.); Общие рекомендации. . . 9. Всегда проезжать перекресток следует, лишь убедившись в полной безопасности. . . даже при разрешающих

его выполнение сигналах светофора или *регулировщика* (За безопасность движения, 1980, № 11).

Предметное значение, как правило, имеют и сложные имена типа *асфальтоукладчик*, *бензозаправщик*, *снегопогрузчик* и т. п.: В две смены действуют *снегопогрузчики*, *пескоразбрасыватели* и другие механизмы (Веч. Москва, 1978, 6 янв); Неприхотливые и неприметные в ряду могучих машин нашего века, они стали гибким звеном транспортного конвейера страны. Эти машины — *автопогрузчики* (Наука и жизнь, 1968, № 7).

Интересный пример «приращения смысла» в отдельном слове как отражение идиоматичности значения самой модели: при соединении с основами, называющими реалии, лишенные возможности «уменьшаться», суффиксы *-ик*, *-чик*, *-ок*, *-онок* сообщают именам эмоционально-оценочное значение, экспрессию «ласкательности», ср.: *уазик*, *фиатик*, *москвичок*, *жигуленок* и под., например: Мы сели в редакционный «*Жигуленок*», чтобы отправиться по указанным адресам (За безопасность движения, 1979, № 2); Накануне выпал снег, прикрыл все ухабы и выбоины белым гримом. Но стоило «*уазику*» влезть в раскисшую колею, как началось. . . поскольку в такую распутицу проехать в Звездный на БАМе в состоянии только УАЗ (За рулем, 1977, № 9, с. 5); Основой стала предыдущая модель ЛуАЗ-969. У нового автомобиля более мощный, 40-сильный двигатель и высокие эксплуатационные данные: новорожденный «*луазик*» может работать при температуре воздуха от плюс 45 до минус 35 градусов Цельсия (Неделя, 1975, 26 июня). Несмотря на невозможность здесь иной интерпретации реального значения, кроме как «ласкательного», в этих словах возникает «эффект присутствия» значения уменьшительности.

Казалось бы, модель, представленная основой, обозначающей «предметы, лишенные способности уменьшаться», и суффиксом с уменьшительно-ласкательным значением, должна выражать лишь значение стилистической модификации. Однако в данном случае в семантике производных появляется определенное «приращение смысла». Подобные образования выстраиваются в открытый ряд и позволяют вывести следующую зависимость: если в левой части структуры — основа, называющая марку автомобиля, а в правой части — суффикс с уменьшительно-ласкательным значением (*-ик*, *-ок*, *-онок*), то общее значение таких структур всегда одно и то же: «разновид-

ность автомобиля небольшого размера». В этом значении отражается сложное взаимодействие, переплетение семантики аффикса и основы: модель действует лишь в том случае, если производящая основа обозначает «автомобиль небольшого размера, малолитражный» и т. п. (ср. отсутствие аналогичных примеров с основами типа *МАЗ*, *БелАЗ*, называющих многотонные грузовики).

Абсолютная предсказуемость значения конкретных ПС этой модели ограничивается, однако, затемненностью «внутренней формы», семантики производящих основ (аббревиатур или собственных имен типа *РАФ*, *УАЗ*, *Форд*, *Фиат*), что связано уже с внеязыковыми факторами (непосредственным знанием реалий и пр.). Эта словообразовательная модель, сложившаяся в последние десятилетия на основе удачного образца — образования *газик* от аббревиатуры *ГАЗ* и обусловленная воздействием внеязыковых факторов (развитием автомобилестроения), в семантическом отношении представляет своеобразный пример нарушения принципа «сложения смыслов», отмечаемого в ряде случаев среди ПС [81]. Вот еще несколько примеров таких образований: Сегодня заканчиваются городские испытания микроавтобуса «РАФ-222». . . На снимке новый «*Рафик*» на линии (Веч. Москва, 1972, 17 марта — ВК); Мы вышли к машине. Новый «*уазик*» теперь возил начальника строительства (Юность, 1977, № 9); Молодой журналист Кирпичев получил задание сделать портретный очерк о чабане. . . К вечеру на совхозном «*УАЗике*» Кирпичев выехал на задание (Лит. газета, 1978, 5 окт.) [82].

Суф. *-ость* остается в наши дни одним из наиболее продуктивных выразителей отвлеченного значения свойства, качества, состояния в разных сферах современного языка [83]. Группа имен на *-ость* не представляет единства

---

[81] Ср. примеры типа *лиса—лисица*, *дождь—дождик*, *гвоздь—гвоздик*, приводимые в кн.: Языковая номинация (Виды наименований), с. 272. См. также Грамматику 1952, т. 1, с. 267; *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.

[82] Вопросы, связанные с превращением номенклатурных образований в слово и их орфографическим оформлением, здесь не рассматриваются.

[83] Так, отмечается активность этой словообразовательной модели в «языке науки»: «Самый многочисленный ряд наименований отвлеченного признака в специальных сферах создается посредством суф. *-ость*. Словообразовательные модели с суф. *-ость* принадлежат

производящей базы, с чем связаны и некоторые различия в семантике этих отвлеченных существительных. Здесь следует прежде всего выделить отглагольные и отадъективные образования.

Отглагольные имена «обычно обозначают изменчивый, количественно измеряемый признак (ср. возможность их сочетаться с прилагательными *высокий*, *низкий*)» [84]. В нашем материале это имена типа *видимость*, *ходимость*, *проходимость*, *смерзаемость* и т. п., ср.: Не следует полагаться на то, что дорога сухая, *обзорность* пути и *видимость* отличные (За безопасность движения, 1972, № 4); Проблема номер один на транспорте — борьба со *смерзаемостью* грузов (Моделист-конструктор, 1976, № 12); Опыт работы показывает, что для централизованных перевозок необходимо планировать поставки автомобилей с повышенной *проходимостью* (Концентрация автомобильного транспорта — надежный фактор повышения эффективности его использования. Тезисы науч.-тех. совещания. Минск, 1978, с. 19).

Следует заметить, что многие имена на *-мость* допускают различные точки зрения на непосредственно производящие их основы (глагол, причастие, прилагательное) [85]. В данном случае нам важно не столько определение формально-семантической мотивированности, сколько сам факт их активного существования. Имеющийся материал определенным образом подтверждает замечание В. В. Виноградова о том, что «этот тип образований (слова на *-мость*. — *Е. Г.*) очень распространен в специально-технических диалектах и все больше и больше прививается к современному литературному языку» [86]. Вот еще несколько примеров из области автолексики: В связи с по-

---

к категории регулярных, поскольку появление производящего (прилагательного или причастия) регулярно создает потенциальную возможность для появления производного, т. е. наименования качества, названного прилагательным (причастием), в отвлечении» (*Даниленко В. П.* Указ. соч., с. 136).

[84] Грамматика 1970, с. 73.

[85] Ср.: Грамматика 1952—1954, Грамматика 1970; см. также: *Тихонов А. Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971; *Низинская В. А.* К вопросу о словообразовательной структуре существительных на *-мость* в аспекте статуса причастий в словообразовательной системе. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, I. Ташкент, 1975.

[86] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 127; см. также: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.

ступлением в эксплуатацию автобусов большой *вместимости* (Икарус, ЛиАЗ-677). . . утверждаются новые тарифы. . . Плата за пользование автобусами общего типа взимается в зависимости от марки и общей *вместимости* (Применение тарифов и совершенствование сбора проездной платы на пассажирском автомобильном транспорте. М., 1978, с. 5); Создаются условия для нормальной *наполняемости* автобусов. . . Уменьшилась частота *сменяемости* пассажиров на маршрутах (там же, с. 7); Он как-то не очень верил в высокую *проходимость* «Нив». . . и наконец сказал: «А нельзя ли поехать на этой машине за город и посмотреть ее в деле? (Юность, 1977, № 10); «Наша задача — проверить *ходимость* машины», — поясняет руководитель испытаний (там же). Подобные примеры встречаются, как видим, в различных текстах — от специальной до художественной литературы, что свидетельствует об их широкой распространенности.

Многочисленную группу составляют образования на *-ость* от имен прилагательных разных структурных и семантических типов. В нашем материале представлены преимущественно имена, образованные от отсубстантивных прилагательных, обозначающие «признак, определяемый наличием того, что названо мотивирующей основой»: *комплектность*, *комфортабельность*, *безопасность*, *надежность*, *обзорность*, *аварийность*, *классность*, *дымность*, *конкурентоспособность*, *износостойкость* и т. п., например: Ответственность за сохранность и *комплектность* автомобиля, поступившего на станцию, несет станция (За безопасность движения, 1974, № 11); Вот примерный перечень тем: Обеспечение *безопасности* и *комфортабельности* перевозки пассажиров; Разброс и анализ дорожно-транспортных происшествий (там же, 1972, № 2); Высокие скорости, которые доступны «Москвичу», требуют от автомобиля большей *надежности* (там же, № 10); Не следует полагаться на то, что дорога сухая, *обзорность* пути и *видимость* отличные (там же, 1972, № 4); Будут продолжены работы по дальнейшему улучшению качества и *конкурентоспособности* автомашин (Изв., 1972, 15 дек.); Кроме основных, участникам конкурса начисляются дополнительные баллы: а) за повышение *классности*, общеобразовательного и технического уровня. . . (За безопасность движения, 1972, № 4); Учитывается и *дальность* проезда пассажиров. . . (Применение тарифов. . . и совершенствование сбора проездной платы на пассажирском автомобиль-

ном транспорте, с. 6); *Аварийность* на легковом автотранспорте в городе вообще необоснованно высока (Веч. Москва, 1978, 10 марта). Некоторые из приведенных примеров выражают и более конкретное значение: «Определенный признак, проявляющийся в той или иной степени», например: *аварийность* → «высокая — низкая», *обзорность* → «плохая — хорошая».

Тенденция у отадъективных имен на *-ость* выражать «степень признака» уже отмечалась исследователями, что связывалось, в частности, с особенностями семантики производящего прилагательного, имеющего «положительную степень к.-либо качества» (ср. *надежность*, *классность*) [87].

Эту способность приобретают, однако, имена на *-ость*, образованные от прилагательных разной семантики (см. примеры выше). По-видимому, существенное влияние здесь оказывают отглагольные образования, обозначение «измеряющегося признака» у которых обычно и закономерно, ср.: Он обладает высокой скоростью, *маневренностью*, в эксплуатации прост и безопасен (За безопасность движения, 1972, № 10); С наступлением зимы снижается *маневренность* автомобилей (там же); В решениях XXV съезда КПСС особое внимание уделено мероприятиям по предотвращению *загазованности* наших городов. . . (Опыт эксплуатации транспортных средств с прогрессивными двигателями и охрана воздушного бассейна города. Л., 1978, с. 26); Выявлено более тысячи автомобилей с повышенным выбросом вредных веществ. . . это повышает *задымленность* отработавшими газами. . . Самым эффективным способом уменьшения *токсичности* веществ и *дымности* в атмосфере является содержание машин в исправном техническом состоянии. . . При проведении годовых осмотров все автомобили подвергаются проверке на содержание *токсичности* и *дымности* ОГ (там же, с. 15, 25 и др.) Примеры использования подобных имен в одном ряду, с одними и теми же определениями (ср.: «хорошая — плохая» *видимость — обзорность*, «высокая — низкая» *задымленность — дымность* и т. п.) свидетельствуют о их семантической близости, что делает традиционное разграничение их по производящим основам в значительной степени формальным.

---

[87] См.: *Даниленко В. П.* Указ. соч., с. 137—138, а также Грамматику 1970.

В имеющемся материале широко представлено образование *рядность*, относящееся к группе «необычных» имен на *-ость*, которые «не подходят полностью под схему словообразовательной модели существительных на *-ость*» [88]. Формально и семантически они не соотносятся с прилагательным (которого может вообще не быть, как в нашем случае), а возникают на основе сложений со связанным вторым компонентом типа *однорядный*, *двухрядный* и т. п., ср.: Движение транспорта по Крымскому мосту осуществляется на шести полосах. Водитель должен помнить о *трехрядном* движении в каждом направлении. . . Останавливайте водителей, превышающих скорость, нарушающих *рядность* движения (За безопасность движения, 1972, № 2). Многие подобные образования покидают «место рождения» и, сохраняя некоторый оттенок «нелитературности», выходя за рамки специальных сфер речи, становятся общеизвестными и широкоупотребительными. Так, *рядность* ежедневно в прямом смысле слова «бросается в глаза» каждому внимательному пешеходу и водителю в виде, например, надписи на борту грузовиков: «Соблюдайте рядность!»

Тип аффиксальных номинаций был распространен уже в начале XX в., на заре становления автомобильной лексики. Первые же номера журнала «Автомобиль» (1902) содержат следующие примеры: Год первый. Еженедельно по четвергам. Единственный в России орган *автомобилизма* «Автомобиль. . . Редакция журнала «Автомобиль» покорнейше просит своих читателей сообщить ей адреса еще неизвестных ей *автомобилистов*. . Мысль издавать специальный журнал в России, где *автомобилистов* считают десятками, может показаться довольно странной и неудачной. . . Мы решили высылать наш журнал всем лицам, имеющим автомобили, в пределах России бесплатно. . . Путем постепенного сближения всех русских *мотористов* и выяснения общих нужд. . . может выработаться широкий и правильный путь, по которому неудержимо пойдет вперед дело русского *автомобилизма*».

При наименовании лиц для этого периода характерно преимущественное использование суф. *-ист*. Возможно,

---

[88] См. подробнее: *Даниленко В. П., Хохлачева В. Н.* О словах типа *этажность* (соотношение общелитературного и терминологического словообразования). — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966.

это были прямые заимствования или создания по типу иноязычных (французских) образцов. Однако об их укреплении в системе русского языка свидетельствуют легко возникающие женские параллели (с продуктивным суф. *-ка*), ср.: Известная *велосипедистка* г-жа N, по слухам, в настоящем сезоне перейдет в разряд *автомобилисток* (Автомобиль, 1902, № 4).

Для наименования «предметов» (деталей механизма, частей автомобиля и проч.) широко использовался суф. *-тель*. Вот ряд примеров из разных номеров журнала «Автомобиль» за 1902 г.: Главной особенностью бензинового двигателя является устройство и действие карбюратора, клапанов и *зажигателя*; Сжатая в камере взрывчатая смесь взрывается *зажигателем*. . . Вырвавшись из отверстия клапана, газы идут в *глушитель*, уменьшающий шум при вырывании их в атмосферу (№ 1, 7); Является вопрос: нельзя ли переменный ток преобразовать в постоянный? . . Для того, чтобы *выпрямить* (курсив в тексте. — *Е. Г.*) переменный ток, Грец в своих опытах пользовался в качестве *выпрямителя* сосудом, наполненным раствором серной кислоты. . . Надо иметь 4 *выпрямителя*» (там же, с. 36); Зажигание взрывчатой смеси исключительно электрической искрой. . . Свечи с общепринятой величиной нарезки. *Прерыватели* большей частью типа «N» [89]; Пропуская через *прерыватель* постоянный ток, мы замечаем, что число прерываний больше, когда платиновая проволока является анодом. . . Чтобы объяснить себе действие *выпрямителя*, надо рассмотреть действие так называемого венельтовского *прерывателя*, который по принципу совершенно схож с *выпрямителем* и может даже исполнять его роль (№ 4, с. 34); ср. также: Моментальную остановку двигателя обеспечивает *размыкатель* тока, помещенный в ручке руля велосипеда. Второй *прерыватель* (штепсель) находится на верхней трубе рамы (№ 2, с. 18).

Наименования, созданные с помощью других суффиксов, встречаются реже; ср., например: Смазка производится масленкой с *капельником* (Автомобиль, 1902, № 7,

---

[89] Характерно параллельное использование слов *зажигатель* и *свеча*: *Свечи*, служащие в бензиновых двигателях для зажигания взрывчатой смеси электрической искрой, подвергаются сильным колебаниям температуры; Сжатая в камере взрывчатая смесь взрывается *зажигателем* и расширяется и удаляется из цилиндра через выпускной клапан.

с. 62); Устройство алюминиевого выпрямителя показано на чертеже. . . *в* — дубовая крышка, сквозь которую пропущена трубка свинцового *холодильника*. . . *е* — кронштейн, поддерживающий *змеевик холодильника* (№ 4, с. 32).

Наряду с суф. *-тель* для образования производных слов широко использовался в начале XX в. и суф. *-ка*. С этим многозначным формантом представлены разнообразные типы имен. Прежде всего выделяются имена, называющие виды и типы самодвижущихся экипажей. На основании достаточно продолжительных испытаний из трех типов моторов — *четырехколески*, *трех-* и *двухколески* — только последнему можно предсказать широкое распространение (№ 5, с. 42); *Двухколеске* пришлось ждать, пока трицикл вынес на себе всю тяжесть предварительных опытов и как промежуточный тип уступил ей место. . . За последнее время, когда стали ставить более сильные моторы с пуском в ход на месте, естественно явилась возможность уничтожить педали, но в таком виде от квадрицикла до более удобной *вуатюретки* был уже один шаг. *Трехколеска*, уступая во многом *двухколеске* и имея за собой только несколько большую устойчивость, также отошла на второй план (там же); Мотоциклы на манеже. . . Стартовали г. Сэн на трицикле и г. Фокин на *двухколесном моторе*. . . *Двухколеска* г. Фокина снабжена двигателем в $1^1/_2$ лошад. силы (№ 4, с. 29).

Подобные образования на *-ка* могли появиться в языке двумя путями: из словосочетаний типа *двухколесный мотор* → *двухколеска* или как словообразовательные кальки слов *бицикл*, *квадрицикл* и т. п. Характерны существительные, возникшие по этому образцу, типа *шестиместка*, *многоместка*: Объявления. *Многоместки*, триплеты и квадруплеты продаются недорого (Автомобиль, 1902, № 4, с. 30). Об активности суф. *-ка* говорят и такие образования с заимствованной основой, как *мотоциклетка*, *моторетка*, *вуатюретка*: Электрической энергией пользуются и в бензиновых автомобилях, начиная от *мотоциклеток* и кончая омнибусами. . . В Париже на велодроме. . . состоялась гонка *мотоциклеток* (двухколесных моторов) на дистанцию 25 километров (там же, с. 38); ср. также: На рис. 83 мы видим *моторетку*, которой может управлять и безрукий инвалид (История техники. II. Пути и средства сообщения. М.—Л., 1926, с. 103).

Продуктивный тип ПС в современном языке составляют сложные и сложносокращенные слова, т. е. наименования, имеющие более чем одну мотивирующую основу [90]. Степень «предсказуемости» значения конкретного слова здесь выше сравнительно с суффиксальными ПС, так как семантика производящих основ, естественно, конкретнее семантики аффиксов. Отмечая тот факт, что «сложное слово уже указывает своей структурой, между какими предметами мысли устанавливаются те или иные отношения», некоторые исследователи развивают мысль о меньшей регулярности этого типа наименований по сравнению с аффиксацией. Так, Е. С. Кубрякова пишет: «Словосложению присущ менее стандартный характер; единству структурных признаков модели не препятствует больший разброс значений у сложных слов, реализующих эту модель» [91]. Ср. также: «Способ мотивации при словосложении обратен тому, что используется при суффиксации: посредством уточнения одной основы другою нечто называемое выделяется из класса предметов, а не включается в него» [92]. Это замечание справедливо в том смысле, что следует различать «предсказуемость» значения на уровне модели и на уровне конкретного слова, и не противоречит тому, что значение НЕд., выраженной сложным словом, весьма конкретно.

В нашем материале представлены разные типы сложных и сложносокращенных слов. Так, широко используются сложения с «подчинительным отношением основ», где опорные компоненты — существительные (простые или суффиксальные), а первая часть представляет собой основу «уточнительного, конкретизирующего характера» [93], ср.: *пассажиропоток*, *грузопоток*, *грузотакси*, *газоанализатор*, *микроавтомобиль*, *микроавтобус*, *таксопарк*, *минитакси*, *мини-электромобиль*» и др.[94], например: Все, кто

---

[90] В литературе уже отмечалась активность этого типа ПС, обусловленная рядом причин, и прежде всего их большей «мотивированностью»: «. . .они сохраняют отчетливо мотивированную семантическую членимость» (*Шмелев Д. И.* Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М., 1977, с. 112).

[91] Языковая номинация (Виды наименований), с. 285.

[92] Там же, с. 286.

[93] Определение значений аффиксов, словообразовательных типов и проч. дается в нашем тексте по Грамматике 1970.

[94] Возможно, что некоторые из приведенных и подобных примеров, особенно с интернациональными первыми компонентами, —

придет на стадион, увидят парад сводной колонны, показ гоночных автомобилей. . . гонки на *микроавтомобилях* «Карт» (Веч. Москва, 1966, 1 окт.); Объем перевозок автомобильным транспортом возрастает с каждым годом. Это, естественно, приводит к значительному увеличению *грузопотоков* (За безопасность движения, 1972, № 11); ср.: Во втором пятилетии СССР делает огромный шаг вперед по линии автомобилизации страны. Удельный вес *автотранспорта* в сумме *авто-* и *гужетранспорта* возрастает до 50—55% (Второй пятилетний план развития н/х. Союза ССР — ЛК).

Приведем несколько примеров с компонентом *электро-*: Только после Великой Октябрьской революции в Советском Союзе *электротранспорт* получил полное признание и ныне широко применяется в городском хозяйстве (А. Исаев, От самобеглой коляски. . ., с. 40); По направляющим из металлической фольги, проложенным в цехе, разъезжает автоматически управляемый крохотный *электротягач* с прицепом-тележкой (Комс. правда, 1977, 23 янв.); Наиболее перспективными представляются *электроавтомобили*, имеющие двойную систему электропитания; к таким *электромобилям* могут быть отнесены. . . (Опыт эксплуатации транспортных средств с прогрессивными двигателями и охрана воздушного бассейна города. Л., 1978, с. 63).

Характерно использование как дублетных слов *электроавтомобиль* и *электромобиль*, последнее было известно уже в начале XX в., ср.: Патент — на первый *электромобиль* был выдан в России П. Н. Яблочкову в 1895 г. . . . (Очерки истории техники в России (1861—1917), т. 2. М., 1975, с. 119); Действующие *электромобили* и *электробусы* системы Романова демонстрировались публично в Петербурге в 1899 г. (там же, с. 7; ср. название статьи И. В. Романова «*Электромобили* в С. Петербурге» в «Техническом сборнике и вестнике промышленности» за 1899 г., № 10). Слова типа *электромобиль*, *электробус* получили свое второе рождение в наши дни, ср.: Испытывается *электробус*. Сегодня на Дмитровский полигон отправились

продукт заимствования. «Во многих случаях. . . трудно решить вопрос, заимствовано ли данное слово или образовано в литературном языке и лишь совпало со словом в другой языковой системе. . . Обе эти возможности могут совпадать, и именно такие случаи теоретически наиболее интересны» (Русский язык и советское общество. Проспект, с. 39).

четыре *электромобиля. . . Электрогрузовики* и *электробусы*, которые со временем сменят автомобили, позволят значительно снизить загрязнение воздушной среды (Веч. Москва, 1978, 4 мая).

Сложные слова с компонентами *электро*, *мото*$_1$ (мотоцикл, мотоциклетный), *мото*$_2$ (мотор, моторизованный) и под., представляющими усеченные основы существительного или прилагательного, являются разновидностью рассматриваемого типа сложений.

Наиболее многочисленную группу в этом структурном подтипе составляют имена с компонентом *авто-*. Для удобства будем их рассматривать в кругу сложных слов, хотя такие НЕд. можно считать комплексными, составными наименованиями (СН), так как элемент *авто-* можно отнести к разряду «аналитических прилагательных» [95]. Слова с *авто* распадаются на две группы — компонент *авто*$_1$ — соответствующий по значению существительному *автомобиль*, прилагательному *автомобильный* (и представляющий усеченную основу этих слов) и *авто*$_2$ — соответствующий по значению прилагательному *автоматический* (и представляющий усеченную основу этого слова).

Семантика имен с этими элементами обладает слабой степенью предсказуемости по ряду причин. Однако можно выявить ряд характерных закономерностей. Степень предсказуемости конкретного значения НЕд. прежде всего зависит от характера семантики основы, представляющей опорный компонент. Так, имена лиц типа *конструктор*, *инспектор*, *гонщик*, *строитель*, *герой* и др. могут соединяться только с компонентом *авто*$_1$, ср.: Поскольку новая роль автомобильных «мини-ЭВМ» сопровождается многими полезными эффектами, она привлекла внимание *автоконструкторов* (В. Е. Демидов, Электроника четырех колес, с. 45); Дежурный по отделению тут же вызвал *автопатруль* (За безопасность движения, 1975, № 11).

Продуктивность элемента *авто*$_1$ создает в современном языке открытый ряд имен; легко возникают окказиональные, индивидуальные образования — *автохулиган*, *автогерой* и т. п., например: Даже в те отдаленные времена и у нас уже были *автогерои* (А. Злобин, Генеральный директор. — Знамя, 1978, № 1).

---

[95] См. об этом: *Панов М. В.* О частях речи в русском языке. — НДВШ, Филолог. науки, 1960, № 4; Русский язык и советское общество. Проспект.

Таким образом, только с *авто*$_1$ соединяются отсубстантивные и отглагольные имена, которые по своей семантической природе не могут обозначать неодушевленные предметы, так как отражают такие понятия, как «интеллект», «опыт», «совесть», «долг» и т. п., свойственные только «лицу».

Авто$_1$ может соединяться с очень широким кругом основ, так как выражает лишь общее значение «относящийся к автомобилю» [96], ср.: Этим летом, сорок четыре года спустя, с того же места и по тому же маршруту стартовала *автоэкспедиция*, организованная журналом «За рулем» при содействии Волжского *автозавода* (Юность, 1977, № 10); Середина лета, разгар отпусков и соответственно — *автопутешествий* (За безопасность движения, 1975, № 7—8); В целом по стране в первом квартале 1977 года произведено: электроэнергии — 307 миллиардов киловатт-часов; нефти (включая газовый конденсат) — 132 миллиона тонн. . . *автопокрышек* — 14,4 миллиона штук. . . (Комс. правда. 1977, 24 апр.); Для тех, кому пока незнакомо слово «*авторалли*», сообщаем: это спортивные соревнования автомобилистов на регулярность, четкость, организованность движения. . . (Веч. Ленинград, 1967, 6 мая — НСЗ-71); О некоторых эпизодах каракумского пробега рассказала его участница, водитель таксомоторного парка № 5 З. Баранова, о первых соревнованиях по *автокроссу* на грузовиках поделился воспоминаниями ветеран *автоспорта* В. Неровнов (За безопасность движения, 1979, № 2); Генеральный директор производственного объединения «Мосавтотехобслуживание». . . рассказал о том, что представляет собой сегодня и каким будет завтра *автосервис* столицы (там же); За шесть месяцев 1977 года Московский городской Совет ВДОАМ открыл в столице для *автолюбителей* целый ряд *автостоянок*, всего на 2450 машин (там же, 1977, № 9); Покупайте *автоприцеп* СКИФ! (реклама телепередачи 28 сент. 1976 г.).

Прозрачность мотивированности, степень предсказуемости лексического значения таких конкретных сложений в первую очередь зависят от семантической структуры присоединяющегося слова («опорного компонента»). Что, например, означает новое образование *автопоезд*? Ср.:

[96] То есть выступает как эквивалент прилагательного *автомобильный*, которое относится к так называемым синтаксическим дериватам. Подробнее о специфике семантики таких образований см. в кн.: *Земская Е. А.* Указ. соч., с. 187 и след.

Автопоезда для подвозки топлива. . . заменили сотню одиночных бензовозов марки ГАЗ-51 (Правда, 1973, 8 мая); В отделе главного конструктора Кутаисского автозавода имени С. Орджоникидзе создана новая машина — двухосный *автопоезд* «КАЗ-4430» с повышенной тягой (Правда, 1974, 3 июня); Подвел полтовчан Калиновский машиностроительный завод. . . На перерабатывающие предприятия и свекловичные пункты области он должен был поставить несколько десятков удлиненных бортоукладочных машин для разгрузки мощных *автопоездов*. . . (Правда, 1978, 6 сент.).

Основываясь на одном из значений многозначного слова *поезд* [97], можно предположить, что *автопоезд* — «ряд автомобилей, следующих друг за другом. . .» Однако, как видим, новое слово имеет другое значение. По-видимому, эта НЕд. позникла путем семантического переосмысления: мощные машины с прицепами (ср. «поезд» — состав из сцепленных вагонов) выполняют в значительной степени функции поезда (по грузоподъемности), например: Сейчас в угольных карьерах проходят последние государственные испытания 75-тонный самосвал и 120-тонный *автопоезд* (Лит. газета, 1976, 31 марта) [98]. Кроме того, значение «колонна автомашин, идущих друг за другом» уже выражено другим словом — «автокараван» (НСЗ-71), ср.: Вот идет целый *автокараван* с лесом, предназначенным для далекого совхоза (Сов. Россия, 1967, 26 дек. — ЛК). К типу неоднозначных сложных имен (из-за полисемантичности второго компонента) относятся и такие, как *автогрейдер*, *автозаправщик*, *автосалон*, *автоветеран* и др.

Усеченный компонент *авто* легко соединяется с «опорным компонентом» *град* (традиционно распространенным неполногласным вариантом существительного *город*), ср., например: Город Тольятти называют *автоградом*. Такой «титул» ему присвоила всесоюзная ударная комсомольская стройка — Волжский автомобильный завод (Комс. правда, 1974, 30 мая); *Автоград* на Каме — город На-

[97] Ср.: «Поезд, -а, м. 1. Ряд экипажей, повозок, саней и т. п., следующих друг за другом в одном направлении. 2. Состав из сцепленных между собой железнодорожных вагонов, приводимый в движение паровой, тепловой или электрической тягой» (БАС).

[98] Следует сказать, что все выводы о мотивированности и специфике значения таких новообразований сделаны на основе анализа имеющегося материала, так как в словарях эти НЕд., как правило, не представлены, в НСЗ-71 отмечены лишь некоторые, ссылки на них приводятся у нас в тексте.

бережные Челны. Завод-гигант КамАЗ — дело рук молодых (Комс. правда, 1976, 31 дек.); ср.: Он комсомолец, зовут Юра Серегин. Его рационализаторские предложения дали стране больше миллиона рублей экономии. Отыскать Юру в зиловском *автогороде* довольно сложно (Комс. правда, 1967, 5 сент. — ЛК).

Среди имен этой структуры выделяется группа НЕд., где *авто* выступает как семантический заменитель и усеченная основа существительного *автомобиль*, а присоединяющиеся слова имеют определяющий, уточняющий характер и обозначают тип автомобиля: *автохолодильник*, *авторефрижератор*, *автотягач*, *автоцистерна*, *автофургон* и др. Ср. толкования в НСЗ-71: «*Автофургон*, -а, м. Грузовой автомобиль с крытым кузовом типа фургон»; «*Авторефрижератор*, -а, м. Автомобиль-холодильник»; «*Автотягач*, -а. м. Автомобиль для буксировки прицепов и полуприцепов». К этой же группе можно отнести такие наименования, как *автолавка*, *автомагазин* и др.: Министерство машиностроения. . . должно обеспечить. . . выпуск специальных автомашин, и в первую очередь для перевозки хлеба, скоропортящихся продуктов. . . а также выпуск *автокухонь*, *автобуфетов* и передвижных *автолавок*, *автомагазинов* (О мероприятиях по дальнейшему развертыванию товарооборота, окт. 1953 — ЛК), ср.: В необычной *автолавке*, которую повел в дальний рейс Павел Абрамян, нет ни промтоваров, ни продуктов. . . Дело в том, что Павел Абрамян — водитель единственного. . . передвижного зоомагазина, обслуживающего Узбекистан и другие среднеазиатские республики (Неделя, 1968, № 9 — ЛК).

Эти имена можно отнести к сложениям с сочинительным отношением основ, соотносительных с составными наименованиями типа *автомобиль-холодильник*, *автомобиль-тягач*, *автомобиль-тренажер* и т. п. Вот еще несколько характерных для наших дней примеров: Можно повернуть руль вправо или влево, сделать обгон или остановиться — специальные устройства тут же отметят на экране каждое изменение в движении *автомобиля-тренажера*. . . в последующих номерах бюллетеня мы расскажем подробно об уже существующих и успешно работающих *автотренажерах* (За безопасность движения, 1975, № 11); Пожарный *автомобиль-тягач* (АТП-543) с экипажем 4 человека заменяет 10 обычных машин (Техника — молодежи, 1976, № 11).

При помощи элемента *авто*$_1$- (характеризующегося стан-

дартностью значения) создаются сложные имена открытого ряда, так как их семантика в значительной степени складывается из «значений составляющих их компонентов» (т. е. представляют категорию «потенциальных слов»). Однако в группе имен с *авто* появляются слова с разной степенью идиоматичности, разными «приращениями смысла», например: *автовокзал*, *автостанция*, *автопавильон*, *автоэкспресс*, *автолюбитель*, *автоветеран* и др. Так, *автовокзал* — это «вокзал междугородного автобусного сообщения»; *автостанция* — «автобусная станция»; *автопавильон* — «павильон, предназначенный для пассажиров, ожидающих рейсовых автобусов»; *автоэкспресс* — «автобус, движущийся по маршруту с повышенной скоростью и сокращенным до минимума количеством остановок или без них» (НСЗ-71); *автолюбитель* — «водитель-непрофессионал»; ср.: Она, информационная служба, нужна и *автолюбителям* и водителям-профессионалам (За безопасность движения, 1977, № 9); Особо хотел бы остановиться на работе среди *автолюбителей*, число которых растет изо дня в день (там же); Талон вводится в целях усиления воспитательной работы среди *водителей-любителей* (там же, 1975, № 12).

К группе ПС с идиоматичностью значения можно, по-видимому, отнести и такие слова, как *автошкола*, *автогородки* и др., ср.: В Зеленоградском районе недавно открылась еще одна *автошкола* (За безопасность движения, 1977, № 9); Наша гордость — *автогородок* в Калуге, построенный на общественных началах. . . Предназначен для изучения Правил дорожного движения дошкольниками и учениками младших классов (там же, 1975, № 2); Кружки юных друзей Госавтоинспекции, занятия в детских *автогородках*. . . воспитывают дисциплинированных юных пешеходов (там же, № 4). Наименование *автогородок* достаточно частотно и, по-видимому, уже укрепилось в сфере автолексики именно с таким значением (ср. «детский городок»). Однако встретился пример с другой семантикой (как результат многозначности присоединяющейся основы), ср.: Стоит широко применить опыт Башкирского и Ростовского автоуправлений, которые заранее изготовляют передвижные *автогородки*, используя списанные автобусы, кузова спецмашин (Сов. Россия, 1967, 26 июня — ЛК).

Интересный пример дает существительное *автоветеран*, которое как будто уже закрепилось в языке со значением

«машина старого образца» (НСЗ-71) и не используется для обозначения лиц — ветеранов-автомобилистов: Что касается *автоветеранов*, то к параду будут допущены только способные выжать 25 километров в час. Остальные покажут себя в парке, на выставке (Неделя, 1967, № 17 — НСЗ-71); В следующее воскресенье москвичи и гости столицы будут свидетелями необычного парада машин — по улицам пройдут современные автомобили, опытные модели, серийный выпуск которых еще не налажен, и «ветераны» отечественного и зарубежного *автотранспорта* (Веч. Москва, 1966, 1 окт.); ср. также: И вот в столичном доме культуры автомобилистов собрались *ветераны автомобильного спорта* и молодежь автотранспортных предприятий Москвы. . . Почетными грамотами горкома профсоюза рабочих автомобильного транспорта и шоссейных дорог были награждены *ветераны-автомобилисты* Д. П. Великанов, Е. К. Болотников (и др.) (За безопасность движения, 1979, № 2).

В нашем материале представлены НЕд. и другого вида «чистого сложения» — со связанным опорным компонентом типа *-бус* (библиобус), *-кар* (автоэлектрокар), *-мобиль* (электромобиль), *-дром* (мотодром, автодром, кордодром). Наиболее распространены НЕд. с элементом *-дром*, который приобрел «активность и осознается как суффикс» [99]: Очень нужны для подготовки шоферов *автодромы*. Там могут быть устроены узкие улочки, тупики, переулки-лабиринты. . . (За безопасность движения, 1975, № 12); Сегодня мы публикуем чертежи и краткие технические данные модели ветерана *кордодрома* мастера спорта Владимира Карапетяна (Моделист-конструктор, 1976, № 12) [100]. Степень мотивированности и, следовательно, предсказуемости таких НЕд. достаточно высока, так как их лексическое значение складывается из значений составляющих компонентов.

В сфере автолексики используются и некоторые виды суффиксально-сложных существительных, преимущественно сложения с опорной основой глагола, например: *автомобилестроитель*, *бортораширитель*, *асфальтоук-*

[99] *Земская Е. А.* Как делаются слова. М., 1963, с. 48; см. также: Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 223—224.

[100] Ср.: «Кордодром, -а, м. Специальные площадки для проведения соревнований по кордовым (движущимся по кругу на привязи) авто- и авиамоделям» (НСЗ-71).

ладчик, *снегопогрузчик*, *пылеуплотнение*, *автомобилестроение*, *баггистроение* и др. (о специфике значения таких имен см. выше).

Наиболее продуктивны в этом типе модели со второй частью *-воз*, *-ход* (т. е. сложения с нулевым суффиксом): *панелевоз*, *рудовоз*, *бензовоз*, *автомобилевоз*, *трубовоз*, *лесовоз*, *мусоровоз*, *контейнеровоз*, *молоковоз*, *муковоз*, *минераловоз*, *сахаровоз*, *плетевоз*, *цементовоз*, *ракетовоз*, *скотовоз* и т. д.; *вездеход*, *аэроход*, *планетоход*, *зимоход*, *снеголоболотоход*, *сухоход*, *спиралеход* и т. д.

Материал свидетельствует о том, что в сфере автолексики имена с компонентом *-воз* обозначают, как правило, вид спецавтомобиля, предназначенного для перевозки того, что названо первым компонентом [101], например: Стрелы башенных кранов — сейчас главный ориентир Южного Измайлова. Машины с мебелью новоселов уступают дорогу мощным *панелевозам* — строится новый крупный микрорайон (Веч. Москва, 1978, 4 янв.); Я упросил шофера случайно подвернувшегося *бетоновоза* подбросить меня к плотине (Комс. правда, 1977, 26 февр.); Следует решить вопрос о промышленном производстве *молоковозов* со съемными молокоцистернами и тягачей с полуприцепами. *Молоковозы* должны быть оборудованы молокосчетчиками... Необходимо разработать новую конструкцию полуприцепа — *скотовоза* (Концентрация автомобильного транспорта. . . , с. 25); С созданием автобаз появилась возможность сосредоточения на них специализированных автомобилей (*балковозы*, *фермовозы*, *панелевозы* и т. д.) (там же, с. 36); Работала она в лесу грузчиком, шофером на *лесовозе* (Комс. правда, 1977, 26 окт.); Через несколько минут из ворот базы выехал автомобиль, напоминающий *контейнеровоз* (Веч. Москва, 1978, 18 февр.); В одном только Тушинском районе эксплуатируется около ста машин для вывоза отходов из домовладений. Неблизкий путь проделывают эти городские санитары. Уменьшить их количество примерно вдвое позволит внедрение большегрузного *мусоровоза* (Веч. Москва, 1978, 20 апр.); На Украине создали на базе тягача «МАЗ-504В» *автомобиль-сахаровоз*. *Сахаровозу* присвоен знак качества (Наука и жизнь, 1978, № 10). Многие подобные новообразования, которыми

---

[101] Иная семантическая связь проявляется в отдельных сложениях типа *паровоз*, *тепловоз*, которые используются в других сферах лексики современного языка.

богата автолексика, не зафиксированы современными словарями, лишь некоторые из них отмечены в НСЗ-71 [102].

Эта структурная модель традиционно выступала со значением лица, однако в современном языке она сосредоточивается на обозначении предмета (машины). Наименования лиц по такой модели приобретают стилистически сниженный, неофициальный характер; чаще для этой цели используются расчлененные номинации, словосочетания типа *водитель молоковоза*, *водитель плетевоза*, *шофер-грузовоз* и т. п.[103]

Предметное значение в ряде случаев подчеркивается, раскрывается при помощи такого известного «семантического уточнителя», как *авто*: На последней железнодорожной станции в Маките они залили питьевой водой *автомолоковоз*, взяли на всякий случай автотягач. И тронулись почти в тысячекилометровый неизведанный путь (Комс. правда, 1965, 25 апр.); На шасси грузовика «краз» высится гигантская цистерна. Это крупнейший в стране *автоцементовоз* (Строит. рабочий, 1967, 30 июня — НСЗ-71). Ср. также тождественные по значению составные наименования: Муку доставляют насыпью, без тары — *автомобили-муковозы* (Наука и жизнь, 1966, № 1); *Автомобиль-сахаровоз* (там же, 1978, № 10).

Своеобразным уточнителем может выступать и суф. *-ка*, который, кроме того, придает имени-дублету разговорно-сниженный оттенок, например: . . . баньку протопили, и Гиви — он тогда работал на *водовозке* — доверху заправил бочки водой (Юность, 1977, № 9); У деревенской околицы загудела наконец машина, он вскочил. . . под-

---

[102] «Панелевоз, -а, м. Автомобиль с низко расположенной грузовой платформой, предназначенной для перевозки панелей стен и перекрытий»; «Скотовоз, -а, м. Грузовой автомобиль с высокобортной платформой для перевозки скота»; «Муковоз, -а, м. Автомобиль с кузовом-цистерной для перевозки муки»; «Плетевоз, -а, м. Автомобиль с одним или несколькими одноосными прицепами, предназначенный для перевозки плетей. . . Плети — длинные звенья труб или рельсов, соединенные между собой путем сварки» и др. (см. НСЗ-71).

[103] Следует отметить, что эта модель при необходимости действует и в других сферах специальной лексики, ср.: На стапелях Балтийского завода имени С. Орджоникидзе по заказу норвежской фирмы строится *рудовоз* типа «Балтика». Это судно водоизмещением около 45 тысяч тонн. . . (Наука и жизнь, 1975, № 11); Отправился в рейс первый *автомобилевоз* «Жигули». . . Речной *автомобилевоз* взял курс на Саратов (Изв., 1971, 18 февр.).

хватил рюкзак за лямку и волоком потащил его к выкатившей из-за угла *молоковозке* (Веч. Москва, 1977, 28 дек.).

Имена со вторым глагольным компонентом *-ход* чаще всего обозначают средство передвижения по какой-либо поверхности, названное первой основой сложения: Горьковские политехники построили «*снегоболотоход*» (Правда, 1967, 15 янв.); К чабанам дальних летних стоянок, преодолев полосу барханов, добрался *вездеход*, груженный арбузами (Правда, 1974, 4 сент.).

В этой группе сложений представлены и другие виды семантических отношений 1-го и 2-го компонентов — *электроход*, *шагоход*, *сухоход*, ср.: В скором будущем на автокомбинате планируется открыть курсы подготовки водителей *электроходов* (За безопасность движения, 1977, № 10); Кроссовый карт-*зимоход*, новый вид спортивной техники для снежного времени года (Моделист-конструктор, 1976, № 12); Наш придуманный великан-пожарный... ходит совсем иначе, чем его собратья-*шагоходы*. . . Что дает роботу его новая походка? Проходимость аппарата чрезвычайная по сравнению с известными «шагалками» (там же); Вели платформу с грузом девять мощных тягачей. . . Вроде бы и безлюдны здешние степи, а караван постоянно сопровождала настоящая демонстрация. Люди добирались сюда за десятки километров, чтобы взглянуть на «*сухоход*» (Комс. правда, 1976, 20 дек.). Такие образования свидетельствуют о потенциальной продуктивности элемента *-ход* в современном языке, в частности в сфере автолексики. Для этих сложений характерна предсказуемость лишь общего значения: «механическое нерельсовое средство передвижения или перевозки».

Такой вид ПС, как аббревиатуры (существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, опорный компонент в которых может быть целым, неусеченным словом), представлены разными типами: 1) «инициальный тип» — *ГАИ*, *ВДОАМ*, *МКАД*, *СТО* и др.; 2) начальная часть слова с целым словом — *запчасти*, *капремонт*, *техпомощь*, *спецмашина* и др.; 3) переходные явления типа *Госавтоинспекция*, *автомотоклуб*, *автодормехбаза* и др.

С точки зрения мотивированности аббревиатуры инициального типа представляют на первый взгляд наименее мотивированные единицы. Что, например, означают *ВДОАМ*, *ПДД*, *ВИЕК* и под.? Однако большая частотность использования многих таких сокращенных наименований наряду с СН или сложными словами той же дено-

тативной соотнесенности делает их вполне понятными, эквивалентными формами. Немногие из них закрепляются в языке как НЕд. с самостоятельным идиоматичным значением.

Прежде всего общепонятность, общеупотребительность, «абсолютная мотивированность» многих аббревиатур связана с широкой известностью самих реалий, обозначаемых этими единицами, таких, например, как названия автомобильных заводов — *ЗИЛ*, *ГАЗ*, *КамАЗ*, *ВАЗ* и т. п., ср.: Такие гиганты автомобильной промышленности, как *ВАЗ*, *МАЗ*, *КамАЗ*, Харьковский тракторный завод, пользуются бензобаками, изготовленными здесь (Комс. правда, 1977, 16 янв).

Такие же имена получают и марки автомашин, выпускаемых на этих заводах, т. е. по форме — аббревиатуры, но образованные путем метонимического переноса: *ЗИЛ*, *КамАЗ*, *КрАЗ*, *ЛАЗ*, *ЛИАЗ*, *МАЗ* и т. п. [104]: Мы обязуемся ускорить создание и освоение мощностей второй очереди *КамАЗа*. . . освоить производство десятитонных автомобилей-самосвалов «*КамАЗ*» (Комс. правда, 1977, 18 янв.); Коллектив минского производственного объединения «*АвтоМАЗ*» обязался изготовить первую партию автомобилей и автопоездов нового семейства «мазов» (А. И. Рогов, Л. Н. Андурхович, К высшей производительности труда, количество и качество труда. М., 1976, с. 48); Сотрудники высотной автолаборатории Академии наук Армении завершили испытание 30-тонных *БелАЗов* в условиях высокогорья (Правда, 1975, 9 сент.); Москвичи привыкли к курсирующим по улицам города «ЛИАЗам», «Икарусам» (Веч. Москва, 1977, 5 июня); Еще тридцать лет назад во всей Белоруссии было одно небольшое авторемонтное предприятие, а сейчас в республике три крупнейших автомобильных завода, на весь мир идет слава о могучих гигантах — семействах автомобилей и автопоездов *БелАЗов* и *МАЗов* (За безопасность движения, 1974, № 10) [105].

---

[104] Здесь не рассматривается особый круг проблем, связанных с собственными именами и номенклатурными обозначениями, а также с превращением их в обычные слова (типа ГАЗ-110 → ГАЗ — газик, ЗИЛ-114 → ЗИЛы, БелАЗ-549 → БелАЗы и т. п.).

[105] Ср. данные НСЗ-71: «*Белаз*, -а, м. Многотонный грузовой автомобиль, выпускаемый Белорусским автомобильным заводом». Характерно, что другие подобные новообразования еще не зафиксированы НСЗ-71.

Широко распространены и общеизвестны такие аббревиатуры, как *ГАИ*, *ДТП*, *ПДД*. Очень часто параллельно с ними выступают и «родившие» их словосочетания (или сложные слова): Интересы любого автопредприятия выражены в желании иметь как можно меньше *ДТП* и нарушений *ПДД*. . . Вместе с сотрудником Ленинского отделения *ГАИ*. . . мы поехали в педагогический институт посмотреть, как воспитывают в будущих воспитателях наших детей уважение к *Правилам дорожного движения* (За безопасность движения, 1976, № 203); Пешеход уже не посторонний, а наравне с водителями хозяин новой, еще не узаконенной, самой длинной «улицы» города. Однако для того, чтобы пешеход стал полноправным хозяином *МКАД*, надо. . . благоустроить дорогу, осветить тротуары. . . (там же, 1975, № 12); ср. еще пример: Московская городская организация *Всероссийского добровольного общества автомотолюбителей*. . . выполнила взятые социалистические обязательства. . . была проведена эффективная работа по повышению уровня транспортной дисциплины среди членов *ВДОАМ*. . . (там же, 1979, № 2).

Многие из таких НЕд. вне контекста могут оказаться совершенно непонятными (с «нулевой мотивированностью»), ср., например, *РЭП*, *АЗС*, *КОК* и т. п.: Перед выездом на линию каждая машина еще раз тщательно проверяется членами *комиссии общественного контроля*. . . Нетерпимость к каждому случаю нарушения ПДД, объективный разбор всех обстоятельств дела — эти принципы работы *КОК* приносят положительные результаты (За безопасность движения, 1977, № 10); В январском номере за 1976 год. . . были опубликованы адреса и телефоны *автозаправочных станций* Москвы. Большое спасибо редакции за этот справочный материал, который помогает нам, водителям, ориентироваться и при необходимости быстро найти ближайшую *АЗС* (там же); Еще одной иллюстрацией «нулевой мотивированности», «загадочности» инициальных аббревиатур может служить следующий пример: Редакция получила много писем с просьбой подробнее рассказать о назначении и деятельности *РЭПов*. . . Читателей, естественно, интересует, когда откроется первый *РЭП*. Он создается при техническом и торговом центре на Варшавском шоссе. . . Подчеркиваю: *РЭПы* будут обслуживать только автомотолюбителей (там же, 1974, № 3).

Формально не выраженная мотивированность некоторых НЕд. (таких, как аббревиатура или, например,

метафорические наименования) создает возможность для их своеобразных переосмыслений, ср.: В столице появилась и другая «светофорная программа». . . Имя новых светофоров «*Изумруд*». По цвету зеленого сигнала. Впрочем, милиционеры расшифровали это название по-своему: «*ИЗУМ*ительный *Р*егулировщик *У*личного *Д*вижения». . . Мне объяснили, что в них (постовых милиционерах-регулировщиках. — *Е. Г.*) нет нужды. «Изумруд» один справляется (Ю. Крутогоров, Рассказы о нашей Москве, с. 58); Система светофоров, которая с помощью электронных машин будет распоряжаться целой тысячью столичных перекрестков, получила название «*СТАРТ*» (там же, с. 60); «*Старт*» — так сокращенно называется *с*истема *теле*автоматического *р*егулирования *т*ранспорта Москвы. . . Внедрение «*Старт*», по самым скромным подсчетам, снизит задержки транспорта примерно на 25% (Правда, 1968, 24 авг.).

Многообразные типы и виды ПС объединяет ряд общих черт, и прежде всего наличие определенной мотивированности. Следует различать «степень» (полную/неполную, частичную) и «ступенчатость» мотивированности (общую, категориальную и частную, конкретную). Первая (категориальная) проявляется на уровне словообразовательной модели, вторая (конкретная) — на уровне отдельного слова. Так, словообразовательная структура НЕд., оформленных суф. *-тель* или *-щик*, сигнализирует лишь об их общем, категориальном значении: «производитель действия», но, как правило, не сообщает кто/что (лицо или предмет) производит действие, с чем оно конкретно связано, на что направлено и т. д. Конкретное лексическое значение ПС зависит от производящей основы. Обычно оно закрепляется узусом (водитель автомашины, автобуса, троллейбуса, но не железнодорожного экспресса, самолета и т. п.), терминологией (стеклоочиститель, борторасширитель, снегопогрузчик и т. д.), проявляется в контексте, ср.: Ветровое стекло сплошь залито, нужно срочно включать «*дворники*» (В. Е. Демидов, Электроника четырех колес); Прообразы рождающейся системы «Старт» уже действуют в Москве. Москвичи, например, успели оценить эффективность дистанционного «*регулировщика*», управляющего движением на шоссе Энтузиастов (Веч. Москва, 1978, 29 сент.).

Разная «степень» мотивированности производного слова связана с такими факторами, как: 1) многозначность

производящей основы; 2) неоднозначность аффикса; 3) большая/меньшая конкретность деривационного значения словообразовательного типа; 4) характер семантики производящей основы (большая/меньшая абстрактность, обобщенность значения); 5) вид мотивирующей единицы (синтетическая — слово или аналитическая — словосочетание) и др.

Справедливо, что «специфика значения производной единицы заключается. . . в том, что в ней, в форме производящей основы, даны значения другой или других существующих в языке единиц и что поэтому значение производного может быть каким-то образом понято и объяснено через значение исходной единицы. . . Индивидуальное лексическое значение производного — это сплав лексического значения мотивирующих единиц и словообразовательного значения, переданного аффиксом или другими средствами» [106].

Мотивированность — одна из самых существенных проблем в теории номинации. Она объединяет целый ряд вопросов (которые мы здесь не затронули или коснулись лишь частично): множественность мотивации и предсказуемость значения ПС; роль словообразовательной модели в акте номинации; выбор опорного признака при назывании; факторы, обусловливающие ту или иную степень мотивированности и др. Это предмет дальнейшего исследования.

ЗАИМСТВОВАНИЯ

Наименование новых предметов, явлений, понятий посредством иноязычных, заимствованных [107] слов продолжает в наши дни оставаться действующим способом номинации [108].

Среди заимствованных слов, использующихся в сфере автолексики, можно выделить (условно) три группы: 1) «старые» заимствования (с начала XX в. до конца 30-х годов, «довоенные») — *шоссе*, *шофер*, *такси*, *таксомотор*, *мотор*, *трасса*, *автострада* и др.; 2) «новые» заим-

---

[106] *Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразование, с. 243, 245.

[107] Под заимствованиями мы понимаем только иноязычные слова, т. е. пришедшие из других языков.

[108] О разных периодах активизации и затухания этого способа номинации см.: *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

ствования (50—70-е годы) — *кемпинг*, *мотель*, *картинг*, *ралли*, *паркинг* и др.; 3) заимствованные слова, характеризующиеся широкой семантикой и употребляющиеся в разных сферах языка, — *салон*, *секция*, *манекен* и др.

Многие слова, заимствованные еще на заре развития этой лексической сферы, активно используются и в современном языке (*шоссе*, *шофер*, *такси*, *таксомотор*, *парк*, *мотоцикл*); другие оказались архаизмами, остались лишь как знаки ушедших реалий (*омнибус*, *локомобиль*, ср.: Locomobile — двухместная паровая коляска. . . Очень изящна и на ходу совершенно не шумит. — Автомобиль, 1903, № 1).

Уже в первые годы издания в журн. «Автомобиль» (1902—1903) встречаются такие, например, заимствования: «Наш журнал может быть полезен и интересен как для опытных *шоффёров*, так и для новичков» [109]; «Продается автомобиль. Коляска с *мотором*». Слово *мотор* наряду со значением «двигатель» в те годы активно проявляет и значение «весь самодвижущийся экипаж», ср.: «Напрокат желаю взять двухместный четырехколесный *мотор*»; «Одной из наиболее крупных новинок предстоящего сезона будет, несомненно, появление двухколесных *моторов*». Ср. характерный комментарий в самом журнале: Под словом «мотор» мы подразумеваем, конечно, не двигатель, а весь самодвижущийся экипаж. . . (Автомобиль, 1902, № 3) [110].

Можно привести также некоторые названия частей механизма, деталей автомобиля и т. п., сохранившиеся и употребляющиеся в наши дни: Несмотря на большое количество различных систем *карбюраторов*, т. е. приборов, в которых получается газообразная смесь паров бензина с воздухом, их можно разделить на две главные группы по методу образования взрывчатой смеси. . . Первую группу составляют *карбюраторы*-испарители, вторую. . . *пульверизаторы*. . . Взрывчатая смесь получится неоднородной или получится. . . мокрая, жирная *карбюрация* (carburation grass). . . Для получения «сухой» *карбюрации* (carburation sicle) надо. . . поднять пластинку (Автомобиль, 1902, № 4).

---

[109] Для наглядности сохраняем орфографию тех лет.

[110] В этом значении слово *мотор* используется и теперь как «сниженный», разговорный вариант наименования *автомобиль*, ср.: «*Разг.* Средство передвижения, вид транспорта, снабженные таким двигателем» (БАС).

В период 30-х годов сфера автолексики пополняется такими заимствованиями, связанными с развитием автомобильного движения и строительством дорог, как *автострада* (итал.), *трасса* (нем.), *магистраль* (франц.), *эстакада* (франц.) и др. Интересно отметить, что слово *эстакада* появилось в русском языке еще в начале XIX в. (первая словарная фиксация относится к 1806 г.), общее значение его: «строительное сооружение в виде моста или свайного помоста, служащее для перевоза грузов, причала судов и т. п.» (БАС). Сейчас оно широко используется в сферах автолексики, например: Коллектив Мостоотряда сооружает транспортную *эстакаду* через Русаковскую улицу и железнодорожные пути Казанского вокзала (Веч. Москва, 1978, 16 окт.). *Автострада* — «нов. широкое, специально оборудованное шоссе для бесперебойного, массового и быстрого автомобильного движения» (БАС); *Трасса* — «большая проезжая дорога, соединяющая важные объекты, пункты и т. п.» (там же), ср.: Инспектор ГАИ. Оч не только «дирижер», блюститель порядка на *трассах* и площадях городов, это еще и технически грамотный специалист (За безопасность движения, 1972, № 4). Это слово имеет большое распространение в современной автолексике в связи с тем, что у него развивается и более общее значение «путь», ср.: По Минскому шоссе идет милицейский мотоцикл. Инспектор ГАИ патрулирует *трассу* (За безопасность движения, 1972, № 1); За превышение скорости гонщик получает 180 штрафных очков. . . гнать на основных участках *трассы* выходит себе дороже (там же, 1977, № 6).

К группе «старых» заимствований относятся и такие, как *лимузин*, *студебеккер*, *паккард*, *форд* и т. д.: Вот стало слышно урчание моторов. Первыми шли два «*студебеккера*», за ними «*паккард*» с солдатами (Вокруг света, 1965, № 7 — НСЗ-71) [111]. Подобные наименования марок машин зарубежных фирм составляют довольно устойчивую группу, хотя состав ее может меняться. Так, в наши дни вышли из употребления *студебеккеры* и *форды*, но появились, например, *фиаты* и *икарусы*.

Среди заимствований последних десятилетий (60—70-е годы) выделяются названия новых видов автомоби-

---

[111] Ср. данные НСЗ-71: «Студебеккер. -а. м. Грузовой автомобиль американской фирмы «Студебеккер», поступавший в СССР по ленд-лизу в период войны 1941—1945 гг. (в раз. р.)».

лей (*рефрижератор*, *контрейлер*, *кар*), в том числе спортивных (*карт*, *бигги*), названия связанных с ними новых видов автоспорта (*картинг*, *багги*, *ралли*), а также названия реалий, относящихся к сфере автообслуживания, автосервиса (*мотель*, *кемпинг*, *паркинг* и др.), например: Универсам обслуживают серебристые *рефрижераторы* (Комс. правда, 1972, 12 апр.) [112]; Контейнеры, конечно, изобретение отличное. . . Родился гибрид контейнера и автомобильного прицепа — вполне «автономная тара». Когда автомобиль с таким прицепом (он называется *контрейлер*) едет, подумаешь, фургон и фургон. Но вот он прибыл на железнодорожную станцию. Крытый кузов отцепляется, заводится, оставаясь на колесах, на железнодорожную платформу и путешествует на ней (Техника молодежи, 1967, № 8 — НСЗ-71); ср.: Туристский автоприцеп? Что это такое и для чего он нужен? . . Существует множество типов «*трейлеров*» — домов на колесах, от маленьких, относительно легких до громадных комфортабельных фургонов с несколькими комнатами. . . (Неделя, 1967, № 48 — ВК).

Еще несколько примеров названий новых спортивных машин: Отдельно следует сказать о *картах*. Замена грохочущих двигателей внутреннего сгорания на электропривод значило бы второе рождение для сегодняшнего шумного *карта* (За безопасность движения, 1974, № 10); Как-то зимой мы наблюдали за тренировками картингистов, и у нас родилась идея поставить *карт* на лыжи (Моделист-конструктор, 1976, № 12); Надо было дать ребятам дело, в котором были бы и дух спортивного состязания, и чувство новизны. Например, кружок, где они своими руками монтируют *карты* и маленькие машины «*багги*» (Веч. Москва, 1977, 15 окт.) [113]; Двухместный автомобиль типа «*багги*» предназначен для молодежи, увлекающейся автомобильным спортом или туризмом (Техническая эстетика, 1978, № 5—6); Небывало высокие темпы автомобилизации в нашей стране стимулируют развитие «*багги*» и не только в чисто спортивном направлении, не надо

---

[112] Наименование *рефрижератор*, пришедшее сравнительно недавно в автолексику, может обозначать «вагон, судно, автомобиль и т. п., оборудованные холодильными машинами для перевозки скоропортящихся грузов» (БАС). Известно русскому языку с середины XIX в.

[113] Ср.: «Карт, -а, м. Гоночный микролитражный автомобиль с мотоциклетным двигателем и без кузова» (НСЗ-71).

забывать и с туристских «багги», и об учебных. . . (Техника молодежи, 1976, № 10). Этим же словом называются и спортивные соревнования, проводимые на таких машинах: Ни один другой вид автомобильного спорта (даже очень полюбившийся молодежи картинг) не имеет таких обнадеживающих перспектив развития, как *«багги»*. . . Всесоюзные соревнования *«Багги* — ТМ-76» способствовали дальнейшему развитию нового вида автоспорта, популярного среди молодежи (Техника молодежи, 1976, № 10); Если вспомнить для аналогии историю становления отечественного картинга, то надо отметить, что с момента его зарождения до появления серийных машин прошло более десяти лет. История *багги* у нас в стране пока коротка. . . Мы встретились с главным инженером ЦКТБ В. М. Дряхловым и попросили его рассказать о том, каким будет серийный *багги* (За рулем, 1976, № 3) [114].

Широко известен и такой вид спорта, как *ралли*: Еще свежи в памяти события знаменитого *ралли* Лондон — Мехико. . . (За безопасность движения, 1972, № 10); Что же представляют собой соревнования по автомобильному *ралли*? Это иностранное слово обозначает «регулярность», «равномерность» (Труд, 1967, 18 июня — НСЗ-71) [115]; Любопытно, что слово *«ралли»* стало базой для оригинального названия другого вида спортивных состязаний — *ИЛЛАР*: Третий год подряд по инициативе газеты «За доблестный труд», органа московских автомобилистов и Мосавтолегтранса, лучшие водители такси состязаются в *ралли* наоборот — идут гонки задним ходом. *ИЛЛАР-77*, собравший. . . лучших водителей 20 таксопарков Москвы, состоял из восьми этапов (Комс. правда, 1977, 15 апр.).

Широко используются в современном языке такие заимствованные слова, как *мотель* (гостиница для автомобилистов), *кемпинг* (специально оборудованный лагерь для автотуристов), *паркинг* (стоянка автомашин): На границе

---

[114] Приведенные примеры свидетельствуют о том, что название этого нового вида малолитражных автомобилей и нового вида автоспорта, несмотря на специфику формы, уже прочно вошло в наш язык, хотя и не зафиксировано еще современными словарями, ср.: «Картинг, -а, м. Гонка на автомобилях типа карт как вид спорта» (НСЗ-71).

[115] Ср.: «*Ралли*, неизм. Спортивное соревнование на специально подготовленных стандартных автомобилях или мотоциклах по заданному режиму движения» (НСЗ-71).

Москвы с зеленой зоной, у пересечения Минского и Варшавского шоссе с кольцевой дорогой, вокруг столицы выросли первые *мотели* — гостиницы для автотуристов (Неделя, 1963, 9 июня — НСЗ-71).

Сравнительно недавно появилось слово *паркинг* и сразу же дало цепь производных, ср.: *Припаркованные* у тротуаров машины сильно затрудняют, а подчас и вовсе лишают уборочную технику возможности выполнять свои функции (Моск. правда, 1977, 30 июня).

В сфере автолексики активно используются некоторые многозначные заимствованные слова типа *салон*, *секция*, *манекен*, *панель*, *дублер*, *тренажер* и др., например: Плакаты-обращения вывешены в диспетчерских депо и парков, на конечных станциях маршрутов и в *салонах* общественного транспорта (За безопасность движения, 1975, № 7—8); Светофор будет оборудован дополнительной *секцией*, что повысит безопасность при движении транспорта и пешеходов (там же, 1974, № 11); Наиболее нужные и самые сложные изделия — это различные *тренажеры*, на которых можно имитировать езду по городу, запуск и остановку двигателя, его регулировку (там же); Оказывается, учиться на своих ошибках. . . можно. . . Для этого нужны *кинотренажеры*. Вы садитесь в кабину *автомобиля-тренажера*, в которой все настоящее — рулевое колесо, педали, индикаторы. Поворачиваете ключ зажигания и трогаетесь в путь. Перед глазами побежала отснятая на кинопленку дорога (там же, 1975, № 11).

Заимствования представляют наименее мотивированные НЕд. Закрепляются в языке, как правило, те иноязычные слова, которые обозначают широко известные понятия. Конкретная мотивировка для нашего современника не важна, если он знает, что именно, какой «предмет действительности» обозначает данное слово.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что автолексика представляет собой очень живую сферу современного языка, отличающуюся активными номинативными процессами. Здесь представлены все традиционные способы номинации. Характерно, что одними из наиболее продуктивных типов НЕд. являются составные наименования, широко распространены также разные виды сложных слов, т. е. номинации с наиболее четко выраженной мотивированностью. Это отражает требование времени, ср.: «Именно в наши дни в связи со стремительно возра-

стающими потребностями номинации, обусловленными ускоренными темпами развития науки, техники и т. д., такого рода наименования получили, по-видимому, широчайшее распространение. Можно думать, что роль их возросла и в связи с той особенностью современной речи, которая должна быть охарактеризована как стремление к «предельной» (в соответствии с возможностями языка) мотивированности обозначения» [116].

Прочные позиции занимает и аффиксальное словообразование, а в ряде тематических областей оно укрепляет и расширяет поле своей деятельности. Так, этот способ номинации широко используется для наименования разнообразных технических приспособлений, механизмов, орудий, инструментов и т. п., т. е. в более специальных, производственно-технических сферах. Естественно, что это явление находит отражение в автолексике, представляющей своеобразный сплав, переплетение терминологических, профессиональных, разговорно-бытовых особенностей современного языка.

Достаточно активен и такой способ номинации, как «семантическая деривация», использующий богатые экспрессивные возможности словаря. Различные сдвиги в значениях происходят в целом на основе определенных языковых закономерностей и отражают (хотя и в разной степени) типовые семантические изменения [117] (ср., например, разные виды метонимических или функциональных переносов, расширения значения и др.).

На материале автолексики прослеживаются наиболее характерные для современной номинации тенденции. Кроме рассмотренных в работе можно указать еще на ряд вопросов, связанных с активными процессами в области номинации: 1) соотношение собственных имен и номенклатурных обозначений с языковыми НЕд., пути их превращения в НЕд.; 2) подвижная сфера «оценочных», экспрессивных образований как особая область номинации и как источник пополнения категории языковой вариантности; 3) явление «вариантности», непосредственно связанное с проблемой «выбора» (основного признака и формы наи-

---

[116] *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях, с. 113.

[117] См. об этом подробнее: *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах исторической лексикологии. — Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

менования), со способностью языковых единиц к взаимозаменяемости (полной или частичной), с возможностью семантических и стилистических вариаций и др.

НОВАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Космическая лексика имеет сложный состав. Она неоднородна тематически и распределена по разным функциональным сферам языка. Значительную часть ее составляет терминология различных отраслей науки и техники, связанных со строительством космических летательных аппаратов и их запуском, с подготовкой космонавтов и обеспечением их нормальной жизнедеятельности в космосе (медицина, психология), с всесторонним научным изучением ближнего и дальнего космоса, в том числе иных планет, а также с изучением Земли из космоса с помощью космических летательных аппаратов [1]. В тесном контакте с терминологией складывается соответствующая профессионально-разговорная лексика.

Общелитературная космическая лексика усваивает некоторые специальные термины, а также вырабатывает эквиваленты для других терминов. Для современного функционирования этой лексики характерны экспрессивные переносы отдельных лексем в другие семантические области, экспрессивные «инкрустации» терминов в публицистическую, разговорную, художественную речь.

В существующих лингвистических исследованиях [2] основное внимание уделялось проблеме взаимодействия терминологии и общелитературного языка, развитию общелитературной лексики. В связи с этим более разработанным оказалось описание лексики космических полетов, которая получила наибольшее отражение в литературе,

---

[1] Ср. следующие своды терминов: Космонавтика. Маленькая энциклопедия. 2-е изд. М., 1970; Англо-русский словарь по космонавтике. Сост. Ф. П. Супрун, К. В. Широков. М., 1964; Англо-русский авиационно-космический словарь. Под ред. А. М. Муратшкевича. М., Воениздат, 1974; а также статьи: *Сапиро Д.* О некоторых терминах авиации и космонавтики. — Авиация и космонавтика, 1964, № 9; *Кулинич Д.* О космической терминологии. — Там же, 1965, № 2.

[2] См.: *Пеньковская Н. П.* Космическая лексика в русском литературном языке (на материале прессы 60—70-х годов). Канд. дис. Л., 1974. Работа содержит подробную библиографию по данной тематике.

обращенной к массовому читателю. Были отмечены следующие особенности этой группы лексики.

В области номинативных средств: 1) тенденция к интернационализации (использование общих образований из греко-латинских элементов, взаимозаимствование в разных языках); 2) усиление взаимодействия интернациональных и национальных элементов внутри номинативных единиц (типа *астролет*); 3) активные процессы усиления членимости слов, приводящие к выделению новых морфем и терминоэлементов.

В области способов номинации: 1) широкое применение составных наименований аналитического типа разных видов: словосочетания, сложные слова и т. д. (*космический корабль*, *искусственный спутник Земли (ИСЗ)*, *автоматическая межпланетная станция (АМС)*; *корабль-спутник*, *люк-лаз*; *астроботаника)*; 2) широкое применение метафорических переносов *(космоплавание*, *виток*, *солнечный парус)*; 3) активизация индивидуализирующей номинации с помощью имен собственных. Ср. названия космических кораблей и автоматических станций: *Восток*, *Восход*, *Салют*, *Союз*, *Прогресс*; названия, мотивированные направлением полета: *Луна-9*, *Венера-11*, *Марс-1*, или другими признаками: *Интеркосмос*; названия экспериментов: «*Хлорелла*», «*Кристалл*», «*Эльма*»; приборов, систем: система радиозахвата «*Игла*», автоматическая система «*Каскад*», гамма-телескоп «*Елена*»; позывные космонавтов: *Кавказ*, *Таймыр*, *Зенит*, *Протон*, *Фотон*. Примечательно употребление их в форме мн. числа: *Кавказы*, *Таймыры*, *Зениты* и др. При имени собственном нередко стоит цифровой индекс [3].

Одной из причин, повлиявших на выбор способов номинации, был рациональный, логический подход к выделению объектов номинации, что наложило отпечаток и на сам процесс именования. Закономерны и аналитический или агглютинативный характер построения многих номинативных единиц, и регулярность некоторых рядов се-

---

[3] Нужно упомянуть также о специальной лингвистической задаче поименования космических тел и объектов на их поверхности. См., в частности: *Комков А. М.* Селенонимика и ООН — научно-технические и международно-правовые аспекты номинации топографических объектов на поверхности Луны. — В кн.: Теория и практика топонимических исследований. М., 1975; *Левин Б. Ю.* Названия объектов на поверхности Луны. — Там же; *Бондарук Г. П.* Прикладная селенонимика. — Там же.

мантических переносов (см. ниже), и серийность «собственных» обозначений.

Ясность логических отношений порой приходила в противоречие с множественностью языковых возможностей их выражения. В процессе становления этой группы особенно острым оказалось столкновение разных способов номинации, словообразовательной и лексико-семантической регулярности (например, в ряду образований от основы *земля* оказались равно возможными регулярный перенос полисемии этой основы на ее производные и регулярные образования производных от названий планет: Земля, Луна, Марс. . .)[4].

В этом разделе ставилась цель выявить как самые потребности в наименованиях, возникшие внутри этой группы, так и пути создания и выбора новых номинативных единиц.

Центральную часть раздела составляет описание фактов номинации, непосредственно связанных с идеей движения в космосе как в особой физической среде. Состав этой группы слов, способы номинации в ней изучаются на фоне номинативных групп, также организованных вокруг идеи передвижения — в воздухе, в воде. Взаимодействие космической лексики с лексикой воздушного и водного передвижения будет основным предметом наблюдений. В качестве источников материала использовались газетные и журнальные статьи, книги летчиков и космонавтов[5].

1. История взаимодействия этих групп лексики непосредственно связана с историей освоения человеком разных физических сред и историей создания средств передвижения в этих средах. В XX в. в короткие сроки техническое первенство переходит от автомобиля к самолету, а затем к космическому летательному аппарату. Объединяющим

---

[4] Ср.: *Земская Е. А.* Как делаются слова. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 9—11; *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., «Наука», 1964, с. 82—83; Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, с. 293—298; *Миськевич Г. И.* Селенография, селенология. — Рус. речь, 1971, № 5; *Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке. М., «Просвещение», 1973.

[5] *Шульженко М. Н.* Конструкция самолетов. М., 1971; Морской словарь, т. 1, 2. М., 1959 (включает и авиационную лексику); Справочник по судостроительной терминологии. Л., 1970; *Успенский Л. В.* Материалы по языку русских летчиков. — В кн.: Язык и мышление, т. 6—7. М.—Л., 1936.

элементом конструкции автомобиля и самолета был мотор, поэтому их связь получила отражение в переносе некоторой части автомобильной лексики в авиалексику [6]; в 30—40-е годы эта связь обновлялась лишь в сфере образных перифраз [7].

В русском языке уже издавна сложилась устойчивая традиция уподобления движения в воздухе движению в воде (это отмечалось Д. Н. Шмелевым). С развитием способов воздушного передвижения этот тип переносов укрепился. Позднее через посредство авиационной лексики он проник и в космическую лексику. Наблюдения над характером переносов наводят на мысль о том, что речь идет не о множестве индивидуальных сдвигов, мотивированных сходством самих называемых объектов, но о регулярном способе черпания номинативных средств в определенной лексической группе, о закрепленных в языке номинативных связях в лексике движения в разных средах.

В морской, авиационной и космической лексике представлены, например, следующие общие лексемы: *корабль*, *-плавание* [8] (*морское плавание*; *воздухоплавание* — этот термин устаревает в связи с вытеснением воздухоплавания на шарах, дирижаблях авиацией; *космоплавание*), *навигация* (управление движением), *экипаж*, *борт*, *бортжурнал*, *иллюминатор*, *отсек*, *кормовая часть*, *трап* (корабля, самолета), *фал*.

Некоторые лексемы объединяют космическую лексику непосредственно с водной. Можно думать, что после заимствования отдельных лексем далее «принудительно» были заимствованы и некоторые синтагматически связанные с ними слова, ср.: *причаливание*, *швартовка* [9] *корабля*, *плавать* в «*бассейне* невесомости», *шлюзование*, *якорь* [10].

---

[6] См.: *Успенский Л. В.* Указ. соч.

[7] Ср.: Недавно мы построили пассажирский самолет «*воздушный автомобиль*»; он прокладывает путь советскому легкому самолету «*воздушному форду*», как метко окрестило эту машину общественное мнение (А. Яковлев, Цель жизни, 1972).

[8] Ср. название книги К. Циолковского «Цели звездоплавания».

[9] В энциклопедии «Космонавтика» отсутствует термин *причаливание*, но введен реже встречающийся в литературе термин *швартовка* — мягкое сближение и временное соединение двух космических летательных аппаратов, например, с помощью троса или других средств.

[10] В выступлении по телевидению космонавт А. Леонов, рассказывая о выходе в открытый космос своих коллег, сказал: «Ступни ног *заякорены*».

За границами регулярности терминологического и общелитературного переноса начинается область экспрессивной регулярности. Например, если в области авиации закрепилось только слово *корабль*, то сохранили возможность образного переноса другие названия судов, ср.: А «*летающие лодки*» Григоровича считались лучшими гидросамолетами своего времени (Г. Береговой, Угол атаки, 1971); Огромные размеры «*воздушного парохода*» (М. Арлазоров, Конструкторы, 1975); Теперь мой четырехдвигательный «*фрегат*» топливом на земле не заправляется (И. Шелест, С крыла на крыло, 1977). Ср. в космическом ряду: Паруса космических *фрегатов* (Комс. правда, 1968, 17 февр.); Вот из люка межзвездной *лодки* появляется сын земли (из газет). Закрепление факта в номинативной или только в экспрессивной области может быть непредсказуемым. ЯК-40 называли «*крылатым автобусом*» (А. Яковлев, Цель жизни) — уподобление самолет—автобус было чисто экспрессивным. В наши дни появилось слово *аэробус* в качестве нейтрального наименования, но слово *космобус* экспрессивно (прежде всего потому, что ему еще нет соответствия в реальности) [11].

Центральное положение термина *корабль* в космической лексике вовлекает в образные ряды обширный круг водной (морской) лексики, например: Для этого нам рекомендовали, так сказать, *класть* станцию *в дрейф*. . . Мы поступили иначе. Поставили станцию не в *дрейф*, а в режим гравитационной стабилизации, т. е. она стояла как бы «на попа» и *плавала* наподобие поплавка (Комс. правда, 1978, 19 июля); Орбитальная пилотируемая станция «Салют-6» — это своего рода космический *порт*, к *причалам* которого подходят пассажирские и грузовые корабли (Правда, 1978, 21 янв.); Космонавтам пришлось приступить к прозаическим обязанностям космических *докеров* после того, как с Байконура прибыло очередное посыльное *судно*-грузовик «Прогресс 10» (Моск. комсомолец, 1980, 20 июля); С. П. Королев, уподобляя *космоплавание мореплаванию*, называет землю «*берегом* вселенной»; . . . для строительства «космических *островов*» — орбитальных станций. . . (Красная звезда, 1965, 11 апр.); Трудно было друзьям в вышине На вселенской кипучей *волне* (Изв., 1965, 20 марта). Мы не

[11] Ср.: *Лапина М. С.* Из истории БУСов. — Рус. речь, 1968, № 5; *Гуреева М. С.* О новом слове *аэробус*. — РЯНШ, 1968, № 5.

оцениваем здесь художественных достоинств сравнений. Штампы, самая инерция в реализации определенных ассоциативных рядов также заслуживают внимания. В группах воздушной, водной, космической лексики можно заметить регулярные переносы в собственно экспрессивном ряду [12]. Так, параллельно с выражением *морские волки* возникает *воздушные волки* (М. Водопьянов, Мечта пилота, 1936), ряд *океан — пятый океан* (о воздушной атмосфере) продолжает *космический океан*.

Лексические группы, организованные идеей движения, включают в себя следующие семантические места: движется что откуда куда (если речь идет об аппарате); движется кто на чем откуда куда (если субъект действия — человек). При формировании космической лексики возникла потребность наименовать и самый тип движения, и летательные аппараты, и человека, находящегося в аппарате, и специальное устройство для запуска аппаратов.

Наименование лица, совершающего полет, не было перенесено из авиации. Как известно, в современном языке наиболее общим обозначением летной профессии является слово *летчик*. Она победило в конкуренции со словами *пилот*, *летун*, *авиатор* [13]. Слово *летун* исчезло, *пилот* получило более узкое значение, *авиатор* остается в ряду стилистически выделенной, «высокой» лексики.

---

[12] Авиационную и космическую экспрессивную номинацию сближает еще один ряд общих ассоциаций, находящий отражение в соответствующем словоупотреблении. Противопоставление небесное — земное имеет в языке и иное осмысление. Именно оно навевает сравнения, имеющие торжественную окраску, ср.: В марте 1960 г. в Звездном городке появились первые будущие *небожители*, первопроходцы Вселенной; Накоротке удалось побеседовать с Главным конструктором космических двигателей. . . Его здесь зовут «*богом* огня»; Основным событием дня было техническое совещание. Вот уже поистине это был *совет богов* (Н. П. Каманин, Летчики и космонавты, 1971); Надо было обладать оригинальным умом Жюля Верна, чтобы в смертоносном орудии — в пушке — усмотреть средство *вознестись* «*живым на небо*» (Я. Перельман, Межпланетные путешествия, 1933); ср. еще: А надо мной нависла *земная кара* за «*грех небесный*»; Благодарение тому, кто удосужился сюда, в эту тесноту приборного «*иконостаса*» установить еще и «авиагоризонт» от истребителя (И. Шелест, С крыла на крыло).

[13] О равнозначном употреблении этих трех слов см.: *Успенский Л. В.* Указ. соч. Ср. также: Он был все-таки начальник школы. Наши *летуны* его больше любили, чем боялись (Ю. Гарнаев, Проверено на себе, 1970); см. также: *Этерлей Е. Н. Самолет* и *летчик*. — Рус. речь, 1971, № 6.

Для обозначения «летчика» космического корабля было использовано слово *космонавт*, которое встало в ряд с другими образованиями на *-навт*, называвшими исследователей стратосферы, — *аэронавт*, *стратонавт*, а позднее и подводного мира — *гидронавт* [14].

Наиболее общим названием космических средств передвижения стало словосочетание *космический летательный аппарат — КЛА* [15]. Авиационная терминология также включала термин *аппарат*. В начале XX в. слова *самолет — аэроплан — аппарат* могли употребляться равнозначно (например, в устах П. Нестерова, см.: К. Трунов, М. Голышев, Петр Нестеров, 1971). В разговорной речи термин *самолет* заменяется до сих пор словом *машина*, в терминологии и публицистике — словом *корабль*. Как уже было сказано, космическая лексика отобрала лексему *корабль* в сочетании *космический корабль*. Пока лишь в авиационной номинации используются образования с аффиксоидами *-лет* и *-план*[16]. Ср., однако: Но если иметь в виду, с одной стороны, тенденции в развитии авиации — увеличение скоростей и высот полета, а с другой — использование аэродинамического качества космического аппарата при посадке, то станет очевидным, что скоро разрыв в высотах и скоростях между самолетом и космическим кораблем будет ликвидирован и появится новый класс летательных аппаратов, которым уже сейчас придумано несколько названий — *ракетопланы*, *воздушно-космические самолеты*, *космопланы* и другие. Эти новые аппараты будут стартовать, как нынешние космические корабли, а садиться, как современные самолеты — на аэродромы (Г. Титов, Голубая моя планета, 1973). Построенные по этой модели наименования космических аппаратов распространены в научно-популярной (прогнозирующей) и научно-фантастической литературе.

По единой словообразовательной модели с суффиксоидом *-дром* строятся названия мест посадки и взлета аппаратов в воздух и в космос. Здесь произошло вытеснение разнородных лексических обозначений *ипподром*, *полигон*, *ракетный аэродром* и т. п. рядом, образо-

---

[14] См. подробнее: Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 293—298.

[15] См.: Космонавтика. Маленькая энциклопедия.

[16] Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 291—293.

ванным по одной модели [17]. Новое направление современных технических поисков знаменует соединение идеи летательного аппарата и аэродрома. Сам летательный аппарат становится местом запуска других летательных аппаратов, ср.: 3 декабря 1931 г. первый летающий аэродром оторвался от земли. Гигант ТБ-1 и два истребителя И-4 (М. Арлазоров, Конструкторы).

Наконец, встала проблема, как назвать самое движение космического корабля в космосе (вращаться вокруг Земли? летать? или иначе?), а также как назвать ранее неизвестное движение человека в невесомости. В кругу космической лексики уникальную форму приняли «выборы» слова, которое должно было назвать движение человека в космическом пространстве. 18 марта 1965 г. советский космонавт А. Леонов впервые вышел из герметической кабины корабля в открытый космос и в состоянии «свободного полета», «свободного плавания» провел там 10 минут. В газетных сообщениях об этом полете употреблялись глаголы *плавал*, *парил*, *висел*, *купался*, *прогуливался*. Космонавта называли «космическим пловцом и космическим пешеходом» (Огонек, 1965, № 13). Вот несколько цитат из рассказа самого А. Леонова: «Через этот люк я выплыл в камеру». Далее он говорил о своих ощущениях «в процессе свободного плавания» (Изв., 1965, 27 марта); Некоторым хочется сравнить плавание в космосе с плаванием в воде. Скажу так: ничего общего нет. Когда плаваешь в воде, то чувствуешь опору, скольжение. В космосе подобного ощущения нет. Просто летаешь возле корабля (Труд, 1964, 23 марта); Здесь же витаешь как нравится. Я распростер, например, руки и ноги и повис. А подо мной Земля (Изв., 1965, 21 марта).

Слова, использованные для обозначения перемещения человека в новой физической среде, ощущались первоначально как сдвинутые в своем значении, описательно неточные. В языке должен был быть произведен отбор. В ряду глаголов движения, различающихся отношением к среде, должна была быть заполнена новая клетка. Поэтому в 1965 г. газета «Вечерняя Москва» провела оп-

---

[17] *Красильникова Е. В.* Об освоении иноязычных морфем системой русского словообразования (на примере морфемы *-дром*). — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Матер. респ. науч. конф. (12—15 сент. 1972 г.), т. 1. Самарканд, 1972.

рос [18], каким словом лучше назвать движение человека в открытом космосе. В ответах, присланных в газету, определенная группа читателей высказала мнение, что нет необходимости в создании нового слова, так как уже существующие глаголы могут быть употреблены и в космическом контексте. Чаще всего называли глаголы *плавать*, *парить*, *витать*, причем предпочтение отдавалось «высокой» лексике (в этом же ряду были и глаголы *реять*, *сопутствовать*).

Все предложенные новообразования можно разделить по принципу: отражен ли в их словообразовательной форме мотивировочный признак? Самую большую группу составили отыменные глаголы, образованные от существительного, называющего место движения или самую среду: а) от основы *космос* — *космить*, *космосить*, *космировать*, *космосировать*, *космотировать*, *космосовать*, *космонавить*, *космичить*, *космотовать*; б) от других основ: *галактировать*, *вселенить*, *внеземлить*, *эфирить*, *сферопарить*. К этому ряду примыкают глаголы, мотивированные названием «пути движения»: *орбитировать*, *траектировать*.

Отыменные глаголы строятся и по семантической модели «двигаться, как: птица, звезда, планета, спутник»: *птицевать*, *звездить*, *планетировать*, *спутничать*. Признак «двигаться в состоянии невесомости» дал образование *невесомить*. Поскольку противопоставленность глаголов *ходить*, *летать*, *плавать* связана с признаком «среда действия», обращение к мотивации этим признаком было естественным. Вместе с тем введением производного слова нарушалась бы формальная регулярность ряда, так как признак «среда» в нем присутствует скрыто, он не выведен во внешнюю форму слова. Ср. не вполне точное, но резонное замечание одного из авторов писем о введении глагола с основой *космос*: «Это ошибочное решение, ибо слова *ходить*, *плавать* и *летать* не связаны со средой, а характеризуют действия в соответствующей среде. Мы не говорим *землить*, *водить* или *воздушить*».

Поэтому возникла иная линия словотворческих поисков: мотивировать слово не через те или иные характери-

[18] О ходе и результатах этого опроса см. в кн.: Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 286—287. Там же дан лингвистический материал. В этом разделе будет рассмотрен материал, извлеченный нами из части писем, поступивших в редакцию «Веч. Москвы».

стики самого действия, а более условно. Такой убедительной в своей общественной значимости мотивировкой стало имя первого космонавта, принявшего на себя риск первого выхода в неизвестную среду, — А. А. Леонова. Предлагались слова: *леонить* (и *космолеонить*), *леонировать*, *леоновировать*, *леонизировать*, *леоновать*, *леонавтить*. Некоторые из читателей считали необходимым увековечить память К. Э. Циолковского (в предложенном глаголе *цилеонить* первый слог восходил к фамилии Циолковского).

Участники опроса размышляли и о форме существительных, которые должны назвать соответствующее действие и лицо, его совершающее (*леонация*, *леонирование*, *орбитация*, *траектирование*, *космодвижение*, *космоплавание* и даже *парлеон* — сокращение от «парение — Леонов»; *космоплаватель*, *космолаз*, *космонавт* — *леонир*, *леонавт*). Если одни из читателей стремились уподобить новое обыденному, известному, земному (предлагались, например, глаголы *юзить*, *мигать* — «мигает по космосу»), то другие, напротив, считали, говоря словами поэта, что «земным именам не коснуться таких неземных впечатлений». В письмах этой — правда, немногочисленной — группы читателей обычно предлагаются придуманные искусственные корни. Выше был назван корень из контаминации фамилий Циолковского и Леонова; из первых слогов слов *работа — наука — космос* было сложено существительное *ранакоса* (в значении «парение и работа в открытом космосе»); корень придуманного глагола *кволзать* был составлен из первых букв слов *космос — выход — орбита — Леонов — земля*, связанных в предложение. Глагол *витать* предлагалось осложнить элементом *-ал-* от А. Л(еонов) — *виталить* (при этом в его мотивации также происходила перестройка: корень ассоциировался с латинским Vita жизнь) или элементом *ле-* (из фамилии Леонова) — *левитать*.

Все искусственные образования, будучи мотивированными для их авторов, для всех остальных носителей русского языка имели бы форму непроизводного глагола с новым неизвестным ранее корнем.

Газета «Вечерняя Москва» высказалась в пользу глагола *леонить*. Сообщалось об одном случае употребления этого глагола. На пресс-конференции генерал Н. П. Каманин обратился к А. Леонову: А теперь, Алеша, расскажи, как ты там *леонил*? (Веч. Москва, 1965, 12 апр.).

С ударением на втором слоге *леóнить* произносит диктор, рассказывающий об истории появления этого слова, в документальном фильме «Человек выходит в космос» (1965). Однако были серьезные препятствия для того, чтобы этот глагол вошел в язык.

В русском языке модель глагола на *-ить* от основ фамилий имеет сниженную разговорную окраску. Этим объясняются возражения, поступившие в газету «Вечерняя Москва» от многих читателей. Так, некоторые из них писали, что глагол *леонить* звучит «несерьезно, насмешливо». Кроме того, неудачно было выбрано место ударения. Таким образом, модель окказионального слова препятствовала включению глагола в терминологию или нейтральную лексику космонавтики. Русский язык реализует в этом случае другой способ номинации — лексико-семантический. Но самый конкурс стал интересной страницей в истории языка советской эпохи. Материалы этого конкурса представляют значительный лингвистический интерес [19].

В современной литературе обычно используются описательные выражения, ср.: Перед космонавтами ставилась задача: начать перемещение по «бассейну невесомости» (Ю. Гагарин, В. Лебедев, Психология и космос, 1971); Первый житель Земли вступил на путь «самостоятельного» полета, свободного передвижения в космическом океане (из интервью космонавта В. Беляева газете «Красная Звезда» 10 апреля 1965 г.).

Почти все основные лексемы, использующиеся для обозначения движения в воздухе, были испробованы в космической лексике: *летать*, *парить* [20] (о планере), *висеть*, *зависать* (о вертолете), *свободное падение*, *прыжок с парашютом*, *идти* (о самолете), например: *Вылетели* в Варшаву. *Дошли* хорошо (Ю. Гарнаев, Проверено на себе, 1970); — А вы сами *полетели* бы на ракете? — спросил Виктор Васянин. Сергей Павлович взглянул на него с юношеским задором: — Конечно! Я надеюсь еще и сам *пойти*! (И. Шелест, С крыла на крыло).

В литературе сообщается, что и глагол *прыгать* был в поле зрения космических специалистов (ср.: Пред-

---

[19] Материалы дискуссии отражены также в кн.: *Брагина А. А.* Указ. соч.

[20] Ср.: Он научился парить над горой Узун-Сырт и получил звание пилота-*парителя* (И. Шелест, С крыла на крыло, 1977).

полагалось вначале совершить «*прыжок*» в космос — вертикальный полет за пределы атмосферы на высоту 100—200 километров. — А. Романов, Конструктор космических кораблей, 1976).

О космических летательных аппаратах теперь говорят *летать*, *совершать полет*: Они *летали* вокруг Земли на Луну (А. Николаев, Дорога без конца, 1970); Космический корабль *совершает* свой *полет* по орбите (там же).

Для передачи необычных состояний тела в невесомости космонавты и журналисты до сих пор прибегают к переносным выражениям: Я потерял ориентировку. Когда открыл глаза, то оказался в хвосте самолета «*подвешенным*» вниз головой (А. А. Леонов, В. И. Лебедев, Восприятие пространства и времени в космосе, 1968); Я пробовал брать различные предметы руками и «*класть*» их в пространство: положил карандаш — он свободно плавал в воздухе кабины (А. А. Леонов, В. И. Лебедев, Психологические особенности деятельности космонавтов, 1971); Кролик спокойно «*лежал*» в воздухе, поджав лапы (Ю. Гагарин, В. Лебедев, Психология и космос). Эти употребления потенциально могут закрепиться в качестве самостоятельных значений глаголов или привести к расширению сферы их употребления, так как глагол *подвесить* предполагает сейчас верхнюю точку опоры (на что), а глагол *лежать* — твердую (или плотную — вода) нижнюю опору.

Изменяется содержание понятия *идти*: «Хочу уточнить понятие „пошел“. У нас, живущих на Земле, понятие перехода, перемещения связано, как правило, с ходьбой. В условиях невесомости идти по поверхности корабля в обычном смысле слова нельзя — нет опоры под ногами, нет силы, прижимающей человека к поверхности. Еще на Земле, на тренировках, мы нашли, что перемещаться в космосе и переходить по кораблю из одного места в другое лучше всего. . . на руках, используя жесткие поручни для опоры. Так, перехватывая поручни, подошел к кинокамере. Держась одной рукой за поручень, другой рукой снял кинокамеру с кронштейна. . . А затем таким же методом „на руках“ перешел по поверхности орбитальной станции в отсек корабля „Союз-4“» (А. А. Леонов, В. И. Лебедев, Психологические проблемы межпланетных полетов, 1975). Своеобразный характер хождения по Луне, где действует меньшая сила тяжести, чем на Земле, описывают американские космонавты (у

зрителей возникает впечатление замедленной съемки, у самих космонавтов — особые двигательные ощущения). Таким образом, со стороны расширившейся для человека действительности семантика лексики движения испытывает постоянные толчки, которые могут изменить семантическое содержание слов и их системные отношения.

2. Психология отношения человека к самодвижущемуся аппарату находит своеобразное отражение в системе номинации. Аппараты, движущиеся в определенной среде, обычно уподобляются живым существам, обитающим в той среде, тем более что, конструируя эти аппараты, человек нередко подражает природе, учитывая ее «технологические достижения». Космический аппарат в этом отношении занимает особое положение, так как космическое пространство, доступное полетам, необитаемо. Кроме того, принципиально изменилась степень участия человека в управлении этими летательными аппаратами. Хотя и наземные, и воздушные, и водные аппараты могут иметь автоматическое управление, космическим аппаратам в этом отношении принадлежит несомненное первенство. Автоматическое управление ими поднялось на новую ступень. Это, несомненно, повлияло на ощущение связи человека с космическим кораблем. Сравним его с отношением к самолету, нашедшим отражение и в языке.

Самолет — «птица». Сходство с птицей нашло отражение в номинации нескольких важных частей самолета: *крылья*, *нос*, *хвост*, вертикальное/горизонтальное *оперение*, самолеты схемы «*утка*», «летающее *крыло*», например: Хвост поднялся, самолет стал на *нос* (М. Водопьянов, Мечта пилота); У орнитоптера — «*крылья* машут по-птичьи» (И. Шелест, С крыла на крыло); На взлете и посадке скорость невелика. И это позволило на ТУ-144 сделать отклоняемый в полете остроконечный *нос*. . . Бондарев нажал на тумблер, и «*клюв*», отклонившись, обнаружил перед нами прямые — «дозвуковые» самолетные стекла (там же). Стандартный образ самолета — стальная птица, например в распространенном в 30-е годы выражении «стальные люди на стальных *птицах*» (для сравнения напомним уподобление трактора стальному или железному коню). Этот ряд ассоциаций работал не только в газетной публицистике, он не был чужд летчикам и продолжался в их разговорно-профессиональной речи, ср. выражения: резкий «клевок» на нос, стремление «клюнуть» в описаниях полетов известного летчика-испыта-

теля М. Галлая (М. Галлай, Испытано в небе, 1963); Начиная с 1931 г. здесь испытывалась так называемая авиаматка с «*птенцами*». В небо поднимался тяжелый бомбардировщик ТБ-1 с закрепленными на его плоскостях самолетами-истребителями. Двигатели их питались топливом из баков бомбардировщика. В нужную минуту «*птенцы*» отцеплялись от крыльев авиаматки и улетали (Летчики, ЖЗЛ, 1978); Еще момент — и тяжелая сильная *птица* как бы сбрасывает с себя «*птенцов*» (там же).

Однако уподобление живому оказывается более широким [21]. Книги летчиков изобилуют такими выражениями: машина опускается на землю «*на брюхе*», «*на животе*», «*на пузе*», переворачивается *на спину*, «*левая нога* шасси сломалась»; «самолет коснулся *здоровым* колесом поверхности острова»; мотор-*сердце* (Медленно охладилось «*сердце*» крылатой машины); самолет сменил «*обувку*»: колесные шасси уступили место лыжам; а вот когда наступил промежуточный период — то подтает, то подморозит, то дождь, то снег, — какие тогда «*башмаки*» надеть самолету; постепенно я стал разбираться в *повадках* самолета.

Особенно интересны уподобления летной машины коню, развитый ряд ассоциаций этого плана [22]: Планер его то взмывал вверх, то стремился к земле. Он планировал долго, но пилот никак не мог успокоить своего ретивого *коня*, скачущего будто через барьеры. И даже на посадке планер несколько раз подпрыгнул, «скозлил» и лишь потом затих (И. Шелест, С крыла на крыло); Ведь это именно у него была отобрана машина для Фариха, это он остался «*безлошадным*» (Н. П. Каманин, Летчики и космонавты);. . . Ковалев. . . энергично тянул штурвал на себя, как бы «*вздыбливая*» машину (М. Галлай, Испытано в небе); И вдруг. . . самолет «*взбрыкнул*»: огромный лайнер, мелькнув разнесенными на десятки метров концами крыльев, энергично. . . перевернулся на спину (там же); Правда, наша «двойка». . .

---

[21] Это переживание «одушевленности» самолета находит отражение иногда и в форме склонения: Он заметил «*ястребка*» Титова (М. Водопьянов, Полярный летчик, 1959); Четверка «Яков» прикрывала *штурмовиков*. *Истребителей* вел старший лейтенант Зотов (Н. П. Каманин, Летчики и космонавты).

[22] Насколько глубоко образ коня вошел в фонд экспрессивных средств при передаче движения, показывает пример из иной сферы — о ездовых собаках: Их недаром зовут быстроногими *конями* тундры (М. Водопьянов, Полярный летчик).

с самого начала повела себя вполне прилично; некоторые «*взбрыки*», и то не очень уж сердитые, она выдала лишь под занавес (там же). Ср. контаминацию образов: И с каким вдохновением, азартом взялся он объезжать строптивый самолет, когда получил на это разрешение! *Крылатый конь* восхищал его. Он вился *птицей*, покорно исполнял фигуры высшего пилотажа (Летчики, ЖЗЛ, 1978). Летчики 30-х годов, которым приходилось доставлять почту или врача в малодоступные места, в шутку называли себя «извозчиками» (см.: М. Водопьянов, Полярный летчик); ср. еще: Так, «на перекладных», использовав поочередно два однотипных аппарата, удалось довести исследование этой интересной машины до конца (М. Галлай, Испытано в небе).

Многие летчики пишут о стремлении войти в контакт с машиной, как с живым, одушевленным существом, говорят о норове машины, ее особых причудах и капризах, но возможна еще более глубокая степень психологического слияния человека с машиной, о которой писал Л. Успенский. Летчик может ощущать машину как продолжение своих органов: «Аппарат и его части ощущаются как гипертрофированные органы его собственного тела (ср. „мое крыло“, „вымой мне мой хвост. . .“)»[23]. Рычаг управления неотделим от ноги: «дать ногу»; «он прошел мимо меня на сумасшедшей ноге»; «даю здоровенную ногу». Наблюдение Л. В. Успенского имеет основание в психологии летчиков. На заре авиации существовала теория «врожденных летных качеств», при отборе и обучении летчиков ставилась задача выявления птичьего чутья у курсанта. О том, что подобное самоощущение действительно возникало у летчиков, говорит такой пример: Одного из своих товарищей летчики называли между собой «*человеком-птицей*», так безупречно грамотно, красиво и разумно смело он летал (И. Шелест, С крыла на крыло). Заслуживают внимания все экспрессивные уподобления профессионально-разговорной речи в ряду человек—самолет, ср.: В итоге заметно пострадал нос планера. Увы и не только планера. . . Авиационный нос Артема, слегка повернутый набок, стал предметом бесчисленных и чертовски глупых насмешек — Молчан, высморкай руль поворота!. . (там же).

---

[23] *Успенский Л. В.* Указ. соч.

Полет летчика несомненно более автономен, чем полет космонавта. Космический аппарат постоянно находится в поле зрения «Земли», космонавт получает приказы из Центра управления полетом, космический аппарат может лететь в «автоматическом режиме». Космонавт является не только субъектом в ситуации полета (на нем лежат многие технические и исследовательские функции), но и в какой-то мере «объектом наблюдения».

Традиционное уподобление движущегося технического устройства высокоорганизованному живому организму приобретает иное наполнение, ср.: Если двигатель называют *сердцем* ракеты, то систему управления с полным основанием можно назвать *мозгом* и *нервной системой* ее (Правда, 1964, 18 окт.).

Внешний вид корабля вызывает иные ассоциации. Тем не менее образ птицы не ушел из ассоциативного поля, он может оживать, если возникает малейшее подобие (в номинации он, однако, не закрепляется): Мгновения — и космический аппарат, похожий на фантастическую *птицу* (этот вид придают спутнику его распростертые антенны солнечных батарей), отходит все дальше и дальше (Правда, 1968, 16 апр.).

Любопытно, что в стихах появляется и тема «коня»: Все могущество гордой земли Мы в корабль межзвездный *впрягли* (О. Богданов, Вышина); Мы выходим на ракетодромы, *Выводя* ракеты *под уздцы* (О. Дмитриев, Разговор с прадедом). Правда, есть ниточка и языковой связи *ипподром — аэродром — космодром.*

Длительность пребывания на орбите, требующая от человека бытового вживания в корабль, вызывает и новые психологические ассоциации, которых нет по понятным причинам у летчика. В ассоциациях, связанных с космическим кораблем, особенно с орбитальной космической станцией, преобладает чувство «дома». Обстановку дома стремятся создать и конструкторы корабля, ср.: Салют — принципиально новый космический аппарат. . . Там есть пол и потолок, есть стулья, кресла, диваны. Есть библиотека, кухня и даже красный уголок . . . Все это, безусловно, является причиной менее выраженной реадаптационной фазы (Е. Хрунов, Покорение невесомости, 1976); — Настроение боевое, — Владимир Коваленок улыбается. — Пообвыкли мы в своем космическом доме. Знаем каждый уголок; Как дела на вашем «приусадебном участке»? — Лук у нас растет (Правда, 1978,

26 авг.); Удобна ли ваша квартира-лаборатория? (Призыв, 1964, 17 окт.);. . . вошел в шлюз — своеобразные «космические сени» (Труд, 1965, 21 марта).

Особенно примечательно отношение к скафандру как к «микродому», слитому с космонавтом. В номинативном ряду появляются темы «улитки» и «черепахи», носящих на себе свой дом. Осложняется самое разделение «одежда — техническое устройство — место обитания», ср.: Интересно решена проблема сочетания «костюма» с «домом» в виде единого скафандра в одном зарубежном проекте. Это — лунный скафандр, состоящий из двух частей: собственно скафандра и транспортного устройства, своего рода «лунного велосипеда». Скафандр имеет форму срезанного сверху яйца, на горизонтальной поверхности которого располагается шлем. Эта металлическая «скорлупа» - панцырь надевается на тело человека. Снизу имеются защитные чулки («брюки-сапоги») для ног (Ю. Н. Сушков, Полеты в космосе, 1963).

3. Термин—нетермин. Этого различения мы касались в связи с вопросом о регулярности семантических переносов внутри лексических групп. Было показано, что терминологические группы лексики могут строиться на определенных типах семантических переносов. Иногда соответствующие ряды продолжаются вне терминологии; рассматривались примеры, когда эта сверхрегулярность создает экспрессивный эффект. Проиллюстрируем еще несколько типов отношений между терминами и нетерминами внутри космической лексики.

А. Наличие номинативных заготовок для объектов, которые еще только проектируются, составляет особенность развития этой группы лексики. Интересно сопоставить названия, предложенные в научно-популярной, научно-прогнозирующей и научно-фантастической литературе, с реальными терминами, вошедшими в язык. Приведем две группы примеров:

1) Уж, кажется, привык висеть без опоры, между стенами этой каюты, но когда я увидел, что надо мною бездна, что нигде кругом нет опоры, со мной сделалось дурно. Я опомнился, когда вся *цепочка* (фал. — *К. К.*) уже размоталась (из неопубликованного рассказа К. Э. Циолковского. Разъяснение в скобках дано автором статьи, в которой приводится эта цитата, — Кирой Канаевой. — Лит. газета, 1965, 13 апр.); Сколько неожиданностей будет подстерегать строителей! Одно неосторожное дви-

жение, и каждый из них начнет удаляться по инерции от места стройки в бездну космоса. Поэтому монтажники будут закрепляться около рабочего места *тросами* (В. И. Левантовский, Рассказ об искусственных спутниках, 1957); Он тщательно подготовился к выходу. . . обмотал вокруг пояса «*вожжи*» — пару длинных пластмассовых *шнуров*, предназначенных для привязывания человека к звездолету (Г. Анфилов, В конце пути. — Знание—сила, 1959, № 12).

Наконец, в сообщениях о выходе в космос А. Леонова появилось слово *фал* (или *фала*), выступавшее прежде как международный морской термин, а позднее как авиационный (веревка для раскрытия парашюта без участия парашютиста, прикрепляемая одним концом к самолету, а другим — к вытяжному кольцу). В неспециальных текстах оно обычно либо заменяется словами *шланг*, *трос*, либо выступает с приложением *фал-шланг*, *фал-трос*;

2) Чтобы легче перенести перегрузку, возникающую при разгоне, мы перед стартом будем привязаны ремнями к своеобразным *лежанкам* (Знание — сила, 1954, № 10); Закреплялись привязными ремнями в своих *ложементах* (Правда, 1964, 9 нояб.); . . . уменьшение влияния перегрузок на организм космонавтов — прямое следствие оригинального устройства наших *рабочих кресел*, так называемых *ложементов*, сделанных точно по форме тела каждого из нас (Правда, 1964, 6 нояб.).

Б. В составе космической лексики в область терминирования попала своеобразная часть нового космического быта человека. Специалисты, создававшие космические корабли, должны были продумать каждую деталь системы жизнеобеспечения, все возможные в космическом корабле условия комфорта. Обычные предметы обихода превращались нередко в сложные технические сооружения, ср.: Выслушав просьбу рассказать, как делаются эти костюмы, главный конструктор завода сразу же поправил: — Бытующие названия «костюм», разные там «доспехи», «одежда космонавта» и т. п. неправильны. Мы делаем *скафандры*. . . А это самый настоящий аппарат, сложный и точный (Правда, 1968, 21 марта). Это сближение находит отражение и в номинации. Например, лицевая часть гермошлема носит название *иллюминатор*, так же как «окна в космос» в самом космическом корабле. *Кресло* космонавта — сложная конструкция. В него вмонтированы

«радиогарнитура», радиоусилители и специальная система, к которой подключается шлемофон космонавта. . . На центральном крыле справа и слева имеются ручки управления космическим кораблем. . . (А. Николаев, Дорога без конца). Приведенные термины могут ввести в заблуждение непосвященных, так как ассоциируются с бытовыми предметами, однако одноименность здесь обманчива.

Область быта подверглась и явному терминологическому переименованию. Расподобление с общелитературной лексикой проводилось очень последовательно, ср. примеры из указанной книги А. Николаева: Сейчас в *подогревателе пищи* уже греется наш обед; Оставшуюся пищу упаковывали и укладывали в *пищехранилище*; Для удобства в пользовании на каждый день продукты укладывались в один *чехол* и один *патронташ*; Густую пищу космонавты хранили в *тубах*; Сообщите состояние указателя проскока на *сборниках конденсата воды* номер один спускаемого аппарата и номер два орбитального отсека (это *бочки*, куда мы откачивали конденсат воды из холодильно-сушильных агрегатов).

Как можно видеть из примеров, по штатной инструкции были регламентированы многие элементы поведения космонавтов на борту корабля. Ср. еще: Во время приема пищи нам приходилось все *фиксировать* под резиновыми натягами на серванте (!) и в руках. . . *тубу* с борщом; *При приеме воды* мундштук брали в рот. Нажимая на кнопку, открывали клапан и высасывали воду *из емкости* (А. Николаев); *Выстраивался* — это значит в свободном плавании сокращал скорость до нуля (из рассказа космонавта В. Севастьянова на телевидении).

В. Контраст с деловой речью космонавтов составляет профессионально-разговорная, экспрессивная номинация, например: Георгий Гречко, нетерпеливо похлопывая по «*бульбе*» люка, который вот-вот должен открыться, шутит: «Всегда так, когда ждешь желанных гостей, они хоть немного, да опаздывают». *Крышка* медленно поднялась кверху (Комс. правда, 1978, 5 марта); Все ясно: сработал пиропатрон, отбросив в пространство ставший ненужным *аэродинамический обтекатель*. Теперь можно взглянуть в иллюминаторы. Но дело прежде всего, передаю на Землю — *колпак* отброшен! (Г. Береговой, Угол атаки); «Прогресс» (транспортный космический корабль. — *Е. К.*) специалисты между собой называют и «танкером» и «*грузовиком*» (Правда, 1978, 21 янв.); Сергей Павлович

(Королев. — *Е. К.*) очень высоко ценил и производственников — рабочих, технологов, и руководителей, участвовавших в создании, как он говорил, «*железа*» (А. Романов, Конструктор космических кораблей); В тот день мы стояли в цехе около спускаемого аппарата, или «*шарика*», как ласково его зовут на заводе слесари-сборщики, инженеры и испытатели (Правда, 1967, 19 окт.).

Выше говорилось о поисках глагола для обозначения перемещения человека в состоянии невесомости. В разговорной речи космонавты употребляют глагол *плавать*. В момент выхода в открытый космос А. Леонова космонавт В. Беляев, командир корабля, по радио сказал ему: «Отлично *плаваешь*!» (И. Борисенко, В открытом космосе, 1974).

4. Особый интерес представляет развитие в «космическом» контексте лексики восприятия.

А. «Восприятие» приборов. Важным достижением начального этапа истории авиации стала возможность пространственной ориентации по приборам в ситуациях, когда зрение летчика не могло быть эффективным. Полет по приборам получил название «слепого» или полета «вслепую». С увеличением высоты и скорости летания задачи пространственной ориентации все в большей степени передаются приборам. Разрешающая способность человеческого зрения становится недостаточной или даже ведет к ошибочным восприятиям: Так при скорости полета, втрое превышающей звуковую, перед самолетом появляется «*слепое*» расстояние, которое не воспринимается летчиком. Предметы впереди, кажущиеся ему еще удаленными на 100 м, на самом деле находятся уже рядом (А. Леонов, В. Лебедев, Восприятие пространства и времени в космосе). Наконец, в космическом полете ослабляется самое значение визуального восприятия, оно замещается другими способами восприятия объектов, доступными только приборам.

Виденье в космосе может быть непосредственным — невооруженным или вооруженным глазом (с помощью оптического прибора) либо опосредованным через телевизионный аппарат или благодаря фотографии. Помимо зрительной информации специальные датчики могут приносить о предмете информацию иного рода: о тепловом излучении, радиоизлучении, магнитных, электрических характеристиках. Как заметили психологи, чрезвычайно выросла мера «нечувственной» информации, перед космонавтом нередко возникает сложная задача раскодирования

разных данных и переведения их в реальную форму представления о предмете. Языковые напряжения, возникающие в этой области номинации, связаны: с различением визуального — невизуального, с восприятием человека — прибора, опосредованного — непосредственного. Наблюдается экспансия лексики зрительного ряда в другие области, зрительные термины претендуют на роль термина «восприятие» вообще, если речь идет о приборах, ср.: *Поле зрения* датчика ограничено, и его надо направить на ориентир (Б. В. Раушенбах, Е. Н. Токарь, Управление ориентацией космических аппаратов, 1975); Этот термин обычно применяется по отношению к оптическим приборам, однако будем толковать его шире, понимая под ним угловую диаграмму направленности любого датчика (там же); *Тепловидение* — а это сейчас по существу уже целая отрасль электроники — работает на контрастах температуры. Оно может применяться в металлургии, при топографических съемках и в природоведении, в авиации, где по разности температур воздушной массы можно обнаружить опасные для самолетов турбулентные области. Кристаллы КРТ — детекторы теплового излучения. Для других детекторов требуется более глубокое охлаждение, и, следовательно, конструкция *тепловизора* намного усложняется (Моск. комсомолец, 1980, 3 сент.).

В области радиотехники появились термины *радиовидимость*, *радиовизор*, *радиопрозрачность* (материала), например: За пределами *радиовидимости* (А. Николаев, Дорога без конца); Большие корабли только *радиотехнически* будут друг друга *видеть* (Ю. Борисенко, В открытом космосе). Таким образом, лексемы «зрения» приобретают новое значение, что позволяет создать однокорневое словосочетание *визуальная видимость*. Ср.: Групповой полет в пределах *визуальной видимости* (А. Николаев, Дорога без конца, 1970).

Специального обозначения требует действие направленности восприятия на объект: мочь увидеть, ввести в поле зрения. Только в статьях журналистов употребляется в этом случае глагол *увидеть* в кавычках: «*Увидев*» Луну, оптические приборы разрешали начать автоматическое фотографирование (Нехожеными тропами Вселенной, 1959). В терминологии существует термин *захват*: Датчик должен позволить производить «*захват*» искомого ориентира за один оборот космического аппарата вокруг оси поиска (Б. В. Раушенбах, Е. Н. Токарь, Управление ориентацией

космических аппаратов); ср.: Датчик «*захватил*» звезду и выдал команду (А. Николаев, Дорога без конца), а также слова П. Поповича: Я дал ручку и *загнал* ее прямо в центр (речь идет о попадании звезды в центр экрана оптического аппарата «Взор». — *Е. К.*) (А. А. Леонов, В. И. Лебедев, Психологические особенности деятельности космонавтов).

Передача видимых изображений с космического корабля на Землю также осуществляется с помощью системы, в названии которой присутствует корень *вид-еть*: *телевидение*, *космовидение*. Ср. также препозитивный элемент *видео* в терминах *видеосвязь*, *видеотелефон*, *видеомагнитофон*.

Если в терминологии поставлены определенные границы применению корня «зрение», то в речи журналистов переход за эти границы обычно имеет целью создавать выразительные эффекты, но иногда вызван именно лексическим дефицитом: Необходимо, чтобы спутник был «*видим*» одновременно (имеется в виду радиовидимость) из этих пунктов (Веч. Москва, 1965, 3 дек.); С помощью бортовых радиотехнических средств активный спутник «*осматривается*» и ищет спутник-мишень (Правда, 1967, 2 нояб.). Уже выработаны некоторые образные клише: *глаз киноаппарата*; что видит *фотоглаз*; наклон оси позволяет как бы приблизить к грунту *телевизионный* «*глаз*» станции; не спускали с нее (автоматической станции. — *Е. К.*) внимательных «*радиоглаз*» (из газет); за всем наблюдает *телеоко* (Г. Береговой, Угол атаки); у него (космодрома. — *Е. К.*) есть *радиозрение*, радиоуши и радиоречь, чтобы «*видеть*» взлетающую ракету, «слышать» ее, говорить с ней (Изв., 1965, 19 марта).

Помимо ряда зрения для характеристики «восприятия» приборов используются лексемы с общим значением «чувствовать, воспринимать» и лексемы, относящиеся к другим из пяти человеческих чувств: На ней установлены дополнительные датчики, чтобы лучше *чувствовать* объект (Правда, 1967, 18 окт.); Легкий шум от механизмов не *воспринимался* прибором (Правда, 1979, 8 февр.); Удалось даже «*прощупать*» свойства поверхности Венеры, найти ее отражательную способность в разных длинах волн и определить ее общий рельеф (Правда, 1967, 19 окт.). Приведем два примера не из космической области: Листы особого назначения на ультразвуковой установке сдавали экзамен долго: каждый сантиметр их «*прощупывали*» — нет ли где раковин (Правда, 1979, 1 апр.);

Если в исходном она равнялась 30—37 мкв, то в состоянии невесомости наблюдалось биэлектрическое *молчание* (об измерении биоэлектрической активности мышц) (Б. В. Раушенбах, Е. Н. Токарь, Управление ориентацией космических аппаратов).

Поскольку речь идет о настоятельной потребности номинации, можно ожидать, что некоторые метафорические сдвиги будут закрепляться, терминироваться. Ср., например, термин «порог *чувствительности* радиоприемника».

В терминологии не всегда удается выдержать один ряд. В этом отношении интересен термин «*глухой виток*»: Перед уходом корабля с нашей территории на так называемые *глухие витки* (когда корабль выходит из зоны радиовидимости) еще раз производили телеметрическую запись физиологических функций организма (А. Николаев, Дорога без конца). Этот тип переноса был вызван, видимо, и тем, что термин зрительного ряда *слепой* был уже занят.

Новые связи между идеями «видеть непосредственно» и «видеть опосредованно» потенциально могут также найти отражение в языке. Интересно отношение «окно (иллюминатор) — телеэкран», замеченное К. П. Феоктистовым: На корабле была использована новая *телевизионная система*, которая обеспечивала не только передачу на Землю «репортажа» из кабины корабля, но и передачу на Землю картины, наблюдаемой с борта корабля. Эта же телевизионная система использовалась экипажем для наблюдений окружающего пространства со стороны приборного отсека и тормозной двигательной установки, т. е. с той стороны, с которой нельзя «прорезать» обычный иллюминатор. Таким образом, эта система являлась как бы дополнительным *иллюминатором корабля* (Правда, 1969, 22 окт.).

Все приведенные наблюдения говорят об особой актуальности противопоставления человек — автомат в современном мире и языке.

Б. Соотношение поведения, восприятия и действительности. При обучении летчиков и космонавтов создаются условия, имитирующие космический полет. Чтобы космонавт максимально близко к реальному пережил то, с чем ему предстоит встретиться в полете, применяется специальная система тренажеров. У космонавтов такого рода тренировка, репетиция называется глаголом *проиграть*. Приведем примеры: Лучшей тренировкой к пере-

грузкам являются «*земные полеты*» на центрифуге (Н. Каманин, Летчики и космонавты); В электронные машины имитатора конструкторы заложили характеристики управления будущего гиганта. Пилот должен был «*летать*». . . (М. Арлазоров, Конструкторы); Через несколько минут по графику полагалось приступить к работе и мне. Опять придется «*пилотировать*» прикрученный шурупами к стенке воздушный лайнер (Г. Береговой, Угол атаки). Лексемы, заключенные в кавычки, имеют значение «имитировать действие и психологически стараться воспринять его как подлинное»; кавычки, таким образом, снова указывают на сдвиг значения.

Стремясь к верной ориентации во внешнем мире, космонавт должен контролировать точность и адекватность своих восприятий пространственных положений предметов, отношений покоя и движения. Как замечено, в условиях космического полета могут возникать иллюзорные зрительные восприятия: Когда космонавт резко поворачивал голову, головокружение усиливалось и появлялась иллюзия «*плавания*» предметов (А. Леонов, В. Лебедев, Восприятие пространства и времени в космосе); При движении ориентироваться в пространстве приходилось на движущийся корабль и «*стоящее*» солнце, которое было над головой или за спиной (там же); Работая ручкой управления, я смог «*останавливать*» некоторые предметы на месте и наблюдать их в центральную часть «Взора» (Ю. Гагарин, В. Лебедев, Психология и космос).

Лексемы восприятия, включающие психологическую поправку на субъективность восприятия, составляют также продуктивный ряд в космической лексике. Здесь особенно выделены лексемы, включающие рациональный элемент сознательно ощущаемой иллюзорности восприятия. Но возможны и менее рационализированные употребления, свойственные и общелитературному языку, ср.: Положение продольной оси корабля по отношению к направлению полета определяется по «*бегу*» земной поверхности в поле зрения ориентатора (А. Леонов, В. Лебедев, Восприятие пространства и времени в космосе); В стороне от корабля, примерно в километре, *плыл* искусственный спутник Земли (там же); Колеблются стрелки на циферблатах различных приборов, «*бегают*» цифры на небольших экранах (А. Романов, Конструктор космических кораблей); И уже никакой силой не остановить столкновение с *летящей* к нему Землей (Летчики, ЖЗЛ, 1978).

В терминологии возможно сдвинутое, условное употребление лексем этого круга, например: . . .С помощью одного или нескольких *неподвижных* спутников, т. е. спутников, выведенных на так называемую стационарную орбиту, период обращения которых равен периоду обращения Земли вокруг своей оси (И. Борисенко, В открытом космосе).

Продуктивность названных типов семантических сдвигов составляет специфику группы космической лексики. Жизненная актуальность осознания отношения «восприятие — реальность» актуализирует подобный тип отношений и в языке.

5. Одной из познавательных целей, предопределяющих поведение человека в космосе, является отождествление объектов и явлений, наблюдаемых вне Земли, со сходными земными объектами и явлениями. Характерен отрывок из беседы с ученым-космонавтом К. П. Феоктистовым: На полях его блокнота я увидел какой-то замысловатый карандашный рисунок. — Что это такое, Константин Петрович? — спрашиваю я его. — Ах, это? Это рисунок *изморози*, которую я видел на стекле иллюминатора нашего корабля. Впрочем, это, по-моему, не *изморозь* (Изв., 1964, 16 окт.); ср. еще: Неизвестно также, какое физическое явление лежит в основе этих мощных разрядов — *гроза*, подобная земной, или что-то другое (Правда, 1979, 8 февр.); Однако надо иметь в виду, что лунная *пыль* по своим свойствам настолько существенно отличается от земной *пыли*, что лучше ее вовсе и не называть *пылью*, чтобы не создавать путаницы и ложных представлений. Пылинки: весьма хрупкие, весьма пористые, но все-таки жесткие структуры (Лит. газета, 1966, 5 апр.).

Предвкушая неожиданные впечатления человека на других планетах, писатели-фантасты разработали способы номинации, подчеркивающие тождество—нетождество известного и нового. В научно-фантастической литературе чрезвычайно распространены прилагательные с суффиксоидами *-образный*, *-подобный*, сложные и составные наименования типа *животно-растения*, *стаканы-кастрюли*. В научно-популярных и газетных жанрах наименования земных и космических объектов регулярно различаются присутствием надставок *космо-*, *астро-* [24], прилагательных *космический*, *лунный* и т. д. Это аналитические способы

[24] См.: Русский язык и советское общество. Словообразование...,

уподобления и сравнения. Метафорический перенос — способ «синтетический». Своеобразную сложность представляют обозначения таких земных явлений, которые в превращенной форме обнаруживаются в новых для человека условиях. Известно, что понятия «верх—низ», «пол—потолок», «день—ночь» в космосе иные, чем на Земле, ср.: При отсутствии тяжести представление о «*верхе*» и «*низе*» в обычном их понимании исчезнет. Выпущенный из руки предмет не будет падать вниз, и «*низом*» условно будет считаться направление к центру Земли (А. Штернфельд, От искусственных спутников к межпланетным полетам, 1959). У А. Леонова было выработано условное представление, что «*низом*» является корабль. Об изменении ощущения «падения» писал К. Э. Циолковский: Что мы испытываем, ничего не имея под ногами, т. е. не имея обычной опоры? Одни будут пугаться, другие удивятся, третьи от страха необычной картины «*упадут*» в обморок, хотя *упасть* тут некуда и невозможно. Вероятно, низ покажется там, где ноги. Поэтому появится страх падения (К. Э. Циолковский, Жизнь в межзвездной среде, 1969).

Как можно заметить, понятия, приобретшие относительность в космосе, выделяются кавычками [25]. Роль кавычек здесь можно определить как указание на определенный тип семантического сдвига, не нашедшего отражения в формальной структуре слова. Можно говорить об особой семантической модели «относительности уподобления». Космическая лексика способствует укреплению ее в языке. Ср. еще примеры: Двухнедельный «*лунный день*» (Изв., 1966, 5 февр.); Корабль опять ныряет в темноту ночи, и вновь в небе вспыхивают светлячки далеких звезд. Это уже «*вторая ночь*», которую я встречаю в полете (Г. Титов, Голубая моя планета); В теневой части Земли космонавт ориентирует корабль по приборам, а выйдя из «*ночи*», непосредственно наблюдает объекты на земной поверхности (Ю. Гагарин, В. Лебедев, Психология и космос); Пусть, например, внешний радиус *тора* (радиус «*пола*»,

---

[25] Б. С. Шварцкопф писал об использовании кавычек для обозначения «условного или мыслимого действия», а также для выражения отношения говорящего к содержанию высказывания и его достоверности (*Шварцкопф Б. С.* О факультативных случаях употребления кавычек. — В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М., «Наука», 1974).

на котором стоят ноги космонавта) равен 10 метрам (Наука и жизнь, 1964, № 10).

Подводя итоги, можно сказать, что космическая лексика структурно связана с другими группами лексики, обозначающей движение в разных физических средах. Единство разных групп лексики проявляется в сквозных переносах номинаций, наблюдаемых во всех сферах лексики: терминологической, общелитературной, экспрессивной; в выработке единых словообразовательных моделей для некоторых устойчивых членов этих лексических систем (названия летательных аппаратов, мест их запуска и приземления); в сходстве семантических моделей мотивации новых номинативных единиц; в некоторых устойчивых рядах ассоциаций, отражающихся в экспрессивной номинации. Вместе с тем в своеобразии космической лексики находят отражение существенные отличия и в практике, и в психологии освоения этой принципиально новой для человека физической среды. Познавательный характер деятельности человека в космосе накладывает отпечаток и на процессы номинации. Основная семантическая идея, находящая эксплицитное или имплицитное выражение почти во всех номинативных рядах, — это идея отождествления космического и земного, будь то новые объекты и свойства, открытые в космосе, деятельность и поведение человека в космической среде или самые процессы восприятия. Представляются важными все наблюдения, относящиеся к усилиям языка формализовать эту идею.

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ [1]

Названная тематическая группа представляет интерес для предпринятого исследования способов номинации как традиционная, значительная по объему и постоянно пополняемая область наименований. Особенности формирования данной группы лексики с древних эпох до современности позволяют вскрыть некоторые общие закономерности, характеризующие (в обозначенных пределах) механизм номинации, созданный в результате взаимодей-

[1] Рассматриваются наименования лиц мужского пола. Изучение женских соответствий к ним и особенностей взаимоотношения этих двух родов наименований представляет отдельную задачу, которая здесь не ставится.

ствия внутренних и внешних факторов развития языка. Согласно выдвинутой в науке точке зрения развитие лексики помимо внешних факторов определяется действием тех же внутриязыковых тенденций, которыми вызвано развитие и других сторон языка: тенденцией к регулярности, с одной стороны, и тенденцией к экспрессивности — с другой [2]. Эти тенденции сложно взаимодействуют друг с другом на разных уровнях языковой системы, сталкиваясь при этом и с качественно иными движущими силами, истоки которых следует видеть в сфере таких категорий, как традиция, языковой авторитет, литературная норма, литературный стандарт [3].

Подходя с этих позиций к наименованиям лиц по профессии, мы ставим своей задачей выявить указанные взаимодействия, определив типы номинативных единиц, участвующих в оформлении данной группы наименований, и прослеживая их соотношение, меняющееся в процессе развития литературного языка. Решению этой основной задачи, с нашей точки зрения, должен предшествовать анализ (здесь по необходимости краткий) самих способов ономасиологического представления, действующего в языке и вызывающего к жизни определенные ресурсы номинации [4].

Науку об именах, о природе наименования, о средствах обозначения и их типах называют ономасиологией. Основной целью ономасиологии считают создание теории номинации, ее главной задачей — изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности [5].

Словообразование рассматривается как то звено в языковой системе, которое «ответственно» за формирование обозначений элементов внешнего и внутреннего опыта человека. «Описывая ономасиологические аспекты словообразования, — пишет Е. С. Кубрякова, — мы определяем тем самым его основополагающие черты: все средства

---

[2] См.: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968 (гл. 1, § 3); *Шмелев Д. Н.* Основные процессы в лексике современных восточнославянских языков — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Докл. советской делегации. М., 1968, с. 399.

[3] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 398.

[4] Там же, с. 395.

[5] *Кубрякова Е. С.* Словообразование и его место в теоретической ономасиологии. — В кн.: Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977, с. 222.

словообразования, все его приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить задачам номинации» [6].

В теоретической ономасиологии, по мнению Е. С. Кубряковой, параллельно с лексическим и синтаксическим разделами, следует выделить раздел деривационной ономасиологии. Сюда входит изучение следующих проблем: особенности отражения номинативной деятельности человека в такой единице номинации, как производное слово, и в формировании таких категорий, которые могут быть названы ономасиологическими словообразовательными категориями языка; роль и ономасиологическая направленность разных приемов словообразования и словообразовательных средств при решении конкретных задач номинации; классификация и описание ономасиологических структур, манифестируемых производными разного типа [7]. «Решение этих проблем, — подчеркивает автор, — существенно, по-видимому, не только для собственно словообразования, но и для построения адекватной теории номинации в целом» [8].

Какие же внеязыковые отношения выражаются в структуре производных слов рассматриваемой группы? Л. А. Шкатова, анализировавшая наименования лиц по профессии с этой стороны [9], выделяет три класса наименований, характеризующихся общностью ономасиологических структур: А. Наименования, в основе которых лежит отношение к действию. Б. Наименования, в основе которых лежит отношение к объекту действия. В. Наименования, в основе которых лежит отношение к средству действия. Внутри этих классов, в свою очередь, выделяются подклассы — внутри класса А: а) наименования, указывающие на действие, которое непосредственно выполняет лицо (*варильщик*, *наполнитель*, *классификатор*); б) наименования, указывающие на отношение участия в действии (*бродильщик* ‘кто ведет процесс брожения’); в) наименования, указывающие на пассивное отношение к действию (*рассыльный*, *посыльный*); внутри класса Б: а) наи-

---

[6] Там же, с. 223.
[7] Там же, с. 236, 238.
[8] Там же, с. 239.
[9] *Шкатова Л. А.* Наименования лиц по профессии в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1967; *Она же.* Словообразование и ономасиология. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ташкент, 1975.

менования, указывающие на изготовляемый предмет (*дощик*, *замочник*, *колбасник*); б) наименования, указывающие на обрабатываемый предмет (*мраморщик*, *гранитчик*); в) наименования, указывающие на отношение к предмету научной деятельности (*химик*, *кибернетик*); г) наименования, связанные с предметом ухода (*телятник*, *птичник*); внутри класса В: а) наименования, данные по отношению к орудию действия (*автовесчик*, *газгольдерщик*, *грейдерист*); б) наименования, характеризующиеся отношением к условиям труда (*шахтер*, *киоскер*, *клиницист*, *ручнист*) и т. д.

Рассматриваемые наименования обнаруживают известные различия в актуальности (продуктивности) представленных в них отношений на разных этапах развития языка. Эти различия, как показывает Л. А. Шкатова, объясняют имеющую место замену ряда наименований в процессе языкового развития или дают основу для возможных (необходимых) замен. Так, например, наименования, указывающие на действие, которое непосредственно выполняет лицо, в современном языке теряют продуктивность. Все более актуальным становится обозначение отношения участия в действии, что связано с изменением самого характера труда. В ряде случаев подобного рода изменения вызывают, по выражению автора, «напряжение», поскольку в семантической мотивированности наименования произошло изменение, структурно же это не выражено (ср. наименование *бродильщик*, мотивированное сочетанием «вести процесс брожения», а не глаголом *бродить*). В таких случаях более точными, по мнению автора, будут составные наименования (*аппаратчик брожения* и т. п.). Наименования, указывающие на изготовляемый предмет, малопродуктивны (хотя и многочисленны), они характеризуют мелкие производства. В современном языке эти наименования охотно используются для создания обиходных обобщенных наименований родственных профессий: *мебельщики*, *обувщики* и т. д. Среди наименований, обозначающих отношение к орудию действия, продуктивны наименования, обозначающие отношения опосредствованные (*крановщик* и др.). Наименования, данные по отношению к различным условиям труда, непродуктивны, но они продуктивны в обиходе: *клиницист*, *полярник*, *сезонник* и т. д.

Далее важно рассмотреть, с помощью каких языковых средств выражаются те или иные категориальные значе-

ния, каково соотношение и взаимодействие этих средств. В языках с развитыми системами словообразования, подчеркивает Е. С. Кубрякова, разделу деривационной ономасиологии принадлежит важная роль, потому что существование в языке определенных традиций в этой области и, главное, существование апробированных обществом продуктивных и длительно бытующих в языке словообразовательных моделей как бы облегчает выбор того, что должно получить отдельное название в окружающей нас действительности. Конечно, определение того, что подлежит называнию и что должно быть названо, диктуется прежде всего практическими нуждами человека и его социальным опытом в широком смысле этого слова.

В наименованиях лиц по профессии, как известно, активно используется аффиксальный способ словообразования. Суффиксация, представленная в этой группе наименований уже в древнерусскую эпоху (ср.: *каменщик*, *гребенщик*, *бадейник*, *угольник*, *чеканщик* и др.), не теряет своей продуктивности и до настоящего времени. Показательно, например, что в «Алфавитном словаре занятий» [10], номинативные единицы, образованные с помощью суффиксации [11], составляют 72% общего числа представленных наименований (всего 987 единиц); номинативные единицы, образованные посредством словосложения (традиционно рассматриваемого как синтаксико-морфологический способ образования), составляют 5,3% (всего 73 единицы); заимствования — 4,5% (всего 62 единицы).

Аффиксальное словообразование продуктивно, поскольку оно отвечает требованиям «полной» регулярности [12]. И хотя оно в силу ряда причин несколько сдает свои позиции, это не касается области обозначений лица по специальности и профессии [13]. Сказанное, однако, не означает, что суффиксация как способ наименования

---

[10] Алфавитный словарь занятий. Для шифровки ответов на 13-й вопрос переписного листа (о занятии). М., 1959. Подсчет произведен на материале букв А—К.

[11] Здесь мы пока не разграничиваем их структурно, т. е. сюда входят и однословные наименования (*кузнец*), и компоненты комплексных аппозитивных наименований (*кузнец-штамповщик*), и доминанты описательных наименований (*кузнец на молотах и прессах*). См.: *Моисеев А. И.* Наименования лиц по профессии в современном русском языке. Автореф. докт. дис. Л., 1968, и другие работы этого автора.

[12] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 398.

[13] Там же.

лиц по профессии не претерпевает изменений. Речь идет и об изменении соотношения данного способа с другими (в том числе об изменении соотношения структурно различных наименований с суффиксальной номинативной единицей — однословных и неоднословных — аппозитивных и составных) и об изменениях в продуктивности различных типов суффиксации. Рассмотрим вначале изменения последнего типа. Они обусловлены как влиянием внешних факторов (социальный заказ), так и внутренних, языковых. Наиболее существенную роль играет здесь тенденция к специализации суффиксов.

Известно, что в древнерусскую эпоху в обозначении nomina agentis были продуктивными суф. *-тель*, *-ник* и *-щик* (в фонетически обусловленных позициях *-чик*) [14]. Возможность использования этих трех словообразовательных элементов имела своим результатом существование параллельных образований: *обидитель* и *обидник*, *будильник* и *будильщик*, *закладник* и *закладчик*, *каменник* и *каменщик*, *бадейник* и *бадейщик*, *гребенник* и *гребенщик* и т. д. Однако уже и в этот ранний период названные суффиксы обнаруживают тенденцию к специализации — они специализируются на выражении определенных обозначений лица по тому или иному признаку [15]. Например, суф. *-тель* «монополизируется» в области обозначений лица по действию в книжных сферах, вытесняя суф. *-ник*. Это сказывается и на судьбе парных образований, из которых закрепляются (за очень редким исключением) образования на *-тель*. В наименованиях лиц по конкретному действию, производимых от глагольных или глагольно-именных основ, становится продуктивным суф. *-щик*, а суф. *-ник* вытесняется. В частности, и из имеющихся пар образования с *-ник* уходят (*закладник — закладчик*), если они не расходятся по значению (*заказник — заказчик*).

Вытесняется и суф. *-льник* в обозначении лица по действию. Суф. *-льщик* закрепляется в этой области обозначений. Из дублетных пар сохраняются образования на *-льщик*; *-льник* сохраняет продуктивность в обозначении

---

[14] *Прокопович Е. Н., Хохлачева В. Н., Шелихова Н. Т.* Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. М., «Наука», 1974.

[15] *Воронцова В. Л.* Об одном случае конкуренции словообразовательных моделей (суффиксы *-ник*, *-щик* и *-тель* в обозначении лица в древнерусском языке). — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

предметов (*будильщик — будильник*). В отыменных образованиях, т. е. в обозначениях лица по предмету (владения, отношения, изготовления и т. д.), продолжительное время используются суффиксы *-ник* и *-щик* (*мытник — мытчик, ямник — ямщик, бадейник — бадейщик, угольник — угольщик* и др.). Интенсивного вытеснения суф. *-ник* из этой области обозначений не наблюдается [16]. В какой-то степени в литературном языке вариативность в использовании этих средств сохраняется и до настоящего времени, будучи переведена отчасти в стилистический план [17]. Что касается области специальных обозначений, то здесь использование суф. *-щик* как специализированного словообразовательного средства в обозначении лиц по профессии наблюдается уже с XIX в. Единодушно мнение исследователей, что в XIX в. число подобных наименований быстро растет. Они образуются как от глагольных, так и от именных основ [18].

В современном языке тип существительных на *-щик, -льщик* является ведущим, самым продуктивным средством образования слов со значением специальных технических профессий [19]. В 20-х годах тип существительных на *-щик, -льщик* сосуществует с другими — на *-тель, -арь, -ач, -ак, -ло, -ла, -ец, -ник, -ист*. Сравнение «Словаря занятий» разных лет издания (1926, 1939, 1959) показывает выход из употребления ряда синонимических словообразовательных типов — на *-ла, -ло* и др.[20]

На рубеже 30—40-х годов вновь усиливается продуктивность образований на *-щик, -льщик*. Причина (внеязыковой фактор) — индустриализация страны, необходимость оснащения промышленности машинной техникой, механизация и автоматизация отдельных производственных процессов в ряде отраслей [21]. Наблюдается активный рост наименований — дифференцированных наименований профессий, названных по отдельным производствен-

---

[16] Об особенностях взаимодействия суф. *-ник* и *-щик* в XIX в. см.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. I. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964, с. 51—53.

[17] Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, с. 235—241.

[18] Очерки по исторической грамматике. . .

[19] Русский язык и советское общество. Словообразование. . .

[20] Там же, с. 123—124.

[21] Там же, с. 126.

ным процессам. В связи с этим активизируется тип на *-льщик* от глаголов конкретной семантики: *спускальщик*, *сметальщик*, *отжигальщик* и т. п. Продуктивен принцип наименования лиц по производственному процессу. Словообразовательная сторона этого явления — рост образований на *-щик* от приставочных глаголов: *закантовщик*, *заполировщик* и т. д.[22]

Позднее область наименования лиц по профессии, занятиям обогащается рядом других словообразовательных средств, которые тоже имеют свою спецификацию, в том числе заимствованных. Так, уже в конце XVIII — нач. XIX в. из всего лексического разнообразия заимствованных имен на *-ист* вычленяется несколько групп, объединяющих слова с мотивированным значением и «свободной основой» [23]. Среди них группа существительных — названий лиц по отношению к музыкальному инструменту со значением 'играющий на инструменте, названном основой': *арфист*, *альтист*, *виолончелист* и др. В языке XIX в. зарождаются словообразовательные модели с иноязычными основами и с другими значениями. Например, в конце XIX в. появляется несколько отдельных слов, обозначающих лицо по отношению к прибору, механизму, машине: *телеграфист*, *велосипедист* (ранее существовало *машинист*). В современном языке обозначение лиц по отношению к механизму становится активно пополняющейся группой слов с мотивированным значением [24]. Приобретают продуктивность и другие заимствованные суффиксы: *-ик* в обозначении лиц по отношению к какой-либо сфере науки и техники (*историк*, *электрик*, *механик*), *-(а)тор* в обозначении лиц по роду деятельности (*оператор*), *-лог* в обозначении специальностей по предмету, названному в первой части слова (*биолог*, *зоолог*) [25].

Ограниченностью круга словообразовательных элементов, используемых в области наименований лиц по профессии, специальности, объясняют активизацию некоторых компонентов сложений [26]. Например, использование аффиксального элемента *-вод* («словоэлемента»,

---

[22] Там же, с. 126, 127.

[23] Очерки по исторической грамматике. . ., с. 125 и след.

[24] Там же, с. 127.

[25] *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л, 1947.

[26] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 400.

по Виноградову) в обозначениях, отразивших дифференциацию сельскохозяйственного производства (*полевод*, *свекловод*, *птицевод* и т. д.), позволило достигнуть большей регулярности лексического ряда, чем было бы возможно при использовании подходящих аффиксальных средств [27]. «Словоэлемент» *-вед* продуктивен в обозначениях лиц, занимающихся научной разработкой какого-нибудь предмета, отрасли знаний (*языковед*, *литературовед*). Эти виды наименований занимают в целом менее значительное место. Например, в «Алфавитном словаре занятий» наименования с суф. *-щик* составляют 50,2% (всего 495 единиц) общего числа наименований, образованных посредством аффиксации, с суф. *-тель* — 2,7 (27 единиц), с суф. *-ник* — 7,7 (76 единиц), с суф. *-ист* — 5,8 (57 единиц), с суф. *-ик* — 4,9 (46 единиц), с суф. *-атор* — 4,3 (43 единицы), с суф. *-лог* — 2,6 (25 единиц), с «словоэлементом» *-вод* — 3,6 (33 единицы), *-вед* — 1,5% (15 единиц). Образования с другими суффиксами менее значительны. Аффиксальные средства, при всей их многочисленности и многообразии привносимых значений, не способны, однако, полностью удовлетворять требования номинации в рассматриваемой области. Дело, очевидно, прежде всего в «социальном заказе», связанном с изменением характера производства, ростом автоматизации. «Автомат, — читаем в одной из журнальных статей, посвященных проблемам производства, — всегда расчленял производство на все более простые и короткие операции. Возник неудержимый рост профессий — чуть ли не по одной на каждую операцию. Сначала рабочие, обслуживающие металлорежущие станки, разделились на токарей, сверловщиков, фрезеровщиков, шлифовщиков. Потом и эти специальности пошли дробиться все дальше. Перечень профессий, выпущенный в 1926 году, включал в себя 10 300 наименований. В 1939 году их было уже 19 тысяч, в 1959 году — 30 тысяч. Сейчас, если считать вместе со специальностями и квалификациями, подобный перечень состоит из 40 тысяч позиций!» [28]

Наряду с однословными наименованиями лиц по профессии, произведенными посредством суффиксации, широко употребляются неоднословные наименования, об-

---

[27] Там же.

[28] *Рувинский И.* Профессия века — оператор. — Знание — сила, 1979, № 1.

служивающие все эти разветвленные профессии. По структуре они подразделяются на аппозитивные, комплексные (*кузнец-штамповщик*, *кузнец-гибщик*, *токарь-карусельщик*) и описательные наименования, которые производятся на базе однословных или комплексных (*кузнец на молотах и прессах*, *токарь по резине*, *токарь по эбониту*, *сварщик — кузнец на молотах)* [29]. В «Алфавитном словаре занятий» неоднословные наименования составляют 25,3% (250 единиц) общего числа приведенных наименований, однословные — 74,7% (987 единиц).

С языковой точки зрения (анализа словообразовательных процессов) рост составных наименований рассматривается как изменения в процессе специализации словообразовательных типов. Поскольку наличие существующих типов (с суф. *-щик*, *-лог*, *-ист* и др.) не удовлетворяет потребности в обобщенных наименованиях (тем более, что «специализированный» тип с суф. *-щик* оказался поколебленным начавшейся в 50—60-х годах его деспециализацией), появилась необходимость в расширении словообразовательных средств. Оно происходит путем «лексической специализации», т. е. путем отбора численно небольшого количества наименований с широким профессиональным значением (*наладчик*, *аппаратчик*, *автоматчик*, *машинист*, *оператор* и т. д.) и использования их в составе словосочетаний (*аппаратчик по брикетированию*, *аппаратчик на испарителях*) [30].

Как считают специалисты, в настоящее время тенденция к специализации сменилась своим постоянным антагонистом — тенденцией к универсализму. Эти две тенденции все время сменяют друг друга в ходе любого эволюционного процесса. Специализация, достигнув определенной критической величины, становится тормозом для дальнейшего развития. Начинается процесс вычленения того общего, которое заключено в любом проявле-

---

[29] *Моисеев А. И.* Наименования лиц по профессии (структурная классификация). — Вестн. ЛГУ, 1965, № 2, вып. 1; *Он же.* Наименования лиц по профессии и толковые словари современного русского литературного языка. — В кн.: Современность и словари. Л., 1978.

[30] Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 133. В этой связи обращают внимание и на такую сторону дела, как значительное сближение некоторых профессий, к которому ведет технический прогресс (ср. труд водителя трамвая, поезда, электровоза, работу на разных автоматах и т. д.).

нии специализации. Это общее и становится базой для новой тенденции к универсализму. Массовые рабочие профессии обнаружили две группы общих признаков. Первая из них и объединяет все те профессии, которые связаны с «кнопочным управлением» и которые охватывает единое понятие — *оператор* [31]. Другая группа объединяет тоже массовые рабочие профессии — такие, как слесари-ремонтники, наладчики, электрики, прибористы и т. д. Значение труда этой категории профессий все время возрастает, особенно наладчиков, поскольку сложность современных автоматических устройств и вызвала к жизни этот новый, почти незнакомый ранее технологический процесс.

Итак, специалисты считают, что уже сейчас можно говорить о начале интеграции профессий [32]. Это порождает ряд производственных и социальных проблем. Например, вопрос о кадрах станочников, которые в «престижной» лестнице профессий не «на высоте», о постепенном изменении характера их труда в соотношении с трудом оператора [33]. Но это все получает отражение и в соотношении способов наименования лиц по профессии. В настоящее время и в дальнейшем, видимо, все большее распространение будут получать «обобщенные» наименования, созданные путем лексической специализации, доминантным словом которых является наименование профессии, связанной с тенденцией к интеграции. Например, в «Алфавитном словаре занятий» с доминантным словом *аппаратчик* называется около 600 профессий, со словом *наладчик* — более 50, со словом *машинист* — более 800.

---

[31] «Черты профессии оператора распространились ныне на множество и таких специальностей, которые вчера еще были далеки от „кнопочного управления“. По существу операторами стали сталевары, машинисты вращающихся печей, аппаратчики химических предприятий. Приближаются к профессии оператора и те, кто обслуживает металлорежущие станки. Это становится все явственней по мере того, как парк технологического оборудования все больше пополняется автоматами и полуавтоматами, а то и целыми автоматическими линиями (не говоря уже о небольшой пока, но все время увеличивающейся доле станков с программным управлением)» (*Рувинский И.* Указ. соч).

[32] Это заключение можно сделать, читаем у И. Рувинского, не только из умозрительных рассуждений. В промышленно развитых странах специализация уже прекратилась и даже идет вспять. Например, в США за последние 15 лет количество рабочих профессий сократилось примерно на 10 процентов.

[33] *Рувинский И.* Указ. соч.

Понятно, что особое положение занимают здесь наименования со словом *оператор*, знаменующим профессию века. Ведь «сегодня широким фронтом наступает эра „кнопочной цивилизации". Профессия оператора становится самой массовой. Ибо это и летчик, управляющий самолетом с помощью автопилота, и штурман, которому ЭВМ помогает проложить курс корабля, и машинист сверхскоростного экспресса, пользующийся сложной электронной системой наблюдения за дорогой. Теперь к ним можно отнести и тракториста» [34]. В этом направлении меняются и многие другие производства [35]. Показательно, например, что из девяти новых профессий, с которыми знакомит читателей журнал «Наука и жизнь» (№ 5 за 1978 г.), шесть включают в качестве обобщающего слова наименования *оператор*: *оператор автоматических и полуавтоматических линий станков и установок*, *оператор электронно-вычислительных машин*, *оператор станков с программным управлением*, *оператор электронных гравировальных аппаратов*, *оператор фотонаборной электронной установки по изготовлению диапозитивов текста*, *оператор животноводческого комплекса по выращиванию и откорму крупного рогатого скота*. Ср. также описание содержания работы оператора животноводческого комплекса (Наука и жизнь, 1978, № 5): «. . .выполняет работы по уходу, кормлению, поению молодняка. . . эксплуатирует машины, оборудование и средства автоматики, применяемые на животноводческом комплексе или крупных фермах» и т. д.

Изменение содержания ряда профессий (социальная сторона) ведет, как было показано, к изменению ономасиологической структуры наименований, которая входит в противоречие со структурой термина (происходит увеличение количества наименований, выражающих отноше-

---

[34] Там же.

[35] Ср.: «Цех, в котором их (встроенные шкафы. — *В. В.*) делают, — своеобразный завод в заводе. По поточным линиям, переходя с конвейера на конвейер, плывут заготовки. Почти все операции автоматизированы. От привычного мебельного производства, пожалуй, остался лишь запах свежераспиленного дерева. Всем технологическим процессом управляет с диспетчерского пульта оператор. Специальная телевизионная система следит за выполнением операций на участках. Кстати, большинство рабочих уже не называются столярами или плотниками, а операторами прессов и автоматов» (Веч. Москва, 1978, 23 нояб.).

ние к участию в действии). Например, отмечает в своей диссертации Л. А. Шкатова, *дояр* — не тот, кто доит сам, а тот, кто руководит процессом механической дойки; *дробильщик* — управляющий дробилкой и т. п. В современных условиях эти и подобные наименования есть основания рассматривать как «неправильно ориентирующие». Встает вопрос об их замене. В качестве таковой обычно избираются составные наименования из двух и более терминоэлементов, один из которых указывает на понятие, а другой дифференцирует наименование по виду технологического процесса (*аппаратчик коагуляции*). Это удовлетворяет требованиям более точно именовать технологический процесс и находит поддержку с социально-оценочной точки зрения.

Семантическая деривация как способ номинации прямого отношения к рассматриваемой группе наименований не имеет, однако опосредствованное влияние он оказывает. Речь идет об использовании словообразовательных типов, называющих лицо, для обозначения предметов — машин, механизмов и т. д., имитирующих действия людей (образования на *-тель*, *-щик*, *-тор*). Регулярное использование данных словообразовательных типов в иного рода наименованиях ведет в принципе к их деспециализации. Для имен на *-тель* этот процесс не столь существен. Имена на *-тель* не специализировались на обозначении лица по профессии.

Словообразовательный тип на *-тель*, возникший (или, точнее, утвердившийся) в русском языке под влиянием церковно-славянского, первоначально оставался в пределах книжного языка. Отмеченные в древнерусском языке образования на *-тель* в большинстве своем имели ярко выраженную книжную стилистическую окраску, производились преимущественно от глаголов, свойственных книжной речи, и являлись обозначением лица по действию отвлеченному. Во второй половине XVII —нач. XVIII в. наблюдается расширение сферы употребления суф. *-тель*. Образования на *-тель*, оставаясь преимущественно в пределах книжных языковых сфер, были менее отграничены и от живой речи; появляются образования от глаголов иной (не книжной) стилистической окраски [36].

---

[36] *Воронцова В. Л.* Образование существительных с суффиксом *-тель* в древнерусском языке. — В кн.: Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. 5. М., 1954.

Как показывают дальнейшие исследования [37], периодом наибольшей продуктивности словообразовательного типа имен лиц на *-тель* был XVIII в. В конце XVIII—начале XIX в. происходят различного рода изменения внутри класса этих имен, связанные с общим процессом снижения глагольности в именах на *-тель*. Результатом происшедших изменений явилось прекращение уже со второй половины XIX в. свободного и широкого словообразования имен лиц с суф. *-тель*; отмечается тенденция к разрушению живой словообразовательной модели с единым значением производных и к сохранению в языке класса слов, хотя и многочисленных, но до какой-то степени разъединенных индивидуально развивающимися конкретными значениями. Начиная со второй половины XIX в. словообразовательная активность этой модели снижается, словопроизводство личных имен существительных с суф. *-тель* прекращается. Претерпев коренное семантическое преобразование в пределах словообразования имен лиц, суф. *-тель* получил продуктивность в кругу предметных имен (названия орудий, приборов, механизмов и др.).

В современном языке словообразовательный тип с суф. *-тель* при почти полном, как отмечают исследователи, отсутствии новообразований со значением лица, сохраняет некоторую продуктивность в профессиональных обозначениях [38]. Однако тот факт, что в соотношении частных значений типа образований на *-тель* произошел определенный сдвиг в сторону сокращения новообразований со значением лица и расширения числа новообразований со значением орудия [39], не колеблет моносемантичности суф. *-тель*.

Иное положение в области словообразования с суф. *-щик*. Появление большого числа наименований машин, механизмов, совпадающих с наименованиями лица, усиливает способность словообразовательного типа с суф. *-щик* передавать наряду со значением лица значение предмета, и это стимулирует процесс деспециализации суффикса. Он перестает быть однозначным, т. е. не может в полной мере обеспечить стандартность значений произ-

---

[37] Очерки по исторической грамматике. . ., с. 25 и след.

[38] Очерки по исторической грамматике. . ., с. 36; Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 177.

[39] Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 177.

водимых с его помощью слов [40]. Специализированный словообразовательный тип на *-щик* оказался поколебленным начавшейся в 50—60-е годы его деспециализацией. Это является еще одной причиной необходимости лексической специализации.

В области профессиональных наименований лиц на *-тор* рассматриваемое явление обусловливает появление такой специфической черты, как использование «вторичной» и «двойной» суффиксации [41]. Ср.: *коагуляторщик* в ряду *коагуляция — коагулятор — коагуляторщик*, где образование на *-щик* используется для разграничения обозначения лица и предмета (названия орудия или механизма), и *ароматизаторщик*, *герметизаторщик*, где одного из звеньев в ряду нет (*ароматизация — ароматизаторщик*), а наименования лиц в терминологической системе подравниваются с помощью «двойной» суффиксации (*-торщик*).

В определенной степени эта специфическая черта становится свойственной и образованиям на *-тель*. Об этом говорят некоторые замены в новых тарифно-квалификационных справочниках, ср.: *осветительщик*, *расщепительщик*, *сгустительщик* и др. [42] Однако, по мнению исследователей, подобные замены не всегда рациональны, поскольку не отвечают требованию краткости [43].

Изучая изменения, происходящие в области наименований лиц по профессии, следует иметь в виду и социально-оценочный аспект. Рассматриваемая группа наименований в большей степени, чем какая-либо другая, находится в поле зрения социальной оценки. Это понятно — ведь с названием профессии связывается определенный социальный престиж. Она вызывает известную эстетическую оценку у языкового коллектива. В ряде случаев эта оценка отрицательна: наименования некоторых профессий вызывают нежелательные ассоциации — вне своей узкоспециальной сферы [44].

Из многих публикаций на данную тему остановимся в качестве примера на статье (фельетоне) И. Шатунов-

---

[40] Там же, с. 132.

[41] *Шкатова Л. А.* Наименования лиц по профессии в современном русском языке, с. 15, 18.

[42] *Шкатова Л. А.* Заметки об унификации названий профессий. — В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971.

[43] Там же.

[44] Там же.

ского «Тарифный роман» [45], где как раз приводятся такие «неблагозвучные» наименования профессий. Среди них — *травильщица*, *сливщик-разливщик*, *пропитчик*, *изолировщик*, *обрубщик*, вполне достойные, с точки зрения автора, фельетонной славы [46].

Вопрос о наименованиях профессий, как явствует и из многих других журнальных и газетных статей, перерастает в большую социальную проблему. Юношей и девушек, утверждают авторы, часто отпугивают не сами профессии, а их названия. Из приведенных в различных статьях примеров неудачных наименований профессий (ср., в частности, и упомянутые И. Шатуновским профессии *долбежник*, *слесарь-заплетчик*, *болванщик*, *каландровщик*, *чесальщик*, *задельщик*, *шишельник*, *центрифужницы*, *оверложницы*, *клубочницы*, *кишечницы*) становится ясным, что не нравятся неблагозвучные наименования, идущие от мелкокустарного ремесленного производства.

В процессе работы по упорядочению наименований профессий (некоторые профессии отмирают, а множество новых профессий появляется), которую ведет НИИ труда Госкомтруда СССР, подобные неблагозвучные наименования постепенно устраняются [47]. В новом Едином тарифно-квалификационном справочнике работ и рабочих профессий (ЕТКС) 1970 г., например, профессия *болванщик* переименована в *изготовитель формодержателей*, *ребровщик — раздвижчик сырца* в *сушильщик изделий*

---

[45] Правда, 1977, 20 марта.

[46] Ср. ряд «сцен» из придуманной автором личной драмы молодых людей Светы и Жени, возникшей из-за профессий (точнее, их названий):

«— Разрешите теперь полюбопытствовать, где вы работаете?

— В типографии.

— Это еще не ответ, — вступил в разговор практичный дядя Петя. . . — Какую ступеньку вы занимаете на служебной лестнице?

— Самую обыкновенную. Я травильщица.

— Травильщица! Какой ужас! — закричала нервная тетя Глаша. Мама вскочила на ноги и унесла пирог на кухню. Папа тут же спрятал шампанское. . .»

Подобную реакцию вызвала профессия Жени. Женя работал на заводе и был сливщиком-разливщиком. Светин папа встревожился: «— А вы, часом, не заливаете, молодой человек? Разве такие профессии бывают? . .» (*Шатуновский И.* Указ. соч.).

[47] Подробнее см.: *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., «Наука», 1980, с. 153—154; *Он же.* Вопросы терминологии и терминотворчества в эпоху НТР. — В кн.: Терминология и культура речи. М., «Наука», 1981, с. 17—28.

в естественных сушилах. Трепальщик теперь именуется *оператор разрыхлительно-трепальных машин, водогрей* (обработка льна) — *контролер технологического процесса, терщик картофеля — машинист терочных машин, чернокотельщик — аппаратчик приготовления сернокислого глинозема, морсовщик — изготовитель морса* и т. д.[48]

Большинство замен, как это видно, идет по линии создания вместо однословного наименования наименований составных с доминантным словом типа *аппаратчик, оператор, контролер* и др. — «обобщенных» профессиональных названий. Подобные названия (при переименовании в ЕТКС учитывался характер технологического процесса, вид обслуживаемого оборудования и выполняемой работы) [49] рассматриваются как способные «перекрыть» терминологическую дробность традиционных профессиональных наименований.

Как было показано выше, этому не противоречат и данные анализа рассматриваемых наименований с точки зрения ономасиологических структур (имеем в виду факт развития составного ономасиологического признака путем указания объекта действия, орудия действия, средства действия, что ведет к созданию составных многоэлементных наименований) [50].

Проделанную работу по упорядочению наименований профессий нельзя, однако, считать завершенной. Например, И. Шатуновский отмечает, что до сих пор не найдены заменители *бойцу скота* [51], *волочильщику, выдувальщику, навивщику заушников* и др. Л. И. Скворцов справедливо отмечает, что и сам ЕТКС требует подробного критического анализа с лингвистической и с собственно нормативной точек зрения. Недостаток его автор видит в том, что наименования профессий устанавливались здесь в первую очередь по экономическим, а затем уже по социально-психологическим и лексическим критериям.

Словом, призывы И. Шатуновского и авторов многих других статей привлечь к этой работе писателей, педагогов,

---

[48] См. также: *Шатуновский И.* Указ. соч.

[49] *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи, с. 154.

[50] *Шкатова Л. А.* Наименования лиц по профессии в современном русском языке.

[51] Заметим, что это название представляет собой замену ранее употребительного *обескровливальщик* и оценивалось языковедами как удачное (см.: *Шкатова Л. А.* Заметки об унификации названий профессий).

историков, филологов, социологов [52], как и предложение обратиться к самим говорящим с вопросом, как бы им самим хотелось назвать их профессии, остаются актуальными.

ЛЕКСИКА ПОВСЕДНЕВНОГО ОБИХОДА

(наименования электробытовых приборов и машин)

Избранный в этом разделе для изучения класс номинативных единиц характеризуется однотонностью и разноаспектностью. Это конкретная лексика, обозначающая разнообразные бытовые приборы и машины. Предметом наблюдения служили в основном наименования новых вещей, новых реалий, появившихся в быту сравнительно недавно.

Прежде всего здесь будет рассматриваться компактная группа электробытовых приборов, для сравнения же привлекаются наименования бытовых вещей, не связанных с использованием электричества, а также некоторые наименования мебели и другие обозначения обиходных вещей. Таким образом, в поле зрения будут находиться: механизмы и приборы хозяйственные, машины хозяйственные, некоторые новые предметы обихода. В сфере внимания будут также товарные знаки для бытовых приборов и машин.

Ничего нет более унылого и привычного, чем бытовая лексика. Каждая этническая группа вырабатывает определенный жизненный стереотип, который обслуживают те или иные предметы обихода. Предметы быта приходят к нам из древности и, постоянно видоизменяясь сами, не изменяют, как правило, своего имени. Это несколько «поношенная» лексика (*утюг*, *плита*, *кастрюля*, *нож*, *стол*, *хлебница*), давным-давно утратившая свою выразительность. Менялись материалы, формы (сущности), но слова оставались. Известен закон языка: если сохраняется функция вещи — сохраняется имя (вспомним ставшее хрестоматийным *перо*; трудно представить себе нечто более

---

[52] «Почему, — резонно задает вопрос Шатуновский, — новую расцветку носков должен утверждать художественный совет, а для рассмотрения наименований рабочих профессий, с которыми люди проходят через десятилетия, никаких подобных советов не существует вовсе?» (*Шатуновский И.* Указ. соч.).

далекое, чем современная плита (газовая или электрическая) и дровяная плита XVIII—XIX вв.). Таким образом, в этой специальной сфере номинации на протяжении веков господствовал функциональный перенос, который явно превосходил количество неологизмов.

«Революция быта», характерная для нашего времени, появление совершенно новых, принципиально иных бытовых устройств (с использованием электричества, электроники, радио и компьютеров), изменение старых реалий — все это не могло не отразиться в языке. Доселе консервативная группа лексики стала видоизменяться на глазах — появляются новые вещи и машины и новые имена, обозначения их: изменяется активность отдельных моделей-образцов — и уже новые обозначения диктуют свои законы языку. Особенно наглядна новизна обозначений в сфере бытовой лексики на примерах актуальных в каждый исторический отрезок времени материалов, веществ (ср.: *вакса*, *гуталин* — крем для обуви), предметов (ср.: *гамаши*, *гетры* — гольфы). Характерен такой пример из книги сорокалетней давности: — Все были перепачканы краской и гуммиарабиком. Тюбики синдетикона источали липучие паутинные нити. . . — Ты такая красивая, Марфуша, — сказал ей Оська, — ты прямо как тетя на картинке: «Мойте голову пиксафоном» (Л.Кассиль, Швамбрания). Обратимся к материалу.

1. Языковые номинации — средство для актуальных наименований в языке. Предмет может быть назван по форме, цвету, размеру, устройству, функции и т. п. Для языка важна информативность номинации — то, что она сообщает о своем предмете. Естественно, что в каждом языке образуются свои способы обозначения определенных классов вещей и потому возникают особые структуры наименований для называния таких явлений. Наиболее информативные номинации — те, которые говорят о ф у н к ц и я х объекта номинации [1]. В сфере бытовой лексики большое количество обозначений как раз и построено для называния функций реалии (машины, механизма, прибора). Причем, как уже отмечалось выше, для слов этой группы лексики характерен функциональный перенос между старым и новым обозначением, ср.:

---

[1] См. об этом: Языковая номинация (Виды наименований). М., «Наука», 1977, с. 277.

бритва	электробритва
вафельница	электровафельница
вентилятор	электровентилятор
вытяжка	электровытяжка
грелка	электрогрелка
духовка	электродуховка
зажигалка	электрозажигалка
звонок	электрозвонок
камин	электрокамин
кофейник	электрокофейник
кофемолка	электрокофемолка
лампа	электролампа
мороженница	электромороженница
мясорубка	электромясорубка
ножницы	электроножницы
самовар	электросамовар
утюг	электроутюг
фильтр	электрофильтр
фритюрница	электрофритюрница
чайник	электрочайник
часы	электрочасы
щетка	электрощетка
щипцы	электрощипцы

Реалии, обозначаемые именами левой колонки, часто не имеют почти ничего общего с реалиями, обозначаемыми именами правой колонки, но старые слова остаются в языке и живут новой жизнью. Вообще, как кажется, в этой традиционной области наименований язык прежде всего обращается к старым словам, пытаясь их приспособить к быстро изменяющейся действительности, и, только если это невозможно, нащупывает иные пути. Современные *печь*, *печка*, *плита*, *плитка* не те, что раньше, но их имена остаются старыми (словоэлемент «электро» в приведенном выше списке — обязательная принадлежность номенклатурных обозначений и не обязательная — общего языка, чаще всего он элиминируется в речи, если два предмета не сосуществуют, как, например, такая вещь, как *бритва*: есть бритвы старого образца, механические (опасные и безопасные), есть электрические разных видов, и обычно их необходимо обозначить по-разному, дифференцировать в речи: — Я купил *бритву*. Неизбежен вопрос: — Какую? (если это не задано ситуацией). В домашней же ситуации это уточнение излишне. Обычный вопрос: —

Ты не видел моей *бритвы*? — ясен как для адресата речи, так и для говорящего.

Заканчивая список слов с функциональным переносом наименования, отметим еще несколько, в которых, на наш взгляд, особенно наглядно проявляется разность между старой и новой вещью: *электроодеяло*, *электроподушка*, *электрогрелка*, *электробинт*.

2. Другая группа словосочетаний с аналитическим прилагательным *электро* образуется не на основе старых слов, а именно формируется как словосочетание, где вторая часть может создаваться либо деривационным путем, либо путем заимствования:

а) электровоздухоочиститель
электроионатор
электроконвектор
электрообогреватель
электрополотер
электросоковыжималка
электросушитель
электроувлажнитель
электрошашлычница

б) электрогриль
электромиксер
электротаймер
электрофен

3. Большая группа слов, обозначающих бытовые реалии нового времени, образована деривационным путем: *вытяжка*, *кипятильник*, *мойка* (приспособление для мытья посуды), *нагреватель*, *обогреватель*, *пельменница*, *проигрыватель*, *рассеиватель* (света), *рассекатель* (пламени), *увлажнитель*, *удлинитель*, *усилитель*, *холодильник*, *шашлычница* и т. п.

4. Излюбленный способ образования слова среди лексем этой тематики — словосложение (основосложение). Это мотивированные обозначения, включающие в структуру наименования указание на функцию предмета или механизма. Если словосочетание нарушает лексическую регулярность, то словосложение дает слова-композиты с прозрачной внутренней формой и большим единообразием модели. Среди слов этой группы встречаем композиты узуальные (пылесос) и композиты-неологизмы с сильным «привкусом» окказиональности (тряпкодержатель, Арт. ВД-107-174 по ГОСТу). Однако и в тех и в других случаях несомненна тенденция к увеличению числа слов-композитов среди новых обозначений: *воздухоочиститель*, *дождеотливник* (стеклянный и др.), *картофелечистка*, *коврочист* (приставка к пылесосу), *кофемолка*, *овощерезка*,

полотенцедержатель (Арт. 3436-Р по ГОСТу), *полотер*, *пылесос* (и *пылесос-полотер*), *светорассеиватель*, *скороварка*, *соковарка*, *соковыжималка*, *тепловентилятор*, *хлеборезка*, *штородержатель* (кольцо), *яйцеварка*, *яйцерезка* и т. д.

5. Составные наименования — небольшая группа слов среди бытовых наименований. Но в последнее время этот способ номинации переживает период оживления — образуются некоторые лексические парадигмы, построенные как родо-видовые, именно по этому принципу:

М а ш и н а (род) — *стиральная машина* (вид)
вязальная машина
швейная машина (разг. *машинка*)
кухонная машина (универсальная).

Ср. также *кухонный набор*, *кухонный комбайн*, *ручной пылесос*, *ручная машина* (швейная), *магнитофонная приставка*, *аккумуляционные бигуди*, *секционные полки*, *настольный светильник* и некоторые другие.

Группа составных наименований резко возрастет, если причислить к ней слова с аналитическими прилагательными *электро*, *тепло*, *термо*, *радио*, *теле*, *магнито*, *стерео* (*электродуховка*, *теплоизоляция*, *термобигуди*, *радиоприемник*, *телеприставка*, *магниторадиола*, *стереорадиола*). Но термины этой группы имеют свою специфику, и целесообразнее их объединить в другую группу. Все названные выше словосочетания — атрибутивные. Другого типа наименования единичны: *радиола с цветомузыкой*, *электрочайник со свистком*.

Здесь, как кажется, будет уместно сделать одно отступление. Бытовая вещь (предмет, машина) прежде всего возникает как промышленное изделие. И естественно, что эта вещь прежде всего получает имя в процессе своего производства, возникает слово-термин. Затем вещь идет в торговлю и получает торговый ярлык (иногда он совпадает, полностью или частично, с промышленным наименованием — термином, иногда не совпадает с ним вовсе). Третий шаг — к потребителю, в «жизнь». И этот шаг самый непростой для наименования вещи: она может называться либо термином, либо торговым ярлыком или получить снова новое, на этот раз обиходно-бытовое наименование. Тут нельзя говорить о лексической группе в целом,

а надо говорить об истории и становлении каждого имени в отдельности — общих правил нет.

Однако очень немалая группа реалий (самых новых) еще не получила своих бытовых имен, и говорящие в речи либо сокращают длинное номенклатурное обозначение (исключая те или другие наименее информативные «участки» наименования по законам элиминирования словосочетания), либо пользуются «домашними» вариантами этих номинаций (см. об этом ниже), разного рода окказионализмами, ср.: надплитный бытовой электрофильтр «Славутич» (тип ВБ-3); прибор электрический ПСО-1 для сушки обуви; бытовой электроувлажнитель воздуха типа БЭУ-1; настольный светильник «Радуга» с металлическим колпаком, лампа переносная автомобильная и т. д.

6. В языке (не только русском) на разных этапах его развития идет сложная игра между словами мотивированными и словами немотивированными — с затемненной внутренней формой. О драматическом развитии этих отношений немало написано в лингвистической литературе. Отмечалось, что линия на увеличение мотивированных слов сменяется линией на увеличение немотивированных слов (общая линия, таким образом, волнообразная). Это явление связано с языковыми антиномиями. Рассматриваемая здесь группа лексики также подчиняется этой языковой закономерности. Немотивированные обозначения — это прежде всего иноязычные заимствования. Характерен такой пример. Известно, что «холодильная машина» была названа вначале *холодильным шкафом*, затем — *рефрижератором*. Позднее утвердилось и распространилось слово-дериват *холодильник*, а слово *рефрижератор* стало обозначать иную реалию — автомашину с холодильной установкой. Неустойчивость обозначения этой реалии еще в 30-е годы хорошо иллюстрируют примеры из рассказа И. Ильфа и Е. Петрова «Тоня», написанного в 1936 г.:«Тут была красивая белая газовая плита и электрический холодильный шкап» (описывается американский быт). И несколько ниже: «В рефрижераторе у нее совсем по-американски лежали три грейпфрута, яйца, бутылки с молоком. . .» [2]

Победа того или иного обозначения в языке в большой степени зависит от экстралингвистических факторов —

---

[2] *Ильф И., Петров Е.* Рассказы и фельетоны. М., 1938, с. 12, 15.

от «престижности» иноязычных заимствований в тот или иной период развития языка, от общественных настроений, моды, языковых авторитетов и т. д. Немаловажную роль для выбора языка — источника заимствования (в разные исторические периоды это был немецкий, французский, английский) играет само «происхождение» вещи. В последнее десятилетие, как уже неоднократно отмечалось лингвистами, наиболее «престижными» стали слова, заимствованные из английского языка. Бытовая лексика не является исключением — появляются *миксер*, *гриль*, *шейкер*, *таймер* (и даже *атташе-кейс*, *кейс*; *эр кондишен*); ср. более ранние: *аэрозоль*, *кондиционер*, *магнитофон*, *рефлектор*, *сифон*, *торшер*, *фен*. Все номинации-заимствования «держат форму» — ничего нет подобного старому бытовому обозначению *шумовка* (из нем. Schaumlöffel); традиция употребления сейчас в первую очередь письменная, а затем уже устная.

Язык охотно включает в свою номенклатуру и вводит в бытовой обиход слова с затемненной мотивацией, иногда лишь звучащие, как иностранные, по своему происхождению — искусственно образованные термины. Это особенно наглядно в различных наименованиях ткани, которые заимствуют химические термины: *кримплен*, *лавсан*, *мтилон*, *поролон* и т. п. Наименование химических волокон, новых химических соединений идет в быт с сильным «привкусом» химии в самом обозначении (это тоже «престижно»): *поливинилхлоридная пленка*, *полиэтиленовые мешки*, *фторопластовые банки*, *эпоксидная смола* (клей) и т. п.

7. Особая проблема, связанная с обозначением различных электробытовых приборов, — это проблема товарного знака, формирование и существование торговых этикеток. В последние годы эта проблема входит в общую проблематику промышленного дизайна. Цели и задачи торгового аппарата определенны: разрекламировать и продать. И для этих целей иногда важно дифференцировать разные обозначения, иногда же, напротив, объединить их.

Существуют, кроме того, государственные стандарты, мировые стандарты, европейские стандарты. В результате изделие получает такое имя: воздухоочистительный фильтр «Новинка»; электрорадиатор с декоративным покрытием; бытовая гладильная машина настольного исполнения; полотерно-поломоечная машина «Марс»

модели К4-10Х; передвижная пылеулавливающая установка ПВА-3; машина для ухода за полами «Юпитер» модель К4-101; электробритва с двумя круглыми ножами «Таир»; вакуумная подметально-пылесосная машина «Астра», модель КЦ-403А; электрофильтр надплиточный бытовой тип ВБ-2-42, модель «Утро» и т. д. Все это новинки бытовой техники. Примеры можно не множить, они общеизвестны. В общеупотребительном языке эти обозначения еще не получили узуального наименования. Очевидно, что это не языковое явление, не имя, а лишь номенклатурный ярлык, артикул, товарный знак. Им еще предстоит стать языковыми именами, а значит, и словами.

Но номенклатурные и торговые знаки не всегда стоят вне языка. Есть одна важная область, где они вынужденно попадают в речь и широко используются говорящими. Это тот случай, когда речь идет о разновидностях одной и той же вещи, о ее различных сортах и видах — нам нужно много названий! Как еще назвать конфеты, духи определенного сорта, если не по номенклатурным знакам-этикеткам? «Этикеточная лексика» все шире и шире входит в обиход. Существует множество разновидностей телевизоров, приемников, электробритв, стиральных машин, холодильников и т. д., и все они названы собственными именами. В качестве примеров приведем названия радиоприемников и радиол: «Альпинист», «Атмосфера-2», «Байкал», «Баку», «Беларусь», «Вега-321», «Весна», «Волга», «Волна», «Воронеж», «Восход», «Геолог-2», «Днипро-52», «Донец», «Дорожный», «Дружба», «Жигули», «Заря», «Звезда-54», «Ижевск», «Искра-52», «Казахстан», «Кама», «Комета», «Латвия», «Ленинград», «Ленинградец», «Лира», «Люкс. Россия», «Маяк-1», «Мелодия-64», «Меридиан-202», «Микро», «Мир», «Москвич», «Муромец», «Нева», «Огонек», «Океан-205», «Октава», «Октябрь», «Орион-301», «Пионер», «Рапсодия», «Рассвет», «Резонанс», «Рекорд», «Рига-104», «Рубин», «Салют», «Селга», «Серенада», «Сибирь»,«Турист», «Фестиваль», «Чайка» и т. д.; магнитофонов: «Айдам», «Астра», «Весна-3», «Вильма», «Дельфин», «Десна», «Днепр-14А», «Дон», «Комета», «Маг-59», «Мелодия», «Нота-М», «Орбита», «Репортер-5», «Романтик», «Соната-1», «Тембр», «Электрон», «Эльфа-10», «Яуза-5» и т. д. (явно прослеживается ориентация на молодежь); электробритв: «Ленинград», «Молодость», «Москва», «Нева-201», «Раница»,

«Старт», «Утро-1», «Харьков-23», «Чайка-2», «Электроника Б-2», «Юбилейная» и т. д.

Из этих списков торговых этикеток мы видим, как обычно строятся обозначения в этой сфере. Эти обозначения стихийны, но можно проследить, как они мотивируются:

а) по имени, наименованию, географическому положению завода-изготовителя: «Волга», «Воронеж», ВЭФ, «Жигули», ЗИЛ-Москва, «Ленинград» и т. п.;

б) именами с высокой положительной оценкой: «Комфорт», «Мечта», «Рекорд», «Чудо» (коммерческая установка);

в) использованием свойств и функций предмета (часто с гиперболой): фен «Локон»; пылесосы «Вихрь» (и мини-Вихрь), «Ракета», «Тайфун», «Ураган»; электрокамин «Уют»; бытовая печь «Жар-птица»; автомассажер «Тонус» и т. д.;

г) «романтическими», престижно-привлекательными именами, экзотизмами: электрощетка и электробритва «Мечта»; электрофильтр «Утро»; электроконвектор «Салют»; фены «Улыбка» и «Лилия»; пылесос «Рассвет»; вентилятор «Орбита»; электробритва «Спутник» (с переориентацией наименования); многочисленные «Аэлита», «Вега», «Луч», «Новинка», «Орбита», «Полет», «Салют», «Старт» и т. д.(и даже — как курьез — громкоговоритель «Лотос»). Понятно, что здесь большое поле деятельности для специалистов по культуре речи.

Характерно, что торговые этикетки знают свои «подъемы и падения». Есть времена засилья аббревиатур типа ВМП-1 (электровибрационный прибор для массажа), и есть времена засилья «романтизированных» имен (Аэлита, Лилия, Вега). В силу своей распространенности такой торговый символ иногда входит в обиходный язык и становится бытовым наименованием. Так случилось с одним типом комбинированного шкафа «Хельга» (немецкий фирменный знак). Сейчас *хельга* — обозначение любого шкафа такого типа. При появлении первых транзисторных приемников все виды их часто именовались по одному, наиболее известному — *спидола*. То же происходит с наименованием детской питательной смеси «Малыш» — эта этикетка нашла широкое распространение в речи. В некоторых семьях стиральную машину называют только «*Эврикой*» (по торговому знаку). Но здесь мы переходим к другому вопросу — о соотношении разговорных

вариантов номинаций с их кодифицированными вариантами.

В настоящем разделе не дается истории развития соответствующих наименований. Хотелось лишь показать, какие типы номинации господствуют в этой сфере, как язык находит разнообразные обозначения для новых реалий. Материал раздела, как нам кажется, хорошо иллюстрирует ту мысль, что лексическая семантика автономна также и в отношении к самим реалиям и соответствующим им понятиям. «Важной спецификой языкового плана терминологии является преимущественное отражение последнею не современного ей состояния, а предшествующего. Эта как бы постоянная недостаточность терминологии, отстающей от реально-технического прогресса, представляет собой архаизирующую сущность любой традиционной терминологии. Язык имеет тенденцию прийти в соответствие с материальным прогрессом, но, во-первых, это соответствие осуществляется с неизбежным опозданием, а, во-вторых, сам способ достижения этого соответствия обычно выдает себя» [3]. Совершенствование технологии и научно-технический прогресс лишь высветляют эту языковую тенденцию.

8. Рассматриваемая группа лексики обозначает реальные предметы материального мира. Знаковое значение слов этой группы носит чисто денотативный характер; бытовая лексика — это слова-денотативы, имена-обозначения в системе номинации. Этот тип номинативной группы определил и его ономасиологический статус — те признаки, которые избираются при наименовании. Наши денотативы обозначают орудия, инструменты, машины. Способ мотивации обозначаемого непосредственно связан со способом словообразования данного обозначающего, так как формирование внутренней формы наименования не может быть процессом случайным. Поэтому выбор определенного словообразовательного приема при наименовании в каждом конкретном случае очень важен. Принято считать, что мотивирующей единицей при создании нового наименования являются отдельные элементы суждения о свойствах и особенностях предмета [4].

---

[3] *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 9.

[4] См. об этом: Языковая номинация (Общие вопросы). М., «Наука», 1977.

Мотивация дает представление о сущности предмета — его функции. Именно поэтому среди названных выше способов образования наименования большую роль играет словосложение. Ономасиологическая сущность словосложения — в идентификации нового предмета, процесса и т. п. по частному, конкретизирующему признаку [5]. Ему свойственна словообразовательная выразительность, и не случайно среди слов-дериватов много сложных слов (*пылесос*, *соковыжималка*). Схема прочтения термина-композита проста и предсказывает содержательную интерпретацию модели. Среди производных слов этой группы преобладают такие, которые своим морфемно-деривационным значением также указывают на функцию предмета (*холодильник*).

Отсутствие тех или других словообразовательных типов в данной группе специализированной номенклатурной лексики также не случайно. Так, отсутствует префиксация, нет безаффиксного словообразования. В русском языке эти словообразовательные типы несут определенную ономасиологическую нагрузку: префиксы (в классе имен существительных) не столько классифицируют, сколько уточняют исходный знак (Е. С. Кубрякова), безаффиксное же словообразование связано не столько с денотацией, сколько с сигнификацией плана содержания. Бытовая же «орудийная» лексика — это словесный знак инструментов и механизмов, она бедна понятийным содержанием, чисто денотативна. Таким образом, морфемно-деривационное значение номинации может быть объяснимо ономасиологическим его статусом. С другой стороны, словосложение связано с семантической компрессией высказывания, что немаловажно при образовании любых терминов.

9. Наименования в сфере бытовой лексики не всегда выступают в одной и той же форме. Они варьируются в зависимости от сферы употребления и социальной ситуации.

Многие деривативы имеют свой круг вариантов, которые включаются в зависимости от речевой ситуации. Варианты эти весьма различны — от имплицитных обозначений разного рода до субститутов — номинаций с широкой понятийной основой (*штука*, *вещь*, *машина*). Наблюдаются замещения гиперонимов гипонимами (и на-

[5] Языковая номинация (Виды наименований), с. 286.

оборот) как чередование нейтральных /экспрессивных обозначений и обозначений общеупотребительных/окказиональных.

В разговорной и профессиональной речи возможно и такое словоупотребление, которое имеет характер семантической гиперонимии: — Не тупи *инструмент* (о конкретном инструменте); Летчик говорит: — Мне дали новую *машину* (о самолете). Точно так же во многих ситуациях швейную машину называют *машинкой*, стиральную машину — *машиной*.

Лексика повседневного обихода, имея свою словообразовательную доминанту и свой номинативный статус, тем не менее свободно сосуществует с наименованиями иного рода, пришедшими из специальных сфер (номенклатурные знаки). Эти разные номинативные типы (ср. *испаритель* — термин из инструкции по эксплуатации холодильника и разг. *морозилка*) из разных функциональных сфер языка начинают не только сосуществовать, но и взаимодействовать, и бытовая лексика выступает в современном русском языке именно как поле, где это взаимодействие протекает наиболее активно.

ЛЕКСИКА ГОРОДА

(К постановке проблемы)

Термином «лексика города» назовем существующий в употреблении жителей одного города круг номинативных единиц, связанных со спецификой городского устройства и быта. Наличие общих и характерных черт в социальной, экономической, демографической, бытовой организации современных городов позволяет выделить ряды объектов, подлежащих номинации в каждом городе и потому поддающихся сопоставлению и с лингвистической точки зрения. Методика выявления территориальных различий в этой области может быть в определенной мере заимствована из диалектной лингвогеографии. Различия в наименованиях также могут быть разделены на противопоставленные и непротивопоставленные [1]. Хотя уровень стандартизации объектов называния в городских условиях несравненно выше, чем в условиях бытования сельских

[1] См.: Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962 (см. гл. 1 и гл. 2, разд. «Лексические диалектные различия»).

диалектов, различия в материальной и духовной культуре и природных условиях также могут сказываться на несовпадении или неполном совпадении объектов называния. Непротивопоставленность различий может быть обусловлена и другими причинами. Например, много непротивопоставленных единиц можно ожидать в обозначениях, связанных с природными условиями, ландшафтом местности, где расположен город. Так, в Новокузнецке, в районах, находящихся на холмах, разные уровни высоты называются *площадками*; в Каменец-Подольском часть города, выделенная петлей реки, — *форштадт*.

Различия могут по-разному обнаруживаться внутри разных функциональных сфер языка города. Прежде всего мы имеем в виду сферы официальной и разговорно-бытовой номинации (с их внутренней дифференциацией) [2]. Отсутствие наименования объекта в одной сфере может восполняться его наличием в другой. Это деление касается также способов и характера называния (в частности, оно проявляется в степени устойчивости и вариативности номинации).

В области официальной номинации особое место принадлежит урбанонимии, т. е. названиям основных внутригородских объектов. Из основных типов урбанонимов в старом и новом русском городе, перечисленных Н. В. Подольской, к современному городу могут быть отнесены названия: «мостов, площадей, торговых рядов, улиц, переулков, проездов, парков, кладбищ, памятников, знаменитых чем-либо домов, дворцов, каналов, стадионов». Заключая свой список, автор говорит: «Словом, сооружения человеческого разума и рук самого разнообразного назначения» [3].

Перед ономастами встала задача определить место урбанонимов в системе называния. По мнению Подольской, эта группа наименований имеет существенные особенности, не позволяющие безоговорочно включить ее в разряд микротопонимов. Это область, на которую распространяется политика сознательного наименования и переименования (преимущественно с помощью имен собственных; в микротопонимах обнаруживается явное коле-

---

[2] См. об этом: Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.

[3] *Подольская Н. В.* Урбанонимия центральных областей РСФСР. — Вопр. географии, 1974, № 94, с. 124; ср. также: *Поспелов Е. М.* Урбанизация и топонимика. — В кн.: Теория и практика топонимических исследований. М., 1975.

бание между «собственностью» и «нарицательностью»). Как в старом, так и в новом городе существуют определенные стандартные способы создания урбанонимов.

Для последнего времени характерно широкое действие стандартов называния, особенно улиц, площадей, дорог. Требуют исследования ареальные границы урбанистических стандартов, например распространение и соотношение наименований: улица—проспект—шоссе; шоссе—дорога—тракт (известно, что последнее слово принадлежит сибирскому ареалу). Среди веяний нового времени в урбанонимии отмечают появление некоторых новых типов мотивации (название улиц по цветам — Сиреневая, Жасминная), а также распространение ансамблевости наименований: группа улиц одной территории получает названия в одном тематическом ключе (герои войны 1812 г., писатели и т. д.). Таким образом, термин «урбаноним» отнесен к той части городской номинации, которая ближе всего стоит к топонимике.

Характерную группу урбанизмов составляют также «слова на вывесках». Это названия учреждений, заводов, фабрик, научно-исследовательских и учебных институтов, театров, кинотеатров, библиотек, ресторанов, кафе, столовых, мастерских и разного рода предприятий бытового обслуживания населения (парикмахерские, химчистки, дома быта и т. п.). Их строение может отвечать продуктивным способам и моделям номинации или нести в себе отклонения от стандартных образцов. Можно указать, например, на продуктивность аббревиатурного называния учреждений и институтов [4]; распространение словосочетаний со словами *дом* (Дом быта, Дом моделей, Дом обоев, Дом обуви, Дом фарфора, Дом железнодорожников) и *салон* (салон красоты, художественный салон) в названиях предприятий бытового и культурного обслуживания населения. Период становления проходит новая модель именования специализированных магазинов одежды собственным женским или мужским именем [5]. В этой сфере номи-

---

[4] Ср. указание на необычность предметного наименования — Институт «Микроб» в статье: *Янко-Триницкая Н. А.* Собственные напменования предметов. — РЯШ, 1977, № 6.

[5] См.: *Букчина Б. З., Золотова Г. А.* Слово на вывеске. — Рус.речь, 1968, № 3; *Морозова М. Н.* Названия культурно-бытовых учреждений. — Рус. речь, 1973, № 6; *Михайловская Н. М.* Три аспекта проблемы названий. — В кн.: Ономастика Поволжья, ч. 2. Горький, 1971.

нации также есть ареальные различия, идет борьба стандартизации и индивидуализации.

В качестве примеров территориальной дифференциации приведем названия специализированных кафе. Каждому приезжающему в Ленинград, несомненно, бросится в глаза регулярность названий типа *блинная* (отыменные образования по адъективному типу склонения жен. рода), ср.: *блинная*, *пельменная*, *сосисочная*, *пирожковая*, *кофейная*, *коктейльная*, *рюмочная*. В Москве эта модель не реализуется с той же регулярностью. В Новокузнецке этот тип отсутствует совсем — на вывесках стоит: «*Пельмени. Блины*» или «*Вареники. Блины*». В Харькове же есть и «*Вареничная*».

Индивидуализация может возникать и за счет нестандартной регулярности. По всей стране сейчас можно встретить *универмаги* и *универсамы*. В Новокузнецке этот ряд продолжает новообразование *Универбыт* (в соответствии с *Домом быта* в других городах).

Область городских наименований магазинов, служб быта, транспорта, а также площадей, улиц и кварталов в большей степени, чем другие, связана с местными традициями словоупотребления. Здесь сильнее воздействие привычного. Новые обозначения не сразу и не всегда воспринимаются говорящими, часто в разговорной речи сохраняются старые наименования. Всем известны случаи употребления в речи старых названий улиц, переулков, площадей (особенно в речи старшего поколения). Новые наименования подвергаются стяжению по привычному образцу (ср.: *Басманка*, *Склифосовка* — названия московских больниц или бытующие в речи ленинградцев названия театров — *Александринка*, *Мариинка*). Интересна появившаяся в Москве новая традиция использовать старые названия улиц в качестве названий кафе, ср.: *Маросейка*, *Остоженка* и др. Это — обратное воздействие разговорной номинации на официальную.

Универбации и стяжениям разного рода подвергаются в разговорной речи названия заводов, фабрик, учреждений, театров, институтов. Кукольный театр в Москве называют *театром Образцова*, драматический театр им. Вахтангова — *вахтанговским* и т. д. Известно, что Библиотека им. Ленина зовется москвичами *Ленинкой*, Публичная библиотека в Ленинграде — *публичкой*, научная библиотека в Саратове — *научкой*. Разговорные стяжения охватывают названия заводов, фабрик, учре-

ждений и производные от этих наименований: в Москве Шарикоподшипниковый завод зовется *Шариком* («работаю на Шарике»); завод с индексом почтового ящика — *ящиком*; в Ногинске хлопчатобумажные фабрики — *хэбэшки*; рабочие Кузнецкого металлургического комбината (КМК) именуются *КМКовцами*; студенты Сибирского металлургического института — *СМИЧИ*; студенты Высшего технического училища им. Баумана в Москве — *бауманцами*; студенты Московского института иностранных языков им. Мориса Тореза — *ин-язовцами*. Следует обратить внимание и на то, от какого наименования образуются производные: от полного с помощью редукции его при формировании производящей основы (интересно заметить, что редуцируется и что сохраняется), от разговорного стяженного (*бауманцы* возможно от разговорного «учусь в *Бауманском*»), от аббревиатуры. Ср. еще следующие московские обозначения: *зиловцы* (ЗИЛ, автомобильный завод им. Лихачева), *ильичевцы* (завод им. Ильича), *трехгорцы* (текстильная фабрика «Трехгорная мануфактура») [6].

Итак, наши предварительные наблюдения над материалом позволяют отметить два возможных типа соотношений: разговорный вариант ориентирован на официальное наименование, трансформирует его либо не ориентирован на него по форме, использует иную форму.

По-разному обозначает непринужденная речь горожан главную улицу города (*бродвей* в молодежном жаргоне), парки культуры, танцевальные площадки. Есть традиция именования танцплощадки *пятачком*; в некоторых северных городах их называют в непринужденной речи *сковородками*. В последнее время появилось заимствованное обозначение *дискотека* для танцевального зала, ср.: «Несколько лет назад появлялись в газетах проекты танцевальных залов (их называли „дансингами“, „домами вальса“ и т. д.), ну, название-то придумается. . . Нужда в „домах танца“ усилилась» (Комс. правда, 1967, 16 февр.).

Разговорные наименования более разнообразны, индивидуальны, чем кодифицированные, и во многом противо-

---

[6] См. также: *Ткачук В. И.* Структурные типы новых собственных названий в русском языке советской эпохи. — В кн.: Исследования по русскому языку и методике его преподавания. Днепропетровск, 1972; *Он же.* К вопросу о развитии системы собственных имен в русском языке в советские годы. — В кн.: Некоторые вопросы современной исторической науки и филологии. Днепропетровск, 1972.

стоят официальному стандарту. Это особенно ясно прослеживается в группе наименований, обозначающих различные магазины [7]. По-видимому, важна местная традиция, привычка в наименованиях разного рода магазинов. Везде ли сохранилось обозначение *лавка* (хотя бы в составе номинации *домовая лавка*, *овощная лавка*)? Употребительно ли слово *ларек* и как оно соотносится со словом *киоск* (ср. *газетный киоск*, *рыночный ларек*, *папиросный ларек*)? Существует ли в данном городе продажа с лотка и какое она получает наименование? Очевидно, что и в этой области мы будем иметь дело с различиями двух типов: первые связаны с официальными наименованиями магазинов, другие — с местными разговорными вариантами этих наименований.

В Москве продуктовые специализированные магазины именуются, так сказать, по номенклатуре: *Мясо*; *Молоко*; *Овощи*; *Колбасы*; *Сыр*; *Рыба*. В разговорной речи москвичей они называются *мясной* (субстантиват), *молочный*, *овощной*, *колбасный*, *рыбный*. Возможный и не редкий вариант — *колбасы*, *сыры* [8]. В речи москвичей не отмечено обозначение *зеленная*, которое встретилось нам в речи старых петербуржцев. Жители разных микрорайонов Москвы постоянно сталкиваются с необходимостью дифференцировать названия магазинов, которые выполняют одни и те же функции (продовольственные, гастрономы) и расположены вблизи друг от друга, часто на одной и той же улице. Тогда эти магазины получают обиходно-бытовые локальные обозначения — *большой*, *стеклянный*, *железнодорожный* (вблизи ж.-д. платформы), *угловой*, *в переулке*, *подвальный* и т. д. В Москве на Метростроевской улице старожилы называют один магазин «*Три ступеньки*», другой — «*Три поросенка*» (когда-то на этом мясном магазине висела вывеска с тремя поросятами) [9].

По-видимому, найдем различия и в обозначениях разного рода мастерских, ремонтных служб и проч. В Москве: *химчистка*, *ремонт часов*, *ремонт обуви*, *прачечная*, *фабрика-прачечная* и т. д. В обиходной речи москвичей пра-

---

[7] См. о названиях магазинов: *Морозова М. Н.* Указ. соч.; *Михайловская Н. Г.* Указ. соч.

[8] См. об этом: *Букчина Б. З.*, *Золотова Г. А.* Указ. соч.

[9] В указанной статье Н. А. Янко-Триницкой отмечалось, что и официальная традиция стремится освободиться в последние годы от индексовых и цифровых обозначений. По мнению автора, это — проявление стремления к экономности и эстетичности названий.

чечные самообслуживания нередко называются *американками*, мастерские по ремонту обуви — *сапожными мастерскими*.

Характерны местные наименования сооружений, домов, квартир. В Москве мы называем *секцией* дома несколько подъездов, объединенных архитектурно, в Ленинграде и некоторых других городах *секция* — однокомнатная квартира; ленинградским названиям *парадное*, *панель* соответствуют московские *подъезд*, *тротуар*. Дома, чем-либо выделяющиеся, могут получить экспрессивные имена. В Томске школьники называют длинный дом — *колбаса*, в Москве такой дом называют *лежачим небоскребом*, в Набережных Челнах длинный, многосекционный дом известен как *Китайская стена*. Для многих городов характерна модель *-этажка*: *семиэтажка*, *пятиэтажка*, *трехэтажка* и т. п.

Особое место в кругу городских наименований занимают разного рода транспортные обозначения (железная дорога, трамвай, троллейбус, автобус, метро). Уже в наименованиях номеров маршрутов находим отступления от стандарта: в Харькове говорят о *марке* трамвая, в Москве называют номера маршрутов — *первый*, *пятый*, *третий*, в Ленинграде — *единица*, *тройка*, *пятерка*. В интересной книге Л. В. Успенского «Записки старого петербуржца» (Л., 1970) встречаются только обозначения типа *двойка*, *тройка*, *пятерка*: «Верная *десятка* везла нас по Литейному»; «По Обводному ходила *шестерка*» (здесь же упомянута «московская прославленная *Аннушка*»). Укажем также саратовское обозначение номера поезда на железной дороге — *девятка*.

Территориально варьируются названия: *книжечки* (абонементные) (Москва) — *талоны* (Ленинград) — *абонемент* (Новокузнецк); *проездной* (билет) (Москва) — *карточка* (Ленинград) — *постоянный* (Харьков). Мы слышали, как конечную остановку трамвая называли в Москве *кругом* и *кольцом*, в Ленинграде — *петлей*, в Ярославле — *кольцом*.

Небезразличны к местным традициям и наименования товаров широкого потребления. Известно противопоставление *хлеб — булка* в Ленинграде, соответствующее московскому *черный хлеб — белый хлеб*, ср. в диалоге: Я стараюсь *хлеба* поменьше есть, чтобы не толстеть (москвичка); *Хлеб* не страшно, вот *булки* надо поменьше (ленинградка). По-видимому, возможны и иные соотноше-

ния. В Томске, Новокузнецке, например, зафиксировано *булка хлеба* (невозможное в речи москвичей): Съели два батона и *полбулки* черного.

Имеются локальные расхождения в названии разного рода обиходных вещей и предметов:

Ленинград	Москва
очаг (устар.)	детский сад
вставочка (устар. реалия)	ручка
бобочка	тенниска
водогрей	колонка

В Ленинграде мы встретили переименование сушилки для посуды — *хозяйка-лентяйка*. Ср. также: *плечики* (Москва) — *тремпель* (Харьков); *молния* (застежка; Москва) — *змейка* (Харьков); *поднос* (Москва) — *разнос* (южное) и т. д.

Представляют интерес также все наименования модных товаров — видов обуви, одежды и т. д. Задача лингвиста — быть хроникером города. Время появления нового обозначения окрашивает его в свои цвета, и несмотря на «быстротекучесть» таких лексем, они отражают языковые вкусы и привычки «момента». Эти наименования часто живут лишь в обиходной речи и не успевают подвергнуться регламентации: на смену им уже идут новые (ср.: *танкетки*, *шпильки*, *платформы*, *сабо* в наименованиях модной женской обуви, *дубленка*, *батник* — в наименованиях одежды).

Престижность, «респектабельность» наименования часто связаны с престижностью самой реалии. Вещи модной в данный период обоймы, по-видимому, будут называться всюду одинаково: модное имя уже само по себе элемент престижного. Что за новизна в предмете, если его назвать традиционно чемоданчиком, а не *атташе-кейсом*? В этикетках модных вещей последних лет преобладают слова-заимствования (впрочем, так было, вероятно, всегда: «Но панталоны, фрак, жилет. Всех этих слов по-русски нет. . .») — *джерси*, *блейзер*, *джинсы*. Другая ветвь — метафорические образования: *водолазка* (свитер), *платформы* (туфли на очень толстой подошве), *лапша* (модная вязка кофточек длинными полосами и сами вещи, связанные этим способом), *битловка* (рубашка, «как у битлов»), *недельки* (семь колец или семь браслетов, которые соединены последовательно), *кенгурушка* (модная куртка с боль-

шим карманом; ср. номенклатурное: карман типа «кенгуру»).

Разговорные замены номенклатурных обозначений тяготеют к метафоре, образу; часто они включают в свою структуру ассоциации по форме предмета, иногда же это шутливые наименования в форме афоризма: *сороконожка* — кофточка с большим количеством мелких пуговиц, *«ни шагу назад»* — другое название *сабо* и т. п. Ср. из другой области: привычное в Москве наименование мелкого бассейна для начинающих — *лягушатник*.

Разговорные трансформации стандартных городских наименований могут быть локализованы и иметь повсеместное распространение. И здесь важно отметить, какие реалии получают много разных имен, а какие называются однотипно (даже в самых неожиданных формах). По-видимому, предметы «модной обоймы» получают как раз меньше всего местных вариантов. Ср., однако, употребление слова *роллингстон* (тбилисское название «водолазки» по имени модной группы исполнителей). Каковы способы замены и трансформации? Дом одной и той же архитектуры называют в Москве *башней*, в Ленинграде — *точечным домом*, в Новокузнецке — *двенадцатиэтажкой*. Вариантность идет по разным линиям, в одних случаях это метафорическое обозначение, в других — универбация номенклатурного имени, в третьих — создание словосочетания.

Важнейшим методическим условием сопоставления должна быть точность социальной, профессиональной и возрастной паспортизации фактов. Как и диалектолог, лингвист, изучающий городскую лексику, сначала стремится выявить, зафиксировать специфическую лексику. Однако следующий шаг более труден: необходимо ограничить сферу этой лексики и среду ее употребления. В качестве иллюстрации назовем несколько слов, явно уходящих, которые нам удалось услышать в Ленинграде 60—70-х годов: Тут налетят *драгоманы*; Вот позакрывали все *лабазные* отделы. Слово *драгоманы* ‘переводчики’ естественно прозвучало в речи девяностолетнего петербуржца. *«Лабазные* отделы — бакалейные отделы», — произнесла коренная ленинградка 55 лет. Нам сообщили, что в речи старых профессоров Ленинграда можно встретить слово *матрикул*. Такое словоупотребление не отмечено нами в Москве. Но очень существенно также и то, что эти слова не известны и ленинградской молодежи. Это — характер-

ная петербургско-ленинградская лексика старшего поколения. Только старшие ленинградцы вспоминают и употребляют прилагательное *ингерманландский*. Это слово мы услышали у старого рабочего Кировского завода и встретили в книге Л. В. Успенского «Записки старого петербуржца». Таким образом, исследуя городскую лексику, мы должны отмечать ее локальные, возрастные, социальные характеристики. Все эти экстралингвистические характеристики городских наименований совершенно необходимы (яркой окраской обладают лексемы, присущие молодежной речи, но молодежный жаргон, как известно, имеет тенденцию к замыканию не только в границах города, но и в более узких рамках — в одном вузе, школе, молодежном кружке). «Речь города» в широком понимании включает все социальные аспекты изучения языка, однако мы будем делать основной акцент именно на территориальных различиях и объединениях.

Как история города отражена в городских наименованиях? Более или менее ясно, что старая лексика остается для наименований исторических реалий (если в городе есть кремль, то он только так и называется). Но как история города преломляется в современных бытовых, повседневных обозначениях? В Томске хозяйки ходят в магазин «Колокольчик», который стоит на Московском тракте. Этого слова нет на вывеске, это — обиходно-разговорное наименование. За этим названием стоит сибирская история: когда-то на месте магазина был постоялый двор, здесь меняли лошадей, под дугой которых звенел колокольчик. Подобные наименования можно встретить, по-видимому, почти в каждом городе.

«Другие обществоведческие дисциплины давно уже сделали город одним из основных своих объектов исследования. У историков, социологов, экономистов есть богатая традиция о происхождении, эволюции и значении города. В лингвистике надо еще обосновать законность этой темы, доказать необходимость и важность включения такого нового материала, а для упорных староверов, пожалуй, даже еще показать наличие нового объекта языковедения. Оставшись на пути изучения города едва не последними из обществоведов, лингвисты должны использовать их опыт в самой планировке работ по этому новому вопросу. Это ближайшая, но очень трудная и ответственная задача.

Прежде чем будет составлен реальный план, должны быть произведены разведочные работы с неминуемыми ошибками и неудачами. Необходимо далее отсеять из существующих, в общем малоудовлетворительных описаний жаргонов все поучительное для техники работы (например, для составления наших лингвистических анкет).

Наконец, предстоит выяснить основные понятия и установить термины для языка города и его структуры»[10].

Представляется очень важным вопрос о методике изучения лексики города. По нашему мнению, в этой работе должны быть соединены усилия многих лингвистов-горожан. Подобную работу могли бы организовать вузы с их научными и студенческими коллективами. Здесь могла бы помочь анкета, в которой были бы упомянуты основные объекты, намечены типы противопоставленных и непротивопоставленных явлений, объявлен поиск в сфере новой и старой лексики. При анкетировании действительно может быть использован уже существующий опыт, особенно в той части, которая должна характеризовать носителя лексики с социальной точки зрения. Может быть использован и опыт составления серии вопросников по современному русскому языку, разработанных в секторе современного русского литературного языка АН СССР под руководством М. В. Панова[11]. В определенной мере могут быть повторены приемы составления вопросников для «Общеславянского лингвистического атласа» и другие приемы диалектологической работы. В содержательной, опросной части нужно обозначить основную тематику, объекты номинации, например магазин, транспорт, кинотеатр, дома и улицы, обиходные товары. Но в анализ могут быть включены и вопросы об отдельных лексемах, например: Распространено ли слово *креманки*? Что оно значит? Кто употребляет его? В Ленинграде мы встретили в кафе объявление: «Просим *креманки* ставить на этот стол». Речь шла о металлических вазочках для мороженого. Пожилая ленинградка подтвердила, что в их семье это слово употреблялось для обозначения вазочек.

В анкете нужно поставить и вопрос о регулярности заполнения тех или иных словообразовательных моделей

---

[10] *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении языка города. — В кн.: Русская речь. Новая серия, вып. 3. Л., 1928, с. 62.

[11] См., например: Вопросник по современному русскому языку. Лексика. М., 1964.

(полезной была бы и статистическая обработка данных). К частным проблемам, заслуживающим особого внимания в связи с современными тенденциями развития способов номинации городских объектов, следует отнести проблему «имя собственное — имя нарицательное». В современном языке происходит расширение круга объектов, способных получить индивидуальное имя собственное, и все более широкий круг нарицательных имен начинает использоваться в функции собственного наименования [12].

Особого внимания требует фиксация устной речи. Записи устной речи в ее непосредственном протекании могут сочетаться с направленными беседами исследователей, а также с ответами на более или менее прямые вопросы. Изучение разговорной лексики с точки зрения ее варьирования в территориальном отношении, очевидно, сомкнется с проблемой взаимодействия литературной и диалектной лексики.

Дифференцированного подхода требует и индивидуальная лексика, зафиксированная у одного носителя или небольшой группы лиц. Она может свидетельствовать о каких-либо чертах языковой жизни данного города и поэтому должна быть также учтена. Но поскольку описывается языковой облик города в целом, а не отдельных лиц, такой материал должен быть расчленен и разобран. Дополнительным источником могут служить также мемуары и воспоминания. Назовем в качестве примеров уже упоминавшуюся книгу Л. В. Успенского и книгу В. Гиляровского «Москва и москвичи». Они отразили старую лексику конца XIX — нач. XX в. и часто дают письменное подтверждение известным фактам словоупотребления. Приведем отрывок из книги В. Гиляровского: «Разговор этот происходил на империале вагона конки, тащившего нас из Петровского парка к Страстному монастырю. Сосед мой в свеженькой коламенковой паре, калабрийской шляпе и шотландском шарфике, завязанном „неглиже с отвагой“, был человек с легкой проседью на висках и с бритым

---

[12] Ср.: *Янко-Триницкая Н. А.* Указ. соч.; *Копорский С. А.* О лексико-семантических особенностях наименований (названий кинотеатров). — В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969; *Ткачук В. И.* К вопросу о мотивировке новых собственных названий. — В кн.: Исследования по русскому языку. Днепропетровск, 1973; *Ткачук В. И., Ильенко В. В.* Переход нарицательных слов в имена собственные в русском языке советской эпохи. — В кн.: Питання філології. Дніпропетровськ, 1972.

актерским лицом». Особый интерес представляют различия в словоупотреблении москвича и петербуржца. Например, как мы отметили выше, чисто ленинградским является употребление Л. В. Успенским слова «петля» в значении конечной поворотной точки трамвайного маршрута.

Обобщение всех этих материалов позволит воссоздать более точный лингвистический облик обеих столиц, подтвердить или опровергнуть легендарные представления о различиях, часто существенных, в атмосфере, в том числе и речевой, этих городов.

Итак, лексика города сложна по своему составу. В нее входят официальные и разговорно-бытовые наименования. Часть объектов имеет только одно обозначение, другая — вариативные обозначения, распределенные по разным языковым сферам, социальным и возрастным группам. Таким образом, задача внешних сопоставлений (межгородских) осложняется задачей изучения вариантов в области номинации внутри города.

В сфере официальной номинации особенно актуален вопрос о соотношении стандарта и антистандарта. От культурных традиций города во многом зависит то, как складывается эта борьба, сохранится ли необщее выражение лица многих наших городов. Победа той или иной тенденции предопределяется установками, принятыми в соответствующих городских комиссиях, позицией городской печати, активностью городской общественности. Чрезвычайно важна для города, хотя не замкнута в его границах, проблема отношения «официальная номенклатура — бытовая номинация». В наше время давление официальной номенклатуры на разговорную речь столь велико, что меры и формы сопротивления этому давлению — проблема не только культуры речи, но и культуры в широком смысле слова. Таким образом, в этой области исследовательская деятельность лингвиста смыкается с решением серьезных культурно-речевых задач.

В заключение повторим, что при изучении территориального варьирования русского литературного языка нужно обратить внимание и на лексику города, которой также свойственны территориальные различия. Сопоставительному анализу могут быть подвергнуты не только соотносительные номинативные единицы, но и продуктивные модели номинации.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАС — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1948—1965.

БСЭ$_2$ — Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд., т. 1—51. М., 1950—1958.

Грамматика 1952—1954 — Грамматика русского языка, т. 1—2. М., 1952—1954.

Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика 1980 — Русская грамматика, т. 1—2. М., 1980.

НСЗ-71 — Новые слова и значения (Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов). М., 1971.

ОЖ$_9$ — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.

Орфограф. словарь — Орфографический словарь русского языка. 5-е изд. М., 1963.

Рус. лит. произнош. и удар. — Русское литературное произношение и ударение (Словарь-справочник). М., 1959.

Слов. Акад. 1789 — Словарь Академии Российской, ч. 1. А—Г. СПб., 1789.

Словарь Даля — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка.

Словарь трудностей — *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь трудностей русского языка. М., 1976.

Слов. Уш. — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4. М., 1935—1940.

Трудности словоупотребления — Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка (Словарь-справочник). Л., 1974.

www.ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ВВЕДЕНИЕ (*Д. Н. Шмелев*) 3

ЧАСТЬ I

Технические возможности русского языка в области предметной номинации (*А. Ф. Журавлев*) 45

Вторичная номинация в семантической структуре многозначных производных слов (*О. П. Ермакова*) 109

Ударение и его роль в номинации (*В. Л. Воронцова*) 123

Инвентарь морфем (*Е. В. Красильникова*) 133

ЧАСТЬ II

Номинация в сфере автолексики (*Е. И. Голанова*) 159

Новая космическая лексика (*Е. В. Красильникова*) 228

Наименования лиц по профессии (*В. Л. Воронцова*) 254

Лексика повседневного обихода (наименования электробытовых приборов и машин) (*Л. А. Капанадзе*) 271

Лексика города (К постановке проблемы) (*Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова*) 282

Принятые сокращения 295

www.ruslang.ru

1 р. 90 к.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ.
Фонетика. Морфология. Лексика. Жест.
20 л. 2 р. 50 к.

Монография посвящена малоизученной области языка — разговорной речи. Работа органически связана с книгой «Русская разговорная речь» (М., Наука, 1973) и является ее прямым продолжением. Монография включает следующие разделы: Суперсегментная фонетика. Морфология. Лексическая семантика. Языковая игра. Жест.
Для лингвистов разного профиля.

РУССКИЙ ЯЗЫК.
Текст как целое и компоненты текста.
(Виноградовские чтения XI).
10 л. 1 р.

Статьи сборника построены на материалах докладов, прочитанных на «Виноградовских чтениях» в Институте русского языка в 1980—1981 гг. В них освещаются общие закономерности строения текста и его членения, проблемы взаимоотношения слова и текста, функционирование слова в контексте.
Для лексикографов, литературоведов, преподавателей русского языка и литературы.